

Александр ШИРОКОРАД

Бояре Романовы в Великой смуте

Каким было Смутное время
не в легендах, а в реальности

Annotation

Смутное время.

Один из самых трагических, своеобразных и интересных периодов истории нашей страны. Время, о котором ходит множество легенд и мифов.

Но каким было Смутное время не в легендах, а в реальности?

Что на самом деле происходило в России в начале XVII столетия?

Кто стоял у истоков Смуты?

Кто пытался ею воспользоваться – и кто в этом преуспел?

И наконец, как удалось боярскому клану Романовых, ранее не игравшему особой роли в истории, на изломе Смутного времени основать новую правящую династию?

-
- [Александр Широкопад. Бояре Романовы в великой Смуте](#)
 -
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11 «Частные армии» идут на Русь](#)
 - [Глава 12 Гибель династии Годуновых](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15 Новые самозванцы](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)

- [Заключение](#)
- [Список использованной литературы](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)

- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

Александр Широкоград. Бояре Романовы в великой Смуте

Глава 1

Брачные хлопоты князя Симеона Гордого

В декабре 1346 г. из Москвы в Тверь за невестой московского князя Симеона Гордого отправился санный поезд, сопровождаемый эскортом дружинников. Командовали эскортом Андрей Кобыла и Алексей Босоволоков, по совместительству они были и сватами. В Твери сватов ждала юная невеста Мария, дочь тверского князя Александра Михайловича. История этого бракосочетания сама достойна романа Вальтера Скотта или драмы Шекспира.

За девятнадцать лет до этого, 15 августа 1327 г., в Твери вспыхнуло народное восстание против татар. Посол Шевкал, двоюродный брат золотоордынского хана Узбека, был убит вместе со своей многочисленной дружиной. Этому событию несказанно обрадовался московский князь Иван Калита. Но, увы, не тому, что православные побили поганых татар, уже сто лет терзающих Русь. Иван Калита нашел повод раз и навсегда покончить со своим конкурентом в борьбе за титул великого князя Владимирского тверским князем Алексеем Михайловичем. Калита срочно уезжает в Орду и вскоре возвращается с 50 тысячами татар. Татарская орда и московские дружинники уже поздней осенью 1327 г. вторглись в Тверское княжество, ведомые Иваном Калитой. Были взяты и разорены Тверь, Кашин и другие города Тверского княжества. Заодно татары решили напасть и на Господин Великий Новгород, не имевший никакого отношения к убиению Шевкала и вообще к Тверскому княжеству. Однако новгородцы заплатили пять тысяч рублей, которые поделили между собой Калита и ордынские темники, и Новгород было решено оставить в покое.

Тверской князь Александр Михайлович бежал в Псков, а затем в Литву, но через десять лет внезапно вернулся в Орду. Князь заявил хану Узбеку: «Я сделал много зла тебе, но теперь пришел принять от тебя смерть или жизнь, буду готов на все, что Бог возвестит тебе». Хан Узбек ответил: «Князь Александр смиренной мудростью избавил себя от смерти». Хан возвратил Александру Михайловичу ярлык на Тверское княжество.

Но мир между Тверью и Ордой не устраивал Москву. Не прошло и

двух лет после возвращения Александра Михайловича в Тверь, как Калита едет в Орду с доносом на Александра и большими «поминками» хану. Нетрудно понять, почему сразу после визита Калиты Александр Михайлович был срочно вызван в Орду. Там 28 октября 1339 г. Александр и его сын Федор были зверски убиты татарами. Калита ненадолго пережил соперника – 31 марта 1340 г. он скончался в Москве. На престол взошел его сын Симеон, прозванный Гордым. Симеон действительно был очень зол и заносчив. Слово «гордый» в те времена звучало почти как ругательство, недаром попы часто цитировали апостола Петра: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать».

И вот великий князь Владимирский и Московский Симеон решает помириться с Тверью. Тверской князь Всеволод Александрович погряз в распрях со своими тверскими родичами, и ему совсем не до борьбы за великокняжеский титул. Брак выгоден обеим сторонам. Спрашивал ли кто-нибудь Марию, хочет ли она замуж за сына убийцы своего отца? Думаю, что нет.

В начале 1347 г. Кобыла и Босоволоков доставляют Марию Александровну Тверскую в Москву. Однако внезапно свадьба откладывается – глава русской церкви митрополит Феогност категорически отказался венчать молодых. Дело в том, что тридцатилетний Симеон уже был два раза женат. В самом факте этого не было ничего зазорного, поскольку по православным канонам можно было жениться три раза. Зато митрополита смущала «специфика» разводов Гордого.

Первый раз Симеон женился на Айгусте (Анастасии), дочери великого литовского князя Гедимина. Но в 1345 г. Анастасия постригается в монахини, а Симеон сразу берет себе новую жену. Новый брак не был политическим. Вторая жена Евпраксия была дочкой Федора Святославича, безземельного отпрыска смоленских князей, приехавшего на службу к московскому князю. Не прожив и года с Евпраксией, Симеон отсылает ее к отцу. В летописи было сказано: «Великую княгиню испортили на свадьбе. Ляжет с Великим князем, и она ему кажется мертвец». Подробную расшифровку этой фразы я оставляю читателю. Но в общем, неудовлетворенный в интимной сфере «гордый» князь занялся поисками новой невесты.

После нескольких недель противостояния митрополит уступил и повенчал Симеона с Марией, а «разведенку» Евпраксию – с Федором Фоминским, таким же безземельным отпрыском смоленских князей, как и ее отец.

Симеон и Мария нажили несколько детей. Но в 1352 г. на Русь пришла

страшная беда – «моровая язва». По свидетельству летописцев, в городах Глухове и Белозерске от язвы вымерли все жители до единого. В 1353 г. в Москве от язвы умирают все дети Симеона, митрополит Феогност, а затем и сам гордый Симеон.

В этой драматической истории для нас представляет интерес лишь одно второстепенное лицо – Андрей Кобыла, сват Марии Тверской. Именно он стал родоначальником семейства Романовых. К сожалению, об Андрее Кобыле нам неизвестно ничего, кроме его поездки в Тверь и плодовитости. Он имел 5 сыновей, 14 внуков и 25 правнуков. Не только Романовы, но и десятки известных дворянских фамилий считали Кобылу своим предком.

Ряд историков считают, что Кобыла был важным боярином, чуть ли не правой рукой Симеона. Единственным доказательством этому служит факт поездки Андрея за Марией: мол, простого человека не послали бы за княжеской дочкой. Да, действительно, Андрей Кобыла не был простым дружинником, но мог быть, предположим, просто сотником. Но летописцы нигде более не упоминают об Андрее Кобыле и его коллеге Алексее Босоволокове. Судя по количеству детей, Андрей Кобыла жил сравнительно долго и имел возможность отличиться, благо Москва непрерывно вела войны с соседями.

В XVIII—XIX веках десятки историков начали поиски предков Андрея Кобылы. Кто-то придумал Андрею отчество Иванович, и оно, спустя десятилетия, стало восприниматься как непреложный факт.

В 1681 г. царь Федор Алексеевич издал указ, предписывающий боярам представить свои родословные. Боярин Петр Васильевич Шереметев представил свою родословную, где было сказано, что его род идет от Андрея Кобылы, который приехал в Москву «из Прус». Никаких доказательств происхождения Кобылы Шереметев не привел, да и никто не копался в таких дебрях. Впрочем, Шереметев был достаточно скромн, а вот князья Юсуповы выводили свой род ни много ни мало как от пророка Али, племянника Магомета. И вот в начале XIX века сию писулю Шереметева приняли за неопровержимый исторический документ. В 1722 г. в Петербурге была издана «Историография» С.А. Колычева, в которой утверждалось, что в XIII веке потомок прусских королей Гланд Камбила Дивонович приехал из Прусс в Москву и произвел на свет сына Андрея, которого впоследствии называли Кобылой (искаженное от Камбила).

Позже немец Миллер придумал длинную родословную от «короля прусского Вейдевута», вступившего на престол в 305 (?) г., до Гланда Камбилы. Но, по Миллеру, в Москву переезжает не Камбила, а его сын Андрей.

Профессор Л.М. Савелов хорошо сказал: «Крайне интересна легенда о родоначальнике Романовых, они производят себя от короля Прусского Вейдевута, наследовавшего в 305 г. престол от старшего брата Прутено, – IV и XIII вв., когда считается, что выехал их родоначальник Гланд Камбила Дивонович с сыном, прозванным Андреем Ив. Кобылой, – это дистанция такого размера, что говорить о каких бы то ни было исторических доказательствах весьма трудно, и приходится верить, не рассуждая и допуская о существовании в IV в. прусских королей»^[1]. Кстати, это было написано до революции, когда вполне можно было схлопотать солидный срок за «оскорбление Его Императорского Величества».

В первой половине XIX века появилось еще несколько версий о происхождении Кобылы. По одной из них он был потомком рыцарей-крестоносцев, по другой – потомком литовского князя Видвута.

В царствование же Александра II, и особенно Александра III, в идеологии верхов постепенно усиливается национализм. Александр III первым после Петра I отпустил окладистую бороду, армия надевает просторные русские шаровары, церкви строят по древнерусским образцам. Историки мгновенно почуяли изменение конъюнктуры и начали искать потомков Кобылы в своем отечестве.

Естественно, лучшим предком для Кобылы был бы какой-нибудь захудалый Рюрикович, но, увы, их родословные в XII–XIII веках более-менее известны, и фальшь, бесспорно, бы разоблачили. А что, если отец Кобылы приехал из вольного Новгорода? Это можно было даже сопоставить с родословной 1681 г. Шереметева – сам Кобыла или его отец приехал «из Прус», но не из Пруссии, а с Прусской улицы в Новгороде. Улица такая действительно была в XII веке в Новгороде. Чем не доказательство? Нашлись, правда, и оппоненты, которые утверждали, что Кобыла приехал из Новгорода, но не с Прусской улицы, а с Кобыльей улицы, и такая действительно была в славном городе Новгороде. Верноподданнические историки тщательно перебирали немногочисленные имена новгородцев, попавших в летописи. В конце концов, действительный член Императорского Русского археологического общества П.Н. Петров в своем труде «История родов русского дворянства» (Санкт-Петербург, 1886 г.) составил родословную.

Ратша, Стефан, упом. 1146 г. – Якун-Михаил, посадник новгородский, ум. в монашестве с именем Митрофана, 1206 г.-Алекса Горислав, в монашестве Варлаам Св. Хутынский, ум. 1215 г. (?) или 1243 г. (?) - Гавриил, герой Невской битвы 1240 г., ум. в 1241 г., убит нестарым Иакинф Великий, умер в 1304 г. Иван– Андрей Кобыла

Федор Свибло

Иван Хромой

И вот последний Андрей и был объявлен Андреем Ивановичем Кобылой. Почему? Вот мнение П.Н. Петрова, автора обширного труда истории родов русского дворянства: «Нам представляется этот Андрей Иванович, внук Акинфа Великого, одним лицом с Андреем Ивановичем Кобылою, родоначальником Романовых, которого происхождение и в родословных XVI века, вероятнее всего, как лица, известного в Москве и начавшего свой род с другим прозванием».

Каковы несокрушимые аргументы – «нам представляется» и «вероятнее всего»!

Современные же историки^[2] показывают совсем иное генеалогическое древо:

Иакинф Гаврилович Великий – Федор (б/д)

Иван

Андрей – Федор Свибло Иван Хромой Александр Остей Иван Бутурля
Андрей Слизень

Федор Корова Иван Зеленый Михаил Челядня

Владимир

Роман

Михаил

От Ивана Хромого пошли дворяне Давыдовы; от Александра Остея – Жулебины, Чоботовы и Чулковы; от Ивана Бутурли – Бутурлины; от Михаила Челедни – Челеднины; Федор Корова и Иван Зеленый умерли бездетными. Таким образом, нет никаких оснований отождествлять Андрея Ивановича, внука новгородца Акинфа, с Андреем Кобылой.

Как видим, все версии происхождения Андрея Кобылы очень похожи друг на друга – ни у одной из них нет ни одного достоверного доказательства. Поэтому нам придется оставить бедного Кобылу без родословной и даже без отчества. По мнению автора, наиболее вероятно, что Андрей Кобыла был рожден в Москве или прилегающих княжествах, а его отец был простым дружинником. В начале XII века в маленьком городе Москве наверняка бы запомнили прибытие знатного новгородца, не говоря уж о потомке «пруссских королей», и его сына вряд ли величали бы просто Кобылой. Кстати, так и Зимин пишет о Кобыле: «Происходил он, вероятно, из коренных московских (и переславских) землевладельцев».

У Андрея Кобылы было пятеро сыновей – Семен Жеребец, Александр Елко, Василий Ивантей, Гаврила Гавша и Федор Кошка.

Вот от этого-то Федора Кошки и пошел род Кошкиных – Захарьиных – Романовых, давший нам династию Романовых^[3]. По крайней мере так считали царские и советские историки. На самом деле, повторяю, нет никаких достоверных доказательств, что вся эта великолепная пятерка была сыновьями Андрея Кобылы.

Да и Федор Андреевич Кошка, ставший боярином московского князя Дмитрия Донского, поминается в летописях всего два раза как Кошка. К несчастью для историков, у Дмитрия был еще один боярин Федор Андреевич – Свибло. И в летописях, где боярин Федор Андреевич фигурирует без прозвища, невозможно понять, о ком идет речь – о Кошке или о Свибло.

Глава 2

Брачные хлопоты царя Ивана Васильевича

У Федора Кошки было четверо сыновей – Иван, Федор Гол-тяй, Александр Беззубец и Михаил Дурной. Однако продолжили род лишь старший Иван и младший Александр Беззубец. Последний имел троих сыновей и два десятка внуков и правнуков. Но, увы, его наследники не оставили какого бы то ни было следа в истории. И лишь правнук Беззубца Василий Шеремет стал родоначальником рода Шереметевых.

А вот Иван Федорович (сын Кошки) и его сыновья стали боярами при московских князьях Василии I, Василии II и Иване III.

Потомки Кобылы – Кошкины (4 поколения), Захарьины (2 поколения) – постоянно были рядом с московскими князьями, но всегда на вторых ролях. Ни громких побед, ни больших опал. Кошкины и Захарьины преуспевали лишь в накоплении богатств. Самым прибыльным промыслом в Средние века на Руси была добыча и продажа соли. В начале XV века Кошкиным удалось стать владельцами самых крупных варниц в Нерехте.

В начале 80-х гг. XV века братья Яков и Юрий Захарьевичи Кошкины были отправлены Иваном III в покоренный Новгород в качестве великокняжеских наместников. В 1487 г. по доносу Якова Захарьевича Иван III выслал из Новгорода пятьдесят семей лучших купцов и перевел их во Владимир. В следующем году Яков и Юрий открывают «ужасный» заговор новгородцев, которые хотели убить братьев. В Новгороде начинают ся массовые казни – кого вешают, кому рубят головы. По доносу Захарьевичей Иван III повелел выселить из Новгорода семь тысяч житных людей (домовладельцев) и поселить их в Костроме, Нижнем Новгороде, Владимире и других городах. В следующем, 1489 г. Иван III повелел выселить из Новгорода всех остальных (коренных) житных людей. Их также расселили в средней России, причем многие были убиты по дороге.

Разграбление Новгорода принесло огромные барыши Кошкиным.

Сыновья Захария Кошкина бояре Яков и Юрий умирают в 1510 и 1504 гг. Сыновья Якова Петр Злоба и Василий Большой (их и их наследников часто называли Яковлями или Яковлевыми) получили при Василии III чины боярина и окольничего, но их политическое значение невелико. Куда больший вес при дворе имел сын Юрий. Он даже становится

душеприказчиком умирающего великого князя Василия III.

Глава клана Захарьиных Михаил Юрьевич постригся в монахи и умер в 1538 или 1539 г.^[4] Три его сына и брат Григорий Юрьевич остаются в малых чинах (не выше окольного) и не участвуют в дворцовых интригах.

Так, о Григории Юрьевиче Захарьине известно лишь, что жену его звали Ульяна, брак был бездетен, и супруги постриглись в монахи, приняв имена Гурий и Евпраксия. Долгое время считалось, что Григорий Юрьевич погребен в Новоспасском монастыре. На самом же деле он умер 1 марта 1556 г. и погребен в Смоленском соборе московского Новодевичьего монастыря.

Брат же Роман Юрьевич ушел со службы и умер 10 февраля 1543 г. в возрасте около 40 лет. Сведений о его жизни почти не сохранилось. Роман служил окольным при Василии III и первый раз упоминается в разрядах во время похода 1532 г., а последний раз упоминается в разрядах в 1535 г. Дальше он по неясным причинам на службе не состоял.

Исследования останков Романа Юрьевича показали, что он был высоким (178—183 см), атлетически сложенным мужчиной. Череп его представляет классический тип атланта-балтийской расы (узкое продолговатое лицо, высокий прямой лоб, светлые волосы). Левая нога скелета была согнута и, видимо, не разгибалась и при жизни. Роман Юрьевич страдал болезнью Педжета – патологическим процессом костной системы, в основе которого лежит нарушение внутрикостного метаболизма (обмена веществ). Видимо, болезнь костей левой ноги и стала причиной ухода Романа со службы.

Видимо, Роман был любимцем отца, и Юрий Захарьевич завещал ему свой деревянный терем, стоявший рядом с каменной церковью Святого Георгия на Дмитровке.

В историю же Роман Юрьевич вошел исключительно своей плодовитостью. Чтобы не путать его многочисленное потомство с детьми и внуками Михаила Юрьевича, их стали называть Юрьевы-Романовы, а затем – просто Романовы.

Роман Юрьевич был дважды женат. Имя первой жены до нас не дошло, вторую жену звали Ульяна Федоровна^[5]. У Романа были сыновья Далмат, Данила и Никита, а также дочери Анна и Анастасия.

Старший сын Романа Далмат не надолго пережил отца и умер бездетным 5 октября 1543 г. Дочь Анна была выдана за князя Василия Андреевича Сицкого, Рюриковича, потомка ярославских удельных князей. С Сицкими мы будем часто встречаться, поэтому придется сказать о них

несколько слов.

У Давида Федоровича, князя Ярославского, умершего в 1321 г., было два сына – Василий Грозные Очи и Михаил. Старший сын получил в наследство город Ярославль, а младший – город Мологу. Михаил Моложский имел троих сыновей. В результате его удел был разделен на три части. У его старшего сына Федора было четыре сына, и опять удел делится на четыре части. В результате у Семена Федоровича оказались лишь земли на реке Сить. Поэтому этого Семена прозвали Ситским, позже прозвище изменилось на Сицкий. Он и стал родоначальником многочисленных Сицких князей. Правда, сам Семен имел всего двоих сыновей, из которых Борис был бездетным, а Петр имел лишь одного сына – Федора Кривого. Зато Кривой наплодил семерых сыновей. Одним из внуков Федора Кривого и был Василий Андреевич Сицкий.

У Василия и Анны Сицких родилось три сына – Юрий Косой, Василий и Федор, а также дочь Степанида.

Младшая дочь Романа Юрьевича Захарьина – Анастасия – ко времени смерти отца оставалась в девицах.

В Житии святого Геннадия Любимградского сказано, что он приехал в Москву и посетил дом Романа Захарьина на Дмитровке. Геннадий благословил сыновей Романа – Данилу и Никиту, а благословляя Анастасию, пророчески сказал: «Ты еси розга прекрасная и ветвь плодоносная, будеши нам государыня царица».

Скорее всего это позднейший вымысел, начала 40-х гг. XVII века, когда нужно было любой ценой обосновать законность воцарения Михаила Федоровича. Вот и пришлось Геннадию Любимградскому-Костромскому выступать в роли архангела Гавриила.

13 декабря 1546 г. шестнадцатилетний Иван позвал к себе митрополита Макария и объявил, что хочет жениться. На следующий день митрополит, отслужив молебен в Успенском соборе, пригласил к себе всех бояр, даже опальных, и они все вместе отправились к великому князю. Иван сказал Макарию: «Милостию божею и пречистой его матери, молитвами и милостию великих чудотворцев, Петра, Алексея, Ионы, Сергия и всех русских чудотворцев, положил я на них упование, а у тебя, отца своего, благословясь, помыслил жениться. Сперва думал я жениться в иностранных государствах у какого-нибудь короля или царя. Но потом я эту мысль отложил, не хочу жениться в чужих государствах, потому что я после отца своего и матери остался мал. Если я приведу себе жену из чужой земли и в нравах мы не сойдемся, то между нами дурное житье будет. Поэтому я хочу жениться в своем государстве, у кого Бог

благословит, по твоему благословению». По словам летописца, митрополит и бояре заплакали от радости, видя, что государь так молод, но уже ни с кем не советуется. Но молодой Иван еще больше удивил их, сказав: «По твоему, отца своего митрополита, благословению и с вашего боярского совета хочу прежде своей женитьбы поискать прародительских чинов, как наши прародители, цари и великие князья, и сродник наш великий князь Владимир Всеволодович Мономах на царство, на великое княжение садились. И я также этот чин хочу исполнить и на царство, на великое княжение сесть».

Как далее гласит летопись, бояре обрадовались, что государь в таком еще младенчестве, а прародительских чинов искал. На самом же деле многие бояре удивились, а некоторые (судя по письмам Курбского) огорчились принятию нового титула.

Отметим, что ранее на Руси царями называли лишь византийских императоров и золотоордынских ханов. Зачем же понадобился царский титул юному Ивану? Большинство дореволюционных и советских историков считали, что царский титул был нужен для укрепления позиции Московского государства в отношениях с другими странами. Так, А.А. Зимин и А.Л. Хорошкевич отмечали: «Дополнение короткого слова „царь“ и в без того уже пышном титуле великого князя – „Государь и великий князь московский, владимирский и прочих земель“ – делало его носителя равным по чину императору „Священной Римской империи“, ставило выше европейских королей – датского, английского, французского и многих иных, в том числе и ближайших соседей и соперников – польского и шведского, уравнивало с восточными соседями – казанским, астраханским ханами – наследниками Золотой Орды, недавними повелителями Руси... Столица государства, Москва, отныне украсилась новым титулом – она стала „царствующим градом“, а русская земля – Российским царством»^[6].

Увы, это лишь красивый набор слов. На самом же деле факт принятия нового титула Иваном IV был тщательно засекречен от заграницы. Первыми о нем дознались польские послы, приехавшие в Москву через два года. Послы потребовали от бояр письменных объяснений, почему великий князь Московский стал царем. Бояре категорически отказывались дать письменный ответ. Лишь через несколько недель в Польшу были отправлены русские послы, которые постарались затушевать значение царского венчания. «Ныне, – говорили они, – землю Русскою владеет государь наш один, поэтому митрополит и венчал его на царство Мономаховым венцом».

В других государствах о царе Иване узнали еще позднее. Вообще

говоря, ни на Западе, ни на Востоке царский титул московского князя не произвел особого впечатления. Разве что константинопольский патриарх Иосиф за солидную мзду в 1551 г. Соборной грамотой утвердил Ивана в царском сане. Грамоту подписали 36 греческих митрополитов и епископов.

Таким образом, царский титул предназначался в основном для внутреннего потребления. Однако и внутри страны царский титул не прибавил ни на йоту власти Ивану. И так Иван III и Василий III имели власть куда большую, чем большинство европейских королей, и сравнимую лишь с властью турецкого султана и персидского шаха.

Суть принятия нового титула лучше всего отразил историк Н.М. Карамзин: «Хотя титло не придает естественного могущества, но действует на воображение людей...»^[7]

Говоря попросту, молодой Иван боялся всех и вся – бояр, своих племянников Владимира и Андрея Старицкого, боялся, что ему припомнят похождения Елены Глинской и ее любовника Ивана Овчины. Ведь слово «бастард», а по-русски – «байстрюк», стало бы смертным приговором Ивану. Вот почему и потребовался новый титул.

16 января 1547 г. в главном московском соборе – храме Успения Богородицы – состоялось торжественное венчание Ивана IV на царство. Сам церемониал почти полностью повторял церемонию венчания Иваном III своего внука Дмитрия. По обычаю московских князей митрополит Макарий возложил на голову Ивана шапку Мономаха. Таким образом, церемония венчания была старая, разница была только в титуле.

Ряд историков утверждают, что принять царский титул Ивана надоумили его родственники Глинские. Во всяком случае, бабка царя Анна Глинская и ее дети Иван, Юрий и Михаил получили огромные земельные владения на правах удельного княжества. Ко дню венчания Ивана на царство князю Михаилу Глинскому был дан чин конюшенного, а его брат князь Юрий получил боярство.

Между тем еще в декабре 1546 г. были разосланы по областям, к князьям и детям боярским^[8] грамоты: «Когда к вам эта наша грамота придет, и у которых будут из вас дочери девки, то вы бы с ними сейчас же ехали в город к нашим наместникам на смотр, а дочерей девок у себя ни под каким видом не таили б. Кто же из вас дочь девку утаит и к наместникам нашим не повезет, тому от меня быть в великой опале и казни. Грамоту пересылайте между собою сами, не задерживая ни часу». Выбор царя пал на четырнадцатилетнюю Анастасию, дочь умершего четыре года назад окольничего Романа Захаревича. Современники утверждали, что

Анастасия была хороша собой. Но выбор определила не ее внешность, а соглашение между кланом Захарьиных-Яковлевых и кланом Глинских. Клан Захарьиных был многочислен, его связывали семейные узы с князьями Сицкими, Бельскими, Шестуновыми и Оболенскими. Клан был силен и очень осторожен. Как уже говорилось, с 1533 по 1547 г. Захарьины-Яковлевы были только на вторых ролях, но, с другой стороны, их миновали и большие опалы. Это не могло не импонировать Глинским, которые надеялись править одни от имени Ивана, пользуясь поддержкой Захарьиных-Яковлевых.

3 февраля 1547 г. состоялась царская свадьба. Брат невесты Никита Романович Захарьин «вместе с царем в мыльне мылся» и в первую брачную ночь «спал у постели» новобрачных. После свадьбы старшему из сыновей Романа Захарьевича Даниле был присвоен чин окольничего. Его дядя Григорий Юрьевич Захарьин и двоюродный брат Иван Большой Михайлов-Юрьев становятся боярами.

Противостоять блоку Глинских с Захарьиными в 1547 г. было практически некому, так как после убийства Андрея Шуйского клан Шуйских серьезно ослабел.

Захарьины-Яковлевы оказались не так просты, как казалось Глинским. 12 апреля 1547 г. в Москве случился большой пожар, 20 апреля – еще один. 3 июля упал большой колокол – благовестник. 21 июня начался новый страшный пожар, какого еще не бывало в Москве. Во время сильной бури загорелась церковь Воздвижения на Арбате. Огонь распространялся со страшной скоростью – выгорело все на запад от церкви до самой Москвореки у Семчинского сельца. Огонь перекинулся на Кремль – вспыхнули верх Успенского собора, крыши на царском дворце, казенный двор и Благовещенский собор. Сгорели Оружейная палата с оружием, Постельная палата с казной, двор митрополита. В каменных церквях сгорели иконостасы и все, что люди спрятали туда от пожара. Митрополит Макарий едва не задохнулся от дыма в Успенском соборе. Он вышел оттуда, неся образ Богородицы, написанный митрополитом Петром. За ним шел протопоп и нес церковные правила. Макарий сначала пошел на городскую стену, где находился тайный ход, проведенный к Москвореке. Но там невозможно было находиться из-за сильного дыма. Тогда Макария стали спускать на канате к реке, канат оборвался, митрополит упал, разбился, но остался жив. Его отвезли в Новоспасский монастырь. В Кремле сгорели Чудов и Вознесенский монастыри, в Китай-городе сгорели все лавки с товарами и все дворы. За городом выгорел большой посад по Неглинной, Рождественка выгорела вся до Никольского Драчевского монастыря. По

Мясницкой пожар шел до церкви Святого Флора, на Покровке – до церкви Святого Василия. В пожаре погибли 1700 человек.

Царь Иван с женой, братом Юрием и боярами бежал из Москвы в село Воробьево и оттуда наблюдал за пожаром.

На следующий день царь с боярами поехал в Новоспасский монастырь навестить митрополита. Там царский духовник, благовещенский протопоп Федор Бармин, боярин князь Федор

Скопин-Шуйский, Иван Петрович Челядин сообщили царю, что Москва сгорела волшебством, что чародеи вынимали человеческие сердца, мочили их в воде, водой этой кропили по улицам – от этого Москва и сгорела.

Вряд ли читателя удивит подобное суеверие средневековых людей. Ведь в первой половине XVI века был пик колдовских процессов в Западной Европе. Однако на самом деле пожар стал поводом для заговора против клана Глинских. Во главе его встали старейшие из Захарьиных-Юрьевых: Григорий Захарьевич и князь Федор Иванович Скопин-Шуйский. В числе заговорщиков были Иван Петрович Челядин^[9], протопоп Федор Бармин, князь Юрий Темкин, Федор Нагой и другие.

Узнав о колдовстве, царь Иван велел произвести розыск. Заговорщики провели его весьма оригинально – в воскресенье 26 июня они, собрав бояр, приехали в Кремль на площадь к Успенскому собору. Там собрали «черных людей» и спросили их: «Кто зажигал Москву?» Из толпы послышались крики: «Княгиня Анна Глинская с своими детьми волховала: вынимала сердца человеческие да клала в воду, да тою водою, езда по Москве, кропила, оттого Москва и выгорела!»

Не ведая о готовящейся провокации, на кремлевскую площадь вместе с другими боярами приехал и Юрий Васильевич Глинский (родной брат Елены, дядя царя). Услышав о себе и своей матери такие речи, князь Юрий быстро оценил ситуацию и убежал в Успенский собор. Но, как гласит летопись, «...бояре, злобясь на Глинских, напустили чернь». Народ ворвался в собор и буквально растерзал там Юрия Глинского. Затем его труп выволокли из Кремля на Красную площадь и положили перед торгом на месте, где казнили преступников. Таким образом, толпа поступила с Глинским так, как через 60 лет поступит с Лжедмитрием I.

Затем чернь бросилась грабить дворец Глинских. Дружинники и слуги Глинских оказали сопротивление, но были все перебиты. Но смерти одного Глинского заговорщикам было мало. На третий день после убийства князя Юрия толпа черни явилась в село Воробьево к царскому дворцу и потребовала, чтобы Иван выдал им на растерзание свою бабу, княгиню

Анну Глинскую, и ее сына князя Михаила, которые прятались у него в покоях. В ответ Иван велел схватить крикунов и казнить. Остальная толпа в панике разбежалась.

Как видим, царь Иван пытался защитить Глинских, но тем не менее у них были все основания опасаться за свою жизнь. Князь Михаил Васильевич Глинский от страха совсем потерял голову. Вместе с давним приятелем князем Турунтаем-Пронским он решил бежать в Литву. Однако по дороге беглецы были перехвачены конным отрядом князя Петра Ивановича Шуйского. Эта операция еще раз показывает, как хорошо был спланирован заговор.

За побег в Литву в былые годы московские князья казнили смертью или заточали в темницу, но царь Иван был очень расположен к родне. Поэтому Глинский и Турунтай-Пронский посидели несколько дней под стражей, а затем были отпущены на поруки. Естественно, что Михаил Глинский потерял чин конюшенного боярина.

Теперь Глинские окончательно лишились влияния на государственные дела. Тем не менее Михаил Васильевич Глинский продолжал служить, участвовал во взятии Казани. После смерти Михаила Васильевича обширные владения Глинских отошли к его сыну Ивану Михайловичу. В конце XVI века Иван Михайлович Глинский владел как минимум 10 тысячами четвертей вотчинной земли. В начале XVII века род Глинских пресекся.

В советское время историки пытались представить события июля 1547 г. как народное антифеодальное восстание. Но концы с концами у советских историков не сходились. К примеру, если бы это было стихийное восстание «черни», то неизбежно пострадали бы не только дворы Глинских и их сторонников, но и дворы других бояр, тех же Захарьиных, но, увы, этого не произошло.

После устранения Глинских значительно усилилось влияние Захарьиных-Яковлевых и Шуйских. В частности, ближайшим советником царя становится Александр Борисович Горбатый-Шуйский. Никита Романович Захарьин вскоре вступает во второй брак с его дочерью Евдокией.

Верно ли, что Иван Грозный воспылил страстью к Анастасии? Об этом написано во многих романах и даже в исторических монографиях, но достоверных подтверждений этому нет.

Вообще об Анастасии нам известно крайне мало. Наши историки любят приводить свидетельство англичанина Джерома Горсея о царице Анастасии: «Эта царица была такой мудрой, добродетельной,

благочестивой и влиятельной, что ее почитали, любили и боялись все подчиненные... Великий князь был молод и вспыльчив, но она управляла им с удивительной кротостью и умом... Когда добрая царица Анастасия умерла, она была причислена к лику святых и до сего дня почитается в церквах».

Увы, мы должны отнестись к этому свидетельству с большой осторожностью. Ведь Горсей прибыл в Москву спустя одиннадцать лет после смерти Анастасии и мог писать о ней лишь с чужих слов, скорее всего со слов людей клана Захарьиных.

Совсем другого мнения придерживался князь Андрей Курбский, в 50-х гг. XVI века находившийся в близких отношениях с Иваном IV. Курбский сравнивал Анастасию с Евдокией – женой византийского императора Аркадия, отравившей Иоанна Златоуста.

Любопытно, что кто-то из наших «Ляписов-Трубецких» выдумал байку, что-де князь Андрей Курбский влюбился в царицу Анастасию и даже пытался ее соблазнить. Эта «клюква» вошла в кинофильм Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный». Авторы «клюквы» явно спутали веселые времена Елизаветы Петровны, где полуголые графини, княгини и даже царицы открыто «крутили романы» прямо на балах, и XVI век, когда в Москве даже ближние бояре практически не видели великих княгинь и цариц. Я уж не говорю о том, что Андрей Михайлович Курбский – прямой потомок удельных ярославских князей. Среди его предков двое святых – Федор Чермный и его сын Давид. В жилах Рюриковича Андрея текла и кровь московских князей – его прапрадед ярославский князь Василий Давидович был женат на Евдокии – дочери Ивана Калиты.

В глазах Курбского и других князей Рюриковичей и Геди-миновичей Захарьины были беспородными выскочками.

Глава 3

Первая попытка Захарьиных захватить престол

1 марта 1554 г. Иван IV опасно заболел. К 11 марта его положение уже казалось безнадежным. Естественно, возник вопрос о наследнике престола. Формальный наследник, сын Грозного Димитрий, лежал в пеленках – ему не исполнилось и шести месяцев. В этом случае лет пятнадцать – двадцать Россией стал бы править клан Захарьиных – царица Анастасия, Данила и Никита Романовичи, Василий и Иван Михайловичи, Иван и Семен Яковлевичи, а также их родственники – Андрей Сиц-кий, муж Анны Романовой, Шастунов, Оболенский-Ноготков и другие.

Московская знать и беспородная бюрократия были по горло сыты беспределом периода правления Елены Глинской. Тем более им не импонировала власть клана Захарьиных, в котором хватало хитрых царедворцев, интриганов и честолюбцев, но не было ни государственных деятелей, ни выдающихся полководцев.

Естественно, что взоры знати и бюрократов обратились к единственному дееспособному кандидату на престол – внуку Ивана III девятнадцатилетнему Владимиру Андреевичу, удельному князю Старицкому. Увы, младший брат Грозного Юрий с детства был инвалидом (судя по всему – дауном), что, впрочем, не мешало старшему брату жестко контролировать его поведение.

Владимир родился в 1535 г. Он был старшим сыном удельного князя Андрея Старицкого и Ефросинии Андреевны Хованской. Василий III разрешил своему брату Андрею жениться лишь только после того, как сам обзавелся сыном Иваном.

В 1536 г. вместе с князем Андреем Ивановичем Старицким в тюрьму были брошены его жена и годовалый сын. В тюрьме они провели четыре года и вышли на свободу в 1540 г., то есть уже после смерти Елены Глинской.

В 1543 г. тринадцатилетний Иван IV по ходатайству бояр и митрополита возвращает своему восьмилетнему двоюродному брату Старицкий удел^[10]. Однако все старицкие бояре и дворяне были или казнены в 1536 г., или переселены в другие места, так что у Владимира

оказался старый отцовский удел, но с новым двором.

Владимир Андреевич участвовал вместе с Иваном Грозным в казанском походе. В мае 1551 г. он женился на Евдокии Александровне Нагой и к марту 1554 г. имел от нее сына Василия и дочь Евфимию.

Дореволюционные русские историки смотрели на князей, бояр и дьяков, ориентировавшихся на Владимира Старицкого, глазами Ивана Грозного и называли их бунтовщиками, врагами государства и т.д. По иным, но тоже понятным причинам эту точку зрения разделяли и советские историки 1930—1980-х гг. На самом же деле сугубо личные интересы сторонников Старицкого полностью совпадали с интересами русского государства, и поэтому сторонников Владимира вполне можно назвать патриотами своей страны. Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, какой нужен был России правитель – молодой воин, уже заимевший здоровое потомство, или пленочник? Предположим на секунду, что Иван Грозный умер бы, а на престол вступил бы семимесячный Димитрий. В этом случае Захарьиным пришлось бы убить Владимира Андреевича и его потомство. Вероятность того, что Димитрий дожил бы до совершеннолетия, не превышала 30 процентов (из шести детей Грозного от Анастасии до совершеннолетия дожили двое). Единственный ребенок царя Федора Иоанновича умер в два года. Таким образом, Великая Смута на Руси могла начаться уже в 60-х гг. XVI века. В истории всех стран, и в первую очередь в России, заговоры и мятежи часто спасали государство. Будь Иван Грозный дальновидным и мудрым правителем, он, выздоровев, должен был навсегда забыть имена сторонников Старицкого, как забыли многие свои обиды юных лет Людовик XIV и Екатерина Великая. Но тут, увы, болезнь царя стала прологом 70-летней кровавой драмы в России.

Больной царь по наущению Захарьиных потребовал у Владимира Старицкого и московской знати присягнуть младенцу Димитрию. Однако многие стали отказываться принести присягу. Многие открыто говорили, что не станут целовать крест Захарьиным. Как сказано в летописи: «И была между боярами брань большая, крик, шум». Царь начал им говорить: «Ели вы сыну моему Димитрию креста не целуете, то, значит, у вас другой государь есть. А ведь вы целовали мне крест не один раз, что мимо нас других государей вам не искать. Я вас привожу к крестному целованию, велю вам служить сыну моему Димитрию, а не Захарьиным. Я с вами говорить не могу много. Вы души свои забыли, нам и детям нашим служить не хотите, в чем нам крест целовали, того не помните. А кто не хочет служить государю-младенцу, тот и большому не захочет служить. И

если мы вам не надобны, то это на ваших душах». На это отозвался князь Иван Михайлович Шуйский, он придумал отговорку: «Нам нельзя целовать крест не перед государем. Перед кем нам целовать, когда государя тут нет?» Прямее высказался окольный Федор Адашев, отец царского любимца, что было у него на душе, то и вылилось: «Тебе, государю, и сыну твоему царевичу князю Димитрию крест целуем, а Захарьиным, Даниле с братьею, нам не служить. Сын твой еще в пленках, а владеть нами будут Захарьины, Данила с братьею. А мы уж от бояр в твое малолетство беды видали многие». «И был мятеж большой, шум и речи многие во всех боярах: не хотят младенцу служить». Но к вечеру поцеловали крест Димитрию следующие бояре: князь Иван Федорович Мстиславский, князь Владимир Иванович Воротынский, Иван Васильевич Шереметев, Михаил Яковлевич Морозов, князь Дмитрий Палецкий, дьяк Иван Михайлович Висковатый. Тут же поцеловали крест и

Захарьины – Данила Романович и Василий Михайлович. Но трое князей – Петр Щенятев-Партикеев, Семен Ростовский и Иван Турунтай-Пронский – продолжали говорить: «Ведь нами владеть Захарьиным. И чем нами владеть Захарьиным и служить нам государю молодому, так мы лучше станем служить старому князю Владимиру Андреевичу». Окольный Салтыков донес, что князь Дмитрий Немой, проезжая с ним по площади, говорил: «Бог знает, что делается! Нас бояре приводят к присяге, а сами креста не целовали, а как служить малому мимо старого? А ведь нами владеть Захарьиным».

Царь велел написать целовальную запись, по которой приводить к присяге князя Владимира Андреевича. Эта запись примечательна тем, что в ней право отъезда совершенно уничтожено: «Князей служебных с вотчинами и бояр ваших мне не принимать, также и всяких ваших служебных людей, без вашего приказанья, не принимать никого». Князя Владимира привели к царю Ивану и подали ему запись, царь сказал князю, чтоб он дал на ней присягу. Владимир отказался целовать крест. Тогда Иван сказал ему: «Знаешь сам, что станется на своей душе, если не хочешь креста целовать. Мне до того дела нет». Потом, обратившись к боярам, поцеловавшим крест, Иван сказал: «Бояре! Я болен, мне уже не до того, а вы на чем мне и сыну моему Димитрию крест целовали, по тому и делайте». Бояре, поцеловавшие крест, начали уговаривать остальных. Но те отвечали: «Вы хотите владеть, а мы вам должны будем служить: не хотим вашего владенья!»

Между тем князь Владимир и его мать Ефросиния вызвали из Старицы в Москву отряды своих дворян и роздали им повышенное жалованье. Это

не осталось в тайне от Захарьиных, и те донесли больному царю, естественно, сгустив краски. Захарьины запретили охране дворца пускать князя Владимира к царю. Тут против Захарьиных выступил молчавший до сих пор духовник царя Сильвестр: «Зачем вы не пускаете князя Владимира к государю? Он государю добра хочет!»

В течение ряда лет Сильвестр давал разумные советы Ивану и имел на него большое влияние. Но сейчас против духовника резко выступила царица Анастасия.

На следующий день Иван призвал всех бояр и потребовал от них немедленной присяги царевичу Димитрию, причем не у царского одра, а в передней избе, так как он очень болен и приводить их к присяге при себе ему очень тяжело. Вместо себя Иван велел присутствовать при целовании креста боярам – князьям Мстиславскому, Воротынскому и другим.

Отдельно царь обратился к Захарьиным и другим сторонникам Димитрия: «Вы дали мне и сыну моему душу на том, что будете нам служить, а другие бояре сына моего на государстве не хотят видеть. Так если станется надо мною воля Божия, умру я, то вы, пожалуйста, не забудьте, на чем мне и сыну моему крест целовали: не дайте боярам сына моего извести, но бегите с ним в чужую землю, куда Бог вам укажет. А вы, Захарьины! Чего испугались? Или думаете, что бояре вас пощадят? Вы от них будете первые мертвецы: так вы бы за сына моего и за мать его умерли, а жены моей на поругание боярам не дали».

Из последних слов видно, что Захарьины боялись сторонников князя Владимира Старицкого, и Иван должен был напомнить им, что их судьба тесно связана с судьбой царицы и царевича. И если они поддадутся требованиям враждебной стороны и признают царем Владимира, то все равно пощады им не будет.

Слова царя о будущем его семейства в случае прихода к власти князя Владимира испугали бояр, увидевших, какие мысли у него на душе и к чему могут привести такие мысли в случае выздоровления. В летописи говорится, что, испугавшись этих жестких слов, бояре пошли в переднюю избу целовать крест. Князь Иван Турунтай-Пронский подошел к стоящему у креста князю Воротынскому и, желая выместить на нем то неприятное чувство, с каким он давал присягу, сказал: «Твой отец, да и ты сам после великого князя Василия первый изменник, а теперь к кресту приводишь!» Воротынский нашелся что ответить: «Я изменник, а тебя привожу к крестному целованию, чтобы ты служил государю нашему и сыну его, царевичу Димитрию. Ты прямой человек, а государю и сыну его креста не целуешь и служить им не хочешь». Турунтай смутился, не нашел что

сказать и молча присягнул. Самыми последними присягнули князь Курлятев и казначей Фуников под предлогом болезни, но ходили слухи, что они общались с князем Владимиром и его матерью – хотели возвести его на престол.

Но как некоторые из присягнувших хотели выполнить свою присягу, показал князь Дмитрий Палецкий. Присягнувши Димитрию одним из первых, вместе с князьями Мстиславским и Воротынским, Палецкий одновременно послал сказать князю Владимиру и его матери, что если они дадут его зятю, брату царя Юрию, и жене его удел, назначенный в завещании великого князя Василия, то он, князь Палецкий, не будет против возведения князя Владимира на престол и станет ему верно служить.

По свидетельству одного из летописцев, бояре насильно заставили присягнуть князя Владимира Андреевича, сказав ему, что иначе не пропустят его во дворец. К матери же князя Владимира посылали трижды с требованием присяги и от нее. «И много она бранных речей говорила. И с тех пор пошла вражда, между боярами смута, а царству во всем скудность», – говорится в летописи.

Вскоре царь Иван выздоровел, но потерял душевный покой. Его часто охватывала нестерпимая тревога, не покидал страх перед «лукавым умыслением». Царя мучила бессонница. Пищу ему готовила сама царица Анастасия и сама же подавала.

Немедленных репрессий против князя Владимира и его сторонников не последовало, но при дворе заметили, что влияние на царя духовника Сильвестра и Алексея Адашева свелось почти к нулю.

Во время болезни царь Иван дал обет по выздоровлении ехать на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь и действительно в начале весны стал готовиться в путь с женой и сыном Димитрием.

По пути в Кириллов царь заехал в подмосковный Троицкий монастырь, где имел беседу с попавшим в опалу знаменитым церковным деятелем Максимом Греком. Тот стал уговаривать царя не ездить в такой далекий путь, да еще с женой и новорожденным: «Если ты дал обещание ехать в Кириллов монастырь, чтоб подвигнуть святого Кирилла на молитву к Богу, то обеты такие с разумом несогласны, и вот почему: во время казанской осады пало много храбрых воинов христианских, вдовы их, сироты, матери обесчадевшие в слезах и скорби пребывают. Так гораздо тебе лучше пожаловать их и устроить, утешить их в беде, собравши в свой царствующий город, чем исполнить неразумное обещание. Бог вездесущ, все исполняет и всюду зрит недремлющим оком. Также и святые не на известных местах молитвам нашим внимают, не по доброй нашей воле и по

власти над собою. Если послушаешься меня, то будешь здоров и многолетен с женой и ребенком».

Но царь не захотел отказаться от своего намерения ехать в Кириллов монастырь. Тогда Максим Грек через приближенных к Ивану людей – духовника Андрея, князя Ивана Мстиславского, Алексея Адашева и князя Курбского – передал ему: «Если не послушаешься меня, по Боге тебе советуемого, забудешь кровь мучеников, избитых погаными за христианство, презришь слезы сирот и вдовиц и поедешь с упрямством, то знай, что сын твой умрет на дороге».

Иван не послушался совета Максима и двинулся дальше. По пути он остановился в Песношском монастыре, где встретился с другой духовной знаменитостью – Вассианом Топорковым.

В свое время монах Иосифо-Волоколамского монастыря пользовался расположением Василия III, который в 1525 г. сделал его коломенским епископом. В правление Елены Глинской Вассиан поссорился с кланом Шуйских, за что в 1542 г. по наветам Шуйских юный Иван IV заставил его оставить епископию и удалиться в Песношский монастырь. Иван, помня благосклонность своего отца к Вассиану, зашел к нему в келью и спросил: «Как я должен царствовать, чтоб вельмож своих держать в послушании?» Вассиан ответил: «Если хочешь быть самодержцем, не держи при себе ни одного советника, который был бы умнее тебя, потому что ты лучше всех. Если так будешь поступать, то будешь тверд на царстве и все будешь иметь в руках своих. Если же будешь иметь при себе людей умнее себя, то по необходимости будешь послушен им». Царь поцеловал его руку и сказал: «Если бы и отец мой был жив, то и он такого полезного совета не подал бы мне!»

Позже князь Курбский напишет, что от сатанинского силлогизма Топоркова произошла вся беда, то есть перемена в поведении царя Ивана.

К этому остается только добавить, что Иван услышал от Вассиана то, что хотел слышать, находясь под впечатлением событий, происшедших во время его болезни.

Иван Грозный приехал в Кирилло-Белозерский монастырь, но там, как и предсказал Максим Грек, лишился своего первенца Димитрия. Восьмимесячный царевич Димитрий погиб при загадочных обстоятельствах. По наиболее распространенной версии струг с наследником подошел к пристани в Горицах. На него были поданы узкие сходни, достаточные для прохода одного-двух человек. Но по тогдашнему этикету няньку, несущую царевича, должны были поддерживать под руки два боярина. И вот нянька с младенцем Димитрием важно вступает на

сходни, под руки ее поддерживают бояре Захарьины – справа Данила Романович, слева Никита Романович. Кто-то поскользнулся, и вся троица летит в воду. Бояре и нянька выбрались сами, а царевича пришлось искать в воде. На берег его вынесли уже мертвого.

Есть и ряд других версий гибели младенца. Так, голландский путешественник Исаак Масса писал, что царевича уронили в воду при передаче с рук матери на руки отцу, которых катали по Сиверскому озеру на разных лодках. При этом тело младенца якобы не было найдено. Рассказ голландца можно оспорить тем, что в Архангельском соборе есть гробница младенца Димитрия. Однако в то время этикет был превыше всего, и известие о пропаже тела младенца вызвало бы скандал. Кроме того, это дало бы повод к появлению самозванцев. Так что в Архангельском соборе запросто могли похоронить куклу или чужого ребенка.

Дьяк Иван Тимофеев писал, что царевич Димитрий утонул на обратном пути из Кириллова, выпав из рук задремавшей кормилицы. В Никоновской летописи тоже записано, что младенец погиб на обратном пути, «назад едучи к Москве».

Но участник поездки князь Андрей Курбский писал иначе: «И не доезжаячи монастыря Кирилова, еще Шексною-рекою плывучи, сын ему, по пророчеству святого, умре». Поэтому царь «приехал до одного Кирилова монастыря в печали мнозе и в тузе, и возвратился тощими руками во мнозей скорби до Москвы».

Интересно, что после Дмитрия Донского над всеми детьми московских государей, носивших это имя, висело какое-то проклятие. Кстати, после Дмитрия Углицкого русские цари никогда не давали своим детям это имя.

После смерти Дмитрия страна не долго жила без наследника престола. 28 марта 1554 г. царица Анастасия родила сына Ивана, 26 февраля 1556 г. – дочь Евдокию, 11 мая 1557 г. – сына Федора. Из них только Евдокия умерла в младенчестве.

В 1560 г. старые советники царя Сильвестр и Алексей Адашев были удалены из Москвы. Разрыв Ивана с ними состоялся осенью 1559 г., еще при жизни царицы Анастасии, и инициатором разрыва была сама царица. Как позже писал Грозный: «За одно малое слово с ее стороны явилась она им неугодна, за одно малое слово ее они рассердились».

7 августа 1560 г. умерла царица Анастасия. Она была еще очень молода – около 25 лет, и среди историков распространилось мнение, что царицу отравили.

Как писала Т.Д. Панова: «Изучение останков царицы Анастасии экспертами-криминалистами разных направлений дало неожиданный

результат. Кстати, стоял вопрос и о реконструкции ее портрета по черепу, но он оказался в недостаточно хорошем для этого состоянии. Повезло более всего исследователю-химику. Дело в том, что в саркофаге при скелете хорошо сохранилась и коса Анастасии – волосы имели темно-русый цвет. Для проведения анализов на предмет обнаружения ядов были взяты несколько десятков волосков... Результаты экспертизы: причиной смерти первой жены Ивана IV было отравление солями ртути. Другие яды – сурьма, мышьяк, свинец – в ее останках обнаружены не были.

Соединения ртути зафиксированы не только в волосах, где они присутствовали в огромном количестве – 4,8 мг в пересчете на 100 граммов навески, но и в обрывках погребальной одежды (0,5 мг), и в тлене со дна гроба (0,3 мг), также изъятых для контрольных исследований (напомним, что естественный фон по ртути в организме человека не превышает сотые миллиграмма)»^[11].

Итак, ученые достоверно подтвердили факт отравления царицы? Увы, нет. Есть еще две версии. Во-первых, у цариц, княгинь и боярынь XVI века были в большом ходу белила, состав которых нам неизвестен. Как писал А.И. Филюшкин: «Анастасию могло погубить неумеренное использование румян и белил, к которому она, видимо, нередко прибегала, чтобы лучше выглядеть после многочисленных родов». А во-вторых, «как известно, ртуть была в свое время обнаружена и в останках самого Ивана Грозного. Это послужило основанием для предположения, что царь болел сифилисом, который в те времена лечили ртутными мазями. Естественно, что он заразил жену, и она получала такое же лечение»^[12].

После ее смерти сам царь и Андрей Курбский писали о том, что Анастасия стала жертвой порчи (колдовства), но ни один из них не упоминал о яде.

Стоит заметить, что буквально через неделю после смерти Анастасии Иван IV начал подыскивать себе новую жену. Немедленно были отправлены послы ко двору польского короля Сигизмунда-Августа.

Царь спросил митрополита, можно ли ему жениться на сестре Сигизмунда-Августа, так как тетка его Елена была женой невестинного дяди Александра. Митрополит ответил, что можно. В Москве уже стали готовиться к встрече сестры короля: приготовили покои, где ей жить до принятия православия. Решили, чтоб боярам при разговорах с панями первыми вопроса о крещении невесты не поднимать, а если пань первыми начнут говорить, что невесте надо бы остаться католичкой, тогда их отговаривать, приводя в пример Софью Витовтовну и сестру Ольгерда,

которые были крещены по-православному.

Король согласился выдать за Ивана свою сестру Екатерину. Но прежде Сигизмунд-Август хотел заключить с Россией выгодный ему мир. А вот в условиях мира царь и король не сошлись, и брак с королевной Екатериной не состоялся.

После неудачи со сватовством сестры польского короля Иван обратил свои очи на Восток и в 1561 г. женился на девице Кученей, дочери кабардинского князя Темира Гуки (в русских летописях он именовался Темрюк Айдарович). Кученей перекрестили в Марию, но она так и осталась дикой черкешенкой – плохо говорила по-русски и отличалась вспыльчивостью.

Во втором браке у Ивана IV в 1563 г. родился сын Василий, умерший младенцем. А в 1569 г. Мария Темрюковна заболела и умерла в Александровской слободе.

28 октября 1571 г. Иван женился на Марфе Васильевне Собакиной, родне Малюты Скуратова. Однако уже 14 ноября того же года Марфа Васильевна скончалась при невыясненных обстоятельствах.

Православная церковь признавала только первые три брака. Однако 29 апреля 1572 г. церковный собор специальным постановлением разрешил Ивану IV жениться в четвертый раз, но наложил на царя трехлетнюю епитимью. Царь согласился, но вскоре про епитимью забыл и женился в пятый и шестой раз. Последней, седьмой, женой царя стала Мария – дочь окольного Федора Федоровича Нагого.

6 октября 1580 г. в московском Спасо-Преображенском соборе протопоп Никита венчал Ивана IV и Марию. Любопытно, что посаженным отцом жениха был его собственный сын – двадцатитрехлетний Федор, дружкой жениха был князь Василий Иванович Шуйский, а дружкой невесты – Борис Федорович Годунов. Таким образом, все участники свадебной церемонии позже побывали на царском престоле.

На следующий день, 7 октября 1580 г., состоялась свадьба царевича Федора и сестры Бориса Годунова Ирины.

Царь Иван после третьего брака уже не обращался к иерархам церкви за разрешением на очередную женитьбу и всерьез не воспринимал своих жен. Не прошло и двух лет после свадьбы с Марией Нагой, как в августе 1582 г. царь отправляет в Англию дворянина Федора Писемского, чтобы начать дело о сватовстве племянницы английской королевы Елизаветы I Марии Гастингс. Послу было велено сказать королеве: «Ты бы сестра наша любительная, Елисавета королевна, ту свою племянницу нашему послу Федору показать велела и парсону б ее (портрет) к нам прислала на доске и

на бумаге для того: будет она пригодится к нашему государскому чину, то мы с тобою королевною то дело станем делать, как будет пригоже». Писемский должен был взять портрет и меру роста, рассмотреть хорошенько, дородна ли невеста, бела или смугла, узнать, сколько ей лет, как приходится королеве в родстве, кто ее отец, есть ли у нее братья и сестры. Если скажут, что царь Иван женат, то отвечать: «Государь наш по многим государствам посылал, чтоб по себе приискать невесту, да не случилось, и государь взял за себя в своем государстве боярскую дочь не по себе; и если ко-ролевнина племянница дородна и такого великого дела достойна, то государь наш, свою отставя, сговорит за королевнину племянницу».

По ряду причин сватовство затянулось, и Писемскому показали невесту в саду только в мае 1583 г. Затем Писемский вернулся в Россию вместе с английским послом Боусом.

Между тем 19 октября 1583 г. Мария Нагая родила царю сына Димитрия. Однако сие обстоятельство никак не сказалось на марьяжных хлопотах Ивана. Другой вопрос, что Боус имел и другие поручения королевы – посредничество в заключении мира с Польшей и Швецией, получение новых льгот английским торговым компаниям и т.д. Англичане пытались увязать эти вопросы со сватовством Марии Гастингс. В связи с этим Иван Васильевич в начале марта 1584 г. решил свататься к шведской принцессе. Благо 29 июля 1583 г. со Швецией был заключен Плюсский мирный договор. С этой целью в Стокгольм к королю Юхану III был послан князь Василий Шуйский. Но боярин не проехал и ста верст, как его нагнал посол с вестью, что жених преставился.

После смерти Анастасии Захарьины вели себя крайне осторожно, хотя и играли важную роль в жизни государства. Так, в мае 1562 г. царь отправился в литовский поход и оставил «ведать Москву» своего восьмилетнего сына Ивана, а с ним бояр Данилу Романовича, Никиту Романовича и Василия Михайловича Захарьиных, Василия Петровича Захарьина-Яковлева и князя Василия Андреевича Сицкого (мужа Анны Романовны Захарьиной). Заметим, что «ведать Москвой» по тогдашней терминологии означало не заведовать городским хозяйством, а управлять всем Московским государством.

Оказавшись в столь благоприятной ситуации, Захарьины не стали кичиться своей властью и местничать с князьями Рюриковичами, а начали проводить хорошо продуманную и дальновидную политику, целью которой была неограниченная власть клана после смерти Ивана IV.

Отметим три основных направления этой политики. Во-первых,

насаждение своих сторонников в приказном аппарате управления. Во-вторых, уничтожение потенциальных претендентов на престол князей Старицких. В-третьих, окружение царевича Ивана своими родственниками и превращение его в послушного исполнителя воли клана.

В конце 1564 г. Иван IV решил устроить очередной фарс, ставший трагедией для России. Он начал подготовку к отъезду из Москвы. 3 декабря 1564 г., в воскресенье, царь со всем семейством выехал из Москвы в село Коломенское, где праздновал праздник Николая Чудотворца. Выезд этот был не похож на прежние, когда он выезжал на богомолье или другие свои потехи. Теперь царь взял с собой всю государственную казну, иконы и кресты, украшенные золотом и драгоценными камнями, золотые и серебряные сосуды и платья. С собой царь взял несколько сот московских и иногородних дворян, причем москвичам было приказано взять с собой семьи.

Судя по всему, вначале у царя не было какого-то определенного плана. Он и не думал ехать в Александровскую слободу, куда по ростовской дороге можно было добраться за несколько дней. А Иван выехал из Москвы в противоположном направлении – к югу, в село Коломенское. Чтобы попасть на ростовскую дорогу, царю пришлось бы вернуться обратно в

Москву или ехать круглым путем малопроходимыми проселками.

В Коломенском царь с семьей пробыл две недели, так как наступившая оттепель и дожди сделали дороги непроезжими. Затем царский обоз, объехав проселками Москву с востока, остановился на несколько дней в селе Тайнинском на Яузе. После царь поехал на молитву в Троице-Сергиев монастырь, а оттуда – в Александровскую слободу.

В Москве знать, духовенство и приказная бюрократия были в недоумении от такого необычного поведения государя. Ровно через месяц, 3 января 1565 г., царь прислал к митрополиту в Москву грамоту, где были написаны все измены боярские, воеводские и приказных людей, какие были ими содеяны до его совершеннолетия. Царь разгневался на своих архиепископов, епископов и на все духовенство, на своих бояр, на дворецкого и на конюшенного, на окольничих, казначеев, дьяков, детей боярских, приказных людей за то, что после смерти его отца те казну государственную расхитили, а прибыли казне от них не было. Бояре и воеводы земли государственные себе разобрали, своим друзьям и родственникам роздали, имели поместья и вотчины, получали государственное жалованье и кормление и собрали себе большие богатства. А о государе и государстве и о всем православном христианстве не заботились, от недругов не защищали, а вместо этого христиан притесняли

и сами от службы стали удаляться. А захочет государь своих бояр, служивых людей или приказных людей наказать, так духовенство их защищает. И царь, которому невмоготу стало измену терпеть, оставил свое государство и поехал где-нибудь поселиться, где Бог укажет.

К гостям, купцам и всему православному христианству Москвы царь прислал другую грамоту, в которой говорилось, что гнева на них государь не имеет и опалы им никакой не будет.

Формально и фактически это было отречение от престола. Со времен Рюрика до деда Грозного Ивана, когда князь бежал из города, горожане его просто посылали куда подальше, и не требовалось никакого отречения. А затем звали другого подходящего князя Рюриковича, а то и Гедиминовича. К примеру, убежал из Москвы Дмитрий Донской, убоявшись Тохтамыша. Позвали москвичи князя Гедиминовича Остея. Да, так было и в Западной Европе. В XVI—XVII веках, если французский король бежал из столицы, то горожане срочно вооружались и звали в Париж какого-либо мятежного принца.

Боярская дума, митрополит Афанасий и оказавшиеся в Москве архиепископы новгородский Пимен и ростовский Ни-кандр могли на законных основаниях принять отречение и привести к присяге новому государю сначала Москву, а затем и все остальное государство. У бояр хватило бы служивых людей, которые могли бы составить конное войско, в несколько раз превосходящее охрану Грозного. Дворянская конница могла связать боем царскую охрану, а надежные люди (группа захвата) – провести спецоперацию.

Но, увы, 50 лет тирании Василия III и Ивана IV превратили большинство князей Рюриковичей из гордых и мужественных властителей в холопов. У них пропал даже инстинкт самосохранения. А многие надеялись, что пронесет. В первую очередь к таким можно отнести клан Захарьиных.

В результате духовенство и бояре прибыли в Александровскую слободу и объявили царю Ивану их общее решение: пусть правит, как ему угодно, лишь бы принял снова в свои руки правление. Иван согласился с тем условием, что теперь он будет на всех изменников и ослушников опалы класть, иных и казнить, имения их брать в казну и учредить у себя в государстве опричнину: двор и весь свой обиход сделать особым.

Русское государство фактически было разделено на два – опричнину и земщину. Причем в опричнину царь постарался забрать самые богатые земли. Так, на севере страны большие пустынные районы – Печерский край с Пустоозером, Вятская земля, Пермь – остались за земщиной.

Опричнине отошли уезды с богатыми торговыми городами – Холмогоры, Вологда, Великий Устюг и другие.

Москва также была поделена на опричную и земскую части. Первоначально царь даже поделил и Кремль, там под опричину был взят двор Владимира Старицкого, подворье митрополита, царицыны хоромы и ряд служебных помещений до Курятных ворот. Но не прошло и года, как царь решил отдать земщине весь Кремль, а центр опричнины перенести на Арбат. К опричнине отошли Чертольская улица, протянувшаяся от Кремля до всполья, Арбат до Дорогомиловского всполья и Новодевичьего монастыря и еще три столичные слободы.

Из опричных кварталов были выселены все бояре, дворяне и приказные люди, не принятые в опричину. На их место поселились опричные бояре и служилые люди.

Любопытно, что, создавая опричные войска, царь заранее рассматривал их только для внутреннего потребления, а не для защиты страны извне. Ни одна крупная пограничная крепость в опричину не вошла. Вязьму и Можайск прикрывал с запада Смоленск. Опричные же города на юго-западе страны (Козельск, Перемышль, Белев, Лихвин) стояли на верхней Оке и находились под защитой южных земских крепостей.

Первоначально опричное войско состояло из тысячи человек, но вскоре увеличилось до шести тысяч.

Опричники давали царю присягу, по которой они обязывались доносить обо всем, что услышат дурного о царе, а также не иметь никаких дружеских связей с земскими, не есть и не пить с ними.

У читателя возникает резонный вопрос – а как отнеслись наши герои Захарьины к введению опричнины? Увы, дать однозначный ответ без фантазий и натяжек нельзя. По этому вопросу принципиально расходятся два самых лучших советских историка XV—XVII веков В.Б. Кобрин и Р.Г. Скрынников. Так, в своей кандидатской диссертации «Социальный состав опричного двора» Кобрин в 1961 г. утверждал, что одним из главных инициаторов опричнины стал боярин В.М. Юрьев-Захарьин, и именно вокруг Захарьиных сплотился руководящий кружок опричнины, в который входили Басмановы, Яковлевы-Захарьины, Сицкие, Черкасские. Скрынников же отрицает важную роль Захарьиных в формировании опричнины.

Тут несколько слов надо сказать о князе Михаиле Черкасском, родном брате второй жены Грозного Марии Темрюков-ны, привезенном вместе с ней малышом в Москву. Звали его

Султанкул, а после крещения он стал Михаилом Темрюкови-чем

Черкасским. Иван Грозный пожаловал в удел Михаилу Черкасскому городок Гороховец с уездом. В своих владениях Черкасский чувствовал себя полноправным хозяином. Он собирал налоги с подданных и пошлины с проезжающих.

Существует версия, что идею опричнины подала Ивану царица Мария-Кученей. Документальных доказательств этой версии нет, но, несомненно, дикой черкешенке импонировали свирепые расправы царя.

В период «регентства» Захарьиных царь женил Михаила Темрюковича Черкасского на дочери боярина Василия Михайловича Захарьина. Так что и Черкасский стал членом клана наших героев. Забегая вперед, скажу, что у кабардинского князька Темрюка был брат Камбулат. Два сына Камбулата Хокяг и Хорошай (двоюродные братья Михаила Черкасского) тоже приехали в Россию и после крещения получили имена Гаврила и Борис. Гаврила был взят в плен поляками и провел в Польше 21 год (1564—1585 гг.), а Борис Камбулатович Черкасский стал боярином и взял в жены Марфу Никитичну Романову-Юрьеву.

Любопытно, что и Федор Басманов успел породниться с Захарьиными. Он женился на дочери князя В.А. Сицкого, жена которого, Анна Романовна, была сестрой царицы Анастасии.

Таким образом, по мнению автора, Кобрин прав, и Захарьины с родней действительно стояли у истоков опричнины.

В январе 1570 г. царь Иван разорил Великий Новгород. Новгородский поход никак не был связан с политикой или крамолой, а являлся просто грабительским набегом. Историк С.М. Соловьев сравнивал поход на Новгород с Батыевым нашествием. Это слишком мягкое сравнение. Батый был завоевателем и перед штурмом города всегда предлагал жителям покориться и платить умеренную дань. И действительно, города, покорившиеся Батыю, оставались целыми, а жители – живыми. Грозный же действовал как обыкновенный разбойник и отличался от крымских ханов Гиреев лишь тем, что те грабили чужие страны, а Иван – свою собственную.

Пока царь воевал в Ливонии с немцами, поляками и шведами, а внутри страны – со своими подданными, существенно усилились набеги крымских татар на Русь. За 24 года Ливонской войны больших и средних набегов татар не было только в течение трех лет.

Весной 1571 г. хан Девлет-Гирей со 100-тысячным конным войском в очередной раз двинулся на Русь. Навстречу ему к Оке подошло 50-тысячное земское войско под началом воевод князя Ивана Дмитриевича Бельского, Ивана Федоровича Мстиславского, Михаила Ивановича

Воротынского, Ивана Андреевича и Ивана Петровича Шуйских. Туда же отправился и сам Иван Грозный с тремя полками опричников. Впереди шел сторожевой полк боярина Василия Петровича Захарьина-Яковлева, за ним – передовой полк князя Михаила Темрюковича Черкасского и государев полк во главе с князем Ф.М. Трубецким.

Девлет-Гирей сумел обмануть воевод и опричников и, как сказано в летописи, «неизвестно где переправился через Оку». Узнав о переправе татар, Иван с опричниками в панике бежал в Александровскую слободу, а оттуда – в Ростов.

Русские же воеводы с земским войском совершили стремительный марш к Москве и 23 мая расположились внутри Земляного города. 24 мая татары подошли к Москве. Стоял жаркий солнечный день, столь же жаркий был и весь май. Передовые отряды татар зажгли предместья Москвы. Сильный ветер занес огонь в Земляной, а затем и в Белый город. Уцелел лишь Кремль. По словам летописца: «Людей погорело бесчисленное множество. Митрополит с духовенством просидели в соборной церкви Успения. Первый боярин, князь Иван Дмитриевич Бельский, задохнулся на своем дворе в каменном погребе, других князей, княгинь, боярынь и всяких людей кто перечтет? Москва-река мертвых не пронесла: нарочно поставлены были люди спускать трупы вниз по реке. Хоронили только тех, у которых были приятели».

Пожар и боязнь русских войск не дали татарам пограбить Кремль. В тот же день Девлет-Гирей поспешно ушел назад. В районе Москвы и на обратном пути татарам удалось захватить 150 тысяч пленных, разумеется, не воинов, а мирных жителей.

Практически на любой войне есть перебежчики, не был исключением и поход Девлета-Гирея в 1571 г. Так, к хану пытался сбежать служилый татарин «царевич Барымский», но был пойман и отправлен на допрос к опричникам. В застенке татарин быстро сознался во всем, что от него потребовали. В частности, он заявил, что его послал к Девлет-Гирею глава Боярской думы князь И.Ф. Мстиславский. Князя немедленно арестовали, и он, то ли под пыткой, а скорее в результате мирового соглашения с царем, признался во всех грехах. Мстиславский подписал специальную грамоту, где говорилось, что он «своей изменой погубил Москву».

За такое преступление Мстиславскому полагалась квалифицированная казнь. Однако князь через несколько недель был выпущен на свободу, а осенью 1571 г. назначен главным новгородским наместником и уехал в Новгород.

Суд над князем Мстиславским и его «признание» оказали царю

двойную услугу – народу был указан непосредственный виновник поражений, мало того, получено новое доказательство, что «лихие бояре» продолжают строить козни против царя и государства. Несмотря на опалу, Мстиславский оставался официально руководителем земской Боярской думы. Но он лишь формально числился главой земского правительства. Полной же властью в земской думе обладала старомосковская нетитулованная знать, группировавшаяся вокруг бояр Захарьиных. Процесс по делу князя Мстиславского дал повод для жестоких репрессий против клана Захарьиных.

Оплотом Захарьиных была не только земская дума, но и двор наследника царевича Ивана. После вступления во второй брак Иван Грозный выделил в «особый двор» наследника придворный штат, бояр и дворян. Долгое время главным боярином наследника был его дядя опричный боярин Василий Петрович Захарьин-Яковлев, состоявший при нем в качестве «близкого человека» и «гофмейстера» (дворецкого). Большое влияние при дворе царевича Ивана имели его родной дядя земский боярин Никита Романович Захарьин-Юрьев, а также дяди Иван Петрович Захарьин-Яковлев и Семен Васильевич Захарьин-Яковлев. Первым оруженосцем в свите царевича Ивана был Прота-сий Васильевич Захарьин-Михайлов. Влияние Захарьиных при дворе наследника не могло не пугать Ивана Грозного.

Историк Скрынников полагает, что «Захарьины пытались использовать свое влияние на наследников, чтобы таким путем хоть немного образумить царя и положить предел чудовищному опричному террору»^[13].

Отношения старшего и младшего Иванов явно не ладились. Царь неоднократно избивал сына. В свою очередь, сын рос злым и непокорным. Дело зашло столь далеко, что в июне 1570 г. царь публично объявил о своем намерении лишить сына прав на престол, а своим наследником сделать «ливонского короля» Магнуса^[14]. Во время официального приема в Кремле царь в присутствии земской Боярской думы и иностранных послов обратился к Магнусу со словами: «Любезный брат, ввиду доверия, питаемого ко мне вами и немецким народом, и преданности моей последнему (ибо я сам немецкого происхождения и саксонской крови), несмотря на то, что я имею двух сыновей – одного семнадцати и другого тринадцати лет, ваша светлость, когда меня не станет, будет моим наследником и государем моей страны, и я так искореню и принижу моих неверных подданных, что попру их ногами».

Информация о конфликтах царя с наследником поступила даже в

Польшу, пусть в искаженном и сильно преувеличенном виде. 3 января 1571 г. папский нунций Портико направил из Варшавы в Рим письмо, где было сказано, что русские послы приедут в Польшу с опозданием из-за распрей между царем и наследником, эпидемии чумы и других причин. «Между отцом и старшим сыном возникло величайшее разногласие и разрыв, и многие пользующиеся авторитетом знатные люди с благосклонностью относятся к отцу, а многие – к сыну, и сила в оружии».

О ссорах царя и сына говорили не только при дворе, но и по всей стране, что, кстати, нашло отражение и в народном фольклоре. По Руси ходило несколько вариантов песни. Суть всех вариантов такова: царь Иван Васильевич вывел измену из Пскова и из Новгорода и задумался над тем, «как бы вывести измену из каменной Москвы». Но тут «взговорит Малюта злодей Скурлатович»: «Ах ты гой еси, царь Иван Васильевич! Не вы-ведешь тебе изменушки довеку: сидит супротивник супротив тебя... » Малюта оклеветал царевича Ивана Ивановича. Грозный поверил навету и велел казнить сына. Но тут за наследника вступился его дядя боярин Никита Романович: «Ты Малю-та, Малюта Скурлатович! Не за свой ты кус примаешься, ты етим кусом подавишься». Благодаря заступничеству Захарьина царевич был спасен. В песне конфликт царя с царевичем имел «хеппи-энд», в жизни же все случилось иначе.

Опричники выбили из опальных новгородцев показания на бояр Василия Михайловича Захарьина-Юрьева и Семена Васильевича Захарьина-Яковлева. Семен Васильевич был объявлен сообщником новгородского архиепископа Пимена в земской думе и отправлен в почетную ссылку на воеводство в Смоленск.

По неведомым причинам вспышку гнева царя вызвали «преступления» боярина Василия Михайловича Захарьина-Юрьева. К великому сожалению царя, Василий Михайлович умер еще в 1567 г. Поэтому царь выместил гнев на членах его семьи. В начале весны 1571 г. он приказал убить дочь Василия Михайловича вместе с новорожденным сыном. Царь запретил хоронить убитых и приказал бросить их тела на дворе супруги убитого князя Михаила Темрюковича Черкасского. Сам же князь Черкасский, как уже говорилось, был убит опричниками в мае 1571 г. во время набега хана Девлет-Гирея.

В этой ситуации непонятно, почему Иван IV убил дочь и внука боярина Василия Михайловича, но пощадил его трех сыновей – Протасия, Федора и Ивана. Известно лишь, что Протасий выслужился из рынд при дворе царевича Ивана, а казнен он был лишь 24 октября 1576 г., то есть спустя пять лет. По ряду дореволюционных источников и монастырских

архивов средний и младший сыновья Василия Михайловича Федор и Иван погибли 24 мая 1571 г. во время пожара в Москве в ходе набега Девлет-Гирея. Кстати, во время этого пожара погибли и сыновья боярина Данилы Романовича Захарьина Иван и Федор.

По мнению автора, вероятнее всего, Иван Грозный убил Федора и Ивана Захарьиных-Михайловых, а потом монахи и историки для приличия списали их смерть на Девлет-Гирея, а может, их просто спутали с Иваном и Федором Захарьиными-Романовыми.

В конце 1570 г. в ходе осады Ревеля в командовании московского войска возник конфликт между «ливонским королем» Магнусом и главным воеводой Иваном Петровичем Захарьиным-Яковлевым и воеводой В.И. Умным. Магнус наябедничал царю, и тот послал опричников, которые 6 января 1571 г. арестовали обоих воевод.

Несколько месяцев боярин Иван Петрович Захарьин-Яковлев находился в заточении. После московского пожара был арестован боярин Василий Петрович Захарьин-Яковлев. Что инкриминировалось Василию Петровичу, не ясно. То ли он согрешил, будучи дворецким у царевича Ивана Ивановича, то ли плохо командовал опричным сторожевым полком во время похода Девлет-Гирея. Обоих братьев Захарьиных-Яковлевых царь приказал забить насмерть палками.

Приблизительно в это же время опричники убили боярина Семена Васильевича Захарьина-Яковлева и его малолетнего сына Никиту.

Таким образом, Ивану Грозному удалось истребить весь род Яковлевых-Захарьиных. В живых остался лишь Тимофей, сын боярина Ивана Петровича, да и тот вскоре умер или был казнен. Во всяком случае, Тимофей не оставил мужского потомства.

Из всего мужского потомства Федора Кошки в живых остался лишь боярин Никита Романович Захарьин.

Глава 4

Захарьины при царе Федоре Иоанновиче

В конце февраля 1584 г. здоровье царя резко ухудшилось. По словам очевидцев, тело его сильно распухло, началось какое-то внутреннее гниение, царя переносили по дворцу в креслах.

Существует легенда, по которой Богдан Бельский разыскал где-то на севере вещей колдуний, которые предсказали смерть царя на 18 марта 1584 г. Но 18 марта в полдень Иван, наоборот, почувствовал облегчение и приказал Бельскому идти к колдуньям и узнать о предзнаменовании созвездий, ибо предсказанный ими день его смерти уже наступил, а царь жив и даже весел. «Скажи им, – наказывал Иван Бельскому, – что если они соврали, то я их сегодня же велю сжечь живьем или же живыми зарю в землю». Бельский передал слова царя колдуньям, и старшая из них ответила: «Не сердись, господин. Ты ведь знаешь, что день кончается, когда сядет солнце».

В 2 часа пополудни Иван приказал нести себя в баню, а в 7 часов его вынесли оттуда, посвежевшего и окрепшего. Он сел на постель и позвал своего любимца, ближнего дворянина Родиона Петровича Биркина, чтобы сыграть с ним в шахматы. За этой партией следили несколько слуг и приближенные царя – Борис Годунов, Богдан Бельский, резидент английской «Московской компании» Джером Горсей и лейб-медик Эйлоф. Внезапно царь повалился навзничь и, не приходя в сознание, умер. Над уже мертвым Иваном был совершен обряд пострижения в монахи. Царь Иван Грозный превратился в смиренного инок

Иону. По православным канонам монаху в момент пострига прощаются все прежние грехи, а отвечает перед Богом он лишь за новые грехи, совершенные после пострига.

Существует много легенд, что царь Иван не умер своей смертью, а был убит. Объединяет все эти легенды одно – среди убийц всегда оказывался Борис Годунов. В превосходной в художественном отношении и столь же безграмотной в историческом отношении пьесе А.К. Толстого Годунов убивает царя морально – говорит дерзкие речи и нагло смотрит на него. Популярный историк Вольдемар Балязин утверждает, что Грозный был задушен Борисом Годуновым и Богданом Бельским. В качестве единственного доказательства своей версии Балязин указывает на то, что

им обоим было выгодно убить царя^[15]. Есть версии, что та же «сладкая парочка» Борис и Богдан отравили царя^[16] и т.д. Но все эти легенды появились лишь спустя несколько лет после смерти Ивана IV, когда против Годунова будет развязана невиданная по масштабам психологическая война. Первой «жертвой» Годунова станет Иван Грозный, за ним последует царевич Димитрий, убиенный по приказу Бориса. Борис-де отравит целую семью – двухлетнюю царевну Федосью, ее отца царя Федора Иоанновича, а позже и царицу Ирину. Перетравив всю царскую семью, неутомимый Годунов примется за свою собственную и отравит жениха своей дочери Ксении датского принца Иоанна.

Законным наследником Ивана Грозного был его 27-летний сын Федор. Однако умственные способности и склад характера Федора явно не соответствовали функциям российского самодержца. Поэтому Иван Грозный якобы перед смертью создал опекунский совет, который должен был управлять страной от имени царя Федора. Я говорю «якобы», поскольку завещание Ивана Грозного не только не сохранилось, но и его точный текст неизвестен историкам. Говоря о завещании царя Ивана, наши историки обычно ссылаются на сообщения иностранцев.

Через несколько месяцев после смерти Ивана IV его личный лекарь послал в Польшу сообщение о том, что царь назначил четырех регентов (Никиту Романова-Юрьева, Ивана Мстиславского и еще двоих бояр). Английский посол Джером Горсей в одном случае говорит о четверых боярах-регентах, в другом – о пяти. Горсей утверждал, что главным правителем Грозный назначил Бориса Годунова, а в помощники ему определил Ивана Мстиславского, Ивана Шуйского, Никиту Романова и Богдана Бельского. Австрийский посол Николай Вар-коч писал: «Покойный великий князь Иван Васильевич перед своей кончиной составил духовное завещание, в котором он назначил некоторых господ своими душеприказчиками и исполнителями своей воли. Но в означенном завещании он ни словом не упомянул Бориса Федоровича Годунова, родного брата нынешней великой княгини, и не назначил ему никакой должности, что того очень задело в душе».

На основании сведений иностранцев историки сами составили список членов регентского совета – как кому нравится. К примеру, Р.Г. Скрынников действует методом исключения и отдает предпочтение Богдану Бельскому, вычеркивая из списка регентов Бориса Годунова.

На взгляд автора, спорна сама версия создания Иваном IV регентского совета. Обстоятельства внезапной смерти Грозного полностью исключают

возможность составления завещания в последние часы его жизни. Если же завещание было составлено заранее, то какой смысл был его хранить в тайне? Торжественное объявление царем списка регентского совета придало бы совету легитимность.

Да и в самом совете как мог царь Иван сажать рядом Ивана Петровича Шуйского с худародным Богданом Яковлевичем Бельским? Бельский был опричником, затем состоял при дворе царя, но он даже не имел придворного звания. Окольничим он стал при царе Федоре, а боярином – при Лжедмитрии I.

Если действительно Борис Годунов не был включен в регентский совет, то почему его противники не использовали этот важный козырь в борьбе против Годунова ни в 1584 г., ни в последующие 20 лет? Предъявили бы народу подлинное завещание Грозного или рассказали бы, как и при каких обстоятельствах Годунов уничтожил его. Можно привести еще множество аргументов в пользу того, что никакого завещания Грозного не существовало и в помине.

Буквально через несколько минут после смерти царя Ивана уже никто не вспоминал о «завещании» или о каких-либо других бумагах, а все ближние бояре начали действовать силой. Немедленно ворота Кремля были заперты, а его гарнизон поднят по тревоге. Шуйские объединились с Годуновыми и Романовыми и обвинили в измене семейство Нагих, родственников царевича Дмитрия по матери. В ночь после смерти царя все Нагие и их родственники были заключены под стражу. Через несколько дней царевич Дмитрий, его мать и часть Нагих были отправлены в Углич, остальных Нагих отправили в ссылку в разные города.

Богдан Бельский попытался организовать контрпереворот в пользу малолетнего Дмитрия. Богдан ввел в Кремль несколько стрельцких сотен и пообещал им «великое жалование» и привилегии, если они не будут слушаться бояр, а станут подчиняться только ему. А тем временем бояре, разъехавшиеся по домам на обед, узнали о происшедшем. Никита Романов и Иван Мстиславский вернулись в Кремль с большой толпой вооруженных дворян и холопов. Стрельцы отказались открыть ворота вооруженной толпе, но одних бояр пропустили через калитку. Тогда боярская дворня попыталась взять ворота силой. На шум стал собираться народ, стрельцы схватились за оружие.

Среди москвичей разнесся слух, что Богдан Бельский со своими приспешниками извел царя Ивана, а теперь хочет побить бояр, известить царя Федора и сам сесть на царский престол.

Московские мещане и ратные люди собрались к Кремлю. Руководство

толпой приняли рязанские дворяне – Ляпуновы, Кикины и др. Москвичи захватили пушки, стоявшие на Красной площади, и подтащили их к Фроловским (Спасским) воротам. Засевшие в Кремле стрельцы открыли огонь из пищалей, толпа также ответила огнем. В ходе перестрелки было убито около 20 человек и ранено до 100 человек.

Бельский струсил и выпустил из Кремля бояр Ивана Федоровича Мстиславского, Никиту Романовича Романова-Юрьева и двоих дьяков – братьев Щелкаловых. Увидев бояр, толпа заревела: «Выдайте нам Богдана Бельского: он хочет извести царский корень и боярские роды».

Тогда бояре объявили, что царь Федор приказал сослать Богдана Бельского в Нижний Новгород. Действительно, Богдан был отправлен в Нижний, правда, не как преступник, а на воеводство. Стрельцы покинули Кремль, успокоились и бунтовавшие москвичи.

Тем не менее обстановка в столице оставалась весьма беспокойной. По словам летописца, «пришли из всех городов в Москву именитые люди и молили со слезами царевича Федора, что был на Московском государстве царем и венчался царским венцом». Это очень любопытно – зачем явились именитые люди в Москву? В столь опасном положении Боярская дума сочла необходимым призвать в Москву «лучших людей» со всей страны, чтобы решить вопрос, кому быть царем – совершеннолетнему, но неспособному править Федору или младенцу Димитрию. Горсей сообщает, что собор состоялся 4 мая в присутствии митрополита, архиепископов, епископов, игуменов и всего дворянства. До нас дошли сообщения современников иностранцев Пертея и Горсея о соборе в Москве. Англичанин Горсей даже сравнивал собор с английским парламентом.

Собор практически единогласно избрал Федора Ивановича на царство. Любопытно, что Федор первым из московских владык включил в свой титул наименование «самодержец». 31 мая 1584 г. Федор торжественно венчался на царство «по греческим обычаям». Долгая церемония утомила его. Не дождавшись конца коронации, Федор передал шапку Мономаха боярину Мстиславскому, а державу (тяжелое золотое яблоко) – Борису Годунову. Этот в принципе незначительный эпизод произвел гнетущее впечатление на всех присутствовавших.

Царь Федор мало походил на отца. Он был небольшого роста, приземист, одутловат, имел нетвердую походку. С его лица не сходила блаженная улыбка. Федор был крайне набожен. Ежедневно он подолгу молился, любил сам звонить на колокольне. Раз в неделю царь отправлялся на богомолье в ближние монастыри.

Набожность у Федора сочеталась с любовью к диким забавам и

кровавым потехам. Федор буквально упивался зрелищем кулачного и в особенности медвежьего боя. На его глазах вооруженный рогатиной охотник отбивался как мог от медведя в круге, обнесенном стеной, из которого некуда было бежать. Потеха редко обходилась без крови. Кроткий царь Федор периодически бил палкой ближних бояр, доставалось и шурина Бориса.

Положительно отзывался о Федоре лишь патриарх Иов, который видел в нем разумного политика и образец государя. Все остальные современники и особенно иностранцы были беспощадны к новому царю. Английский посол Флетчер писал: «Царь прост и слабоумен... мало способен к делам политическим и до крайности суеверен». Папский нунций Поссевино писал об идиотизме царя, граничащем с безумием. Польский посол Лев Сапега, вернувшись из Москвы, заявил на сейме: «Напрасно говорят, что у этого государя мало рассудка: я убедился, что он вовсе лишен его».

При царе Федоре постепенно стал исчезать страх, вызванный террором его отца. По этому случаю дьяк Иван Тимофеев записал: «Бояре долго не могли поверить, что царя Ивана нет более в живых, когда же они поняли, что это не во сне, а действительно случилось, через малое время многие из первых благородных вельмож, чьи пути были сомнительны, помазав благоухающим миром свои седины, с гордостью оделись великолепно и, как молодые, начали поступать по своей воле. Как орлы, они с этим обновлением и временной переменой вновь переживали свою юность и, пренебрегая оставшимся после царя сыном Федором, считали, как будто и нет его... »

Перед коронацией началась жестокая борьба сильнейших кланов (родов) за награды и пожалованья, которыми обычно сопровождалось восшествие на престол великих князей московских. Больше всех получил Борис Годунов. Федор возвел шурина в чин конюшего, то есть сделал старшим боярином. В 1565 г. царь Иван казнил последнего конюшего – князя А.Б. Горбатого-Шуйского – и упразднил чин конюшего. Восстановление чина конюшего и назначение 32-летнего боярина означало укрепление позиций клана Годуновых. В начале мая 1584 г. боярином и дворецким стал Григорий Васильевич Годунов. 31 мая получили боярство Степан и Иван Васильевичи Годуновы. В июне 1584 г. и в апреле 1586 г. Иван Васильевич Годунов упоминается как «боярин и дворецкий казанский и нижегородский и наместник рязанский». Таким образом, уже к лету 1584 г. в Боярской думе было пять бояр Годуновых, трое из которых занимали особые дворцовые должности.

Дума продолжала пополняться сторонниками клана Годуновых. Князья Хворостины всегда были на хорошем счету у Годуновых. В первый же год царствования царя Федора окольный князь Д.И. Хворостин получил чин боярина, а его брат Ф.И. Хворостин, занимавший должность дворецкого, стал окольным. К началу 1585 г. боярами становятся князья Никита и Тимофей Романовичи Трубецкие, которые были также сторонниками Годуновых. К ноябрю 1585 г. чин думного дворянина получил Андрей Петрович Клешнин – человек, преданный Борису Годунову. В 1584 г. чин окольного получил князь Петр Семенович Лобанов-Ростовский, приближенный Годуновых. В 1585 г. боярином становится свояк Бориса Годунова, родовитый и богатый князь Иван Михайлович Глинский.

Однако с воцарением Федора существенно усилился и клан Шуйских. Перед коронацией боярство получил Василий Иванович Шуйский. К апрелю 1585 г. боярином стал Александр Иванович Шуйский, а в начале следующего года – Дмитрий Иванович Шуйский.

В 1584—1585 гг. в Боярской думе оказалось и много сторонников Шуйских. Так, в 1584 г. из окольных в бояре попал Ф.В. Шереметев, а окольным и царским казначеем стал В.В. Головин.

С началом царствования Федора Шуйские получают богатые кормления и земли. И.П. Шуйский был пожалован в кормление Псковом, «обеима половинами и со псковскими пригородами, и с тамгою, и с кабаки, чего некоторому боярину не да-ывал государь», и Кинешмой – «городом великим на Волге». Боярин В.Ф. Скопин-Шуйский удостоился «великого государева жалования» – кормления городом Каргополом. Кравчий Д.И. Шуйский получил «в путь» город Гороховец «со всеми крайнего пути доходы». Шуйские присоединили к своим родовым суздальским вотчинам земли своего родственника князя А.Б. Горбатого, конфискованные еще во времена опричнины.

Коронация Федора дает клану Романовых гораздо меньше, чем Годуновым и Шуйским. К сентябрю 1584 г. боярство получает князь Федор Михайлович Троекуров, сын которого Иван был женат на Анне Никитичне Юрьевой-Захарьиной. К февралю 1585 г. боярином стал князь Иван Васильевич Сицкий, женатый на Евфимии Никитичне Юрьевой-Захарьиной. Одновременно с ним стал боярином князь Федор Дмитриевич Шастунов, женатый на Фетинье Даниловне Захарьиной-Юрьевой.

Сразу после смерти Ивана Грозного возникает союз между Годуновыми и Романовыми-Захарьиными. Союз этот был вынужденным. И те и другие были родственниками царя Федора по женской линии, и для обоих кланов стало бы катастрофой воцарение Дмитрия и приход к власти

Богдана Бельского и шайки наглых и жадных Нагих.

После коронации Федора и ссылки Нагих и Бельского союз Годуновых и Романовых-Захарьиных не только не распался, а, наоборот, укрепился в борьбе с кланом Шуйских. Оба семейства были «плебеями» перед «принцами крови», как Шуйских называли в Польше. Был тут и субъективный фактор. Никита Романович стал уже стар и серьезно болел. В августе 1584 г. Никита уже окончательно слег в постель и не мог выполнять свои служебные обязанности. Сыновья Никиты Романовича были еще сравнительно молоды и не имели пока большого политического веса.

Современники сходятся во мнении, что Никита Романович осенью 1584 г. сам искал дружбы Бориса Годунова и вверил ему своих совсем еще молодых сыновей. Троицкий монах Авраамий Палицын, очевидец событий, утверждал, что Годунов обещал Никите Романовичу «соблюсти» его семью. Автор «Сказания о Филарете Романове», использовавший семейные предания Романовых, авторитетно подтвердил слова Авраама Палицына. Согласно «Сказанию...», Борис Годунов проявил любовь к детям Романова и дал страшную клятву, что всегда будет почитать их за братьев. В конце 1585 г. Никита Романович постригся в монахи под именем Нифонта и скончался 23 апреля 1586 г.

Годуновы и Романовы постепенно стали оттеснять Шуйских от ведения государственных дел. Это хорошо заметно в дипломатии. Так, боярин Ф.М. Троекуров трижды (осенью 1584 г., летом 1586 г. и летом 1587 г.) отправляется послом в Польшу. Летом 1586 г. русские послы по указанию Бориса Годунова собирали в Польше сведения о связях Шуйских с «изменником» М.И. Головиным. В апреле 1586 г. Борис Годунов отказал польскому послу М. Гарабурде в аудиенции «всех бояр» и назначил вести переговоры доверенных лиц – «ближней думы» бояр И.В. Годунова, князя И.В. Сицкого и «ближних» дьяков Шелкаловых и Е.Д. Вылузгина.

Во внутренних делах наибольшую остроту приобрела борьба за Казенный приказ – центральное финансовое ведомство государства.

Обычно владеть царской казной назначались два казначея, которые контролировали друг друга. Опираясь на поддержку бояр, главный казначей Петр Иванович Головин добился того, что вторым казначеем был назначен его родственник Владимир Головин. Более века Головины из поколения в поколение служили главными казначеями при московских государях. Но теперь, при царе Федоре, они распоряжались государственной казной бесконтрольно. Казенный приказ оказался вотчиной сторонников Мстиславского и Шуйского.

Петр Иванович Головин имел большое влияние в Боярской думе.

Показателем его положения служит его роль в коронации Федора, когда он нес перед царем шапку Мономаха.

Осенью 1584 г. Борис Годунов предложил Боярской думе провести ревизию царской казны. Под нажимом Годуновых и Романовых-Захарьиных дума вынуждена была начать ревизию. Проверка наличности выявила огромные хищения. Петр Иванович Головин был приговорен Боярской думой к смертной казни. Но и Годуновы, и Романовы-Захарьины прекрасно понимали, что Русь устала от террора Ивана Грозного и публичная казнь знатного боярина вызовет у народа нежелательные ассоциации. Поэтому Петра Головина вывели на Лобное место и передали в руки палача, который сорвал с него одежду и занес топор над головой. Но в этот момент была зачитана царская грамота о помиловании осужденного и ссылке его в Арзамас.

По дороге в Арзамас П.И. Головин был убит. Подробности его смерти до нас не дошли, но, судя по всему, дело не обошлось без Бориса Годунова. Во всяком случае, известно, что позже Годунов сделал вклад в Симонов монастырь «по Петру Головину». В.В. Головин также был привлечен к суду, лишен чина окольничего и сослан. Брат казначея Михаил Иванович Головин бежал в Литву.

В опалу попал и окольничий И.П. Головин. В Сибири и казанских пригородах на воеводствах (фактически в ссылке) оказались и другие члены рода Головиных – Василий Петрович, Владимир Петрович, Иван Васильевич, Никита Петрович, Петр Петрович Меньшой, Федор Васильевич. Они вернулись в Москву только при Лжедмитрии I.

Противники Годуновых и Романовых-Захарьиных попытались устроить переворот. Шуйские, Воротынские и Колычевы начинают уговаривать престарелого князя Ивана Федоровича Мстиславского принять участие в убийстве Бориса Годунова. Мстиславский поначалу отказывается, он слабоволен и нерешителен, да и Борис Годунов всегда хорошо к нему относился. Мало того, Борис публично назвал себя сыном Ивана Федоровича, разумеется, имея в виду покровительство, а не кровное родство.

Но через некоторое время Мстиславский дал себя уговорить. Бориса должны были убить на пиру у Мстиславского.

Однако заговор был открыт. Но публичного суда не было. И.Ф. Мстиславский был очень популярен, а Годуновы и Романовы еще слишком слабы, чтобы устраивать показательные процессы без риска нежелательных последствий. В итоге состоялось тайное соглашение, по которому И.Ф. Мстиславский обязался постричься в монахи.

23 июня 1585 г. князь Мстиславский приехал в Соловецкий монастырь, но ему там, видимо, не понравилось, и он отправился на Белоозеро. В Кирилло-Белозерском монастыре И.Ф. Мстиславский постригся и стал старцем Ионой. В обмен на пострижение Годуновы и Романовы позволили его сыну Федору Ивановичу Мстиславскому занять в Боярской думе место отца и сохранить все родовые вотчины.

В 1585 г. – начале 1586 г. опалам подверглись князья А.П. Куракин, И.М. Воротынский и В.Ю. Голицын. Не пострадали только Шуйские, хотя их руководящая роль в борьбе с Годуновыми была очевидна.

В 1585 г. положение в столице было крайне нестабильным. Об этом свидетельствует и передача Борисом Годуновым Тро-ице-Сергиеву монастырю фантастической по тем временам суммы – тысячи рублей. Этот вклад должен был обеспечить будущее семьи Годуновых в случае победы их врагов.

Весной 1586 г. Шуйские попытались прийти к власти с помощью мятежа. На подкуп московских купцов и «черных людей» были потрачены крупные суммы. Шуйские распускали самые нелепые слухи. Так, например, Борису Годунову приписывалось намерение свергнуть с престола Федора и посадить на царский трон католика – австрийского принца, женив его на царице Ирине.

Борис Годунов, в свою очередь, передал большие суммы командирам всех стрелецких полков.

В те времена в Московском государстве, как и через 500 лет при большевиках, тщательно скрывались все народные восстания. Поэтому о бунте московского населения в мае 1586 г. никаких официальных документов не сохранилось. Мало того, в конце 1586 г. русские послы в Польше и Австрии категорически опровергали слухи о том, что царь Федор в «Кремле-городе в осаде сидел». Они говорили: «...того не бывало, то нехто сказывал негораздо, бездельник. От ково, от мужиков в осаде сидеть? А сторожи в городе и по воротам, то не ново, издавна так ведетца для всякого береженья».

Послы нагло ввали, как, впрочем, и положено дипломатам. Расходные книги Чудова монастыря засвидетельствовали факт осады Кремля с полной неопровержимостью. В середине мая 1586 г. монастырь закупал боеприпасы «для осадного времени». Как видим, монастырские служки и холопы в дни осады охраняли кремлевские стены вместе с верными Годуновым стрельцами.

Поднимать население на восстание – дело крайне опасное, особенно когда зачинщики восстания стремятся не к радикальным переменам, а к

простой смене правителей. Это еще раз показал московский бунт 1586 г. – чернь вышла из-под контроля Шуйских. Уничтожение клана Годуновых и, возможно, Романовых могло произойти только ценой большой крови и полного разгрома стрельцов. А что потом? Смогли бы в случае победы Шуйские обуздать московскую чернь? Однозначных ответов на эти вопросы у Шуйских, видимо, не было, и они решили заключить мир с Борисом Годуновым. Роль посредника взял на себя митрополит Дионисий. В нашей исторической литературе его принято называть сторонником Шуйских. На самом же деле Дионисий был хитрым и чрезвычайно честолюбивым человеком. Его поведение свидетельствует о том, что он не желал полной победы ни Шуйским, ни Годуновым. А сторону тех и других Дионисий принимал исключительно из тактических соображений. Он вел свою борьбу за власть. Заметим, у него было много шансов на успех. Дионисий мечтал стать наставником и фактическим правителем при набожном царе Федоре. В Средние века были десятки случаев, когда глава церкви становился главой светской власти при неспособном правителе.

С помощью Дионисия стороны быстро достигли компромисса. Князь Иван Петрович Шуйский вышел к восставшим и заявил, что Шуйские помирились с Годуновыми. Из толпы вышли два купца и сказали князю: «Помирились вы нашими головами: и вам от Бориса пропасть, и нам погибнуть». В ту же ночь эти два купца были схвачены.

Какое-то время условия соглашения между Годуновыми и Шуйскими более-менее выполнялись обеими сторонами. А тем временем Шуйские готовили страшный удар Борису – развод царя Федора с Ириной. (У Федора с Ириной не было детей: хотя царица неоднократно беременела, но каждый раз случались выкидыши.)

Вскоре представители земства вместе с митрополитом явились во дворец и подали царю Федору прошение, «чтобы он, государь, чадородия ради второй брак принял, а первую свою царицу отпустил во иноческий чин». Прощение это было равнозначно соборному приговору: его подписали князь Иван Шуйский и ряд членов Боярской думы, митрополит Дионисий, епископы и вожди посада – гости и торговые люди.

Шуйские недооценили характер Федора. Еще в последние годы жизни Иван Грозный пытался заставить развестись Федора, но каждый раз наталкивался на решительное сопротивление. Применить же крайние меры после убийства царевича Ивана Грозный не решался. Сейчас же развода требовал не свирепый царь-отец, а подданные. Заметим, что хотя Федор не любил лезть в государственные дела и доверял это ближним боярам, но при этом никогда не считал их равными себе.

Царь категорически отверг идею развода. Кроме того, красноречивому Борису удалось перетащить на свою сторону митрополита Дионисия. Вопрос о разводе царя был снят.

Настал черед и Годунову нанести ответный удар. Шуйских он решил оставить напоследок, а пока надо было свергнуть церковную верхушку. 13 октября 1586 г. по приказу царя митрополит Дионисий был лишен сана. Борис Годунов довольно мягко обошелся с честолюбивым митрополитом. Дионисия сослали в новгородский Хутынский монастырь, игуменом которого он был до своего назначения на митрополию. Его ближайшего сподвижника сарайского и крутицкого епископа Вар-лаама Пушкина отправили в Антониев монастырь в Новгороде. Опальные церковники получили возможность продолжать свои «беседы» в тиши и уединении. Место Дионисия на митрополичьей кафедре занял Иов.

Согласно «Истории патриарха Иова», в апреле 1569 г. Иван Грозный посетил Успенский монастырь, стоявший на берегу Волги напротив города Старицы. Царь обратил внимание на молодого монаха Иова – воспитанника архимандрита Германа. Был он красив, имел приятный голос, проникновенно читал наизусть Писание и произносил слова молитв столь трогательно, что Грозный царь со своими опричниками плакали в умилении... Царь повелел произвести Иова в архимандриты.

Родители Иова были простыми посадскими людьми, так что путь к светской карьере их сыну был закрыт. Но успехи в церковной карьере зависели гораздо больше от личных качеств человека, нежели от его происхождения. Вспомним, к примеру, что Никон и Аввакум были из одной деревни.

8 1571 г. Иов становится архимандритом московского Симонова монастыря, а через четыре года – архимандритом более престижного Новоспасского монастыря (родовой усыпальницы Захарьиных). 16 апреля 1581 г. Иов был рукоположен в сан епископа коломенского.

По свидетельствам современников, Иов имел достаточно хорошее образование, но был человеком посредственным. Такие люди навсегда задерживаются на средних ступенях служебной лестницы, они являются хорошими исполнителями, но мало подходят на роль главных действующих лиц.

9 января 1586 г., в разгар борьбы с Шуйскими, по велению Годунова Иова перевели из Коломны в Ростов и назначили архиепископом ростовским, ярославским и белозерским. Пробыв архиепископом менее года, Иов уже 11 декабря 1586 г. занял митрополичью кафедру.

В середине декабря 1586 г. Шуйские вновь организовали мятеж

московских горожан. О подробностях мятежа официальные летописцы молчат. Но любопытно донесение витебского воеводы польскому королю, отправленное в конце декабря. Воевода писал, что мятеж горожан в Москве возглавил Андрей Иванович Шуйский. Восставшие якобы напали на двор Годуновых и разгромили его. При штурме двора были убиты сам

Борис и 800 человек его сторонников. На самом деле штурм годуновского подворья не удался и сам мятеж был подавлен.

Расправа над побежденными на сей раз была жестче. Купец Федор Нагай и шесть купцов – сторонников Шуйских были публично казнены у кремлевской стены. Десятки торговых людей разослали по разным городам «на житье».

Князя Шуйские были отправлены в ссылку в свои вотчины. Но в начале 1587 г. Борис Годунов приказал взять под стражу Шуйских. Князя Ивана Петровича Шуйского схватили по дороге, когда он ехал в свою суздальскую вотчину. Иван Петрович под караулом был отправлен на Белоозеро. Там его постригли в монахи под именем Иова. 16 ноября 1588 г. старец Иов преставился, причем недруги Годунова утверждали, что его удавили по приказу Бориса. Пока ни современникам, ни историкам не приходило в голову обвинить Бориса в глупости или патологической жестокости. Так зачем же ему понадобилось убивать весьма популярного в народе человека, героя обороны Пскова, который, став монахом, уже не мог участвовать в политической борьбе, даже если бы ему удалось бежать из монастыря?

Князь Андрей Иванович Шуйский был отправлен в Каргополь, где через полгода скончался при невыясненных обстоятельствах. Естественно, и его смерть приписали козням Бориса.

В города Галич и Шую были сосланы братья Василий, Дмитрий, Александр и Иван Ивановичи Шуйские. Опалы непосредственно не затронули В.Ф. Скопина-Шуйского, который находился «на жаловании в Каргополе» и не принимал участия в мятеже 1586 года.

По отдаленным городам были разосланы и сторонники Шуйских. Так, князя И.А. Татеева сослали в Астрахань, И.Ф. Крюк-Колычева – в Нижний Новгород и т.д. На время из столицы был удален и свояк Шуйских князь Д.А. Ногтев-Суздальский. Его ссылка была почетной – он стал воеводой в Свияжске.

Сторонник Шуйских боярин Ф.В. Шереметев не подвергся опале вместе с Шуйскими и сохранил боярский чин. Но в

1589—1590 гг., видимо, не без связи с делом Шуйских, он был вынужден постричься в монахи.

Разгромив клан Шуйских, Борис дал ясно понять князьям Юриковичам, что им и их сторонникам нечего и мечтать о престоле.

Управление Россией из коллегиального, как это было в 1584—1585 гг., постепенно переходит в единоличное правление Бориса Годунова. Естественно, это сказывается и на богатстве рода Годуновых. В 1584—1586 гг. царь Федор жалует Борису и его родне десять вотчин. Отметим лишь пожалование в 1586 г. Бориса большой северной волостью Вага.

Англичанин Горсей писал в 1589 г., что годовой доход Годуновых составляет 175 тысяч рублей, и они могли выставить в поле сто тысяч воинов. Цифры эти несколько преувеличены, но они показывают по крайней мере порядок богатства Годуновых.

Еще в 1586 г. Борису Годунову пришла в голову мысль учредить патриаршество на Руси. Не будем спорить, чего больше хотел достичь Борис – величия России или усиления своей власти. С началом царствования Федора Борис не разделяет свои интересы с интересами России. Позднейшие историки, в значительной своей части настроенные враждебно к Годунову, не найдут ни одного поступка боярина, а затем и царя Бориса, совершенного в личных целях и шедшего вразрез с интересами государства.

Как известно, Русь приняла крещение от Византии. Главой православной церкви был константинопольский патриарх. Русская митрополия первые три века своего существования рассматривалась в Константинополе как второстепенная периферийная епархия. Флорентийская уния 1438 г. (попытка объединения с католиками) и взятие в 1453 г. Константинополя турками необратимо подорвали авторитет константинопольского патриарха. Одновременно Московское княжество стало мощным государством. Греческая церковь превратилась в иждивенку Москвы. В такой ситуации вполне понятно желание Москвы иметь своего патриарха рядом с единственным тогда православным государем – царем всея Руси.

С учреждением патриаршества в Москве надо было спешить, так как польский канцлер Ян Замойский уже поднимал вопрос с константинопольским патриархом о переносе патриаршеского престола в Киев. Вспомним, что к началу XVII века чуть ли не две трети бывшей Киевской Руси с православным населением находилось в составе Речи Посполи-той. Учреждение патриархии в Москве было не только задумано, но и лично исполнено Борисом Годуновым. В «черновой» работе ему помогали дьяки братья Андрей и Василий Щелкаловы. Боярская дума и московский клир в этой трагикомедии выполняли лишь роль статистов. В

1588 г. константинопольский патриарх Иеремия прибыл в Москву по приглашению Бориса. Кстати, это был первый визит константинопольского патриарха на Русь. Переговоры с патриархом затянулись более чем на полгода и велись исключительно Борисом и Щелкаловыми. Хитрый грек приехал в Москву за щедрыми субсидиями, а о Московском патриаршестве поначалу и слышать не хотел. Казалось бы, ситуация безнадежная, так как учреждение патриаршества без согласия главы православной церкви могло привести к расколу и смуте на Руси. Борис буквально шел по лезвию бритвы. Им был подкуплен один из спутников Иеремии архиепископ элассонский Арсений. После очередных безрезультатных переговоров Иеремия в присутствии Арсения ляпнул, что патриарха в Москве он ни за что не поставит, а в крайнем случае сам готов остаться в Москве патриархом. Арсений немедленно сообщил об этом Борису. Естественно, такой блестящий дипломат не упустил свой шанс. Московские приставы, охранявшие патриарха, начали просить его стать патриархом в Москве. Вроде бы по секрету передавали, что царь и бояре только и мечтают видеть Иеремию в Москве. Лесть вскружила голову Иеремии, и он, не дожидаясь официального предложения, публично согласился учредить в Москве патриархию и самому стать во главе ее. Патриарх попал в ловушку Бориса. Царь Федор прислал официальную грамоту: «Будет похочет быти в нашем государстве цареградский патриарх Иеремия, и ему быти патриархом в начальном месте во Володимире, а на Москве бы митрополиту по-прежнему; а не похочет... быти в Володимире, ино на Москве учинити патриарха из московского собору».

Грек быстро навел справки и выяснил, что к тому времени Владимир стал захолустным городком. Иеремия категорически отказался. Борис и Щелкаловы поочередно вели душевные беседы с патриархом. Борис обещал Иеремии несметные сокровища в обмен на грамоту о «постановлении митрополита Иова патриархом». Понятно, что никто другой Борису был не нужен. А Щелкаловы пояснили патриарху, что из Москвы он не уедет, пока не уступит. По одной версии грекам пригрозили утоплением в Москве-реке. Аргументы были неотразимы, и Иеремия уступил. 26 января 1589 г. константинопольский патриарх возвел Иова на московский патриарший престол. За это Иеремии из царской казны отвалили небывало большую сумму на построение новой патриаршей резиденции и нового собора в Константинополе.

Не забывал Борис заручиться и поддержкой среднего духовенства. Семейство Годуновых давало огромные вклады, по тысяче и более рублей, в Троице-Сергиев, Соловецкий, Кирилло-Белозерский, Иосифо-

Волоколамский монастыри. Таким образом, церковь в целом безоговорочно поддерживала Бориса.

Глава 5

Угличский детектив

Историю Смутного времени обычно начинают с 15 мая 1591 г. В жаркий субботний полдень было особенно тихо в древнем городе Угличе. Обедня началась в 10 часов утра^[17] и в двенадцатом часу закончилась, и горожане разошлись по домам.

Так же тихо было и в угличском деревянном кремле. Бывшая царица Мария Нагая вместе с сыном Димитрием отстояла обедню в Спасо-Преображенском соборе^[18], а затем Мария с сыном и придворными пошла в каменный дворец. Там царевичу Димитрию «платьецо переменили», и он отправился играть во двор в глухой угол кремля, примерно в 30 метрах от дворцового крыльца.

Почти в полдень в кремле ударили в набат. Сбежавшиеся горожане увидели бездыханное тело царевича с раной на горле. Мария и ее братья натравили народ на городскую администрацию, благо Дьячья изба находилась в нескольких десятках метров от дворца царевича. Началась расправа...

С угличской драмой неразрывно связаны последующие события Смутного времени. И как ни странно, интерес к происшедшему не только не угасает со временем, а, наоборот, растет. Наибольший всплеск внимания к угличскому делу проявился в начале XIX века после выхода в свет «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и пушкинской драмы «Борис Годунов».

За два века ожесточенных споров историки и литераторы так и не пришли к единому мнению о том, что произошло 15 мая 1591 г. Подавляющее большинство их разделяет три версии.

Согласно первой версии царевич Димитрий был зарезан убийцами, нанятыми Борисом Годуновым. По второй версии он зарезался сам в припадке эпилепсии. По третьей версии семейство Нагих заранее узнало об опасности, грозящей Димитрию, и заменило царевича другим мальчиком.

Начнем с последней версии. В маленьком Угличе чуть ли не все горожане знали в лицо царевича. Читателю нет нужды напоминать, что представители знати всегда занимали привилегированное положение в церквах на службах, во всевозможных церковных и светских шествиях, праздниках и т.п. Наконец, как могли обознаться многочисленные мамки,

няньки, мальчики – товарищи по играм, дворяне, представители городской администрации, видевшие труп младенца? А следственная комиссия из Москвы? Они что, тоже не осматривали труп убитого?

Бредовость третьей версии очевидна. Мало того что реализация ее была технически невозможна, даже идея подмены не могла прийти в головы Нагих. И дело не в том, что это семейство отличала скудость умственных способностей. Предположим, у Нагих нашлись умнейшие советники, так разве они не продумали бы последствий подмены. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что после убийства подставного ребенка последует ссылка или заточение Нагих. А как потом доказать, что царевич истинный? Ведь тогда московские правители могли без проблем объявить его самозванцем и посадить на кол без лишних разговоров.

Оппоненты могут возразить: мол, в 1605 г. вся Россия поверила в чудесное спасение царевича Димитрия. По сему поводу хорошо сказал современник польский канцлер Ян Замой-ский: «Зарезали и не посмотрели кого, это что, Плавтова комедия?» А через два века Пушкин напишет:

...ни король, ни папа, ни вельможи
Не думают о правде слов моих.
Димитрий я иль нет – что им за дело?
Но я предлог раздоров и войны.

К словам поэта можно добавить, что до «правды слов» самозванца не было дела ни московским боярам, ни обнищавшим дворянам южных городов, ни купцам и, само собой, ни холопам, мечтавшим избавиться от кабалы и вдоволь пограбить. Были, естественно, и люди, искренне верившие в чудесное избавление царевича, но и сейчас, в начале XXI века, имеется значительный контингент людей, готовых верить в плачущие иконы, в инопланетян, в оживление мамонтов, найденных в Сибири, и т.д.

Несколько более правдоподобна первая версия об убийстве царевича. Согласно ей злодей Годунов замыслил убить Димитрия. Тут мы предоставим слово историку С.М. Соловьеву: «Сначала хотели отравить Димитрия: давали ему яд в пищу и питье, но понапрасну. Тогда Борис призвал родственников своих, Годуновых, людей близких, окольного Клеш-нина и других, и объявил им, что отравой действовать нельзя, надобно употребить другие средства. Один из Годуновых, Григорий Васильевич, не хотел дать своего согласия на злое дело, и его больше не призывали на совет и чуждались. Другие советники Борисовы выбрали двух людей, по их мнению, способных на дело, – Владимира Загрязского и Никифора Чеп-чюгова; но они отреклись. Борис был в большом горе, что дело не дается; его утешил Клешнин. „Не печалься, – говорил он ему, – у меня много родных и друзей, желание твое будет исполнено“. И точно,

Клешнин отыскал человека, который взялся исполнить дело: то был дьяк Михайла Битяговский. С Битяговским отправили в Углич сына его Данилу, племянника Никиту Качалова, сына мамки Дмитриевой, Осипа Волохова; этим людям поручено было заведовать всем в городе. Царица Марья заметила враждебные замыслы Битяговского с товарищами и стала беречь царевича, никуда от себя из хором не отпускала. Но 15 мая, в полдень, она почему-то осталась в хоромах, и мамка Волохова, бывшая в заговоре, повела ребенка на двор, куда сошла за ними и кормилица, напрасно уговаривавшая мамку не водить ребенка. На крыльце уже дожидались убийцы; Осип Волохов, взявши Дмитрия за руку, сказал: „Это у тебя, государь, новое ожерелье?“ Ребенок поднял голову и отвечал: „Нет, старое“. В эту минуту сверкнул нож; но убийца кольнул только в шею, не успев захватить гортани, и убежал; Дмитрий упал, кормилица пала на него, чтобы защитить, и начала кричать: тогда Битяговский с Качаловым, избивши ее до полусмерти, отняли у нее ребенка и дорезали. Тут выбежала мать и начала кричать. На дворе не было никого, все родственники ее разошлись по домам; но соборный пономарь, видевший с колокольни убийство, заперся и начал бить в колокол; народ сбежался на двор и, узнавши о преступлении, умертвил старого Битяговского и троих убийц; всего погибло 12 человек. Тело Дмитрия положили в гроб и вынесли в соборную церковь Преображения, а к царю послали гонца с вестью об убийстве брата. Гонца привели к Борису; тот велел взять у него грамоту, написал другую, что Дмитрий сам зарезался, по небрежению Нагих, и велел эту грамоту подать царю: Федор долго плакал. Для сыску про дело и для погребения Дмитрия посланы были в Углич князь Василий Иванович Шуйский, окольничий Андрей Клешнин, дьяк Елизар Вылузгин и крутицкий митрополит Геласий. Посланные осмотрели тело, погребли его и стали расспрашивать угличан, как, по небрежению Нагих, закололся царевич? Им отвечали, что царевич был убит своими рабами – Битяговским с товарищами – по приказанию Бориса Годунова и его советников. Но, приехавши в Москву, Шуйский с товарищами сказали царю, что Дмитрий закололся сам. Нагих привезли в Москву и пытали крепко; у пытки был сам Годунов с боярами и Клешниным; но с пытки Нагие говорили, что царевич убит. Царицу Марью постригли в монахини и заточили в Выксинскую пустынь за Белоозеро; Нагих всех разослали по городам, по тюрьмам; угличан – одних казнили смертью, иным резали языки, рассылали по тюрьмам, много людей свели в Сибирь и населили ими город Пелым, и с того времени Углич запустел»^[19].

Итак, если верить этой версии, Борис Годунов вовлек в заговор не

менее двадцати человек, причем заранее было ясно, что кто бы ни убил Димитрия, то подозрение падет именно на них. Их допросят с пристрастием, и они расскажут все, что знают. То есть заранее было ясно, что скрыть преступление не удастся. Причем заметим, что Борис в 1591 г. не был неограниченным диктатором. Он был правителем в государстве, главой которого все-таки оставался царь Федор. Сторонники Годуновых имели сильное влияние в Боярской думе, но не составляли и трети ее состава. Вся знать, от опальных князей Шуйских до временных союзников Годунова Романовых, была рада любому поводу, чтобы свалить Бориса. А тут организация убийства царевича!

Но тут Годунова спасают... Нагие! Во все времена лиц, покушавшихся на владетельных особ, любой ценой старались взять живыми для допроса. А тут убивают безоружных не сопротивляющихся людей. А братья Нагие, которые вроде бы больше всех должны быть заинтересованы найти подлинных убийц, приказывают убить простых исполнителей, то есть спрятать концы в воду. XVI век – жестокий век, а Нагие не такие люди, чтобы дать легко умереть своим врагам. Если бы у Нагих было хоть малейшее основание считать Битяговского с компанией убийцами, почему бы их не пытаться – и компромат можно получить, и мучениями врагов насладиться. Итак, предположив, что Димитрий действительно убит Битяговским и компанией, мы неизбежно приходим к выводу, что братья Нагие искусно заметали следы, то есть к абсурду.

Примитивная версия убийства Димитрия по приказу Годунова уже 150 лет эксплуатируется драматургами и художниками. Тут и пушкинский «Борис Годунов»; «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис» А.К. Толстого, вплоть до современных картин Ильи Глазунова. Зарезанный царевич и терзаемый муками раскаяния убийца – тема, щекочущая нервы обывателя.

Если верить рассказам противников Годунова, в России с 1584 по 1603 г. никто из знатных людей не умер своей смертью. Все они, от Ивана Грозного до Ирины, вдовы царя Федора, были убиты Борисом Годуновым.

Мастистым ученым не приходит в голову, что в 1591 г. Годунову не было необходимости идти на чрезвычайные меры. Ведь царю Федору было всего 34 года. Вспомним, что у деда Федора Василия III наследник родился в 55 лет, а второй сын – в 57 лет. В том же году царица Ирина забеременела. Но, увы, в 1592 г. родилась девочка Федосья, да и та прожила всего два года. Любопытно, что в смерти племянницы враги также обвинили Годунова.

Но предположим, Борису приспичило покончить с Димитрием. Так надо ли было выдумывать опереточное убийство? Не проще было бы

обратиться к традиционным методам Московского государства, которыми пользовались Василий II, Иван III, Василий III и Иван IV. Нагих обвинили бы в государственной измене, в колдовстве и т.п., отдали бы от них Дмитрия и поместили бы его в надежное место под опеку надежных людей. А там он через несколько месяцев тихо отдал бы Богу душу, как это делали многие десятки удельных князей, включая маленьких детей. Причем в каждом таком случае никаких народных возмущений не наблюдалось.

Отсюда наиболее правдоподобной представляется вторая версия о самоубийстве царевича. Дело в том, что Дмитрий страдал эпилепсией. Как позже утверждали многочисленные свидетели, «и презже тово... на нем была ж та болезнь по месяцем беспрестанно». Сильный припадок был у Дмитрия за месяц до его смерти. Как показала мамка Волохова, перед «великим днем» Дмитрий в припадке «объел руки Онд-рееве дочке Нагова, одва у него... отнели». Андрей Нагой также подтвердил это, сказав, что царевич «ныне в великое говенье у дочери его руки переел», и раньше «руки едал» и у него, и у жильцов, и у постельниц: царевича «как станут держать, и он в те поры ест в нецывенье, за что попадетца». То же показала и вдова Битяговского: «...многажды бывало, как ево станет бити тот недуг и станут ево держати Ондрей Нагой и кормилицы и боярони и он... им руки кусал или за что ухватит зубом, то отъест».

Последний приступ эпилепсии у Дмитрия продолжался уже несколько дней. Начался он во вторник, к четвергу царевичу «маленко стало полехче», и мать взяла его к обедне, а потом отпустила на двор погулять. По показаниям мамки, в субботу Дмитрий во второй раз вышел на прогулку, и тут у него начался новый приступ.

Отметим и еще одну важную деталь. Дмитрий обожал играть ножами и игрушечными саблями. «Ну и что, – спросит читатель, – все мальчишки любят оружие». Да, но наши дети играют пластмассовыми или деревянными сабельками, и даже взрослый человек, повесивший настоящую саблю на стену, по нашим совково-демократическим законам рискует угодить на несколько лет в тюрьму.

В Средние же века дети феодалов с малых лет играли настоящим оружием. В европейских музеях имеются десятки или даже сотни образцов детских доспехов и детского по размеру и весу, но отлично заточенного оружия – ножей, стилетов, сабель, боевых топоров и т.п. Кстати, в X—XVII веках довольно часто проводились турниры и даже поединки детей в возрасте 8—12 лет, причем смертельные исходы таких поединков считались ординарным событием.

У Дмитрия с малых лет было предрасположение к жестокости. Он очень любил смотреть, как резали быков или баранов. Однажды зимой, играя со своими сверстниками, царевич велел слепить двадцать «снежных баб» и, дав им имена московских бояр, с криком «Вот что вам будет, когда я буду царствовать!» разбил им головы саблей. Любимой забавой малыша было, ловко орудуя сабелькой или маленькой железной палицей, убивать кур и гусей.

15 мая царевич вместе с другими детьми играл в тычку. Правила игры несложные – надо взять за острие лезвием вверх нож и метнуть в очерченный на земле круг. Внезапно с Дмитрием, державшим нож, случился приступ эпилепсии – «падучей болезни». Мальчик упал на нож и уколол горло. На шее непосредственно под кожным покровом находятся сонная артерия и яремная вена. При повреждении любого из этих сосудов смертельный исход неизбежен. Не исключен был и другой вариант – известно много случаев, когда больной во время приступов эпилепсии («эпилептических сумерек») кидался с ножом на близких или предпринимал попытку суицида. Произошла заурядная бытовая драма, подобные случаи сейчас не попадают на страницы даже «бульварной» прессы.

Естественно, что очевидцы не смогли определить, в какой момент царевич ранил себя – при падении или когда бился в конвульсиях на земле. Достоверно знали лишь одно – Дмитрий ранил себя в горло. Отсюда и разноречивые показания. Мальчики говорили, что Дмитрий «набросился на нож», а мамка Василиса Волохова утверждала, что «бросило его о землю, и тут царевич сам себя поколол в горло». Кроме них, смерть царевича издали видел стряпчий Семейка Юдин. Он не разглядел деталей, но подтвердил, что царевич закололся сам.

На крик прибежала мать – царица Марья. Она не стала слушать объяснения Волоховой, а схватила полено и стала бить ее, приговаривая, что Дмитрия зарезали Василисин сын Осип вместе с Данилой Битяговским и Никитой Качаловым. Потом царица велела своему брату Григорию Нагому бить Василису, и тот забил ее до полусмерти.

Странно, царица Марья трапезничала, ничего не видела, а увидев тело сына, сразу назвала имена трех убийц. Откуда такая информация? Тогда зачем она оставила сына под присмотром матери предполагаемого убийцы?

Увы, все дело обстоит гораздо проще. По прибытии в Углич семейство Нагих стало обирать город. Для пресечения злоупотреблений Боярская дума направила в Углич свою администрацию, во главе которой стоял дьяк Михайла Битяговский. Семейство Нагих утратило право бесконтрольно

распоряжаться доходами со своего удела и стало получать деньги «на обиход» из царской казны. Это, естественно, навлекло на дьяка ненависть семейства Нагих. Позже уцелевшие чины администрации заявили следственной комиссии, что Михаил Нагой постоянно «прашивал сверх государева указу денег ис казны», а Битяговский «ему отказывал», в результате чего между ними вспыхивали частые ссоры. Последняя стычка между Битяговским и Нагим произошла утром 15 мая. Понятно, что при виде окровавленного сына Марья инстинктивно произнесла имена ненавистного дьяка и его родни, добавив к ним мамку Волохову, не углядевшую за ребенком.

Мария Нагая приказала церковному сторожу Максиму Кузнецову ударить в колокола в церкви Спаса. Набат поднял на ноги весь город. Вокруг мертвого царевича собралась толпа. Через некоторое время появились и дядья царевича Михаил и Григорий Нагие. Оба брата были навеселе, причем Михаил плохо закусил, ибо потом свидетели показывали, что он «мертв пьян был».

В момент гибели Дмитрия его «убийцы» Битяговские всей семьей обедали у себя дома. Мало того, за столом с ними сидел поп Богдан, который был духовником Григория Нагого. На следствии Богдан изо всех сил выгораживал царицу и ее братьев. Но он простосердечно подтвердил перед комиссией Шуйского, что, когда ударили в набат, был в доме Битяговских и сидел за одним столом с дьяком и его сыном. Так что у Битяговских было стопроцентное алиби.

Услышав набат, Михайла Битяговский выскочил из-за стола, сел на коня и поскакал в кремль. Там он увидел толпу, избивавшую Василису Волохову и ее сына Осипа. Битяговский прикрикнул на толпу, а затем принялся уговаривать Нагого, чтобы «он, Михайла, унял шум и дурна которого не зделал».

Предположим на секунду, что Битяговский, пусть не участник убийства, но осведомлен о заговоре. Зачем тогда ему останавливать самосуд? Забьют до смерти Волоховых, и концы в воду. Я уж не говорю, что Михайла Битяговский мог бы в день убийства оказаться в отъезде – на охоте или на ревизии окрестных сел.

Битяговский с Качаловым не дали разъяренной толпе забить Волоховых до смерти, чем окончательно взбесили Марию Нагую и ее братьев. Нагие натравили толпу на Битяговских. Те вынуждены были бежать и укрылись в главном административном здании Углича – Дьячьей избе. Однако чернь взяла штурмом Дьячью избу, убила дьяка, его сына и несколько холопов Битяговских.

Но Нагим этого показалось мало, и они направили толпу на разгром подворья Битяговских. Подворье было разграблено, убийцы «питье из погреба в бочках выпив, и бочки кололи». Жену Михайлы Битяговского, «ободрав, нагу и простово-лосу поволокли» с детьми к кремлю. Туда же привели и Осипа Волохова, которого отыскиали в доме Битяговских.

В самый разгар событий в кремль прибыли архимандрит Феодорит и игумен Савватий. В тот день они оба служили обедню в одном монастыре. Феодорит и Савватий попытались остановить самосуд. Они «ухватили» жену Битяговского с дочерьми «и отняли их и убить не дали».

Феодорит и Савватий видели в церкви рядом с телом царевича «за столпом» Осипа Волохова, сильно израненного. Но они не смогли, а скорее всего не захотели спасти Осипа. Зато Василиса Волохова отчаянно боролась за жизнь сына. Она просила Марию Нагую «дати ей сыск праведной». Но царица была неумолима. Едва только Савватий и Феодорит вышли из церкви, она выдала Осипа на расправу толпе, сказав: «То деи убоица царевича». Обратим внимание, что убийство Осипа Волохова произошло через несколько часов после того, как Марья Нагая увидела труп сына. И за это время ни она, ни ее братья не задумались о том, чтобы учинить «сыск праведной». А ведь Осип, по версии Нагих, и был убийцей царевича. Если бы Осип убил Дмитрия, то его ожидали бы жесточайшие пытки, а затем мучительная казнь. Это было прекрасно известно как Марье Нагой, так и Василисе Волоховой. Если бы Осип был убийцей, то мать обрекала на дикие муки не только его, но и саму себя. В Средние века известны десятки случаев, когда матери подкупали палачей и других людей, чтобы те быстро убили их сына и тем самым избавили его от квалифицированной казни. А тут все наоборот – концы в воду прячет Мария Нагая с братцами.

Позже противники Годунова будут утверждать, что Василису Волохову направил в Углич Борис Годунов. Это подхватят падкие до сенсаций писатели. Вспомним драму А.К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». На самом же деле Волохова много лет служила «постельницей» при Иване Грозном – ведала бельем в царской опочивальне. Она пользовалась полным доверием подозрительного царя. После смерти Грозного Василиса осталась при его вдове. Уже в Угличе Василиса выдала свою дочь замуж за Никиту Качалова, племянника ненавистного царице дьяка Михайлы Битяговского. Мария Нагая сочла это предательством, и Василиса из любимиц превратилась в предмет ненависти царицы.

Всего 15 мая по приказу Нагих толпа линчевала пятнадцать человек. Трупы их были брошены в ров у стен Угличского кремля. На третий день в

Углич должна была прибыть следственная комиссия из Москвы. Лишь теперь до Нагих дошло, что за убийства придется отвечать. Ночью накануне приезда комиссии Михаил Нагой и его сторонник в администрации приказчик Русин Раков решили сфабриковать улики, свидетельствовавшие о виновности убитых. В этом им помогали слуга Григория Намого Борис Афанасьев и холоп Михаила Намого Тимофей. В частности, Тимофей принес живую курицу и зарезал ее. Кровью курицы были измазаны несколько длинных ногайских ножей и железных палиц, которые Русин Раков отнес в ров и положил на трупы Битяговских и их сторонников.

Руководить следствием в Угличе Боярская дума, а не один Борис Годунов, назначила Василия Ивановича Шуйского. К этому времени он был возвращен из ссылки и занял свое место в Боярской думе. Позже ряд историков и особенно писателей будут утверждать, что-де Шуйский стал зависимым клиентом, чуть ли не агентом Годунова. На самом деле Василий Иванович Шуйский был самым хитрым и изворотливым из бояр Шуйских. Ни о какой рабской зависимости Василия Шуйского от Годунова не могло быть и речи. Хотя с братьев Василия Шуйского и не была снята опала, они сохранили большинство своих вотчин. Богатейшими вотчинниками и членами думы оставались Скопины-Шуйские, которых опала вообще не коснулась. В такой ситуации расправа Годунова над руководителем следственной комиссии Василием Шуйским могла стоять Борису головы.

Замечу, что выбор Боярской думы был обусловлен не только знатностью Василия Шуйского, но и тем, что он до своей опалы в 1587 г. был начальником Судного приказа, то есть, говоря современным языком, что-то вроде генерального прокурора страны. Кому, как не ему, было поручить вести столь важное дело.

От церковных властей в состав комиссии вошел митрополит крутицкий Геласий. Заметим, что Годунова безоговорочно поддерживал патриарх Иов, но в церковных верхах была сильна оппозиция Годуновым. Мы увидим, что она сохранится, даже когда Борис станет царем. Никому из противников Годуновых не пришло в голову обвинять Геласия в прислужничестве Борису Годунову.

Важную роль в комиссии играли окольничий Андрей Петрович Клешнин и думный дьяк Елизар Вылузгин. Клешнин действительно поддерживал хорошие отношения с Годуновым, но, что гораздо более важно, он был зятем Михаила Намого. Елизар Вылузгин заведовал Поместным приказом и среди приказных чиновников занимал одно из первых мест. В Угличе он имел в своем распоряжении штат подьячих, на

которых и лежала вся практическая организация следствия. Члены комиссии принадлежали к различным придворным группировкам. Все они шпионили друг за другом, пристально следили за всеми действиями своих «коллег», чтобы использовать в своих интересах любую малейшую их оплошность. Таким образом, утверждение, что-де все члены комиссии были приверженцами Годунова, является досужим вымыслом.

Ряд историков XIX века, пристрастно относившихся к Годунову, выступали с утверждением, что дошедшее до нас следственное дело о смерти царевича представляет собой подделку. Сразу же бросались в глаза следы поспешной обработки «углицкого дела». Кто-то разрезал и переклеивал листы, придавая им неправильный порядок, начало вообще исчезло.

Реконструировать следственное дело взялся его издатель В.К. Клейн. Он обратил внимание на ржавые пятна, покрывавшие многие страницы. Пятна были различной величины, но имели одинаковую конфигурацию. Это дало основание Клейну предположить, что документ пострадал от влаги еще в то время, когда хранился в архиве свернутым в свиток. Больше всего пострадали наружные листы, ближе к центру размер пятен уменьшался, а внутренние листы были и вовсе чистыми, так как влага туда не проникла. Учитывая размеры пятен, Клейн уложил разрезанные листы в нужном порядке, и сразу появился связный и полный текст. Отсутствовали лишь первые листы, которые, очевидно, намокли больше всего и затем просто отвалились. В Средние века на Руси принято было рукописи скатывать в свитки, и последние листы оказывались наружными. В «углицком деле» почему-то, наоборот, наружными были первые листы. Это и неудивительно. Ведь чтобы прочитать свиток, его надо было перемотать, чтобы начало оказалось снаружи. И в архивах рукописи всегда хранились уже подготовленными для чтения, то есть перемотанными. Это и объясняет, почему подмокли именно первые листы, а не последние. Во времена царствования Петра I архивы перешли на новую систему хранения документов. Большие и неудобные для чтения свитки архивариусы перекомпоновывали в тетради. Они-то и разрезали угличское дело на отдельные листы, которые потом оказались перепутанными.

Есть мнение, что сохранившееся угличское дело – это беловик, составленный в Москве канцелярией Бориса Годунова, а черновики допросов, написанные в Угличе, не дошли до наших дней. Палеографическое исследование рукописи опровергает эту версию. «Угличское дело» написано многими писцами, можно выделить шесть основных почерков писцов. Кроме того, в тексте документа имеется не

менее двадцати подписей свидетелей из Углича. Все подписи строго индивидуализированы и отражают степень грамотности писавших. Не могли же все эти свидетели приехать из Углича в Москву, чтобы подписать беловик.

По прибытии в Углич комиссия подробно опросила сотни людей. Первым делом члены комиссии тщательно осмотрели трупы царевича Дмитрия и жертв самосуда Нагих. Естественно, ни у кого не возникло и тени сомнения, что погиб именно царевич Дмитрий, а не какой-то другой мальчик. Отпевание царевича вел лично митрополит Геласий в присутствии других членов комиссии.

Окровавленные ножи и палицы на трупах Битяговских с товарищами, естественно, не смогли обмануть комиссию. Мало того, приказчик Русин Раков струсил и рассказал Василию Шуйскому о том, как в ночь перед приездом комиссии по приказу Нагих он отнес в ров и бросил на трупы измазанное куриной кровью оружие. Михаил Нагой не хотел в этом сознаваться, но был изобличен. На очной ставке с Раковым холоп Нагого Тимофей подтвердил показания приказчика и рассказал, что сам принес курицу и зарезал ее в чулане. Григорий Нагой не стал заператься, а сразу признался, что взял ногайский нож у себя дома, а также принимал участие в изготовлении других «улик».

Допрос главных свидетелей окончательно разрушил версию о преднамеренном убийстве царевича Дмитрия.

Трагедия произошла ясным солнечным днем на глазах у многих людей. Комиссии не составило труда установить все имена непосредственных свидетелей происшедшего. Василию Шуйскому давали показания мамка Волохова, кормилица Арина Тучкова, постельница Мария Колобова и четыре мальчика, игравшие с царевичем в тычку. Самое большое значение следователи придавали показаниям мальчиков, так как те ближе всего находились к царевичу. Следователи дважды сформулировали один и тот же вопрос, чтобы добиться точного ответа. Сперва они спросили: «Хто в те поры за царевичем были». Мальчики ответили, что «были за царевичем в те поры только они четыре человека да кормилица да постельница». После этого члены комиссии спросили прямо в лоб: Осип Волохов и Да-нило Битяговский «в те поры за царевичем были ли?» Все четыре мальчика ответили отрицательно. Мальчики точно и живо описали, что произошло на их глазах: «Играл-де царевич в тычку ножиком с ними на заднем дворе и пришла на него болезнь – падучей недуг – и набросился на нож».

Может быть, мальчики сочинили всю эту историю о припадке

царевича в угоду Шуйскому, не испугавшись гнева своей государыни – Марии Нагой? Это опровергается показаниями взрослых свидетелей.

Трое дворцовых служителей Марии Нагой – подключники Ларионов, Иванов и Гнидин – дали следующие показания: когда царица села обедать, они стояли «вверху за поставцом, ажно деи бежит в верх жилец Петрушка Колобов, а говорит: тешился деи царевич с нами на дворе в тычку ножом и пришла деи на него немочь падучая, да в ту пору, как ево било, поколосся ножом, сам и оттого и умер».

Петрушка Колобов был старшим из четверых мальчиков, игравших с царевичем. Он повторил следственной комиссии то, что сказал подключникам через несколько минут после смерти царевича.

Показания Петрушки Колобова и остальных мальчиков подтвердили Мария Колобова, мамка Волохова и кормилица Арина Тучкова. Кормилица особенно убивалась о царевиче. В присутствии царицы Марии и Василия Шуйского она назвала себя виновницей несчастья: «Она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная... и он ножом поколосся...» Кормилица была любимицей царицы Марии. Не ее, а Василису Волохову царица била поленом над трупом сына, хотя обе были виноваты одинаково, обе недосмотрели за ребенком.

Смерть царевича своими глазами видели семь человек. Позже отыскался и восьмой свидетель.

На допросе приказного Протопопова следователи установили, что он впервые услышал о смерти царевича от ключника Тулубеева, причем ключник рассказал о происшествии со всеми подробностями. Вызвали Тулубеева. Он сослался на стряпчего Юдина. Им устроили очную ставку, и дело сразу прояснилось. В полдень 15 мая Юдин стоял в верхних покоях «у поставца» и смотрел в окно, как мальчики играют в тычку. Трагедия произошла на его глазах. По словам Юдина, царевич играл во дворе в тычку и накололся на нож, и Юдин сам это видел. Потом он рассказал все увиденное своим приятелям. Но он знал, что царица Мария настаивала на убийстве, и поэтому счел благоразумным уклониться от дачи показаний.

Показания всех главных свидетелей «углицкого дела» совпадают по существу, но индивидуальны по словесному выражению. Это доказывает их достоверность. Совсем другое впечатление вызывают показания второстепенных свидетелей, которых оказалось более сотни. Уж очень их показания стереотипны. Если несколько лиц пользуются одними и теми же оборотами, то сразу же возникает подозрение в ложности их показаний. Но появление штампов в следственном деле также можно объяснить. Допрос основных свидетелей, видевших трагедию собственными глазами,

позволил нарисовать достаточно точную картину происшедшего. Остальные же свидетели знали о смерти царевича с чужих слов и не могли добавить ничего нового. Эти второстепенные свидетели в основном были дворовыми людьми – неграмотными, некультурными и косноязычными. Чтобы добиться от них вразумительных ответов, надо было потратить уйму времени. Но времени было мало, и поэтому члены комиссии фиксировали ответы второстепенных свидетелей с помощью стереотипа, заключенного в самом вопросе. В те времена в приказной практике такой прием использовался очень часто.

Ряд историков утверждает, что все свидетельские показания были получены под действием угроз. Факт жестоких преследований жителей Углича засвидетельствован многими источниками. Но репрессии на самом деле имели место не в дни работы следственной комиссии Шуйского, а много месяцев спустя. Комиссия же не преследовала своих свидетелей. Исключение составил лишь один случай, зафиксированный в следственных материалах. «У распросу на дворе перед князем Василием» слуга Битяговского «изымал» царицына конюха и обвинил его в краже вещей дьяка Битяговского. Эти обвинения подтвердились, и конюха с сыном взяли под стражу. На том и закончились все репрессии угличан в дни следствия.

Нарисованная следствием картина гибели царевича Дмитрия была на редкость полна и достоверна. Расследование практически не оставило места для неясных вопросов.

Наши историки традиционно опускают факт осмотра комиссией тела убитого царевича. А между прочим, члены комиссии сразу же по прибытии в Углич 19 мая первым делом отправились в Спасо-Преображенский собор. Их сопровождали мать, родные царевича и «все добрые граждане». Нагие подсутились и подложили на тело Дмитрия окровавленный нож. Василий Шуйский лично, в присутствии десятков людей, собравшихся в соборе, брезгливо отложив нож в сторону, внимательно рассматривал лицо ребенка, а затем его рану на гортани.

В субботу 22 мая в Спасо-Преображенском соборе митрополит Геласий совершил отпевание и со всеми подобающими царевичу почестями предал его тело погребению в этом же храме, который еще в удельное время служил усыпальницей угличских князей.

Обратим внимание, труп ребенка восемь дней лежал на открытом воздухе, а это по новому стилю с 25 мая по 1 июня, причем, по данным следственного дела, погода была жаркая, вскрытия тела и бальзамирования не проводилось. Риторический вопрос, что будет с трупом за восемь дней? Теперь предположим, что тело царевича пусть не благоухало, но по

крайней мере не воняло. Это, естественно, должно было заинтересовать и Геласия, и местное духовенство и найти какое-то отражение в следствии. Но, увы, тело разлагалось самым естественным образом.

Результаты следствия в Угличе были рассмотрены 2 июня 1591 г. на церковном соборе в Москве. Собор единодушно утвердил приговор:

«И патриарх Иев со всем освященным собором, слушев уг-летцкого дела, и сказу митрополита Галасеи, и челобитные городского приказщика Русина Ракова, говорил на соборе.

В том во всем воля государя царя и великого князя Федора Иоанновича всея Руси: а прежде сего такова лихова дела и такие убойства стались и крови пролитье от Михаила от Нагово и от мужиков николи не было.

А перед государем царем и великим князем Федором Иоанновичем всея Руси Михаила и Григория Нагих и углетцких по-садцких людей измена явная, что царевицу Дмитрею смерть учинилась божьим судом, а он, Михайло Нагой, государевых приказных людей: дияка Михаила Битяговского с сыном, и

Микиту Кочалова, и иных дворян, и жильцов, и посадских людей, которые стояли за Михаила Битяговского и за всех за тех, которые стояли за правду и разговаривали посадцким людем, что они такую измену зделали, – велел побити напрасно, умыш-леньем, за то, что Михайло Битяговской с ним, с Михаилом с Нагим, бранился почасту за государя, что он, Михайло Нагой, держал у себя ведуна Ондрюшу Мочалова и иных многих ведунов.

И за то великое изменное дело Михайло Нагой з братьею и мужики углечане по своим винам дошли до всякого наказанья. А то дело земское, градское, в том ведает бог да государь царь и великий князь Федор Иоаннович всея Руси, все в его царьской руке, и казнь, и опала, и милость, о том государю как бог известит.

А наша должная молити господа бога, и пречистую богородицу, и великих русских чюдотворцов Петра, и Алексея, и Иону, и всех святых о государе царе и великом князе Федоре Иоанновиче всея Руси и о государыне царице и великой княгине Ирине о их государьском многолетном здравии и о тишине ме-жусобной брани».

На основании патриаршего приговора царь Федор приказал схватить Нагих и угличан, «которые в деле объявились», и доставить их в Москву.

Еще раз отмечу, репрессии в Угличе начались только после вынесения соборного приговора, а до этого комиссия Шуйского никого и пальцем не тронула.

Есть и еще любопытная деталь, которую почему-то игнорируют наши историки. Многие «активисты» Нагих, как, например, тот же холоп

Михаила Нагого Тимофей, по завершении следствия бежали из Углича. Угличане, оставшиеся в городе, были наказаны в соответствии со степенью участия в убийствах. Всего было наказано несколько десятков человек, одним отрубили голову, другим отрезали язык, а 60 семей сослали в Сибирь в город Пелым. Был «наказан» даже колокол в церкви Спаса, в который бунтовщики ударили в набат. Колокол публично высекли плетьюми, отрубили ухо, вырвали язык и отправили в Тобольск, где он был записан «первоссылным неодоушевленным». В Тобольске колокол весом 19 пудов 20 фунтов (около 320 кг) был установлен на Софийской колокольне, а затем, после пожара, стоял на земле. В 1887 г. уроженец Углича Л.Ф. Соловьев обратился с ходатайством к императору Александру III с просьбой вернуть ссыльный колокол в Углич. И вот по высочайшему повелению в 1892 г. колокол был доставлен в Углич.

Братьям Нагим заодно с убийствами в Угличе навесили поджоги домов в Москве летом 1591 г. По совокупности преступлений их разослали «по городам». Марию Нагую «за недосмотрение за сыном» отправили в Николовыксинскую пустынь (монастырь), где она была пострижена под именем Марфы. Позже ее перевели в Горицкий Воскресенский женский монастырь на реке Шексне.

Собственно, на этом угличская история и закончилась. О смерти царевича Димитрия все забыли, тем более что в сентябре 1591 г. царица Ирина вновь понесла. На сей раз ей удалось доносить ребенка. Если бы ей удалось родить здорового сына, то об инциденте в Угличе в многотомной «Истории России» Соловьева остался бы один абзац. Но, увы, 26 мая 1592 г. у царя Федора родилась дочь, названная Федосьей. Она часто болела и умерла 25 января 1594 г. Через несколько лет и ее сделают жертвой «коварного» Бориса.

Глава 6

Смерть царя Федора и коронация Годунова

6 января 1598 г. умер царь Федор Иоаннович – последний правитель из рода Ивана Калиты. Государство Российское оказалось без легитимного наследника.

На Руси в X—XIV веках подобный династический кризис решился бы просто. Престол перешел бы к наиболее знатному князю Рюриковичу – вассалу московского князя. Точно так же поступили бы во Франции, Испании и других странах Западной Европы.

Грозный устроил грандиозное избиение российской аристократии. Причем потомки храбрых князей – властителей Руси, как бараны, покорно ждали, пока за ними придут палачи. Лишь у одного Андрея Курбского* хватило ума и смелости драпануть за бугор от кровавого тирана. * Потомок ярославских князей.

Но в Московском государстве князья Рюриковичи и Геди-миновичи за сто с лишним лет перестали быть вассалами и соратниками великого князя Московского, а стали его холопами. Иван III убивал в темницах без суда и следствия знаменитых князей Рюриковичей, причем не только прощенных ранее противников в войне с Дмитрием Шемякой, но и верных союзников, которым он был обязан не только престолом, но и жизнью. А его достойный сын Василий уже мог позволить себе публично называть князей смердами и бить их плетью. Опять же, так было принято на Востоке. Попробовал бы Генрих IV или даже Людовик XIV бить плетью или дубинкой, как наш «великий» Петр, герцогов и графов на балу.

Даже находившиеся в фаворе внуки и правнуки удельных князей при Василии III и Иване Грозном, подписывая грамоты, уничижительно коверкали свои имена. Дмитрий подписывался Дмитряшкой или Митькой, Федор – Федькой, Василий – Васьком и т.д.

Естественно, что к 1598 г. народ считал Митек и Васьков царскими холопами, хоть и высокопоставленными, и богатыми.

В итоге главными претендентами на престол стали двое абсолютно нелегитимных и один абсолютно легитимный персонаж, причем в жилах всех троих не было ни одной капли крови Рюриковичей^[20].

Законным претендентом был татарин... нет, большинство читателей угадало неправильно, не Годунов, а Государь великий князь всея Руси Симеон Бекбулатович. В октябре 1575 г. царь Иван устроил очередной фарс – отрекся от престола, а на трон посадил крещеного татарина Симеона Бекбулатовича, потомка касимовских ханов. Иван IV, юродствуя, затем писал челобитные новому «правителю»: «Государю великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси Иванец Васильев с своими детишками с Ыванцом да с Федорцом челом бьют: что еси государь милость показал». Оперетта продолжалась 11 месяцев, после чего Иван «учинил» Симеона великим князем Тверским. После этого Симеон не играл никакой роли в жизни Московского государства, хотя и имел большое состояние.

Обычно князья Рюриковичи, даже имея законного наследника, оставляли «духовные грамоты», где подробно расписывали, кому и чем владеть после смерти князя. Но царь Федор Иоаннович не оставил никакого письменного завещания. Другой вопрос, что современники и позднейшие историки приводят не менее дюжины вариантов устного завещания Федора. К примеру, немецкий наемник Конрад Буссов^[21] писал, что царица Ирина убеждала мужа вручить скипетр ее брату, Борису Годунову, но царь предложил скипетр старшему из своих двоюродных братьев, Федору Никитичу Романову, имевшему на престол ближайшее право. Федор Никитич уступил скипетр своему брату Александру, Александр – третьему брату, Ивану, а Иван – Михаилу, Михаил – какому-то знаменитому князю, так что никто не брал скипетра, хотя каждому и хотелось взять его. Царь Федор, долго передавая жезл из рук в руки, потерял терпение и сказал: «Так возьми же его, кто хочет!» Тут сквозь толпу важных особ протянул руку Борис Годунов и схватил скипетр.

Нелегитимными кандидатами были Борис Годунов и Федор Романов.

Этот эпизод прекрасно выглядел бы на сцене, но, увы, он не имеет ничего общего с действительностью. И писал это Бус-сов уже после воцарения Михаила Романова.

Куда ближе к истине версия русского летописца, где на вопрос патриарха: «Кому царство, нас сирот и свою царицу приказываешь?» Федор тихим голосом отвечал: «Во всем царстве и в вас волен Бог: как ему угодно, так и будет; и в царице моей Бог волен, как ей жить, и об этом у нас улажено». Патриарх Иов в житии Федора говорит, что царь вручил скипетр своей супруге. Но в других источниках, заслуживающих в этом отношении большего доверия, в избирательных грамотах Годунова и Михаила Романова, сказано: «После себя великий государь оставил свою благоверную великую государыню Ирину Федоровну на всех своих

великих государствах».

Доподлинно можно утверждать, что Федор умер внезапно и похоронили его быстро и в суматохе. Когда в 50-х гг. XX века могила Федора была вскрыта, то там оказались останки, одетые в простой мирской кафтан, перепоясанный ремнем. И даже сосуд для мирры был положен не по-царски простой, то есть «освятованный» царь, прошедший жизнь в постах и молитвах, не сподобился обряда пострижения, в то время как в роду Ивана Калиты предсмертное пострижение стало своего рода традицией со времен Василия III и Ивана Грозного.

Летопись о многих мятежах и разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев по преставлении царя Иоанна Васильевича. М., 1788.

Не исключено, что Федор вообще ничего не сказал перед смертью. Боюсь, некоторым читателям уже надоело, что я часто излагаю две или более версий одного события. Но если мы даже точно не знаем, как умер Сталин, и о его смерти каждый пишет свою версию, то что делать с событиями четырехсотлетней давности?

Как только Федор испустил дух, всем стало не до него. У всех на устах был один вопрос: «Кто?»

Понятно, что Симеон Бекбулатович, живший в тиши в селе Кушалино под Тверью, мало подходил на роль государя всея Руси. Тем не менее он нашел поддержку среди ряда бояр и князей. Дело в том, что именно ничтожество Симеона было привлекательно для некоторых князей и выходцев из старомосковского боярства. Не следует забывать, что рядом была Речь Посполитая, где польские магнаты имели огромную власть и были почти независимы от короля.

В первые же дни после смерти царя Федора патриарх Иов проявил неожиданную для себя активность. Иов оперативно пишет «Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Иоанновича всея Руси». Это не обычное житие, а программный политический документ, панегирик царю Федору и его шурина Борису.

Патриарх восхваляет Федора: «...хотя и превысочайшего Российского царствия честный скипетр содержал, но Богу всегда ум свой вверял, и душевное око бодро и неусыпно хранил, и сердечную веру всегда благими делами исполнял, тело же свое повсегда удручал церковным пением, и дневными правилами, и всенощными бдениями, и воздержанием, и постом».

При этом Иов открыто заявил, что фактическим правителем при царе Федоре был Борис Годунов: «Был тот Борис Федорович зело преизрядной

мудростью украшен, и саном более всех, и благим разумом превосходя. И пречестным его правительством благочестивая царская держава в мире и в тишине цвела. И многое тщание показал по благочестии, и великий подвиг совершил о исправлении богохранимой царской державы, яко и самому благочестивому царю... дивиться превысокой его мудрости, и храбрости, и мужеству...

Сей же изрядный правитель Борис Федорович своим бод-роопасным правительством и прилежным попечением по царскому изволению многие грады каменные создал, и в них превеликие храмы в славословие божие возградил, и многие обители устроил, и самый царствующий богоспасаемый град Москву, как некую невесту, преизрядной лепотой украсил: многие в нем прекрасные церкви каменные создал и великие палаты устроил, так что и зрение их великому удивлению достойно; и стены градные окрест всей Москвы превеликие каменные создал, и величества ради и красоты переименовал его в Царе-град; внутри же его и палаты купеческие создал во упокоение и снабдение торжникам. И иное многое хвалы достойное в Русском государстве устроил».

Благоговейно описав кончину царя Федора, Иов уверяет паству, что род Ивана Калиты не пресекся: «...ныне же... грех ради всего народа православного христианства... царьского его корени благородных чад не остася, и по себе вручив скипетр благозаконной своей благоверной царице и великой княгине Ирине Федоровне всяя Руси... Изрядный же правитель, пре-жереченный Борис Федорович, вскоре повеле своему царьско-му синклиту животворящий крест целовати и обет свой благочестивой царице предавати, елико довлеет пречестному их царь-скому величеству. Бе же у крестного целования сам святейший патриарх и весь освященный собор».

Таким образом, преемницей Рюриковичей на российском престоле стала царица Ирина.

Когда во время похорон царя Федора все архиереи, сановники и народ безутешно рыдали, «благочестивая же царица от великия печали и сама близ смерти пребывала», тогда «изрядный правитель, прежереченный Борис Федорович сугубу печаль в сердце своем имущи, и об отшествии к Богу благочестивого царя сетовал, и о безмерной скорби благородной сестры своей благоверной царицы рыдал, и земного правления тишину и мир с опасением устраивал».

Как видим, патриарх довольно грамотно обосновал необходимость передачи престола Борису Годунову. Иова совершенно справедливо называли ставленником Бориса, но тут интересы клана Годуновых абсолютно совпадали с интересами церкви и всего государства

Российского.

Под давлением Иова и чтобы не вызвать кризиса власти, Боярская дума присягнула царице Ирине. При жизни царя Федора Ирину Годунову титуловали «великой государыней». Как писал Р.Г. Скрынников: «...такое звание не равнозначно было реальному царскому титулу. До Лжедмитрия и после него цариц не только не короновали, но и не допускали к участию в торжественной церемонии. Ирина наблюдала за венчанием Федора из окошка светлицы. Не будучи коронованной особой, связанной с подданными присягой, Годунова не могла ни сама обладать царской властью, ни передать ее своему брату»^[22].

На это легко возразить примерами из русской истории, вспомнив правление Елены Глинской, вдовы Василия III, правление в Новгороде Марфы Борецкой, вдовы посадника Борецкого, я уж не говорю о княгине Ольге.

Сразу же после смерти мужа Ирина стала издавать от своего имени указы (в XIV—XVI веках московские правители сами не подписывали указов, а писец ставил их имена и государственную печать). Первым же указом Ирина провела всеобщую полную амнистию, повелев без промедления выпустить из тюрем всех опальных изменников, воров, разбойников и т.д.

Патриарх Иов разослал по всем епархиям приказ целовать крест царице. В пространном тексте присяги содержалась клятва верности патриарху Иову, православной вере, царице Ирине, правителю Борису Годунову и его детям. Естественно, что такая формулировка вызвала недоумение у части населения. Значительная часть московской знати и простой народ в отдельных местах отказывались присягать.

Разумеется, и Иов, и Борис прекрасно понимали, что одной такой присяги недостаточно для воцарения новой династии. Поэтому они делают ряд умных политических ходов.

15 января 1598 г., то есть через неделю после смерти мужа, царица Ирина покидает Кремль и отправляется из Москвы в Новодевичий монастырь^[23], где принимает постриг под именем

Александры. Тем не менее новая монашка продолжала подписывать (скреплять печатью) все царские указы, изменив только подпись – вместо «царица Ирина» стало «царица инокиня Александра».

В те времена отъезд из столицы в период нестабильности был классическим ходом монарха. Вспомним отъезд Анны Австрийской с малолетним Людовиком XIV из Парижа во время Фронды, отъезд царевны

Софьи Алексеевны из Москвы в ходе стрелецких волнений и т.д.

В Новодевичьем монастыре было намного безопаснее в случае бунта черни, с одной стороны, а с другой – там царица-инокиня практически не испытывала давления Боярской думы. Через несколько дней в Новодевичий монастырь приехал и Борис Годунов.

Избрание Бориса Годунова на царство довольно подробно изложено нашими историками. Тут нужно отметить очень важную деталь. Как официальные царские, так и либерально-демократические историки XIX века по разным причинам преувеличивали значение Земских соборов конца XVI – начала XVII века. Первые доказывали, что избрание царей Земским собором выражало волю народа, мечтавшего о самодержавном государе, а вторые, наоборот, доказывали, что, мол, издревле верховная власть на Руси принадлежала Земским соборам. Последнее утверждение хорошо вписывалось в программу либералов конца XIX – начала XX века о созыве Земского собора с целью введения конституции в России.

В результате приход к власти Годунова у нас ассоциируется с собором 1590 г. и с персонажами пушкинской драмы, мажущими себе глаза луком, дабы поэффектнее поплакать на лугу у Новодевичьего монастыря. При этом напрочь забывается роль стрелецких полков в избрании новой династии. А ведь недаром мудрый Мао говорил: «Винтовка рождает власть». Так вот московские бердыши и пищали были целиком на стороне Бориса. Тот еще при царе Федоре назначил главой стрелецких приказов своего троюродного брата Ивана Васильевича Годунова. Начальниками («головами») всех пяти московских стрелецких полков (всего около 10 тысяч ратников) были назначены верные Годуновым люди. Естественно, что стрельцы были надежной опорой Годуновых. Другой вопрос, что у него хватило ума и выдержки не только не применять силу, но и даже не грозить ею. Тем не менее стрелецкие полки за спиной Годунова были, как любил говорить Нельсон: «Fleet in being», то есть «само существование флота является решающим фактором в конфликте».

Большинство служилого дворянства и гражданской администрации также было на стороне Годуновых. Последние много лет бесконтрольно управляли приказами и ведали, как сейчас говорят, кадровой политикой. От Годуновых зависело назначение дворянина на службу, присвоение очередного звания, пожалование поместьями и вотчинами и т.д.

Только благодаря позиции московских стрельцов и служилого дворянства борьба за власть после смерти Федора обошлась без крови.

Однако оппозиция Борису была достаточно сильной. Мы привыкли к марксистским догмам о классовой борьбе, роли народных масс и т.д. Увы,

сии догмы абсолютно не применимы к событиям 1598 года. Социальные программы Бориса Годунова и его противников не имели различий, а точнее, ни та, ни другая сторона не предлагала народу никаких изменений в жизни. Соответственно, беднейшие слои населения сами по себе не были заинтересованы в борьбе за престол. А оппозиция Годунову состояла из титулованной и старомосковской знати, небольшого числа представителей администрации во главе с дьяками Щелкаловыми и части московского духовенства, недовольной Иовом. Соответственно, за представителями знатных родов стояли их дворяне, боевые холопы и различная челядь. Оппозиция привлекала в свои ряды простых граждан подкупом, а также распространением различных слухов, компрометирующих Годуновых. Об убийстве царевича Димитрия пока еще и речи не было, зато всюду муssiровался слух об отравлении Борисом царя Федора.

Союз Годуновых и Романовых, возникший в борьбе с Шуйскими, фактически распался. Часть Романовых сомкнулась с оппозицией Борису, но старательно держалась в тени. Сторонники Романовых распускали слухи о том, что-де Федор на смертном одре завещал престол Федору Никитичу Романову. Однако эта версия была столь далека от истины, что в 1598 г. ни сами Романовы, ни кто-нибудь из оппозиции не рискнули высказать ее где-либо публично. Эта «липа» предназначалась лишь для недалеких и неинформированных людей, говоря языком того времени, для черни.

И дело не в том, что оппозиция боялась сказать о завещании царя Федора. В московских теремах в лицо Борису князья и бояре говорили и не такое. Просто тут было легко уличить оппонента во лжи. А вот спустя 15 лет, когда большинство ведущих политиков уже умерло, а у народа в голове все перемешалось, об этой «липе» заговорили публично.

Забыв старые обиды, Богдан Бельский вместе с Федором Ивановичем Мстиславским, при поддержке Романовых, выступил с предложением посадить на трон «царя» Симеона Бек-булатовича. Кстати, сей «царь» был женат на Настасье Ивановне Мстиславской, родной сестре Федора Ивановича. Но, как уже говорилось, эта кандидатура была более чем спорной, и от нее пришлось отказаться. Себя же Федор Никитич Романов предложить не рискнул, а других кандидатов попросту не было.

Кто-то из оппозиции выдвинул идею о передаче всей полноты власти Боярской думе. Сразу же после отъезда царицы Ирины в монастырь дьяк Василий Щелкалов вышел к собравшемуся в Кремле народу и потребовал присяги Боярской думе, но услышал в ответ: «Не знаем ни князей, ни бояр, знаем только царицу». Когда же дьяк объявил, что царица в монастыре, то

раздались голоса: «Да здравствует Борис Федорович!» Вот здесь мы в первый раз слышим глас народа. Население Москвы категорически против боярской власти, которая неизбежно приведет к анархии и междоусобице.

Историки могут сколько угодно долго спорить о деталях избрания Бориса царем, но ясно одно – его избрали по воле всей России. Пусть Годунов не был Рюриковичем, пускай у него не было таланта полководца, пусть он был суеверным и лживым, но ему не было альтернативы. Желать боярского правления или опереточного татарина могли только корыстные люди.

А избрание Годунова обеспечивало еще и безударный переход власти. Ведь власть переходила не от одного правителя к другому, а просто менялся титул правителя с сохранением всех его функций.

Сразу после смерти царя Федора по городам Московского государства были разосланы грамоты от имени патриарха с требованием послать выборных людей в Москву на Земский собор. Первое заседание собора состоялось 17 февраля 1598 г.^[24].

Документы собора дошли до нас почти полностью. Однако как раз обилие документов привело историков к разночтениям и, соответственно, к разным их толкованиям. Нет даже единства в числе участников собора. Н.М. Карамзин насчитал 500 избирателей, С.М. Соловьев – 474, Н.И. Костомаров – 476, В.О. Ключевский – 512, а современная исследовательница С.П. Мордовина – более 600.

По мнению автора, дело в том, что в разные дни заседаний присутствовало разное число членов собора (посмотрите вечером по телевизору заседание Государственной думы – сколько там пустующих мест!). Видимо, были и споры, кого из приехавших представителей городов считать полноправными представителями, а кого – нет. Даже если предположить, что какие-то документы собора были позже скорректированы, все равно собор 1598 г. был правомочным и легитимным.

По данным С.М. Соловьева, на соборе из 474 человек 99 были духовными лицами, 272 человека – бояре, дворяне и дьяки, 33 человека – выборные от горожан, 7 стрелецких голов, 22 купца, 5 старост гостиных сотен и 16 представителей черных сотен.

Согласно официальным документам, собор открылся речью патриарха, который заявил, что после смерти царя Федора предложено было царство царице Ирине, но та не согласилась, и тогда просили ее благословить брата, просили и самого Годунова. Борис также отказался, и тогда отложили дело на 40 дней, до приезда выборных. «Теперь, – говорил Иов, – вы бы о том великом деле нам и всему освященному собору мысль свою объявили и

совет дали: кому на великом преславном государстве государем быть? – И, не дождавшись ответа, продолжал: – А у меня, Иова патриарха, у митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов и у всего освященного вселенского собора, у бояр, дворян, приказных и служилых, у всяких людей, у гостей и всех православных христиан, которые были на Москве, мысль и совет всех единодушно, что нам, мимо государя Бориса Федоровича, иного государя никого не искать и не хотеть». На что советные люди громко ответили: «Наш совет и желание одинаково с твоими отца нашего всего освященного собора, бояр, дворян и всех православных христиан, что неотложно бить челом государю Борису Федоровичу и, кроме его, на государство никого не искать».

В субботу, 18 февраля 1598 г., и в воскресенье, 19-го, в Успенском соборе в Кремле торжественно служили молебны, чтобы Бог даровал православному христианству по его прошению государя царя Бориса Федоровича.

20 февраля, в понедельник, после молебна патриарх с духовенством, боярами и множеством народа отправились в Новодевичий монастырь, где находились Борис и Ирина (инокиня Александра). Они со слезами молили Бориса принять престол, но получили отказ. Годунов отвечал: «Как прежде я говорил, так и теперь говорю: не думайте, чтоб я помыслил на превысочайшую царскую степень такого великого и праведного царя».

Патриарх Иов опять призвал всех православных христиан на следующий день, во вторник, устроить празднество Пречистой Богородице в Успенском соборе, а также по всем церквям и монастырям, после чего с иконами и крестами идти в Новодевичий монастырь. Иов призвал всех идти с женами и грудными младенцами и бить челом государыне Александре Федоровне и ее брату, Борису Федоровичу, чтоб они оказали милость. Тут же Иов тайно договорился с духовенством о том, что если царица благословит брата своего на царство и Борис будет царем, то простить его и забыть, что он клялся в нежелании своем быть государем. Если же опять царица и Борис откажут, то отлучить Бориса от церкви и самим снять с себя святительские саны, сложить панагии, одеться в простые монашеские рясы и запретить службу по всем церквям.

21 февраля крестный ход двинулся к Новодевичьему монастырю. Навстречу ему под звон колоколов вынесли икону Смоленской Богоматери, за иконой вышел Борис Годунов.

Как издревле было положено на Руси, Борис долго отказывался, но потом дал патриарху и сестре себя уговорить. Борис сказал: «Буди святая твоя воля, господи». Патриарх и все присутствующие пали на землю,

благодаря Бога, после чего отправились в церковь, где Иов благословил Бориса на все великие государства Российского царствия.

Естественно, что в этой официальной версии много натяжек, но предложить и серьезно обосновать иную версию событий пока еще никто не смог.

26 февраля 1598 г. Борис Годунов покинул Новодевичий монастырь и возвратился в Москву. Толпы народа вышли из города, чтобы встретить Бориса. Те, кто победнее, несли хлеб и соль, бояре и купцы – золотые кубки, соболей и другие дорогие подарки, подобающие «царскому величеству». Борис отказался принять дары, кроме хлеба с солью, и всех милостиво позвал к царскому столу.

В Кремле Иов проводил Бориса в Успенский собор и там еще раз благословил на царство. Отслушав обедню в Успенском соборе, Борис пошел в Архангельский, где, припадая к гробам великих князей Московских и царей, говорил со слезами: «Великие государи! Хотя телом от своих великих государств вы и отошли, но духом всегда пребываете неотступно и, предстоя перед Богом, молитву творите. Помолитесь и обо мне и помогите мне».

1 сентября 1598 г., на Новый год, Борис венчался на царство. В своей речи, произнесенной по этому случаю патриарху, Борис сказал, что покойный царь Федор приказал патриарху, духовенству, боярам и всему народу избрать кого Бог благословит на царство и что царица Ирина приказала то же самое, «и по божиим неизреченным судьбам и по великой его милости избрал ты, святой патриарх, и прочие, меня, Бориса».

Борис, принимая благословение от патриарха, громко сказал ему: «Отче великий патриарх Иов! Бог свидетель, что не будет в моем царстве бедного человека! – И, тряся ворот своей рубашки, продолжал: – И эту последнюю рубашку разделю со всеми!»

Очень любопытен текст присяги новому царю. Присягнувший по ней, между прочим, клялся: «Мне над государем своим царем и над царицею и над их детьми, в еде, питье и платье, и ни в чем другом лиха никакого не учинить и не испортить, зелья лихого и коренья не давать и не велеть никому давать, и мне такого человека не слушать, зелья лихого и коренья у него не брать. Людей своих с ведовством, со всяким лихим зельем и кореньем не посылать, ведунов и ведуней не добывать на государское лихо. Также государя царя, царицу и детей их на следу никаким ведовским мечтанием не испортить, ведовством по ветру никакого лиха не насылать и следу не вынимать никаким образом, никакою хитростию. А как государь царь, царица или дети их куда поедут или пойдут, то мне следу

волшебством не вынимать. Кто такое ведовское дело захочет мыслить или делать, и я об этом узнаю, то мне про того человека сказать государю своему царю или его боярам, или ближним людям, не утаить мне про то никак, сказать вправду, без всякой хитрости. У кого узнаю или со стороны услышу, что кто-нибудь о таком злом деле думает, то мне этого человека поймать и привести к государю своему царю или к его боярам и ближним людям вправду, без всякой хитрости, не утаить мне этого никаким образом, никакою хитростию, а не смогу я этого человека поймать, то мне про него сказать государю царю или боярам и ближним людям».

Присягнувший должен был также клясться: «Мне, мимо государя своего царя Бориса Федоровича, его царицы, их детей и тех детей, которых им вперед Бог даст, царя Симеона Бек-булатова и его детей и никого другого на Московское государство не хотеть, не думать, не мыслить, не семьиться, не дружиться, не ссылаться с царем Симеоном, ни грамотами, ни словом не приказывать на всякое лихо. А кто мне станет об этом говорить или кто с кем станет о том думать, чтоб царя Симеона или другого кого на Московское государство посадить, и я об этом узнаю, то мне такого человека схватить и привести к государю».

Над текстом присяги вдоволь поерничали, и, надо сказать, не без оснований, наши историки от Соловьева до Скрынникова. Малодушие, мелочность, подозрительность и суеверие Бориса буквально бросаются в глаза при чтении присяги. Даже шутовскому царю Симеону сколько места отведено. Но вот почему-то ни один наш историк, писавший о присяге, не обратил внимания на отсутствие в ней имени Федора Никитича или других братьев Романовых. Нет и намека на какого-либо самозванца. В самом деле, шутовской царь Симеон оказывается претендентом на престол, а они – нет? Присяга является убедительным документом в пользу того, что в 1598 г. не только не было никаких притязаний на престол со стороны Романовых, но и Борис Годунов не рассматривал всерьез возможности появления их. Иначе это было бы отражено в присяге.

В ходе междоусобицы 1598 г. братья Романовы ни разу прямо не выступили ни на стороне Годунова, ни против него. Анализ ситуации позволяет сделать вывод, что Романовы стояли за спинами оппозиции, не давая ни одного повода Борису для обвинения во враждебных намерениях.

В начале царствования Годунова внешнеполитическая ситуация была благоприятна для России. На северо-западе шла война между Швецией и Польшей, а на юге турецкий султан и крымский хан были заняты войной на территории Венгрии.

Некоторые историки, в том числе и С.М. Соловьев, упрекают Бориса,

что он не ввязался в шведско-польскую войну. На мой взгляд, это вопрос спорный. Шведская армия была слишком сильна, и дело кончилось бы поражением русских. Союз же со Швецией давал шанс на возвращение по крайней мере части земель Белой и Малой Руси. Но с другой стороны, тогда Польша отдала бы шведам всю Прибалтику, что лишило бы Россию всяких надежд на выход к Балтийскому морю. А главное, Борис не хотел начинать свое царствование с большой войны.

Годунов же пытается дипломатическими путями создать союзное России территориальное образование в Ливонии. В этом Годунов подражает Ивану Грозному. Как Грозный хотел сделать из Ливонии вассальное королевство и назначил королем датского принца Магнуса, так и Годунов для той же цели еще при царе Федоре вошел в контакт со шведским принцем Густавом, сыном Эрика IV^[25], изгнанным из Швеции и жившим в Италии.

В начале своего царствования Борис пригласил Густава в Москву. Приглашение было подкреплено богатыми подарками. Принц же сидел в Италии без гроша и поспешил согласиться. Густава хорошо приняли в Москве и дали на «кормление» Калугу и три малых городка.

В 1601 г. царь Борис велел показать польским послам принца Густава, дабы лишний раз напомнить заносчивым панам, что законный претендент на польский и шведский престол находится в Москве.

Борис не только хотел сделать Густава вассальным королем Ливонии, но и женить его на своей дочери Ксении. Но, увы, принц не годился ни для роли короля, ни для роли царского зятя. Ему была чужда политика, а увлекали его медицина и алхимия. Проезжая город Данциг, он увел у владельца трактира Христофора Кетера жену и привез ее в Россию. Само по себе это дело житейское, но вместо того, чтобы жить тихо с любовницей, как это делают все нормальные люди, он начал афишировать свою связь с трактирщицей. Густав катался по Москве в карете с любовницей и прижитым от нее ребенком.

В конце концов терпение Бориса лопнуло, и он сослал ловеласа в Углич, затем в Ярославль и, наконец, в Кашин, где тот и умер в 1607 г.

Борису пришлось срочно искать нового претендента на ливонский престол и жениха своей дочери. По обеим проблемам Борис нашел понимание у датского короля Кристиана IV. Дания в XVI—XVII веках была постоянным противником Швеции и желала видеть в России союзника. В августе 1602 г. в устье реки Наровы был торжественно встречен принц Иоанн, родной брат Кристиана IV.

Иоанна торжественно приняли в Москве царь Борис и царевич Федор.

Естественно, что, согласно московским обычаям, Иоанн не видел ни царицы Марии, ни царевны Ксении. В честь принца в Москве и царь, и бояре устраивали обильные пиршества. Двадцатилетний принц оказался любителем поесть и крепко выпить. В середине октября 1602 г. царь Борис поехал к Троице помолиться, там он узнал, что принц в Москве сильно переел или перепил. В итоге Иоанн заболел и 28 октября умер. Борис был в отчаянии – второй раз рушились его политические и семейные планы. Однако враги Бориса поспешили в Москве и за рубежом распустить слух, что Иоанна приказал отравить Борис, узнав, что «московские люди всею землей зело полюбили Иоанна». Борис-де испугался переворота в пользу принца.

Попробуем проанализировать эту дезинформацию, чтобы найти ее источник. Историки XIX—XX веков создали штамп – «народ не любил Бориса». Вопрос: какой «народ» мог придумать такую «дезу»? Датский принц пробыл в Москве около месяца, русского языка не знал, кроме бояр и дьяков, ни с кем не общался. И вот народ возлюбил немца-лютеранина, которого издали видел в карете. Можно ли сомневаться, что источник «дезы» был в боярской или высшей церковной среде?

Неудача не останавливает Бориса, и в 1604 г. в Дании начинаются переговоры о браке царевны Ксении с одним из Шлез-виг-Голштейнских герцогов. Однако начало Смуты положило им конец.

Несколько слов стоит сказать о взаимоотношениях России с Польшей. 6 января 1582 г., то есть еще при Иване Грозном, был подписан русско-польский Запольский мирный договор. Назван договор по деревне Запольский Ям, где должен был произойти съезд послов. На самом же деле договор был подписан в деревне Киверова Гора в пятнадцати верстах от Запольского Яма. Подробный рассказ об этом договоре и предшествующих событиях Ливонской войны выходит за рамки данного повествования. Я лишь отмечу нюансы, касающиеся титула московского царя. Сей спорный вопрос стороны решили весьма оригинально. В русском экземпляре договора за царем сохранялся титул «царя», то есть императора (цесаря), в польском же он не упоминается. В русском экземпляре царь именовался также «властитель Ливонский и Смоленский», а в польском «властителем Ливонским» именовался польский король, а титул «Смоленский» не принадлежал никому.

Срок действия договора первоначально считался десять лет. 10 января 1591 г. в Москве был подписан новый договор о перемирии (мире) между Россией и Польшей на 12 лет, считая с 15 августа 1591 г.

11 марта 1601 г. в Москве было подписано новое соглашение о

перемирии на 20 лет, считая с 15 августа 1602 г. С польской стороны соглашение в Москве подписал канцлер и великий гетман литовский Лев Иванович Сапега, с русской – боярин Михаил Глебович Салтыков. 7 января 1602 г. в Вильне король Си-гизмунд III ратифицировал договор. Царь Борис сделал это еще раньше.

Таким образом, с польским королем не было войны с 1582 г. (стычки с частными армиями пограничных феодалов не в счет) и аж до 1622 г. (1604) вроде бы ничто не предвещало войны.

Враги Бориса распускали слухи о его невежестве. Эти сплетни подхватили многие позднейшие историки. На самом же деле Борис немедленно приступил к ряду реформ в России. Другой вопрос, что он вел их более мягкими методами и не столь быстро, как Петр I.

Наибольшие аналогии напрашиваются в отношениях с заграницей. Так, Борис начал активно принимать в России иностранцев. Еще при царе Федоре он пригласил в Россию известного английского математика и астролога Джека Ли, предложив ему две тысячи фунтов ежегодного содержания. Тот отказался, но зато в 1598—1603 гг. в Россию прибыло несколько тысяч европейцев, в основном немцев. Впервые в истории в Москве Борис разрешил построить лютеранский храм. Опять же, впервые в России в 1600—1601 гг. было сформировано подразделение из немецких и других наемников для охраны Кремля. Однажды знаменитый келарь Троице-Сергиева монастыря

Авраамий Палицын упрекал царя за то, что тот убеждает своих приближенных бояр остричь себе бороды.

Царевич Федор Борисович при помощи иностранцев сумел начертить первую карту России. Вплоть до Петра I она оставалась единственной картой, напечатанной в России.

Годунов первым из московских правителей отважился отправить русских детей на обучение за границу. Шесть мальчиков поехали учиться в Сорбонну, пятеро были посланы в университет в Любек, четверо – в Лондон. Всего учиться за границу уехали восемнадцать человек.

Борис мечтал открыть в Москве университет и уже набрал несколько иностранных преподавателей. Однако Смута покончила с его мечтами. Университет так открыт и не был, а из восемнадцати юношей, отправленных учиться за границу, вернулся в Россию лишь один – Игнатий Алексеев, сын Кучкин. Он провел восемь лет в Любеке. В 1610 г. Кучкин попытался морем вернуться на родину, но его корабль был захвачен шведами и отведен в Колывань (Ревель). Лишь через несколько месяцев Кучкину удалось вернуться из шведского плена. Не будем винить

остальных «студентов». Кто захочет после Оксфорда или Сорбонны ехать в охваченную войной и мятежом страну, не имеющую законной власти?

В царствование Бориса увеличились число и тиражи печатных книг. Руководил Печатным двором Андроник Тимофеев Невежа, а потом его сын Иван Андроников Невежин, который в послесловии к «Цветной триоди» восхвалил Бориса: «И о сем богодухновенных писаний трудолюбственнем деле тщание ве-лие имел и с прилежным усердием слова истины исправляя, делателей же преславного сего печатного дела преизобилие своими царскими уроки повсегда удоволяя, и дом превелик уст-роити повеле: в нем же трудолюбному сему книжного писания печатному делу совершатися».

При Годунове по всей стране закипело строительство. Именно при нем построили колокольню Ивана Великого. Были построены новые зубчатые стены Кремля. Мощные стены опоясали Китай-город. Впервые в России в Кремле был создан водопровод. По всей стране от Смоленска до Астрахани Годунов строил каменные цитадели.

В нашей истории давно утвердился штамп, что, взойдя на престол, Борис Годунов начал тотальную борьбу с «феодалной аристократией». На самом же деле Борис проводил по отношению к знати гибкую политику, индивидуально подходя к каждому клану и группировке. Чтобы не быть голословным, приведу перечень назначений за первые полтора года царствования Бориса. По случаю своего венчания на царство в сентябре 1598 г. Борис щедро раздает думные чины. Боярами в это время становятся князь Михаил Петрович Катырев-Ростов-ский, Александр Никитич Романов (из кравчих), князь Андрей Васильевич Трубецкой, князь Василий Казы Кардануко-вич Черкасский, князь Федор Андреевич Ноготков-Оболен-ский. Чином конюшего был пожалован боярин Д.И. Годунов. Чин окольничего получили Никита Васильевич, Семен Никитич, Степан Степанович и Матвей Михайлович Годуновы, Б.Я. Бельский (из оружничих), Михаил Михайлович Кривой Салтыков, Михаил Никитич Романов, князь Василий Дмитриевич Хилков-Стародубский, Фома Афанасьевич Бутурлин. В казначеи был произведен думный дворянин И.П. Татищев. Чин кравчего (на место А.Н. Романова) получил Иван Иванович Годунов. 25 декабря 1598 г. в дворецкие был произведен боярин С.В. Годунов. В конце 1598 г. – начале 1599 г. чин думного дворянина получил Евстафий Михайлович Пушкин. К январю 1599 г. в думные дворяне был пожалован ясельничий Михаил Игнатьевич Татищев.

Внимательный читатель уже заметил, что среди пожалованных много Романовых и их родни, и даже Бельских – явных врагов Бориса. Из этого

следует, что Борис сделал вид, что не заметил недружественной позиции Романовых во время кризиса 1598 г. Худородных Бельских он, видимо, вообще не считал опасными и протянул им руку.

Среди пожалованных довольно много Годуновых. Но пожалования они получили не как царские родственники, а за конкретные заслуги и в порядке очередности. Историк А.П. Павлов, специально занимавшийся составом и структурой государева двора XVII века, писал: «Никто из вновь пожалованных в Думу Годуновых не получил сразу высший боярский чин, минуя окольниковство. В бояре при царе Борисе было пожаловано только двое новых представителей этой фамилии (Семен Никитич и Матвей Михайлович), но одновременно сходят со сцены старые бояре Годуновы. К июню 1605 г. умерли конюший Д.И. Годунов и И.В. Годунов, и в боярах числилось только трое Годуновых»^[26].

Земельные пожалования Годуновых в царствование Бориса были достаточно скромны. Данная царем Федором во владение конюшему Борису Годунову богатая Важская земля не была передана «по наследству» конюшему Д.И. Годунову, а снова перешла в государственное владение. Не все родственники царя Бориса были крупными землевладельцами. Так, И.А. и И.Н. Годуновы выставили в 1604 г. в поход против Лжедмитрия всего по пять всадников (то есть имели по 500 четвертей поместной и вотчинной земли), Ф.А. Годунов – четверых всадников, «опричь Вяземской земли» (то есть 400 четвертей). Годуновы редко назначались воеводами в полки, и по имеющимся данным видно, что и после 1598 г. они уступали в местническом отношении первостепенным «княжатам» – Мстиславскому, Шуйским, Трубецким и Голицыным. Таким образом, Борис не старался выделять своих родственников из среды знати.

В годы своего царствования Борис не ввел в Боярскую думу ни одного из своих сородичей – Сабуровых и Вельяминовых. К 1605 г. в думе не осталось ни одного из представителей этих фамилий. Однако в целом Сабуровы и Вельяминовы успешно продвигались по службе. При царе Борисе в московских чинах – стольниках, стряпчих и московских дворянах – служили 13 Сабуровых и 23 Вельяминова. Интересно, что в XVII веке первым боярином из рода Сабуровых стал Михаил Богданович Сабуров, но произведен в бояре он был не Годуновым, а Лжедмитрием I.

Проанализировав деятельность Бориса Годунова в первые годы его царствования, нетрудно сделать однозначный вывод, что его политика полностью соответствовала интересам Российского государства. Знать была избавлена от репрессий прошлого. Ни один знатный род не был насильственно отстранен от власти. Князья Рюриковичи и Гедиминовичи

могли быть уверены, что при Годунове их не вытеснят худородные выскочки. Тот же А.П. Павлов писал: «Дума конца царствования Бориса Годунова была не менее (а пожалуй, и более) аристократичной по составу, чем Дума 1598 г. Из 20 бояр 1605 г. 11 человек относились к первостепенной княжеской знати (Мстиславские, Шуйские, Голицыны, Куракин, Трубецкие, Катырев-Ростов-ский, Воротынский, Черкасский)»^[27].

Глава 7

Романовы «начинают партию и... проигрывают»

Как уже говорилось, со времени смерти Ивана Грозного все мужское потомство Захарьиных и Яковлевых или перемерло, или было казнено царем. В живых остались лишь Никита Романович Захарьин и его дети, которых по деду стали называть Романовыми.

Никита Романович оказался самым плодовитым в роду Захарьиных. От двух жен – Варвары Ивановны Ховриной и Евдокии Александровны Горбатой-Шуйской – он имел пятерых сыновей и пятерых дочерей (Федора, Михаила, Александра, Василия, Ивана, Анну, Евфимию, Ульяну, Марфу и Ирину). Из них только Ульяна умерла в младенчестве, в 1565 г. Старшая дочь Анна была выдана замуж за князя Ивана Федоровича Троекурова. Рюриковичи Троекуровы вели свой род от ярославских удельных князей.

Иван и Анна Троекуровы нажили двоих детей – Бориса и Марину. 6 декабря 1586 г. Анна Никитична умерла, а И.Ф. Троекуров взял новую жену – Вассу Ивановну.

Дочь Евфимию Никита Романович выдал за князя Ивана Васильевича Сицкого.

Марфа стала женой Бориса Камбулатовича Черкасского. Он был сыном кабардинского владетеля Камбулата – родного брата Темрюка, отца Марии – второй жены Ивана Грозного. Два сына Камбулата – мурзы Хокяг и Хорошай – приехали на службу в Москву, крестились и получили имена Гавриил и Борис Камбулатовичи. В 1592 г. Борис становится боярином.

У Марфы Никитичны и Бориса Камбулатовича было трое детей – Иван, Ирина и Ксения. Иван при царе Михаиле стал боярином, Ирина выдана за боярина Федора Ивановича Шереметева, а Ксения – за Ивана Дмитриевича Колычева.

Младшая дочь Никиты Романовича Ирина вышла замуж за боярина Ивана Ивановича Годунова. Потомства у них не было.

Наиболее выдающейся личностью из большой семьи Никиты Романовича стал его старший сын Федор. Он был красив и статен. Он, по-видимому, первым из московской знати стал брить бороду и носить короткую прическу. О щегольстве Федора и умении одеваться иностранные послы говорили, что если московский портной хотел похвалить свою

работу заказчику, то он говорил: «Вы теперь одеты, как Федор Никитич».

В 1586 г. Федор прямо из рынд прыгнул в бояре. В 1590 г. он женился на Ксении Ивановне. В торжественном обряде венчания участвовал сам царь Федор и боярин Борис Годунов. Остается лишь единственный вопрос: на ком женился Федор Никитич и кто стал матерью царя Михаила? Об этом уже свыше 300 лет спорят историки. Имя и отчество невесты точно известны, вопрос только в фамилии.

Ситуация на первый взгляд более чем странная. Ведь в XVI—XVII веках все – от князей Рюриковичей до простых дворян – тщательно следили за своей родословной. А тут мать царя – основателя династии!

Увы, как и во всех других темных местах нашей истории, неясности были внесены умышленно. Наиболее вероятно, что Ксения Ивановна в девичестве была Шестовой, дочерью дворянина среднего достатка Ивана Васильевича Шестова.

Шестовы, как и Захарьины-Кошкины, были беспородны и выдумали себе прародителя – «мужа честна из Прус», некоего князя Михаила, который специально оттуда прибыл, чтобы принять участие вместе с князем Александром Ярославичем в битве со шведами на Неве.

Первым же реальным представителем Шестовых можно считать Ивана Семеновича Мороза, находившегося на службе

Ивана Калиты. От этого Мороза пошли не только Шестовы, но и Салтыковы. Его внук Михаил Игнатьевич Мороз был прозван Салтыком*.

Шестовы поддерживали тесные связи со своей родней Салтыковыми. Сейчас нам, горожанам XXI века, трудно понять близость двоюродных, троюродных и четвероюродных братьев и сестер XV—XVII веков. Мы их обычно не знаем, а если и знаем, то встречаемся с ними исключительно на свадьбах и похоронах общих родственников. Тогда же самые дальние родственники были членами клана (тейпа) и горой стояли друг за друга.

В итоге родная сестра Ксении Шестовой вышла замуж за Салтыкова. Судя по всему, за окольного Михаила Михайловича. Во всяком случае, при царе Михаиле его сыновья Борис и Михаил считались племянниками царственной инокини Марфы (Ксении).

Вскоре Салтыковы станут главными заводчиками Смуты и польскими прихвостнями. Так что у Романовых будут все основания не афишировать родство с ними. Хуже всего то, что Мария Ивановна, мать Ксении Ивановны Шестовой, в девичестве носила фамилию... Нет, тут я сохраню интригу, и мы все узнаем в следующей главе.

Федор Никитич оказался плодовит: с 1592 по 1599 г. у него родилось шесть детей, но выжили лишь двое – Татьяна и Михаил, а остальные

умерли в младенчестве (Борис в 1593 г., Никита в 1593 г., Лев в 1597 г. и Иван в 1599 г.). Позже Татьяна выйдет замуж за князя Ивана Михайловича Катырева-Ростов-ского, а Михаил, родившийся 12 июля 1596 г., станет царем.

* Петров П.Н. История родов русского дворянства. СПб: Книгоиздательство Герман Гоппе, 1886. С. 49.

В 1586 г. Федор Никитич получает боярство и назначается наместником нижегородским. В 1590 г. в качестве младшего воеводы он участвует в походе на Швецию. В 1593—1594 гг. Федор Никитич – наместник псковский. В том же году он ведет переговоры с Варновичем – послом австрийского императора Рудольфа II.

В 1556 г. Федор Никитич назначается воеводой правой руки (полка), то есть примерно генерал-майором.

Об остальных, родившихся после Федора сыновьях Никиты Романовича известно крайне мало. В 1590 г. Михаил Никитич был пожалован в окольничие. Данных о его вступлении в боярство нет. Во всяком случае, он умер бездетным.

Александр Никитич в 1586 г. стал рындой, а в 1597 г. ему пожаловано боярство. Смолоду он женился на Евдокии, дочери Ивана Юрьевича Голицына. Брак был недолговечен. 1 августа 1597 г. Евдокия умерла. Вскоре Александр вступает во второй брак с Ульяной Семеновной Погожевой. Оба брака его были бездетными.

Младший сын Никиты Романовича, Иван Никитич Каша, в 1591 г. становится стольником. В 1599 г. он служит чашником при царе Борисе во время приема шведских послов. До ссылки он холост, и лишь в 1606 г. вступает в брак с княжной Ульяной Федоровной Литвиновой-Мосальской, род которой велся от князя Михаила Черниговского. У Ивана и Ульяны родилось семь детей, но о них мы расскажем позже.

В отличие от большинства княжеских родов Рюриковичей и Гедиминовичей, да и многих родов старомосковской нетитулованной знати, вотчины Захарьиных-Юрьевых не только не сократились, но и значительно увеличились. После женитьбы на Анастасии Романовне Иван IV щедро наделил ее родню вотчинами, о чем сообщается в его духовной. В числе пожалованных были укрепленные городки Скопин и Романово городище на юге страны, построенные для защиты от набегов крымских татар. Вместе с этими городами Захарьины-Юрьевы получили и окрестные села.

При организации опричного корпуса Захарьины-Юрьевы потеряли ряд вотчин в Костромском и Суздальском уездах, где до опричнины владели вотчинами Роман Юрьевич Захарьин, сын его Данила и племянник В.М.

Юрьев. Но в качестве компенсации Захарьины-Юрьевы получили вотчины в других местах.

Казни родственников Романовых-Захарьиных из ветвей Захарьиных-Михайловых и Захарьиных-Яковлей, как ни странно, пошли потомству Романа на пользу. Как известно, в конце царствования Иван Грозный велел составить перечень опальных и часть конфискованных земель отдал уцелевшим родственникам казненных. Так, в конце 70-х – начале 80-х гг. Никите Романовичу Захарьину-Юрьеву и его сыновьям были пожалованы родовые вотчины Протасия Васильевича Захарьина-Михайлова и бояр Яковлей. Эти вотчины находились в Московском, Костромском, Бежецком и других уездах.

Наконец, в приданое Федор Никитич Романов получил село Домнино «с 57 деревнями и починками» в Костромском уезде и село Климянтино «с 14 деревнями и пустошами» в Угличском уезде.

Богатство Романовых хорошо характеризует заем, выданный Никитой голландской купеческой компании – 20 тысяч рублей. При этом боярин взял грабительские 85 процентов годовых. Любопытно, что английский посол Боус утверждал, что этот заем был замаскированной формой взятки и голландцы сделали Никиту Романовича своим «агентом влияния».

23 апреля 1586 г. умер последний член клана, носивший фамилию Захарьин, – Никита Романович. В последние месяцы своей жизни он принял постриг и монашеское имя Нифонт. Теперь остались только Романовы.

Как уже говорилось, совместными усилиями кланов Годуновых и Романовых в 1587 г. Шуйские были разгромлены. Роль Романовых после этого значительно возрастает. Старший из них, Федор Никитич, в 1590 г. получает боярство и становится одним из руководителей Боярской думы. В 1596 г. Федор Никитич был назначен царем Федором (читай: Борисом Годуновым) вторым воеводой правой руки, то есть вторым по рангу военачальником на Руси.

Союз Годуновых и Романовых фактически распался в 1598 г. после смерти царя Федора. Но открыто выступить против претензии Бориса на царский престол Романовы не рискнули. В 1598 г. ни Романовы, ни их многочисленная родня даже не заикнулись о кандидатуре Федора Никитича. Лишь спустя

15 лет Романовы начали рассказывать сказки о том, что-де царь Федор на смертном одре завещал престол Федору Никитичу Романову.

Но с другой стороны, Романовы не поддержали и Бориса в самые трудные для него дни. Видимо, Романовы участвовали в попытке

возведения на престол низложенного царя Симеона Бекбулатовича и в других интригах против Бориса, но никакими достоверными данными на этот счет историки не располагают.

Не было претензий к Романовым и у новоизбранного царя Бориса. Мало того, в сентябре 1598 г. царь Борис пожаловал боярство Александру Никитичу Романову, а также романовской родне Михаилу Петровичу Катыреву-Ростовскому и князю Василию Казы Кардануковичу Черкасскому. Формально Романовым не на что было жаловаться, и мирное сосуществование Романовых и Годуновых длилось до 1600 г.

Зададим риторический вопрос: мог ли честолюбивый щеголь Федор Никитич смотреть на Бориса как на Богом данного монарха и быть ему преданным слугой? Борис был шурином царю Федору, а Федор Никитич – двоюродным братом, то есть более близким родственником, как по тогдашним, так и по современным представлениям. Ведь недаром в школьных учебниках до 1917 г., да и в современных, генеалогическое древо рода Ивана Калиты соединено с родом Романовых.

Надо ли говорить, что братья Никитичи не вспоминали о заслугах Годунова перед государством, равно как не думали, что рядом с ними находятся десятки представителей рода Рюриковичей, предки которых были независимыми государями и которые по феодальному праву имели право на престол. С X по XVI век десятки владетельных князей Рюриковичей умирали без потомства, и во всех случаях на престол всходил государь-Рюрикович, пусть даже из весьма удаленной ветви, но Рюрикович! При том что многие удельные князья Рюриковичи были женаты на простых дворянках. За родство с князем или царем дворянина могли произвести в бояре, но никогда – в князья.

Борис Годунов первым нарушил обычай. Причины для этого, как мы уже видели, были объективные, и иного выхода ни у Бориса, ни у страны не было. Федор Никитич же решил пойти по пути Годунова, не имея ни юридического права, ни исторических обстоятельств, сопутствовавших вступлению на престол Бориса.

Замыслом Никитичей благоприятствовало состояние здоровья царя. В 1599—1600 гг. он непрерывно болел. В конце 1599 г. царь не смог своевременно выехать на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Его сын Федор отправил монахам собственноручно написанное письмо, где говорилось, что отец его «недомогает». К осени 1600 г. здоровье царя Бориса резко ухудшилось. Один из членов польского посольства писал, что властям не удалось скрыть от народа болезнь царя, и в Москве по этому поводу поднялась большая тревога. Тогда Борис распорядился отнести его

на носилках из дворца в церковь, чтобы народ увидел, что он еще жив.

Слухи о болезни царя и возможной его близкой смерти искусственно обострили династический кризис. Заговорщики, готовя почву для переворота, распространяли в России и за границей слухи о болезненности и слабоумии наследника престола – царевича Федора. Польские послы в Москве утверждали, что у царя очень много недоброжелателей среди подданных, строгости против них растут, но это не спасает положение. «Не приходится сомневаться, что в любой день там должен быть мятеж», – писали польские послы.

На сей раз Романовы решили открыто выступить против Годунова. Никитичи и их окружение не ограничились распространением слухов, порочащих царя, а тайно начали собирать из своих вотчин дворян и боевых холопов. Несколько сотен ратников было сосредоточено на подворье Федора Никитича на Варварке.

Заговор Никитичей не остался вне поля зрения агентов Годунова. Больной Борис в ночь на 26 октября 1600 г. решает нанести превентивный удар по Романовым.

Польское посольство также находилось на Варварке, и этой ночью послы стали свидетелями нападения царских войск на подворье Романовых. Один из членов посольства записал: «Этой ночью его сиятельство канцлер сам слышал, а мы из нашего двора видели, как несколько сот стрельцов вышли ночью из замка (Кремля) с горящими факелами, и слышали, как они открыли пальбу, что нас испугало... Дом, в котором жили Романовы, был подожжен, некоторых он ^[30] убил, некоторых арестовал и забрал с собой... »

Братья Никитичи были арестованы и предстали перед судом Боярской думы. Заметим, что большинство членов думы было настроено к Романовым крайне агрессивно. Во время разбирательства в думе бояре, по словам близких к Романовым людей, «аки зверие пыхаху и кричаху». Впоследствии, уже в ссылке, Федор Романов с горечью говорил: «Бояре-де мне великие недруги, искали-де голов наших, а я-де сам видел то не однажды». Гнев боярский был вызван не столько желанием угодить царю, сколько ненавистью к безродным выскочкам, нахально лезущим к престолу, расталкивая князей Рюриковичей и Гедиминовичей. Вспомним, что те же Шуйские никогда не вступали и не вступят в союз с Романовыми.

Однако на Руси всегда предпочитали судить политических противников не за их проступки, а навешивать на них ярлыки. В начале XVII века был ярлык – «колдун», а в XX веке – «шпион». Вспомним, что Троцкий, Тухачевский, Ежов и Берия были агентами иностранных

разведок. И если с первых двух обвинения в шпионстве были позже сняты, то в 2000 г. «демократическая» Фемида еще раз подтвердила, что Ежов и Берия были платными агентами иностранных разведок. Соответственно, Романовым и их сторонникам в вину было поставлено колдовство и «коренья». Борису очень хотелось показать, что он борется не с большим боярским кланом, а с отдельными колдунами, посягнувшими на здоровье и жизнь членов царской семьи.

В летописи дело представлено так: дворовый человек и казначей боярина Александра Никитича Романова, Бартенев, пришел тайно к дворецкому Семену Годунову и объявил, что готов исполнить волю царскую над господином своим. По приказу царя Семен с Бартевым наложили в мешки разных корешков, и мешок этот Бартенев должен был подкинуть в кладовую Александра Никитича. Бартенев исполнил это и вернулся к Семену Годунову с доносом, что его господин припас отравленное зелье. Борис Годунов приказал окольному Салтыкову обыскать дом Александра Никитича. Тот нашел мешки с какими-то корешками и привез их прямо на подворье к патриарху Иову. Собрано было много народу, и при всех из мешков высыпали корешки. Привели братьев Никитичей. Многие бояре кричали на них, обвиняемые же не могли ничего ответить в свое оправдание из-за криков и шума. Романовых арестовали вместе с их родственниками и сторонниками – князьями Черкасскими, Шастуновыми, Репниными, Сицкими, Карповыми. Братьев Никитичей и их племянника князя Ивана Борисовича Черкасского не раз пытали. Дворовых людей Романовых, мужчин и женщин, пытали и подстрекали оговорить своих господ, но те не сказали ничего.

Обвиненные находились под стражей до 30 июня 1601 г., когда Боярская дума вынесла приговор. Федора Никитича Романова постригли в монахи под именем Филарета и послали в Антониев-Сийский монастырь. Его жену Ксению Ивановну также постригли под именем Марфы и сослали в заонежский погост Толвуй. Ее мать, Марию Ивановну, сослали в монастырь в Чебоксары. Александра Никитича Романова сослали к Белому морю в Усолье-Луду, Михаила Никитича – в Пермь, Ивана Никитича – в Пелым, Василия Никитича – в Яренск, сестру их с мужем Борисом Черкасским и детьми Федора Никитича, пятилетним Михаилом и его сестрой Татьяной, с их теткой Настасьей Никитичной и с женой Александра Никитича сослали на Белоозеро. Князя Ивана Борисовича Черкасского – на Вятку в Малмыж, князя Ивана Сицкого – в Кожеозер-ский монастырь, других Сицких, Шастуновых, Репниных и Карповых разослали по разным дальним городам.

Итак, из-за «кореньев» десятки представителей знатных родов были отправлены в монастыри и в ссылку. Понятно, что корни или наговоры доносчиков тут явно ни при чем.

Автору пришлось перелопатить всю дореволюционную литературу о предках Романовых. На девяносто девять процентов эти источники повторяют друг друга. Но вдруг в «Сборнике материалов по истории предков царя Михаила Федоровича», изданном в Петербурге в 1901 г., я натолкнулся на прелюбопытнейшую деталь. В XVIII веке по приказу Екатерины II в селе Коломенском был сломан деревянный дворец царя Алексея Михайловича. При этом обнаружили портрет монаха Филарета, в миру Федора Никитича Романова. Краска на картине начала облезать, и под ней было обнаружено совсем другое изображение – тот же Филарет, но уже в другом, царском, одеянии, со скипетром в руке. Внизу была подпись: «Царь Федор Никитич».

Комментарии в «Сборнике...» по сему поводу отсутствуют. Надо полагать, что честлюбивый Федор поторопился и заранее заказал себе этот портрет^{[31]*}.

В царствование Михаила пребывание Романовых в ссылке стало обрастать сказочными подробностями. На Руси всегда любили дураков и мучеников. Поэтому официальная пропаганда тиражировала душераздирающие подробности мучений опальных Романовых.

Так, например, Михаил Никитич Романов был сослан в село Ныроба Пермской волости. В селе имелось всего лишь шесть дворов. Михаила посадили в яму («земляную темницу»). Сверху яма была закрыта настилом из брусьев, засыпанных землей. В яме была сложена небольшая печь. На Михаила надели тяжелые кандалы – цепь на шее весила 1 пуд 39 фунтов (32,4 кг), 19 фунтов (7,8 кг) весили ножные кандалы и 10 фунтов (4,1 кг) – замок к ним. Пристав держал узника на хлебе и воде, а местные крестьяне тайно приносили ему вкусную еду. Через несколько месяцев Михаил умер. По приказу Лжедмитрия I тело Михаила было перевезено в Москву и погребено 18 марта 1606 г. в Новоспасском монастыре. Тело его оказалось «нетленным». В селе Ныроба был устроен «мемориальный музей» Михаила. Путешественники в XIX веке видели его знаменитые цепи.

Увы, многие историки с иронией относятся к преданию о мучениях Михаила. А С.М. Соловьев, подробно описавший ссылку остальных Романовых, принципиально не упоминает о Михаиле. Историки задают один и тот же вопрос: если Годунов решил погубить братьев Романовых, то почему он сурово расправился с младшими братьями и создал сравнительно комфортные условия старшему брату Федору Никитичу? От

себя добавлю – главному заводчику Смуты и основному кандидату на престол.

Федор Никитич был насильственно пострижен в монахи под именем Филарета и отправлен в Антониев-Сийский монастырь в сопровождении пристава – стрелецкого головы Ратмана Дурова. Жена его Ксения была пострижена под именем Марфа и отправлена в Заонежье в Толвуйскую волость в Егорьевский погост. Позже мы вернемся к бедному иноку Филарету и увидим, что жилось ему совсем не худо.

Борису Годунову, пожалев Федора, было не резон убивать его младших братьев и родственников. Просто враги Годунова приписали ему еще несколько смертей. Ну убил злодей двух царей, царевну, свою сестру-царицу и датского принца – жениха своей дочери, с помощью колдовства лишил зрения царя Симеона, так почему бы ему не «замочить» еще полдюжины ссыльных?

На самом же деле бытовые условия ссыльных были весьма приличными. По этому поводу Р.Г. Скрынников писал: «Подлинные документы по поводу ссылки, сохранившиеся в отрывках, позволяют установить, какими были условия содержания опальных в местах заточения. Даже те ссыльные, которые не имели думного чина, получили разрешение взять с собой по „детинке“ из числа своих дворовых холопов. Холоп прислуживал господину в пути, а затем в тюрьме. Тюрьмой для опального служил двор с рядом хозяйственных построек, предназначенных для обслуживания тюремного сидельца. Пристав, сопровождавший в ссылку младшего из братьев Романовых, получил приказ выстроить для него двор вдали от посада и проезжей дороги. Инструкция предписывала приставу провести все необходимые работы: „двор поставить... а на дворе велеть поставить хором две избы, да сени, да клеть, да погреб и около двора была (чтобы) городба“.

В клетки и погребе хранились продукты и снедь. Осужденные получали достаточный корм. Так, Василий Романов получал в день «по калачу да по два хлеба денежных; да в мясные дни по две части говядины да по части баранины; а в рыбные дни по два блюда рыбы, какова где случится, да квас житной». В стране был голод, а казна выделяла деньги для опальных с учетом дороговизны. На содержание младшего Романова была израсходована крупная для того времени сумма в 100 руб. Несмотря на все это, некоторые ссыльные, включая Василия Романова, погибли в местах заточения. Современники подозревали, что их казнили по тайному приказу Бориса Годунова. Близкий к Романовым летописец рассказывал о гибели ссыльных, следуя одной и той же несложной схеме: стрелецкий голова

Леонтий Лодыженский, будучи приставом у боярина Александра Романова, удушил своего пленника по воле Бориса, Тимоха Грязной «удавиша» боярина Сицкого с женой, Роман Тушин «удавиша» окольного Михаила Романова, приставы Смирнов Маматов и Иван Некрасов «удавиша» Василия Романова и пр.»*.

Кстати, и Михаил Никитич должен был получать пайку, которой и на троих бы хватило. Другой вопрос, что, возможно, пристав попросту воровал продукты.

Обратим внимание, что опальный боярин князь Федор Дмитриевич Шастунов умер в Москве у себя во дворе, еще до отправки Никитичей в ссылку. Только из-за этого его смерть не была приписана Борису.

* Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л-д: Лениздат, 1985. С. 29—30.

Боярин Борис Камбулатович Черкасский был стар и болен. Его вместе с женой Марфой сослали на Белоозеро. Вместе с ними отправили и детей Федора Никитича Михаила и Татьяну. Вскоре Борис Камбулатович там умер от мочекаменной болезни («камчуга»). А его жена Марфа по указу Годунова от 2 сентября 1602 г. была переведена в село Клин в вотчину Федора Никитича Романова. Там она жила вместе с женой Александра Никитича и малолетними детьми Федора Никитича Михаилом и Татьяной. Там же она и скончалась 28 февраля 1610 г.

Так называемый «новый летописец» именовал пристава Смирнова Маматова не иначе как «окаянным» и приписывал ему тайную расправу с Василием Романовым. На самом же деле Маматов был приставом у Ивана Романова. Иван Никитич, несмотря на свою молодость, был тяжело болен — страдал «старой» болезнью: «...рукой не владел и на ногу прихрамывал». Но Маматов доставил его в Сибирь живым. Василий же Никитича Маматов принял от другого пристава, Ивана Некрасова, в Пелыме «больна, тако чуть жива».

Источники в подробностях описывают дорогу Василия Романова в Сибирь. Иван Некрасов получил наказ вести его «бережно, чтоб он с дороги не ушел и лиха никакого над собою не сделал». Некрасову были выданы железные кандалы и предоставлено право использовать их в случае необходимости. Василия везли по Волге в струге, и там он имел некоторые послабления. Но Василий, по словам пристава, однажды выкрал у него ключи от цепи и бросил их в реку. Опасаясь побега, Некрасов тотчас заковал своего поднадзорного в цепь. В мае 1601 г. Василий Никитич благополучно добрался до Яранска, где пробыл шесть недель. Затем ссыльного отправили дальше в Сибирь. Две с половиной недели Некрасов

и Василий Романов шли пешком, «только на подводах везли запасишко свое». Пленник, естественно, шел без цепей, и только на ночь пристав сковывал его. Тем временем наступила осень, ударили первые морозы. Василий Никитич расхворался, и Некрасову пришлось везти его в санях «простого», то есть без цепей. Это трудное путешествие длилось четыре месяца.

Власти позволили Василию Никитичу жить в одних хоромах с братом Иваном. На всякий случай приставы приковали братьев на цепь в разных углах избы, тут же послав донесение в Москву. В ответ дьяки составили черновой наказ с повелением расковать Ивана и Василия и позволить им «в избе и во дворе ходить по своей воле». В беловом варианте последние слова были вычеркнуты и заменены приказом беречь Романовых крепко, чтобы они «з двора не ходили». Руководители сыскного ведомства в Москве явно хотели снять с себя ответственность за смерть ссыльных. Узнав о болезни Василия Никитича

Романова, Семен Годунов заявил, что по государеву указу «ковать» ссыльных в цепи было не велено и что приставы «воровали», действуя «мимо государева наказа». 15 января 1602 г. Борис Годунов приказал расковать ссыльных, но приказ этот дошел до Сибири с большим опозданием. Уже перед смертью с Василия Никитича сняли кандалы. Ивану Никитичу позволили сидеть у постели умирающего брата. Василий Никитич умер 15 февраля 1602 г.

В марте 1602 г. Борис Годунов, получив известие о смерти Василия Романова, приказал перевезти Ивана Романова в Уфу. Но Иван Никитич был тяжело болен. 8 мая 1602 г. Некрасов сообщил в Москву, что «изменник государев» разболелся «старою своею черною болезнью, рукою и ногою не владеет и язык ся отнялся, лежит при конце». Как только Ивану Никитичу стало легче, пристав повез его в Уфу. С дороги Некрасов писал в Москву, что Иван быстро поправляется: «...везучи, язык у него появился, рукою стал владеть... а сказывает сердце здорово, ест довольно». Иван Романов прибегнул к какой-то уловке, чтобы избавиться от оков. Позже он сам рассказывал монахам, что оковы сами спали с его рук и ног после усердной молитвы святому Сергию. Узнав об этом «чуде», приставы «ужаснулись» и сменили звериную лютость на «овечью кротость, и быв у них прочее время во ослабе».

К лету 1602 г. состояние здоровья царя Бориса улучшилось. Положение в высших эшелонах власти было стабильным, и Борис решил облегчить участь ссыльных. 25 мая 1602 г. Боярская дума распорядилась освободить Ивана Никитича Романова и князя Ивана Черкасского и

перевезти их в Нижний Новгород «на государеву службу». 17 сентября 1602 г. опальным объявили царскую милость – Борис велел вернуть их ко двору в Москву. Приставам указывалось везти Ивана Романова в Москву осторожно, по состоянию его здоровья.

Князья Сицкие также были освобождены и назначены на службу в понизовые города. Но не все они добрались до новых мест. Старший сын опального боярина Сицкого князь Василий Иванович умер в дороге, не добравшись до Москвы. Его смерть тут же приписали злему умыслу царя Бориса.

Летом 1602 г. Боярская дума объявила о прощении вдов и детей опальных бояр. Борис приказал вдову Бориса Черкасского с дочерью и вдову Александра Романова освободить и перевезти в бывшую вотчину Романовых село Клин под Юрь-евом-Польским, куда они благополучно добрались.

Приставам было приказано содержать опальные семьи в полном довольствии. Царь Борис сложил свою ответственность за притеснения опальных на приставов, якобы действовавших не по его указу, а «своим воровством и хитростью».

В ноябре 1602 г. Федор Никитич (Филарет) сказал своему приставу: «Государь-де меня пожаловал, велел мне повольность дать». Филарет и впрямь получил послабления. Ему позволено было часто покидать келью и стоять «на крылосе». Борис велел выдать Филарету новую одежду и «покой всякий к нему держати».

Глава 8

Марфа и Пафнутий отправляют «пешку в ферзи»

Откуда взялся Лжедмитрий? Ведь о самозванцах на Руси ранее никто и не слыхивал. Первые слухи о том, что царевичу Димитрию удалось спастись от смерти, появились в 1600 г. Правда, некоторые историки говорят о более раннем времени, ссылаясь на сведения иностранцев, почерпнутые из источников, датированных 1610 г. и позже, то есть задним числом. В русских же летописях и в других дошедших до нас документах нет ни намека о таких слухах. Если бы хоть где-то по-родился слух о живом царевиче, то последовала бы немедленная реакция властей – розыск, допросы с дыбой и наказание виноватых. Естественно, это было бы зафиксировано в официальных документах. Вспомним еще раз текст присяги Борису Годунову. Новый царь боится всего и в присяге перечисляет возможные прегрешения подданных, поминается даже татарин Симеон Бекбулатович, а вот о Димитрии нет ни слова. А собственно, зачем? О нем давно все забыли.

Итак, первые слухи о живом царевиче появляются одновременно с опалой Романовых. Допустим пока, что это простое совпадение, и подумаем, кто мог быть инициатором этой затеи. Простые крестьяне, задавленные гнетом господ и лишенные права ухода от них в Юрьев день, стали мечтать о царе-освободителе и выдумали воскресение царевича Димитрия? Нет, это слишком хорошая сказка, она вполне подходит для историка-народника XIX века, но не для крестьянина начала XVII века. На Руси с IX по XVI век и слухом не слыхивали о самозванцах. И приписывать самозванческую интригу неграмотным крестьянам просто смешно.

А теперь обратимся на Запад. Молодой португальский король Себастьян Сокровенный отправился в 1578 г. завоевывать Северную Африку и без вести пропал в сражении. Король не успел оставить потомства, зато после его исчезновения в Португалии появилась масса самозванцев Лжесебастьянов. Кстати, папа Климент VIII на полях донесения от 1 ноября 1603 г., извещавшего его о появлении Димитрия, написал: «Португальские штучки». Одновременно в Молдавии прекратилась династия Богданников, и тоже появилось немало

самозванцев. То, что для Руси было в диковинку, в Европе давно стало нормой.

Мы можем только гадать об имени сценариста Великой Смуты, но достоверно можно сказать, что это был не крестьянин или посадский человек, а интеллеktуал XVII века. Он мог быть боярином или дворянином, исполнявшим роль советника при большом боярине, а скорее всего это было лицо духовное. В любом случае это был москвич, близкий ко двору и хорошо знавший тайные механизмы власти. Можно предположить, что через иностранцев и чиновников Посольского приказа сей «интеллектуал» знал о событиях в Португалии и Молдавии.

Заметим, что слух в конце 1600 г. – начале 1601 г. ходил не по низам, а по верхам. О нем уже знали иностранцы, но ничего не знали в провинциальных городках, не говоря уже о селах. Таким образом, пропаганда велась крайне грамотно. Синхронно пошел и «девятый вал» дезинформации о Борисе Годунове, что тот-де всех поизвел, кого мог – поубивал, а царя Симеона колдовством зрения лишил. Столь же синхронно появились различные байки о хороших боярах Романовых, «сродниках» царя Федора. Не буду утомлять читателя их пересказом, а интересующихся отправлю к исследованиям по средневековой русской литературе и эпосу. Замечу лишь одно: сей народный фольклор касался только Романовых. Нет ни песен, ни сказок про Шуйских, Мстиславских, Оболенских и про другие древние княжеские роды. Неужели нужно пояснять, что режиссер у этого спектакля был один и тот же, как, впрочем, и заказчики? Итак, царь – изверг на троне, хорошие бояре в опале, а где-то скитается восемнадцатилетний сын Ивана Грозного. Естественно, спасенный Димитрий не мог не явиться, даром, что ли, велась вся кампания.

И вот в 1602 г. в Польше объявился долгожданный царевич Димитрий.

О личности самозванца спор идет уже 400 лет. Версий на сей счет имеется три: самозванец был настоящим царевичем, самозванец был Юрием Отрепьевым и самозванец не был ни тем, ни другим. Любопытно, что сторонники последней версии не могут даже предположительно указать на конкретное историческое лицо, ставшее самозванцем. Их аргументы сводятся к критике первых двух версий, после чего методом исключения делается вывод – «откуда следует, что Лжедмитрием был кто-то другой».

Версия же о чудесном спасении царевича очень нравится сентиментальным дамам и мужчинам-образованцам. Этой версии посвящено уже не менее двух десятков душещипательных романов, и нет сомнения, что появятся и новые шедевры. Версии спасения Димитрия одна

фантастичнее другой. Некоторым же «историкам» мало традиционной сказки о чудесном спасении, и они идут дальше. Так, Лжедмитрий действительно оказывается царевичем Димитрием, но не сыном Ивана Грозного, а его племянником. Далее следует драматический рассказ, как Соломония Сабурова родила в монастыре сына от Василия III. А вот внук Соломонии и Василия Димитрий и стал самозванцем.

Были и попытки комбинировать первую и вторую версии. В этом варианте в 1602 г. в Польшу, а затем в Италию бежал-де настоящий сын Грозного, но затем он умер на чужбине, а его имя принял Григорий (Юрий Отрепьев).

Любой нормальный человек до самой смерти помнит события, происходившие с ним в возрасте четырех – восьми лет, причем часто запоминает мелкие детали, забытые его взрослыми родственниками. Самозванец же о своей жизни в Угличе рассказывал хуже, чем сын лейтенанта Шмидта Шура Балаганов о восстании на «Очакове». В частности, он утверждал, что убийство в Угличе случилось ночью. О том же, что происходило с ним с 8 до 19 лет, он отделялся общими фразами, что его-де приютили и воспитали какие-то хорошие люди. Ну, допустим, в Польше он мог опасаться за жизнь своих покровителей, оставшихся в России под властью Годунова. Зато, взойдя на московский трон, его первым желанием стало бы найти этих «благодетелей», показать их народу и примерно наградить. Причем дело тут не в благодарности, доказательство чудесного спасения в Москве было вопросом жизни или смерти Лжедмитрия. Наконец, неопровержимый довод дает медицина – эпилепсия никогда не проходит сама по себе и не лечится даже современными средствами. А Лжедмитрий никогда не страдал припадками эпилепсии, и у него не хватило ума их имитировать.

Практически все серьезные историки приняли вторую версию и отождествляют Лжедмитрия с иноком Григорием, в миру Юрием Богдановичем Отрепьевым. Он происходил из дворянского рода Нелидовых. В 70-х г. XIV века на службу к московскому князю Дмитрию Ивановичу из Польши прибыл шляхтич Владислав Нелидов (Неледзевский). В 1380 г. он участвовал в Куликовской битве. Потомки этого Владислава стали зваться Нелидовыми. Род был в общем-то захудалым. Автору удалось найти в летописях лишь одно упоминание о Нелидовых. В 1472 г. великий князь Иван III послал воеводу князя Федора Пестрого наказать жителей Пермского края «за их неисправление». Одним из отрядов в этой войске и командовал Нелидов.

Часть Нелидовых поселилась в Галиче, а часть – в Угличе. Один из

представителей рода Нелидовых, Данила Борисович, в 1497 г. получил прозвище Отрепьев. Его потомки и стали носить эту фамилию.

Согласно «Тысячной книге» 1550 г. на царской службе состояли пять Отрепьевых. Из них в Боровске сыновья боярские «Третьяк, да Игнатий, да Иван Ивановы дети Отрепьева. Третьяков сын Замятня». В Переславле-Залесском служил стрелецкий сотник Смирной-Отрепьев. Его сын Богдан тоже дослужился до чина стрелецкого сотника. Но его погубил буйный нрав. Он напился в Немецкой слободе в Москве, где иноземцы свободно торговали вином, и в пьяной драке был зарезан каким-то литовцем. Так Юшка остался сиротой, воспитала его мать Варвара Отрепьева.

Царские историки старательно скрывали факт, что у Богдана Отрепьева была родная сестра Мария Ивановна, вышедшая замуж за дворянина Ивана Васильевича Шестова. Так Отрепьевы по женской линии породнились с Романовыми. Получается, что Ксения Ивановна была двоюродной сестрой Юшки Отрепьева, а Миша Романов, соответственно, его двоюродным племянником.

Юрий Отрепьев провел детство в имении дворян Отрепьевых на берегах реки Монзы, притоке Костромы. Рядом, менее чем в десяти верстах, была знаменитая костромская вотчина боярина Федора Никитича – село Домнино, полученное, как мы помним, в приданое за Ксенией Шестовой. Едва оперившийся Юрий поступил на службу к Михаилу Никитичу Романову. Идти на службу к родне было нормой в те времена.

Вскоре Отрепьев поселился в Москве на подворье Романовых на Варварке. Позже патриарх Иов говорил, что Отрепьев «жил у Романовых во дворе и заворовался, спасаясь от смертной казни, постригся в чернецы». «Вор» в те времена было более широким понятием, включавшим в себя и государственную измену. Так против кого «заворовался» Юшка? Если против своих благодетелей Романовых – так ему нужно было идти не в монастырь, а во дворец к Борису в дублеры к Бартеневу. Значит, «заворовался» он все-таки против царя. Или он был посвящен в заговор Романовых, или, как минимум, активно участвовал в бою с царскими стрельцами. В любом случае ему грозила смертная казнь. Борис по конъюнктурным соображениям был снисходителен к боярам, но беспощадно казнил провинившуюся челядь. Спасая свою жизнь, Юшка принял постриг и стал смиренным чернецом Григорием. Некоторое время Григорий скитался по монастырям. Так, известно о его пребывании в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре и монастыре Ивана Предтечи в Галичском уезде.

Через некоторое время чернец Григорий оказывается в

привилегированном Чудовом монастыре. Монастырь находился на территории Московского Кремля, и поступление в него обычно сопровождалось крупными денежными вкладами. О приеме Григория просил архимандрита Пафнутия протопоп кремлевского царского Успенского собора* Ефимий. Как видим, влиятельные церковные деятели просят за монашка, бегущего из одного монастыря в другой, бывшего государственного преступника.

Итак, версию, что до самозванства Отрепьев дошел сам, приходится отбросить как абсурдную. Отсюда единственный вариант – инока Григория наставили на «путь истинный» в Чу-довом монастыре. Кремлевский Чудов монастырь давно был источником различных политических интриг. Там постриглись многие представители знати, и не всегда по доброй воле. Само расположение монастыря под окнами царских теремов и государственных приказов делало неизбежным вмешательство монахов в большую политику. Царь Иван Грозный желчно бранил чудовских старцев за то, что они только по одежде иноки, а творят все как миряне. Значительная часть монахов была настроена оппозиционно к царю и патриарху.

Успенский собор служил местом венчания царей, в соборе хоронили московских митрополитов и патриархов.

Первое время Григорий жил в келье своего родственника Григория Елизария Замятни (внука Третьяка Отрепьева). Всего до побега Григорий провел в Чудовом монастыре около года. В келье Замятни он пробыл совсем недолго. Архимандрит Паф-нутий вскоре отличил его и перевел в свою келью. По представлению архимандрита Григорий был рукоположен патриархом в дьяконы. Вскоре Иов приближает к себе Григория. В покоях патриарха Отрепьев «сотворил святым» каноны. Григорий даже сопровождал патриарха на заседаниях Боярской думы. Такой фантастический взлет всего за год! И время было не Ивана Грозного или Петра Великого. При Годунове головокружительные карьеры не делались. И при такой карьере вдруг удариться в бега?! А главное, как двадцатилетний парень без чьей-либо поддержки вдруг объявил себя царевичем? До этого на Руси со времен Рюрика не было ни одного самозванца. Престиж царя был очень высок. Менталитет того времени не мог и мысли такой допустить у простого чернеца.

К сожалению, наши дореволюционные и советские историки крайне мало интересовались, кто же стоял за спиной Григория. И в этом в значительной мере виноват Пушкин, точнее, не Пушкин, а царская цензура. Как у Александра Сергеевича решается основной вопрос драмы – решение монаха Григория стать самозванцем? Вот сцена «Келья в Чудовом

монастыре». Отец Пимен рассказывает чернецу Григорию антигодуновскую версию убийства царевича Димитрия. И все... Следующая сцена – «Палаты патриарха». Там игумен Чудова монастыря докладывает патриарху о побеге чернеца Григория, назвавшегося царевичем Димитрием.

Можно ли поверить, что восемнадцатилетний мальчишка, выслушав рассказ Пимена, сам рискнет на такое. И дело совсем не в неизбежности наказания – дыба и раскаленные клещи на допросе, а затем четвертование или кол. Дело в другом – Гришка стал первым в истории России самозванцем. И одному юнцу в одночасье дойти до этого было невозможно. Психология русского феодального общества начала XVII века не могла этого допустить. Тут нужен изощренный зрелый ум. Так кто же подал идею Гришке? До 1824 г. эту тему никто не поднимал. А Пушкин? Сейчас вряд ли удастся выяснить, знал ли Пушкин что-то не вошедшее в историю Карамзина, или его озарила гениальная догадка.

Но начнем по порядку. Пушкин приступил к работе над «Борисом Годуновым» в ноябре 1824 г. К концу декабря – началу января он дошел до сцены в Чудовом монастыре и остановился. Пушкинисты утверждают, что он занялся четвертой главой «Онегина». Возможно, это и так, а скорее – не сходились концы с концами у «Годунова». Но в апреле 1825 г. Пушкин возвращается к «Годунову» и одним духом пишет сцены «Келья в Чудовом монастыре» и «Ограда монастырская». Позвольте, возмутится внимательный читатель, какая еще «Ограда монастырская», да нет такой сцены в пьесе. Совершенно верно, нет, но Пушкин ее написал. Сцена короткая, на две страницы, а по времени исполнения – на 3—5 минут. Там Гришка беседует со «злым чернецом». И сей «злой чернец» предлагает Гришке стать самозванцем. До Гришки доходит лишь со второго раза, но он соглашается: «Решено! Я Дмитрий, я царевич». Чернец: «Дай мне руку: будешь царь». Обратим внимание на последнюю фразу – это так-то важно говорит простой чернец?! Ох, он совсем не простой, сей «злой чернец».

Сцена «Ограда монастырская» имела взрывной характер. Она не только прямо обвиняла духовенство в организации Смуты, но поднимала опасный вопрос – кто еще стоял за спиной самозванца. Поэтому Жуковский, готовивший в 1830 г. первые сцены «Бориса Годунова», не дожидаясь запрета цензуры, сам выкинул сцену «Ограда монастырская». Опубликована эта сцена была лишь в 1833 г. в немецком журнале, издававшемся в Дерпте.

На поиски «злого чернеца» автор потратил более пяти лет. Им оказался сам архимандрит Чудова монастыря Пафнутий.

Очень странно, что все наши историки прошли мимо ключевой фигуры Смутного времени. А церковные власти сделали все, чтобы вычеркнуть имя «злого инока» Пафнутия из церковной и светской истории. Так, в огромном труде «История русской церкви», написанном митрополитом Макарием, в VI томе, посвященном Смутному времени, о Пафнутии упоминается вскользь всего два раза в двух строчках. Причем последний раз сказано с явной злобой: «...как и когда он умер и где погребен неизвестно».

Мне удалось найти сведения о Пафнутии в житиях святых Никодима, Адриана и Ферапонта Монзенского.

Итак, вернемся в 1593 г. Жили-были в Троицком Павло-Обнорском монастыре два приятеля-инока Адриан и Пафну-тий. Им явился, каждому отдельно, во сне неизвестный инок и повелел основать обитель на берегу лесистой реки Монзы, при впадении ее в Кострому. Настоятелем в новом монастыре должен стать старец Адриан. Причем явившийся прибавил, что место это будет указано чудом, и на нем явится святой. Так и случилось: когда там воздвигли часовню, то в ней получили исцеление два отрока. А отцы их рассказали, что каждому из них явился во сне неизвестный инок и сказал, что сын его будет исцелен в обители старца Адриана. В это время старец Пафну-тий был назначен настоятелем Чудова монастыря в Москве.

Создается впечатление, что текст жития подвергся основательной цензуре. Зачем сразу двум старцам «является» один и тот же сон? Понятно, тогда бы они стали вместе строить на Монзе монастырь, но ведь Пафнутий выбывает из игры. Его кто-то назначает, и неизвестно за что, архимандритом придворного Чудова монастыря в Москве! Видимо, Пафнутию приснился другой, куда более чудесный сон, но позже кто-то изъясил сей сон из рукописи.

Обратим внимание на географию. Река Обнора, где находился Павло-Обнорский монастырь, и река Монза, где Адриан основал новый монастырь, – правые притоки реки Костромы и расположены почти рядом. Итак, район реки Монзы – это вотчины бояр Романовых, имение дворян Отрепьевых и место иноческого послушания Пафнутия. Уж что-то не верится, что это простое совпадение. Практически невероятно, чтобы бояре Романовы не посещали соседний Павло-Обнорский монастырь. Зато очень странно, что, став царем, туда навещался Михаил Романов. Видимо, что-то сильно связывало это семейство с монастырем на Обноре.

Нетрудно догадаться, что в Чудов монастырь Пафнутий попал по протекции своих соседей Романовых. 1593—1594 гг. – время тесного альянса Романовых и Годуновых. Кстати, и патриарх Иов благоволил тогда

к Романовым. Ведь с 1575 г. по 1581 г. Иов был архимандритом Новоспасского монастыря, который давно уже был под патронатом Романовых и служил их родовой усыпальницей. Только таким способом ничем не прославившемуся иноку захолустного монастыря удалось попасть в Кремль.

Почти сразу после возведения Пафнутия в сан архимандрита к нему в Чудов монастырь явился кузнец Никита. И Пафнутий, «испытав терпение и смирение Никиты посредством различных послушаний», сделал его своим келейником. Осенью 1595 г. послушник Никита был пострижен в монахи под именем Никодима. Запомним это имя, к нему мы позже вернемся.

Итак, именно в келье архимандрита Пафнутия долгое время жил чернец Григорий. И вряд ли архимандрит допустил бы, чтобы его воспитанник попал под влияние другого чудовского «злого чернеца».

Возникает естественный вопрос, мог ли Пафнутий действовать один, без сговора со светскими лицами. Ответ очевиден. И это были люди романовского круга.

Но кто конкретно? Братья Никитичи сидели под крепким караулом, по крайней мере до 1602 г. А как насчет инокини Марфы – Ксении Ивановны?

Как мы уже знаем, Ксения по боярскому приговору от 30 июня 1601 г. была пострижена в монахини и сослана на погост Толвуй в Обонежской пятине. Селение Толвуй впервые упоминается в исторических актах в XIV веке, под 1375 г. Это одно из древних русских поселений на берегу Онего-озера, расположенных на полуострове Заонежье. Перед ссылкой в Толвуй инокини Марфы в самом начале XVII века вокруг Толвуйского погоста располагались 33 деревни. Земли погоста занимали около шестидесяти верст в округе. Церквей в погосте было три, две из них – церковь Страстотерпца Христова Егория (Георгия Победоносца) с приделом Святителя Николая Чудотворца и теплая церковь Живоначальная Троицы – деревянные, стояли на погосте в Толвуге, а третья церковь – Рождества Пречистой Богородицы – была поставлена за Повенецким заливом.

По преданию, «...уединенный терем узницы был построен нарочно и был он очень тесен». Стоял «... в близком расстоянии от церкви, с северной стороны, рядом стояла караульня московских приставов, все было окружено забором. Сгорел ли терем при пожаре погоста или разобран за ветхостью неизвестно»^[32].

От терема царицы Марфы уцелел один фундамент, «...складенный из больших булыжных камней, окруженный забором. Фундамент – квадратный, в окружности 264 сажени». К 1858 г. «внутри этого квадрата

стояли две церкви».

От Москвы до Толвуя было 1200 верст. Дорог практически не было, летом добирались по воде, зимой налаживали санный путь, а в межсезонье сообщение было крайне затруднительным. На отдаленность погоста и понадеялся Борис Годунов. А главное, какой вред можно ждать от глупой бабы. В этом состояла роковая ошибка царя. Ксения была тихой лишь для вида. На самом деле по честолюбию, энергии и коварству она дала бы фору самой Марфе Посаднице. Кстати, именно она, а не Михаил, царствовала в Москве в 1613—1619 гг. до приезда Филарета.

В Толвуй Марфа прибыла в сентябре или октябре 1601 г. Она имела большую свободу передвижения и посещала не только местные церкви, но и ездила к Спасу на остров Кижи, в Сенную Губу и за Онего-озеро в Челмужу. Сохранилось предание, что в Челмуже ее угостили сигом, который позже стал ее любимым рыбным блюдом. Скромной инокине удалось вывезти в Толвуй много денег и драгоценностей. Она пожертвовала большой вклад в обе местные церкви и тем расположила к себе духовенство.

Увы, благотворительность не стала единственным занятием Марфы. Она создала в Обонежской пятине целую систему фельдсвязи. Нет, я не шучу. Ее возглавили толвуйский поп Ер-молай Герасимов и его сын Исаак. Главными агентами стали толвуйские крестьяне – братья Гаврила и Клим Блездуновы с отцом Еремой, Поздей, Томило и Степан Тарутины и другие. Всего около 20 человек.

Местный поп и завербованные крестьяне имели лошадей и лодки и, как и все местные жители, пользовались полной свободой перемещения по обширному полупустынному краю. Два пристава, отряженные Боярской думой следить за Марфой, беспробудно пьянствовали. Ксения Шестова еще в Москве хорошо владела грамотой, а ее муж Федор Никитич (Филарет) позже получил славу лучшего в России шифровальщика. Он лично разработал несколько хитрых шифров (Соболева Т.А. Тайнопись в истории России. М.: Международные отношения, 1994. С. 39.).

Куда же шли письма из Толвуя? В 1614 г., когда «агентура» получила большие награды, Марфа объявила: «При Борисе Годунове, при его самохотной державе, злокозненным его умыслом, мать наша Великая Государыня старица инока Марфа Ивановна была сослана в Новгородский уезд, в Обонежскую пятину, в Егорьевский погост, в заточение, и тот поп Ермолай, памятуя Бога и свою душу и житие православного христианства, матери нашей Великой Государыне иноке Марфе Ивановне непоколебимым своим умом и твердостью разума служил и прямил и доброхотствовал во

всем и про отца нашего здоровье проводывал. И матери нашей Великой Государыне старице Марфе Ивановне обещал и в таких великих скорбях в напрасном заточении во всем помогал». Остальным агентам были даны отдельные грамоты с примерно таким же содержанием.

Поневоле возникает риторический вопрос: чтобы «проведать о здоровье» мужа, сколько нужно гонцов – один или двадцать? Ну послал поп Ермолай сына Исаака в Антониев-Сий-ский монастырь. Узнал Исаак о здоровье, передал весточку, вернулся с ответом. Радуйся, опальная монашка, и сиди помалкивай, чтобы никто приставам не донес. Кстати, и пробыла Марфа в Толвухе всего-то около двух лет.

Нет, агентурная сеть была создана совсем не для этого. «Фельдсвязь» была установлена не только с Антониев-Сийским монастырем, но и с Костромой, и с Москвой.

Судя по всему, именно Марфа на первых порах руководила «самозванческой интригой». Кому, как не ей, могла прийти в голову идея использовать в качестве самозванца Юшку Отрепьева – ее родню. Пафнутия же Ксения Шестова не могла не знать еще в бытность его в Троицком Павло-Оборском монастыре. Да и с Пафнутием – архимандритом Чудова монастыря – она не могла не встречаться как на официальных церемониях, так и в романовских теремах в Москве. Итак, все сходится.

Впрочем, не исключено и участие в заговоре, причем на самой ранней стадии, и поляков. Под большим подозрением оказывается канцлер и великий гетман литовский Лев Сапега. Первый раз он приезжал послом в Москву еще в царствование Федора Иоанновича. Еще тогда он писал гетману Крис-тофу Радзивиллу, что разные его информаторы сходятся в одном: большая часть думных бояр и воевод стоит за Романова, меньшие чины, особенно стрельцы и чернь, поддерживают Годунова. Второй раз Лев Сапега прибыл в Москву 16 октября 1600 г. и уехал почти через год, в августе 1601 г. Через десять дней после приезда Сапега и другие члены посольства были свидетелями ночного штурма царскими стрельцами романовского подворья. В посольском дневнике, а также в донесении королю Сигизмунду Сапега и его товарищи весьма положительно отзываются о братьях Никитичах, называя их «кровными родственниками умершего великого князя». (Ляхи не признавали царский титул Федора.)

Сапега уехал из Москвы крайне озлобленным на царя Бориса. Позже в Вильне Сапега перед русскими послами, приехавшими на ратификацию, говорил королю Сигизмунду: «Как приехал я в Москву, и мы государских очей не видали шесть недель, а как были на посольстве, то мы после того не видали государских очей 18 недель, потом от думных бояр слышали мы

много слов гордых, все вытягивали они у нас царский титул. Я им говорил так же, как и теперь говорю, что нам от государя нашего наказа о царском титуле на перемирие нет, а на докон-чанье наказ королевский был о царском титуле, если бы государь ваш по тем по всем статьям, которые мы дали боярам, согласился». То есть Сапега начал торговаться: мы, мол, признаем Бориса царем, а вы, мол, признайте Сигизмунда шведским королем. На что московские послы резонно отвечали: «Вы говорите, что государь ваш короновался шведскою короною, но великому государю нашему про шведское коронованье государя вашего никакого ведома не бывало... Нам лишь ведомо, что государь ваш Жигимонт король ходил в Швецию и над ним в Шведской земле невзгода приключилась. Если бы государь ваш короновался шведскою короною, то он прислал бы объявить об этом царскому величеству и сам был бы на Шведском королевстве, а не Арцы-Карло (герцог Карл). Теперь на Шведском королевстве Арцы-Карлус, и Жигимонту королю до Шведского королевства дела нет, и вам о шведском титуле праздных слов говорить и писать нечего».

Это был страшный удар по самолюбию короля и королевского посла. После прибытия Гришки Отрепьева в Польшу Лев Сапега стал одним из наиболее активных его покровителей. Таким образом, есть большая вероятность того, что Сапега стал соучастником заговора Пафнутия и романовской клиентуры. Об этом предположительно писал церковный историк Д. Лавров: «В это время польским послом в Москве был Лев Сапега, и Отрепьев, состоя при патриархе, мог войти в сношение с ним и убедиться, что в Польше можно найти себе поддержку» (Лавров Д. Святой страстотерпец, благоверный князь угличский царевич Димитрий, московский и всея России чудотворец. Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1912. С. 90.). То же утверждает в 1996 г. и Д. Евдокимов (Евдокимов Д. Воевода. М.: Армада, 1996. С. 53.).

Наличие треугольника Пафнутий – Романовы – Сапега сразу же снимает все загадки и противоречия в истории само-званческой интриги.

Глава 9

«Польша сильна раздорами»

Итак, Марфа, Филарет и Пафнутий придумали самозванческую интригу. Но как материализовать ее? Русский народ, вопреки мнению позднейших романистов и историков, напрочь забыл об угличской драме. И явление самозванца в любом русском городе не только не приведет к бунту, но и будет мгновенно пресечено. И тут сработал естественный рефлекс отечественного заговорщика всех времен – «заграница нам поможет».

Правда, в большинстве случаев от «заграницы» проку было мало. Не помогла она ни Святополку Окаянному, ни Колчаку с Деникиным и Врангелем, ни старгородскому «Союзу меча и орала», да и нынешним «демократам» не очень-то помогает.

Не стал бы исключением и чернец Григорий, если бы он бежал не на запад, а на север, к шведам, или на юг, к турецкому султану или персидскому шаху. В любом случае он стал бы лишь мелкой разменной монетой в политической игре правителей означенных стран. В худшем случае Отрепьев был бы выдан Годунову и кончил жизнь в Москве на колу, в лучшем – жил бы припеваючи во дворце или замке под крепким караулом и периодически вытаскивался бы на свет божий, дабы немного пошантажировать москвитов.

Но Гришке сказочно повезло – он попал на большую воровскую «малину» («яму»). Называлась эта «малина» Речью Посполитой, а местные авторитеты (воры в законе) – ясновельможными панами.

«Ах, как можно говорить так о наших западных соседях!» – воскликнет «политкорректный» читатель. Ну что ж, давайте разберемся, но для этого нам придется совершить небольшой исторический экскурс аж в конец XIII века.

В советских учебниках истории о ситуации в западных и южных русских княжествах в конце XIII – начале XV века говорилось коротко и неясно: «...воспользовавшись ослаблением Руси в результате татарского нашествия польско-литовские феодалы захватили западные и южные русские земли». На самом же деле эти земли в XIV—XV веках были присоединены к Великому княжеству Литовскому*. Вхождение русских княжеств в состав Великого княжества Литовского происходило как насильственно, так и добровольно. Как острили наши историки в XIX веке

– «победила не Литва, а ее название».

И действительно, литовские князья Гедиминовичи создали из западных и южных русских княжеств большое русское государство, получившее название Великое княжество Литовское. Сами Гедиминовичи женились в основном на русских княжнах и принимали православие. У этнических же литовцев к середине XIV века 95 процентов населения были язычниками, а письменности вообще не существовало. Поэтому единственным языком общения во всем Великом княжестве Литовском, кроме сравнительно небольших областей, населенных этническими литовцами, был русский язык. На нем же велась и вся документация.

Характерный факт – литовские послы, приезжавшие в Москву, свободно, без переводчика, общались с боярами и дьяками. Впервые, и то для затягивания переговоров, литовские послы потребовали переводчика в конце XVI века, мотивируя это тем, что у московитов много новых слов появилось, им неведомых.

Жизнь в русских городах после включения их в состав Великого княжества Литовского почти ни в чем не изменилась. Границы почти всех уделов были сохранены. Порядки, права, администрация и прочее остались без изменений. Удельными князьями были свои православные люди, частью Рюриковичи, частью обрусевшие литовцы.

В 1386 г. великий князь литовский Ягайло (православное имя Яков) женился на польской королеве Ядвиге и стал польским королем под именем Владислав. В результате этого Польша и Литва были объединены личной унией. Вместе с Ягайло отреклись от православия и приняли католицизм его братья: Скиргайло (православное имя Иоанн) стал Казимиром, Коригойло (Константин) стал тоже Казимиром, Свидригайло (Лев) стал Болеславом, Мингайло (Василий) – Александром. Католиком стал и двоюродный брат Ягайло Витовт, ставший Александром. Но ни эта, ни последующие личные унии практически не отразились на повседневной жизни «Литовской Руси».

Сложилась любопытная ситуация. В Москве каждый новый великий князь все больше «закручивал гайки» в отношении своих бояр и союзных князей Рюриковичей, а в Польше каждый новый король давал все больше свобод и привилегий крупным светским и духовным феодалам. С конца XIV века и до конца XV века большинство крупных городов Великого княжества Литовского получили Магдебургское право.

В Польше шляхта избирала короля. Формально это решалось на сейме, но обычно паны собирали конфедерации – союзы. Каждый союз выдвигал своего кандидата в короли. Магнаты приводили свои «частные армии».

Замечу, что термин «частная армия» в применении к Польше выдуман не мною. Он употреблялся историками еще в XIX веке. Обычно после нескольких сражений конфедератов и определялся сильнейший кандидат.

Магдебургское право – одна из наиболее известных систем городского права, сложилась в XIII в. в немецком г. Магдебург. Юридически закрепила права и свободы горожан, их право самоуправления.

С середины XVI века «паны выборщики» стали привлекать избирателей со стороны. И вот на выборы очередного короля с севера, запада и юга в Польшу входили стройные ряды электората с алебардами и мушкетами. Спустя полтора века в выборах стали участвовать и русские полки.

Но вот король избран. Но королевские указы писаны явно не для панов. Ясновельможный пан мог сшить себе кафтан из пергаментов, на которых были написаны приговоры королевских судов, и явиться в оном кафтане на бал к королю.

Богач-магнат мог отчеканить несколько сот золотых монет с изображением короля. Единственным отличием от официальной валюты была замена надписи «божией милостью король» на «божией милостью дурак». Вся Речь Посполитая хохотала, а магнату что с гуся вода.

Ну а если король будет вести себя неподобающим, с точки зрения шляхты, образом, то ясновельможные паны имели законное право объявить ему войну. Для этого в середине XVI века появился специальный термин – «рокош», а противники короля именовались «панами рокошанами».

Польский король мог заключить «вечный мир» с соседним государством. Но это было личное дело короля, а ясновельможные паны могли сами начинать войну с иноземным монархом – при чем тут король!

Жизнь в Речи Посполитой хорошо иллюстрирует судьба знаменитого русского беглеца – князя Андрея Курбского. В мае 1564 г. русский воевода бросил вверенное ему войско и бежал в Литву. Король Сигизмунд-Август щедро одарил Курбского землями: в Литве он получил староство Кревское (позднее в составе Виленской губернии), на Волыни – город Ковель, местечки Вижну и Милянтовицы с десятками сел. Сначала все эти поместья были пожалованы Курбскому в пожизненное владение, но впоследствии «за добрую, цнотливую ^[33], верную, мужнюю службу» они были утверждены за Курбским на правах наследственной собственности. В Польше и Литве Андрея Курбского величали князем Ковельским. Сам же Андрей Михайлович называл себя князем Ярославским.

Говоря о жизни Курбского в Литве, я не буду останавливаться на его знаменитой переписке с Иваном Грозным, поскольку она выходит за рамки

нашего повествования, а желающих отошлю к моей книге «Дипломатия и войны русских князей. От Рюрика до Ивана Грозного» (М.: Вече, 2006). Здесь же стоит показать среду, куда попал наш «диссидент».

Князь Курбский как владелец Ковеля был буквально принужден вести непрерывную малую войну с соседями-шляхтичами, как католиками, так и православными. Увы, я не преувеличиваю. Историки обнаружили в польских архивах документы о десятках «междусобойчиков» с участием Андрея Ярославского. Май 1566 г. – вооруженные столкновения с частной армией Александра Федоровича Чарторыйского. В августе того же года – конфликт с владельцами местечек Донневици и Ми-хилевичи. Ноябрь 1567 г. – вооруженные стычки с частной армией семейства сандомирского каштеляна Станислава Мате-евского. В конце 1569 г. – боестолкновения с частной армией Матея Рудомина, много убитых и раненых. В августе 1570 г. началась «малая война» (по выражению историка И. Ауэрба-ха) с князем Андреем Вишневецким за передел границ имений. Вооруженные пограничные столкновения между дружинниками Курбского и частной армией Вишневецкого происходили в феврале 1572 г., в августе 1575 г.

Тут стоит заметить, что в те годы клан Вишневецких хотя и слыл оплотом православия, но действовал не хуже разбойников с большой дороги. Что им какой-то князь Курбский. Вот, к примеру, в конце XVI века семейство Вишневецких захватило довольно большие территории вдоль обоих берегов реки Сули в Заднепровье. В 1590 г. польский сейм признал законными приобретения Вишневецких, но московское правительство часть земель считало своими. Между Польшей и Россией был «вечный» мир, но Вишневецкий плевал равно как на Краков, так и на Москву, продолжая захват спорных земель. Самые крупные инциденты случились на Северщине из-за городков Прилуки и Сиетино. Московское правительство утверждало, что эти городки издавна «тянули» к Чернигову и что «Вишневецкие воровством своим в нашем господстве в Северской земли Прилуцкое и Сиетино городище осваивают». В конце концов в 1603 г. Борис Годунов велел сжечь спорные городки. Люди Вишневецкого оказали сопротивление. С обеих сторон были убитые и раненые.

Типичными представителями польской шляхты было семейство Мнишков (Мнишек), которые стали одними из главных героев Великой русской Смуты.

Рассказ о Марине Мнишек я начну с того, что она была, вопреки Пушкину, не «польской девой», а чешкой по отцовской линии. Ее дед Николай Мнишек переехал в Польшу из Моравии около 1525 г. Родовое имя Мнишков нашло сомнительную славу в хрониках «Священной

Римской империи», но носитель его принес с собой большое состояние, нажитое им на службе у короля Фердинанда.

Николай Мнишек выгодно женился на Барбаре Каменец-кой – дочери санокского каштеляна – и тем самым породнился с одной из аристократических фамилий Польши. Это открыло ему доступ к самым высшим должностям в государстве. Вскоре он получил звание великого коронного подкормия. Умер Николай в 1553 г., оставив троих сыновей – Яна, Юрия (Ежи) и Николая.

Для обучения сыновей Николай Мнишек нанял в качестве домашнего учителя доктора философии Симона Вендзицкого. Чтобы польстить сравнительно безродному хозяину, Симон составил родословное древо семьи Мнишков, возведя их к Карлу Великому и императору Отгону. Позже Ян и Юрий получили университетское образование.

Юрию удалось войти в круг друзей Казимира – сына короля Сигизмунда Старого. Первая жена принца Сигизмунда Елизавета Австрийская умерла в 1545 г. Но молодой королевич не долго горевал и через несколько недель влюбился в двадцатидвухлетнюю Барбару Радзивилл.

Николай Черный Радзивилл, двоюродный брат Барбары, и Николай Рыжий Радзивилл, родной ее брат, решительно потребовали от королевича порвать с их сестрой. Сигизмунд вынужден был дать слово. (Хорошая иллюстрация могущества польской знати!) Однако страсть заставила королевича нарушить обещание. Во время очередного тайного свидания братья Барбары застали любовников в весьма интересном положении. Теперь Сигизмунду не оставалось ничего иного, как заявить о своей любви и желании жениться. Королевич согласился жениться, потому что очень любил Барбару, но только попросил, чтобы свадьба оставалась в тайне до того времени, пока он не займет польский трон, иначе он не сможет защитить не только Барбару, но и себя.

В 1547 г. произошло тайное венчание Сигизмунда и Барбары. А между тем мать Сигизмунда королева Бона продолжала ему искать невесту среди знатных королевских дворов Европы. Лишь после смерти мужа Бона узнала о женитьбе сына. Итальянка в ярости требует от Сигизмунда расторгнуть брак. Получив отказ, королева-мать обращается к сейму с требованием не признавать Барбару королевой. На сейме Сигизмунд решительно объявляет, что скорее откажется от престола, чем от жены, с которой его соединил Бог, и вельможи уступают, а мелкая шляхта встает на сторону короля. И в декабре 1550 г. Барбара становится польской королевой.

Старая же королева в знак протеста со всем своим двором уезжает в Италию. Но ее придворный аптекарь итальянец Монти остался. Он подмешал яд молодой королеве, и в мае 1551 г. цветущая красавица умирает.

Отчаяние и горе короля были безмерными. По завещанию умершей гроб с ее телом повезли в Вильно. Неутешный король всю дорогу от Кракова шел за гробом пешком. Похоронили Барбару в кафедральном соборе на площади Гедимины. Саркофаг с ее останками находится там и в наши дни.

Король после смерти любимой так тосковал, что решил с помощью алхимиков – панов Твардовского и Юрия Мниш-ка – вызвать ее душу. В полутемном зале было все подготовлено, чтобы с помощью зеркал, на одном из которых была выгравирована Барбара во весь рост в белой одежде, любимой королем, разыграть сцену встречи короля и души Барбары. Короля посадили в кресло и хотели привязать руки к подлокотникам, чтобы он нечаянно не прикоснулся к привидению. Сигизмунд дал слово, что будет сидеть спокойно и только на расстоянии спросит у любимой, как ему жить дальше. Но когда появилось привидение, он от волнения забыл свою клятву, вскочил с кресла, кинулся к привидению со словами «Басень-ка моя!» и хотел ее обнять. Раздался взрыв, пошел трупный запах – теперь душа Барбары не могла найти дорогу в могилу, вечно ей скитаться по земле. Поляки до сих пор верят, что она поселилась в Несвижском замке.

Шушукаясь по углам об этой истории, набожные паны крестились. Ходили слухи, что Юрий Мнишек и Твардовский знают с нечистой силой. В частности, говорили, что пан Твардовский продал душу дьяволу с условием, что тот заберет ее, если Твардовский умрет в Риме. Естественно, посещать Вечный город алхимик не собирался до скончания века. Однако смерть настигла пана Твардовского в корчме, которая называлась «Рим».

В 1553 г. Сигизмунд II женился на двадцатилетней Екатерине Австрийской. Но молодая жена не интересовала короля. Сигизмунд предался разврату и мистицизму, и тут Юрий с Яном Мнишки с блеском проявили свои таланты. Проворные маклеры и искусные сводники, они доставляли своему безутешному государю колдунов, вызывателей духов, красных девиц и разные зелья и «средства для возбуждения похоти».

В монастыре бернардинок воспитывалась юная красавица по имени Варвара. Она была удивительно похожа на покойную королеву. Юрий Мнишек пробрался туда, переодевшись в женское платье, и Варвара согласилась реальным образом напомнить королю о прелестях столь горячо

оплакиваемой супруги. Варвара была дочерью простого мещанина Гижы. Ее поселили во дворце, и два раза в день Юрий Мнишек отводил ее к королю.

Это «ремесло» возвело его в должность коронного кравчего и управляющего королевским дворцом. В его обязанности входило также наблюдение и за другими любовницами короля, жившими во дворце. В то же время, действуя заодно с братом Яном, Юрий Мнишек приобрел большое влияние на большинство государственных дел и прибрал к своим рукам распоряжение королевской казны.

Но больше всего братья Мнишки обогатились в день смерти Сигизмунда II. Король, изнуренный всякими излишествами и уже смертельно больной, отправился с несколькими приближенными в Книшинский замок в Литву. Разумеется, братья Мнишки и красавица Варвара сопровождали короля в этом путешествии. В ночь после кончины Сигизмунда они отправили из замка несколько плотно набитых сундуков. В результате этого в замке не нашлось даже одежды, чтобы достойно облачить державного покойника.

Этот скандал наделал такого шума, что на ближайшем сейме были возбуждены публичные прения по этому вопросу. По-видимому, обвиняемым не удалось оправдаться, однако при помощи могущественных покровителей им удалось избежать судебного преследования, которого требовали на сейме, и обязательства вернуть украденное. Краковский воевода Ян Фир-лей, великий коронный маршал и зять братьев Мнишков, успешно замял это дело. Мнишки остались по-прежнему богаты, важны и так же презираемы.

Об отношении к Мнишкам шляхты свидетельствуют слова Камалии Радзивилл, обращенные к ее внуку: «Дети приличных людей не играют с детьми воров и проституток».

Король Стефан Баторий терпеть не мог Юрия Мнишка, и тот должен был удовлетвориться незначительной должностью радомского каштеляна. Сигизмунд III снял опалу с Мнишка.

В 1603 г. Юрию было около пятидесяти лет. На тучном туловище и короткой толстой шее склонного к апоплексии человека сидела продолговатая голова с выпячивающимся подбородком и лукавым взглядом голубых глаз. Юрий обладал превосходными качествами царедворца. Его почтительные манеры и красноречие снова сослужили ему хорошую службу. Еще больше Мнишек набил себе цену, выставя напоказ глубокую набожность. Получив Самборскую королевскую экономию, Сандомирское воеводство и Львовское староство, он построил два монастыря –

доминиканский в Самборе и бернардинский во Львове – и в то же время пожертвовал десять тысяч флоринов для строительства во Львове иезуитского коллегиума. Он умело делил свои дары между этими тремя влиятельными орденами и не упускал из-за этого возможности укрепить свое положение брачными союзами преимущественно с протестантскими семьями. Католический мир избегал их как зачумленных, поэтому они были доступнее и представляли весьма выгодные партии. Муж одной из сестер воеводы – Фирлей – был кальвинист. Другая сестра Мнишка вышла замуж за арианина

Стадницкого. Сам Юрий Мнишек женился на Ядвиге Тарло, отец и братья которой были также ариане.

Юрий Мнишек буквально выжимал все соки из Сандо-мирского воеводства, но постоянно нуждался в деньгах и не вылезал из долгов. Так, в 1603 г. Юрий был вынужден продать часть владений и вернуть часть долгов на сумму 28 тысяч злотых.

Чтобы выйти из затруднительного положения, Мнишек нашел одно лишь средство – выгодно выдать замуж своих дочерей. Он не давал за ними приданого, но тем не менее находил им богатых и покладистых мужей. Его старшая дочь Урсула вышла замуж за старосту кременецкого Константина Константиновича Вишневецкого, вполне способного поддержать своего бедствующего тестя.

Вишневецкие считали себя потомками великого князя Литовского Гедимина, но фактически были православными русскими князьями, в жилах которых на 90 процентов текла русская кровь. Однако в 1595 г. Константин Константинович перешел в католичество и стал считать себя поляком. Замечу, что и все остальные члены рода Вишневецких до 1640 г. приняли католичество.

В 1603 г. младшей дочери Юрия Мнишка Марине исполнилось 18 лет. О ее жизни до встречи с самозванцем нам ничего неизвестно, за исключением того, что она приняла первое причастие в Самборском монастыре бернардинцев.

* Валишевский К. Смутное время. М.: Квадрат, 1993. С. 97—98.

Вопреки легендам, Марина не была красавицей. Польский историк Казимир Валишевский писал: «Марина была похожа на воеводу ^[34]: тот же высокий лоб, ястребиный нос и острый подбородок; но тонкий рот и плотно сжатые губы, которые были как будто созданы не для приманки поцелуев, неприятно дополняли сходные черты. И только довольно красивые, продолговатые, словно миндалины, глаза и грациозно выгнутые брови несколько смягчали это сухое, черствое лицо»*. Вдобавок Марина

была тщедушна, ее рост составлял где-то 153—155 см.

Внешность плюс долги, а главное, репутация отца не позволяют нам думать, что Марина (как писал А.С. Пушкин в «Борисе Годунове») «у ног своих видала ...Я рыцарей и графов благородных; Но их мольбы я хладно отвергала».

Мнишек был готов сплавить дочь кому угодно. И вдруг произошло событие, которое круто изменило не только жизнь кланов Мнишковых, но и всю историю польско-русских отношений.

Глава 10

Похождения расстриги в Речи Посполитой

Отрепьев бежал в Литву с двумя монахами – Варлаамом и Мисаилом. Варлаам был чернецом Пафнутьева Боровского монастыря, расположенного в Кремле. Варлаам Яцкий происходил из провинциальных детей боярских. Позже, при царе Василии Шуйском, Варлаам напишет подробный рассказ о побеге в Польшу, получивший название «Извет». Второй чернец, Мисаил, бежал, как и Отрепьев, из Чудова монастыря. В миру он был Михаилом Трофимовичем Повадьиным, сыном боярским из города Серпейска. В московской летописи о нем сказано: «...прост сей и в разуме не утвержден». Полную противоположность Мисаилу представлял собой Варлаам. Его искусно составленный «Извет» говорит об изощренном уме.

Согласно версии Варлаама, дело обстояло так. В 1601 г., в понедельник второй недели Великого поста, в Москве Варварским крестцом шел монах Пафнутьева Боровского монастыря Варлаам. Его нагнал другой монах, молодой, и вступил с ним в разговор. После обыкновенных приветствий и вопросов, кто и откуда, Варлаам спросил своего нового знакомого, назвавшегося Григорием Отрепьевым, какое ему до него дело. Григорий отвечал, что, живя в Чудовом монастыре, сложил он похвалу московским чудотворцам, и патриарх, видя такое усердие, взял его к себе, а потом стал брать с собой и в Боярскую думу, оттого и вошел Григорий в великую славу. Но ему не хочется не

только видеть, но и слышать про земную славу и богатство, и потому он решил уехать из Москвы в дальний монастырь. Слышал он, что есть монастырь в Чернигове, и туда-то он хочет позвать с собой Варлаама. Варлаам отвечал, что если Григорий жил в Чудовом монастыре у патриарха, то к Черниговскому монастырю ему не привыкнуть: по слухам, этот монастырь – место неважное. На это Григорий отвечал: «Хочу в Киев, в Пе-черский монастырь, там старцы многие души свои спасли. А потом, поживя в Киеве, пойдем во святой город Иерусалим ко гробу Господню». Варлаам возразил, что Печерский монастырь за рубежом, в Литве, а за рубеж теперь идти трудно. «Вовсе не трудно, – отвечал Григорий, – государь наш взял мир с королем на двадцать два года, и теперь везде просто, застав нет». Тогда Варлаам согласился идти вместе с Отрепьевым.

Оба монаха поклялись друг другу, что не обманут, и договорились назавтра встретиться в Иконном ряду и отправиться в путь. На другой день в условленном месте Варлаам нашел Отрепьева, а с ним был третий их спутник – чернец Мисаил.

В своем «Извете» Варлаам старательно путает правду с вымыслом, стремясь обелить себя. Трудно поверить, что умный и тертый монах в столь солидном возрасте встретил случайно какого-то мальчишку и решил бежать с ним за рубеж. Вместе с тем интеллектуальный уровень Варлаама явно не соответствует роли равноправного участника заговора. Тем более это можно сказать о Мисаиле. Судя по всему, на первом этапе они и не догадывались об интриге Пафнутия.

Но вернемся к нашим беглецам. Им удалось благополучно добраться до Новгорода-Северского, где они прожили несколько дней в Преображенском монастыре. Затем они нашли провожатого – какого-то бродячего монаха, который тайно провел их через границу в Литву. В начале 1602 г. троица прибыла в Киев в Печерский монастырь. Там инок Григорий «разболелся до умертвия» и решил причаститься у печерского игумена. Далее все было как в мексиканских сериалах. Умиравший Григорий признался игумену, что он царевич Димитрий «а ходит бут-то в ыкусе, не пострижен, избегаючи, укрываяся от царя Бориса...». Но игумен сериалов не любил и велел немедленно выкинуть умирающего и обоих его спутников за пределы монастыря. За воротами монастыря инок Григорий чудесным способом излечился от болезней, и вся троица отправилась в город Острог во владения князя Константина Острожского. Потомок Гедимины Константин был практически независимым правителем. При его дворе служило более двух тысяч шляхтичей и челяди. Несмотря на Брестскую унию, князь оставался ревностным поборником православия.

Князь Острожский радушно принял беглецов. Рассказ Варлаама о пребывании в Остроге летом 1602 г. подтверждается неоспоримыми доказательствами. В свое время А. Добротворский обнаружил в книгохранилище Загоровского монастыря на Волыни книгу, отпечатанную в Остроге в 1594 г., с надписью: «Лета от сотворения миру 7110-го (1602 год), месяца августа в 14-й день, сию книгу Великого Василия дал нам Григорию з братею, с Варлаамом да Мисаилом, Константин Константинович, нареченный со светом крещении Василей, божию милостию пресветлое княже Острожское, воевода Киевский». Любопытно, что кто-то из современников сделал на книге дополнение к дарственной надписи. Над словом «Григорию» кто-то вывел слова «царевичу московскому». То есть Отрепьев сделал признание Острожскому о своем

«царском происхождении». Но, увы, тот немедленно велел гайдукам вытолкать самозванца взащей из замка. Тут пути нашей троицы разошлись. Варлаам и Мисаил были отправлены Острожским в православный Троицкий Дерманский монастырь, а Отрепьев скинул монашеское одеяние, облачился в светское платье и отправился в город Гощу. Гоща в то время был центром еретиков-ариан. Отрепьев поселился там у пана Габриэля Хойского и, по некоторым сведениям, стал отправлять обряды ариан. В Гоще Отрепьев получил возможность брать уроки в арианской школе. По словам Варлаама, Отрепьева учили «по латынски и по польски». Одним из учителей Отрепьева был русский монах Матвей Твердохлеб – известный проповедник арианства. Отрепьеву не понадобилось много времени, чтобы понять, что от ариан особой помощи ему ждать не приходится, а сама его связь с еретиками поставит крест на самозванческой карьере. В начале апреля 1603 г. Григорий бежал из Гощи.

Возможно, что Отрепьев какое-то время провел у запорожских казаков. По некоторым данным, Григорий будто бы бежал к запорожцам в кош старшины Герасима Евангелика и был там с честью принят.

Из Сичи Гришка отправляется в город Брачин к православному владетельному князю Адаму Вишневецкому. Надо ли говорить, что Отрепьев вскоре открылся князю. По одним сведениям, он повторил трюк со смертельной болезнью и исповедью на смертном одре. По другой версии, Отрепьев помогал князю мыться в бане и получил плюху за небрежность. Тогда оскорбленный «царевич» воскликнул: «Князь, вы не знаете, кого бьете!» – и показал дорогой крест, якобы возложенный на него при крещении крестным отцом князем Мстиславским.

Адам Вишневецкий признал Отрепьева царевичем. Причем главную роль сыграла не доверчивость князя, а его территориальные споры с Московским государством.

Вооруженные стычки из-за спорных земель могли привести и к более крупному военному столкновению. Именно эта перспектива и привела Отрепьева в Брачин. По планам Гришки Вишневецкий должен помочь ему втянуть в военные действия против Московского государства татар и запорожцев.

Царь Борис обещал князю Вишневецкому щедрую награду за выдачу «вора», но получил отказ. Тогда Вишневецкий, опасаясь того, что Борис применит силу, отвез Отрепьева подальше от границы в городок Вишневец.

7 октября 1603 г. Адам Вишневецкий пишет коронному гетману и великому канцлеру Польши Яну Замойскому о появлении царевича Димитрия, и бродяга становится для панов законным претендентом на

престол.

Узнав от Адама Вишневецкого о появлении самозванца, канцлер Замойский посоветовал Вишневецкому известить обо всем короля, а затем отправить и самого москвитянина либо к королю, либо к нему гетмана.

1 ноября 1603 г. польский король Сигизмунд III пригласил папского нунция Рангони и уведомил его о появлении в имении Адама Вишневецкого москвитянина, который называет себя царевичем Димитрием и намеревается вернуть себе престол с помощью казаков и татар. Король приказал Вишневецкому привезти Отрепьева в Краков и представить подробное донесение о его личности.

Адам Вишневецкий исполнил приказ царя относительно доклада и переслал в Краков подробную запись рассказов Отрепьева. Но переписка с Замойским убедила его в том, что король не склонен поддерживать самозванческую интригу, и поэтому Вишневецкий не спешил передавать самозванца королю.

Дело в том, что и король Сигизмунд III, и канцлер Замойский оказались в крайне сложном положении. С одной стороны, им не хотелось нарушать мир и затевать большую войну с Москвой. (Не надо забывать о шведской угрозе с севера и личных счетах Сигизмунда со шведским королем.) С другой стороны, король и канцлер были не прочь устроить Смуту в России и серьезно ослабить ее. С третьей стороны, король боялся, что в случае успеха похода самозванца за счет ограбления России и присоединения русских земель укрепится позиция магнатов и, соответственно, ослабнет королевская власть. Наконец, была вероятность и провала вторжения на Русь, после чего буйные паны, запорожские казаки и всякий сброд могут начать «рокош» в самой Польше или в Малой Руси.

Адам Вишневецкий предпочел бы действовать с согласия короля и канцлера, но был готов затеять войну и без них. Адам публично в присутствии послов крымского хана заявил, что он в отличие от короля не связан присягой о мире с царем Борисом и может действовать, не считаясь с мирным договором с Россией. В январе 1604 г. Вишневецкий начал собирать войска в своей вотчине в Лубнах на реке Суле.

Но вскоре между Лжедмитрием и Вишневецким возникли серьезные разногласия. Вишневецкий не собирался идти на Москву, да и сил для этого у него было мало. Он собирался вести «частную» войну с московскими воеводами на украинских землях, то есть на окраинах Речи Посполитой и Московского государства. Термина «Украина» тогда не существовало. Целью «частной» войны Вишневецкого был захват нескольких городков, контролируемых Москвой, а затем – заключение выгодного мира с царем

Борисом. Не исключено, что на мирных переговорах голова Отрепьева стала бы разменной монетой. Самозванца, естественно, такие планы князя Адама не устраивали, к тому же у него к началу 1604 г. появились и другие покровители.

Где-то в конце 1603 г. брат Адама Вишневецкого Константин свозил Лжедмитрия в город Самбор к своему тестю Юрию Мнишку.

Появление самозванца в Самборском замке вызвало у старого Мнишка очередной приступ алчности. Оставим сентиментальным романистам описание первой встречи Отрепьева и Марины Мнишек. То ли самозванец действительно влюбился в красавицу Марину, то ли он заключил деловой союз с ее отцом. Я не исключаю, что имело место и то и другое. В конце концов Лжедмитрий сделал предложение Марине. Оно было с удовольствием принято, но дело ограничилось помолвкой. Брак же был отложен до утверждения жениха на московском престоле.

Был и религиозный аспект этого брака. Мнишки, как уже говорилось, отличались крайней веротерпимостью. То же самое можно сказать и о самозванце. С.М. Соловьев утверждает, что «Лжедмитрий позволил францисканским монахам обратить себя в католицизм». Однако достоверные доказательства перехода его в католицизм отсутствуют. Хотя в Самборе Отрепьев действительно вел долгие беседы с ксендзом Помас-ким и богословом Анзеришу.

В ноябре 1603 г. король Сигизмунд изъявил желание видеть Дмитрия в Кракове. В это время в польских верхах шла борьба двух партий. Против поддержки самозванца решительно выступали наиболее умные политики и военачальники. Среди них были Ян Замойский, Константин Острожский, Карл Ходкевич, браславский воевода Збаражский и другие. Хотя, согласно конституции, король должен был принять мнение Замойского и Ходкевича, у него были и другие, менее официальные, но более желанные для него советчики. Они принадлежали к второстепенным личностям в стране. Это были царедворцы, шедшие по следам братьев Мнишковых, такие прижившиеся в Польше выходцы, как Андрей Бобола, Бернارد Мацейовский и Сигизмунд Мышковский, или наемные иностранцы, как немец Врадер и итальянец де ля Кола, и, наконец, главная придворная дама королевства Урсула Гингер. Этот маленький мирок, легко доступный всяким интригам, находился вместе с самим королем под сильным влиянием иезуитов, и в частности, под влиянием духовника короля отца Барча. А между тем отцов-иезуитов уже насторожили известия, приходившие из Самбора.

Настоящий или самозванный, но обращенный в католичество царевич

мог сесть на московский престол, а следом за ним в Россию смогли бы проникнуть и члены Общества иезуитов. Чисто личные соображения побуждали к тому же и короля Сигизмунда. Будучи ревностным католиком, он готов был, кажется, пожертвовать Польшей, чтобы только ввести в католицизм Московское государство. Недавно он потерял свое наследие в Швеции, и эта страна в равной мере волновала его как своими политическими, так и близкими его сердцу религиозными интересами.

В феврале 1604 г. король официально обратился к сейму, прося его высказаться по поводу претендента на русский престол. По двум наиболее существенным вопросам – о подлинности Дмитрия и о предполагаемом участии Польши в его предприятии – король почти единогласно получил отрицательный ответ. «За» были только краковский воевода Николай Зебжидовский и гнезенский архиепископ прелат Ян Тарковский.

Тем не менее в первых числах марта 1604 г. Мнишек и Лжедмитрий объявились в Кракове. С самого начала Мнишек показал себя отличным политиком. Он начал с того, что устроил большой пир, куда пригласил и членов сейма. Естественно, что центральное место на пиру занимал Лжедмитрий. Претендент появился со свитой из нескольких «знатных москвитов». На деле это были бродяги, бежавшие из России, или казаки. Но пьяные паны не особенно разбирались в этом, главное, что свита оказывала почти царские почести претенденту.

Вскоре самозванцу представили пятерых братьев Хрипу-новых, бежавших из России. Хрипуновы были дворянами из города Зубцова. Все пятеро дружно признали в претенденте царевича Дмитрия. Вопрос, откуда они могли знать царевича раньше, поляков, естественно, не интересовал. Интересно, что показания Хрипуновых Отрепьев и Мнишек широко разрекламировали среди поляков. Но с собой в Москву Лжедмитрий Хрипуновых не взял, и впоследствии, когда Лжедмитрий уже царствовал, они вынуждены были просить покровительство короля, чтобы получить разрешение вернуться в Россию, и при его поддержке получили там земельные наделы.

Вскоре Сигизмунд III сделал решительный шаг – 15 марта претенденту была назначена аудиенция. Представ перед королем, Лжедмитрий произнес напыщенную речь, пестрящую многочисленными латинскими изречениями, риторическими фигурами и сравнениями, в которых более или менее удачно приводились подобные случаи из истории и преданий. В своем ответе Сигизмунд, связанный мнением сейма, дал понять, что он не признает Дмитрия, не даст ему ни одного солдата и не нарушит перемирия, заключенного с царем Борисом, но он все это позволит

Мнишку и даже будет тайно поддерживать это предприятие.

Для начала, сразу же после аудиенции, Лжедмитрия осыпали подарками, назначили ему ежегодное содержание в четыре тысячи флоринов, правда, из доходов Самборской экономии, что вряд ли понравилось Мнишку. Кроме того, король взял на себя некоторую долю расходов для дальнейшего пребывания претендента в Кракове. Ходили также слухи, что Сигизмунд заказал для будущего царя великолепный столовый сервиз с русскими гербами, и что он сам ежедневно видится с претендентом.

Разумеется, король делал все это не ради красивых глаз беглого монаха. Прежде чем попасть в королевскую резиденцию Вавель, Лжедмитрий был вынужден дать польской короне клятвенное обещание – отдать Польше половину Смоленской земли и часть Северской; заключить вечный союз между обоими государствами; разрешить свободный въезд иезуитов в Московию; позволить строить католические церкви и, наконец, обещал помочь королю вернуть шведский престол.

По сему поводу польский историк Казимир Валишевский писал: «Приходится сознаться, что, отдавая больше, чем он получал, Димитрий заключал невыгодную сделку. Ведь в этой стране Речи Посполитой попустительство, на которое дал свое согласие Сигизмунд, столь же мало значило, как и королевская власть. Он избавлял Мнишка от личных тревог, он мог подстрекнуть и еще нескольких искателей приключений, но, в сущности, вопреки желанию и первоначальному чаянию воеводы, дело не пошло дальше авантюры... Да, Димитрий давал слишком много. Но обещания ничего не стоят тому, кто не намерен их сдержать; и, здраво рассуждая, невозможно приписать такой невероятной наивности Сигизмунду и его советчикам, уверенности, что он сдержит свое обещание, когда у него явится желание и он получит власть исполнить то, что теперь обещал. Для московского царя это равнялось бы самоуничтожению! Весьма вероятно, что этот необычайный договор, тотчас же спрятанный королем в шкатулку, ключ от которой хранился у него, был в глазах Сигизмунда только залогом, бумажкой, которую можно будет использовать впоследствии, при более серьезных сношениях, как средство прижать».

Еще до встречи с королем Лжедмитрию пришлось познакомиться и с папским нунцием Клавдием Рангони. В длительной беседе нунций дал понять, что если претендент желает получить помощь от Сигизмунда, то должен отказаться от греческой веры и вступить в лоно римской церкви. Лжедмитрий немедленно согласился и за невозможностью поцеловать папскую туфлю облобызал башмак Рангони. Последний причастил

претендента и миропомазал. Затем Лжедмитрию пришлось побывать на исповеди у монаха-иезуита.

24 апреля 1604 г. Лжедмитрий написал письмо папе Клименту VIII. В нем Отрепьев именовал себя «самой жалкой овечкой», «покорным слугою» его святейшества. Он отрекался от «заблуждения греков», признавал непорочность догматов веры «истинной Церкви» и, наконец, целовал ноги его святейшества, как «ноги самого Христа», и исповедовал полную покорность и подчинение «верховному пастырю и отцу всего христианства». В то же время, хотя он и рад был, что нашел вечное царство, более прекрасное, чем то, которое у него так несправедливо похитили, и выражал готовность, если на то будет воля Провидения, отказаться от престола своих предков, он допускал также, что Всевышний мог избрать его проповедником истинной веры, дабы обратить заблудшие души и возвратить в лоно католической церкви великую и набожную нацию.

Получив сие послание, Климент VIII сделал то же, что сделал Сигизмунд. Обещания претендента были приняты в Риме с радостью, и папа написал на полях письма: «Возблагодарим премного Бога за это...» Иезуиты получили полномочия использовать таким образом достигнутый в религиозном отношении успех. Что же касается политической стороны дела, то тут папа, наоборот, оказался крайне осторожным. Он соглашался не видеть в Димитрии более нового португальского короля-самозванца, но в ответе на его послание называл его «дорогим сыном» и «благородным господином» – и все!

Известив папу о своем обращении в католичество, Лжедмитрий в тот же день покинул Краков и вместе с Юрием Мниш-ком направился в Самбор. В самборском замке Лжедмитрия ожидал серьезный разговор с будущим тестем. Ведь самозванец обещал отдать королю значительную часть земель, обещанных Мнишку еще в феврале 1604 г. Поэтому Лжедмитрию пришлось заключить новый договор с Мнишком. В этом договоре, подписанном 24 мая 1604 г., самозванец торжественно клялся под страхом анафемы и обещал: 1) тотчас по вступлении на престол выдать Мнишку один миллион польских золотых для подъема в Москву и уплаты долгов, а Марине прислать бриллианты и столовое серебро из царской казны; 2) отдать Марине Великий Новгород и Псков со всеми жителями, местами, доходами в полное владение, как владели прежние цари. Города эти оставались за Мариной, хоть бы она не имела потомства от Димитрия, и вольна она в них судить и рядить, постановлять законы, раздавать волости, продавать их, также строить католические церкви и монастыри, в

которых основывать латинские школы. При дворе своем Марина также вольна держать латинских духовных и беспрепятственно отправлять свое богослужение, потому что он, Димитрий, соединился уже с римской церковью и будет всеми силами стараться привести и народ свой к этому соединению. В случае если дело пойдет плохо и он, Димитрий, не достигнет престола в течение одного года, то Марина имеет право взять назад свое обещание или, если захочет, ждать еще год.

Не прошло и месяца, как Лжедмитрий вынужден был заключить другой договор. В этом договоре, подписанном 12 июня 1604 г., Лжедмитрий обязывался уступить Юрию Мниш-ку княжества Смоленское и Северское в потомственное владение, и так как половина Смоленского княжества и шесть городов из Северского княжества отойдут королю, то Мнишек получал еще из близлежащих областей столько городов и земель, чтобы доходы с них равнялись доходам с городов и земель, уступленных Сигизмунду.

Как писал Соловьев, «Мнишек собрал для будущего зятя 1600 человек всякого сброда в польских владениях, но подобных людей было много в степях и украинах...». Цитата приведена умышленно, дабы автора не заподозрили в предвзятости. Первоначально местом сбора частной армии Мнишка был Сам-бор, но затем ее передислоцировали в окрестности Львова. Естественно, что это «рыцарство» начало грабить львовских обывателей, несколько горожан было убито. В Краков из Львова посыпались жалобы на бесчинства «рыцарства». Но король Сигизмунд вел двойную игру, и пока воинство Мнишка оставалось во Львове, король оставлял без ответа жалобы местного населения на грабежи и насилия. Папский нунций Рангони получил при дворе достоверную информацию о том, что королевский гонец имел инструкцию не спешить с доставкой указа во Львов.

Любопытно, что польские историки оправдывают поход этого сброда на Москву. Тот же Казимир Валишевский писал: «В оправдание Польши надлежит принимать в соображение то обстоятельство, что Московия семнадцатого века считалась здесь страной дикой и, следовательно, открытой для таких предприятий насильственного поселения против воли туземцев; этот исконный обычай сохранился еще в европейских нравах, и частный почин если и не получал более или менее официальной поддержки заинтересованных правительств, всегда пользовался широкой снисходительностью».

Таким образом, с польской точки зрения сей поход был лишь экспедицией в страну диких туземцев.

Между тем король не только смотрел сквозь пальцы на сборы частной армии, но и осуществлял дипломатическую поддержку самозванца. В начале лета 1604 г. король дал аудиенцию крымскому послу Джану Черкашенуку и пообещал «уплатить Крыму казну за два года»**, если хан согласится помочь самозванцу. По возвращении в Крым Джан доложил о предложении короля хану Бора-Газы Гирею. Тем не менее помощи от крымцев Лжедмитрий не получил. Зато к нему присоединилось около двух тысяч запорожских и малороссийских казаков.

Армия Мнишка медленно приближалась к русским границам. Войско делало в день по две-три мили, иногда останавливалось в одном месте на несколько дней. К концу первых двух недель похода Лжедмитрий все еще оставался в пределах Львовщины. Во время остановки в Глинянах в начале сентября был проведен смотр. «Рыцарство» собралось в коло*** и произвело выборы командиров. Мнишек, по его же желанию, был выбран главнокомандующим, а Адам Жулицкий и Адам Дворжецкий – полковниками. Сын Мнишка Станислав стал командиром гусарской роты. Таким образом, Мнишек, его друзья и родственники сосредоточили в своих руках все командование армией самозванца.

* Валишевский К. Смутное время. С. 111.

** В те годы Польша регулярно платила дань крымскому хану, что, впрочем, не спасало ее от татарских набегов. Подробнее см. Широкопад А.Б. Русь и Орда. М.: Вече, 2004.

*** Типа собрания, которое у донских казаков называлось кругом, а у запорожцев – радой.

К моменту перехода русской границы в армии Мнишка было 1000—1100 польских гусар, сведенных в роты по 200 са-

бель в каждой, 400—500 человек польской пехоты, от 2000 до 3000 казаков и до 200 «москалей», то есть беглых русских.

Надо сказать, что не все русские эмигранты в Польше поддержали самозванца. Так, в Краков к королю явился беглый сын боярский Яков Пыхачев и заявил, что царевич Димитрий на самом деле самозванец. Вслед за Пыхачевым явился более страшный обличитель – монах Варлаам, который рассказал королю и панам о своем путешествии из Москвы в Польшу с царевичем Димитрием, и что Димитрий на самом деле является беглым монахом Григорием. Обличители появились совсем некстати. Король и не думал о правде слов самозванца, ему нужен был «предлог раздора и войны». А посему Пыхачев и Варлаам под конвоем были направлены в Самбор к Мнишку. Там самозванец приказал немедленно казнить Пыхачева, а Варлаам был заточен в темницу. Некоторые историки

удивляются, почему безвестный Пыхачев был казнен, а куда более опасный для расстриги Варлаам всего лишь заточен в темницу. Дело в том, что со времен Брестской унии (1596 г.) в Польше царила атмосфера религиозной нетерпимости, и любое насилие католиков над православными или наоборот приводило к серьезному конфликту конфессий. Казнь православного монаха католиками могла привести к непредвиденным последствиям.

Как уже говорилось, армия Мнишка, двигаясь по польской территории, безнаказанно грабила местное население. В связи с этим князь Константин Острожский и черкасский староста Ян Острожский отобилизовали свои частные армии и разместили на границах собственных владений, чтобы не допустить туда «рыцарство». Ян Острожский приказал угнать все лодки и паромы с днепровских переправ в районе Киева. И в течение нескольких дней армия Мнишка стояла на берегу Днепра, не имея средств для переправы. Самозванца выручили киевские мещане, предоставившие средства для переправы. Дело тут, разумеется, не в любви киевлян к «спасенному царевичу», как писали наши историки, а в страстном желании мещан оградить свое имущество от храброго «рыцарства».

Глава 11 «Частные армии» идут на Русь

13 октября 1604 г. войско самозванца переправилось за Днепр и стало медленно продвигаться к ближайшей русской крепости – Монастырскому острогу.

Пока мы говорили лишь о действиях самозванца и поляков. А как реагировал на это царь Борис? Начнем с того, что царь при первых же известиях о самозванце сразу установил личность самозванца и инициаторов авантюры. Немедленно к русским воеводам в пограничные городки и на сопредельные территории польским магнатам были посланы грамоты, извещающие о побеге инока Григория (в миру Юшки Отрепьева) и его самозванстве. Другой вопрос, что грамоты были составлены безграмотно и давали возможность сторонникам Лжедмитрия оспаривать их содержание.

На Боярской думе царь прямо объявил, что подставка самозванца – это дело рук бояр. Эта фраза стала хрестоматийной и кочует из одной книги в другую, но, увы, пока никто из историков не попытался выяснить, кого конкретно имел в виду Борис. В целях пропаганды царю было выгодно объявить Лжедмитрия ставленником польских панов или иезуитов. Ведь и те и другие ему помогали, и действовал самозванец в их интересах. «Внешнее» происхождение самозванца было на руку московским властям, с учетом неприязни русского народа к полякам и иноземцам вообще.

Однако Борис выбирает самый невыгодный в пропагандистском плане вариант – своим недругам внутри и вне страны он показывает, что измена проникла в высшие эшелоны власти. Значит, Борис знает, о чем говорит, и знает поименно устроителей Смуты. Во все времена и во всех странах за такими обвинениями следовали репрессии. Но никаких репрессий на бояр и князей не последовало. Ни жестоких – с виселицами, колесами и колами, ни мягких – ссылок в деревню, отстранения от должности или лишения чинов.

Как же так? Знать тех, кто предал царя, предал государство, навел на страну ляхов, и оставлять их на руководящих постах? Тут могло быть лишь два варианта – или царь Борис сошел с ума, или бояре – организаторы самозванческой интриги уже не играли никакой роли в управлении государством. Тогда ими могли быть только Романовы с родственниками. Они и так были наказаны. Большинство братьев Никитичей умерло в ссылке, а старший брат уже давно не был Федором Никитичем, а был

иноком Филаретом. Правда, Иван Грозный вытаскивал из монастырей и казнил многих вельмож, принявших постриг. Но Борис был умнее и прекрасно понимал, что, скажем, четвертование Филарета ничего уже не исправит, но сильно повредит престижу царя в глазах народа. Поэтому Борис и не стал уточнять, кто именно затеял дело с самозванцем. Бояре же, надо думать, правильно поняли Годунова и не стали задавать глупых вопросов. Расставим точки над *i* – в конце 1604 г. большинство бояр не любило Бориса, но, с другой стороны, в Москве не было бояр, любивших Романовых и желавших их возвращения.

Наши историки до сих пор не могут толком ответить на вопрос: почему беглый монах с четырьмя-пятью тысячами разношерстного войска мог успешно воевать с лучшими воеводами и огромными ратями Московского государства? Болтовня о том, что народ-де не любил царя Бориса, не мог простить ему отмены Юрьева дня, надеялся на доброго царя Дмитрия и т.д., право, несерьезна. Она годна лишь для сентиментальных девиц да интеллигентов-образованцев, охотно распевающих «... кавалергарда век недолог...», но не представляющих, чем кавалергард отличается, к примеру, от гусара. На самом деле никого из народа, то есть крестьян, посадских и т.п., кого современные историки понимают под народом, ни в войске самозванца, ни у царских воевод не было. И там, и там воевали профессионалы – дворяне, боевые холопы, стрельцы, гусары, казаки и др.

Династию Годуновых погубили недооценка противника и полнейшая безграмотность в стратегии войны как царя, так и его воевод.

Посмотрим на карту. Кратчайший путь из Польши в Москву лежит через Смоленск, Вязьму и Можайск. Ареной всех предшествующих русско-польских войн традиционно была Смоленская земля. По этому маршруту в 1609 г. двинулся на Русь король Сигизмунд, в 1610 г. – Жолкевский, в 1611 г. – Ходкевич, в 1618 г. – королевич Владислав, а в 1812 г. – Наполеон.

Однако в 1604 г. Лжедмитрий и Юрий Мнишек пошли кружным путем через Чернигов и Новгород-Северский, то есть на 300—350 километров южнее, чем это обычно делали завоеватели, шедшие с запада на Москву. Сделано это было не случайно. На берегах Десны и Сейма еще со времен Ивана III строились многочисленные крепости и остроги, предназначенные для защиты южного «подбрюшья» России как от поляков, так и от крымских татар. Естественно, что сидеть в маленьких гарнизонах было скучно, шансов на чины и награды было мало. Туда отправляли опальных и проштрафившихся дворян и стрельцов. Дисциплина в крепостях и острогах была низкая, жалованья на жизнь не хватало, и служилые люди часто

промышляли разбоем.

* В XVI—XVII вв. украинные города и стороны были и на Рязанщине, и под Орлом, и даже на Амуре. Это через два века кому-то понравилось называть себя жителями окраины.

В XIX веке в районах засечных линий XVI—XVII веков возникали курьезные ситуации. Вот, к примеру, приговорят местные власти крестьянина-однودворца к наказанию плетьюми, а тут бежит его жена и машет какой-то древней грамотой. Тут и выясняется, что сей мужик – прямой Рюрикович или Гедими-нович и пороть его никак нельзя. Замечу, что тут нет ничего удивительного. Молодой княжич в чине рынды мог быть в ук-раинном* городе сотником. А через два года его вызывали в

Москву, производили в стольники и оставляли при дворе или отправляли в небольшой город воеводой. Но, увы, частенько княжича и забывали: умер влиятельный отец или дядя или весь род в опалу попал. И вот сотник на всю жизнь застревает в ук-раинном городе, женится на дочке сотника, а то и простого стрельца. И пошло-поехало, и после ликвидации крепости в XVIII веке потомки княжича становятся обывателями или крестьянами-однودворцами.

Появление же царевича Дмитрия для большей части служилых было манной небесной. А серьезно, каким другим способом они могли получить богатство, чины, покинуть остроги, вокруг которых постоянно рыщут злые татары и не менее злые ляхи, и переселиться в хоромы в Москве?

Находясь в четырехугольнике Чернигов – Стародуб – Кромы – Рыльск, самозванец мог спокойно проигрывать сражения, нести сколь угодно большие потери и... продолжать войну до бесконечности. Ведь оружие и порох Лжедмитрий свободно получал из Польши, оттуда же шли толпы грабителей-шляхтичей. С Дона и Днепра к Лжедмитрию шли казаки. Наконец, в упомянутом четырехугольнике хватало и русских служилых.

Русскому командованию вести борьбу с самозванцем в четырехугольнике было бесперспективно. Но не будем корить Бориса Годунова за невежество в военной стратегии, когда подобные глупости совершали и наши военачальники XIX– XX веков. Наши политики до сих пор не способны понять, что не всегда ответный удар целесообразно наносить в том же месте и теми же средствами, что и агрессор. Во многих случаях куда эффективнее нанесение асимметричного контрудара.

Подобная возможность была и у Годунова. В феврале 1605 г. герцог Карл Зюдерманландский (правитель Швеции, с марта 1607 г. – король Карл IX) предложил царю Борису наступательный союз против Польши. Годунову надо было опередить герцога Зюдерманландского и заключить со

Швецией союз еще в 1604 г. При этом ни под каким видом не следовало пускать шведские войска в Россию, как это сделал позже Василий Шуйский. Шведы давно зарились на Лифляндию, Курляндию и другие земли, принадлежавшие Речи Посполитой. И для наступления туда у шведов был превосходный плацдарм в Эст-ляндии. Кроме того, шведы имели сильный флот, который мог произвести десант в любой точке польского побережья. Царь Борис же, выставив небольшой заслон против Лжедмитрия, мог бы с основными силами идти из Смоленска на Оршу, Минск, Гродно и далее... Разгром Польши был бы неизбежен. Минусом этого предприятия было бы серьезное усиление шведского королевства, что было бы нежелательно, но вполне терпимо, так как шведы никогда не собирались идти на Москву, да и Швеция, став протестантской страной, из орудия папской экспансии на Восток давно уже превратилась в непримиримого врага католицизма. Плюсом было бы приобретение пограничных земель Речи Посполитой, заселенных русскими православными людьми. А голова Отрепьева стала бы мелкой разменной монетой в переговорах победителей и побежденных.

И это не фантазии автора, а объективная реалья. Вторжение поляков в Россию и глупость Бориса отсрочили польско-шведскую войну до 1621 г.

Увы, Годунов не нанес ответного удара Польше, а пытался усовестить короля и панов, отправляя к ним послов всех рангов. Так, к примеру, русский посол Постник Огарев вручил королю Сигизмунду грамоту: «В нашем государстве объявился вор расстрига, а прежде он был дьяконом в Чудове монастыре и у тамошнего архимандрита в келейниках, из Чудова был взят к патриарху для письма, а когда он был в миру, то отца своего не слушался, впал в ересь, разбивал, крал, играл в кости, пил, несколько раз убежал от отца своего и наконец постригся в монахи, не оставши от своего прежнего воровства, от чернокни-жества и вызывания духов нечистых. Когда это воровство в нем было найдено, то патриарх с освященным собором осудили его на вечное заточение в Кириллов Белозерский монастырь; но он с товарищами своими, попом Варлаамом и клирошанином Мисаилом Повадиным, ушел в Литву. И мы дивимся, каким обычаем такого вора в ваших государствах приняли и поверили ему, не пославши к нам за верными вестями. Хотя бы тот вор и подлинно был князь Димитрий Углицкий, из мертвых воскрешенный, то он не от законной, от седьмой жены».

Годунов требовал, чтобы король велел казнить Отрепьева и его советников. Огареву от имени короля объявили, что Димитрий не получает никакой помощи от польского правительства и помощники его будут

наказаны. Поляки ответили вежливо, но сами смеялись над дуростью московитов.

А между тем войска самозванца углубились в пределы России. Отряд казачьего атамана Белешко скрытно через дремучий лес подошел к пограничной малой крепости Моравск (Монастырский острог) и выслал парламентаря. Казак подъехал к стене крепости и на конце сабли передал жителям письмо «царевича». На словах он передал, что идет сам Дмитрий с огромными силами. Застигнутый врасплох воевода Б. Лодыгин попытался организовать сопротивление. Однако служилые взбунтовались, связали воеводу Лодыгина и стрелецкого голову Толочанова. Трофеями казаков стали семь пушек и двадцать пищалей. Сам же «Дмитрий» с основными силами прибыл к Моравску лишь 21 октября.

Под стенами Чернигова самозванца поначалу встретили пушечной пальбой. Но вскоре и там произошел бунт, воевода князь И.А. Татев был схвачен и передан самозванцу. В Чернигове было захвачено 27 крепостных орудий. Бытует мнение, что и в Чернигове, и в Моравске бунтовали простые жители, так писали все, начиная от Пушкина и кончая Скрынниковым. Их, видимо, смутила фраза из «Сказания о Гришке Отрепьеве» (XVII век): «...смутишася черные люли и перевязаша воевод...». Так там «черные люди» – это не пахотные крестьяне или посадские, а «черные люди», то есть негодяи. Население этих пограничных городков было невелико по сравнению с их гарнизонами, состоявшими из профессионалов. Еще раз повторю, эти гарнизоны чуть ли не каждый год отбивали набеги татар и частных польских армий. Так что маловероятно, что простым жителям удалось обезоружить гарнизоны Моравска и Чернигова.

Поляки и казаки, войдя в Чернигов, разграбили его. Лжедмитрий публично стыдил грабителей и грозил им смертью, но дальше ругани дело не пошло. Знатный дворянин Н.С. Воронцов-Вельяминов наотрез отказался признать самозванца своим государем. Отрепьев приказал убить его. Эта казнь запугала взятых в плен дворян. Воеводы Татев, Шаховский и другие поспешно присягнули Лжедмитрию.

11 ноября войско Лжедмитрия подошло к Новгороду-Северскому. Самозванец послал поляков-парламентарей с предложением сдаться. На это со стен закричали: «А, блядские дети! Приехали на наши деньги с вором!» Как видим, русские ратники имели хорошее представление о качественном составе и о целях польского «рыцарства».

13 ноября поляки попытались захватить крепость, но были отбиты, потеряв 50 человек. В ночь с 17 на 18 ноября последовал новый штурм.

Поляки безуспешно пытались поджечь деревянные стены крепости, но это им не удалось. Штурм был отбит с большими потерями. Любопытно, что Казимир Вали-шевский пишет по сему поводу: «Польские гусары не могли справиться с защищенными артиллерией фортами». Видимо, деревянный тын показался доблестным гусарам мощным каменным фортом.

После неудачного приступа «рыцарство» взбунтовалось, собрало коло и потребовало для объяснений царевича. Разгневанный Лжедмитрий начал укорять поляков: «Я думал больше о поляках, а теперь вижу, что они такие же люди, как и другие». «Рыцарство» отвечало ему: «Мы не имеем обязанности брать городов приступом, однако не отказываемся и от этого, пробей только отверстие в стене».

Польские отряды уже собрались покинуть Лжедмитрия, как пришла весть о сдаче самозванцу Путивля. Путивль был ключевым пунктом обороны Черниговской земли и единственным из северских городов, имевшим каменную крепость. Однако гарнизон Путивля не захотел воевать. Воевода князь Василий Рубец-Мосальский был связан и приведен к царевичу. По дороге князь оценил ситуацию, при встрече «узнал» царевича и присягнул ему. Впоследствии Рубец-Мосальский стал одним из приближенных самозванца. В Путивле сторонники самозванца захватили большие денежные суммы (казну), отпущенные Москвой на строительство крепостей и жалованье служилых людей всей Черниговской земли.

За Путивлем последовал Рыльск. 23 ноября служилые люди взбунтовались и арестовали воеводу А. Загряжского. Одновременно взбунтовался Курск, где были арестованы воевода князь Г.Б. Роща-Долгоруков и стрелецкий голова Я. Змеев. Оба были доставлены к самозванцу, признали его и вскоре были назначены воеводами в Рыльск.

Советские историки старательно подгоняли действия служилых людей в этих городах, то есть чисто военные бунты, под классовую борьбу. Так, историк И.М. Скляр писал, что «уже осенью 1604 г. лозунг борьбы „за царя Дмитрия“ оказался тесно связанным с призывами к истреблению бояр и дворян»*. Но факты не подтверждают этот вывод. Бунтовщики нападали на воевод, московских стрельцов и всех тех, кто выступал против «добрého» царя, но как только конкретные бояре и дворяне переходили на сторону Лжедмитрия, бунтовщики не только прекращали враждебное к ним отношение, но и безропотно поступали под их начало.

1 декабря на сторону самозванца перешла маленькая, но имевшая большое стратегическое значение крепостца Кромы, расположенная на московской дороге в 40 верстах от Орла.

* Скляр И.М. О начальном этапе первой крестьянской войны.

Лишь когда пришли первые известия о вторжении войска самозванца, царь Борис приказал собрать в течение двух недель, к 28 октября, дворянское ополчение. Приказ был повторен трижды, но выполнить его не удалось. Основными причинами этого стали осенняя распутица и нежелание дворян ехать на службу. Борису пришлось применить строгие меры к дворянам, уклонявшимся от службы. Некоторых доставили под стражей, у других описали поместья, третьих наказали батогами. Наконец, к 12 ноября дворянское ополчение собралось в Москве. Заметим, что из этого факта нельзя сделать однозначный вывод об оппозиционности русского дворянства к царю Борису. Спору нет, Борис был не самый популярный правитель в России. Но при сборах дворянского ополчения и до, и после 1604 г. дворян-«отказчиков» всегда хватало. В качестве примера скажу, что последний представитель рода Годуновых, сведения о котором найдены в архивах, Дмитрий

Иванович Годунов, уже в начале царствования Петра I был за неявку в полк лишен чина и переписан в звенигородские помещики.

Массовая же неявка в призыв 1604 г. была обусловлена и спецификой похода. Нет, конечно, не тем, что дворяне не хотели биться против «истинного царевича», да большинству было плевать на него. А вот сражаться с голозадным воинством, что с «рыцарством», что с казаками, что со служилыми из пограничных городков, – извольте! Заведомо не будет ни славы, ни добычи. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что в случае похода на Польшу, да еще в союзе со Швецией, явка дворян была бы по крайней мере выше средней, поскольку и в Гродно, и в Минске, да и в любой панской усадьбе «контрибуции» было более чем достаточно.

Командование армией было доверено Дмитрию Ивановичу Шуйскому, одному из самых бездарных московских воевод. Войско двинулось к Брянску, где простояло около трех недель. Брянское стояние надоело Борису, и Шуйский был заменен на князя Федора Ивановича Мстиславского, столь же знатного и бестолкового воеводу.

18 декабря армия Мстиславского подошла к Новгороду-Северскому и простояла в полном бездействии три дня. Воспользовавшись этим, солдаты Мнишка напали на татарский отряд из состава сторожевого полка и разгромили его.

20 декабря противники выстроились на поле друг против друга, но до сражения дело не дошло, обошлось все мелкими стычками. Лжедмитрий старался оттянуть начало решительной битвы переговорами, и это ему удавалось, так как Мстиславский тоже не торопился, он ждал подкреплений, хотя у Мстиславского было от 40 до 50 тысяч человек, а у

самозванца – не более 15 тысяч.

21 декабря Лжедмитрий атаковал царское войско. Сражение началось стремительной атакой польских гусар на правом фланге войск Мстиславского. Полк правой руки, не получив помощи от других полков, в беспорядке отступил. Одна из польских гусарских рот, следуя за отступающими, неожиданно оказалась в расположении большого полка около ставки

Мстиславского. Там стоял большой золотой стяг, укрепленный на нескольких повозках. Гусары подрубили древко, захватили стяг, сбросили с коня Мстиславского, ранив его при этом в голову. На выручку воеводе кинулись русские дворяне и стрельцы. Часть гусар была убита, остальные во главе с капитаном Домарацким взяты в плен. После ранения Мстиславского командование русским войском взяли на себя воеводы В.В. Голицын и А.А. Телятевский. Но они не сумели использовать свое численное преимущество и отдали приказ войску отойти.

Лжедмитрий мог праздновать победу. По польским источникам поляки потеряли убитыми около 120 человек, а русские – до 4 тысяч человек. Хвастливые поляки приписали успех исключительно себе. Они, видимо, в число убитых не включили казаков и русских сторонников самозванца.

После сражения «рыцарство» потребовало у Лжедмитрия денег. Царское войско отступило в полном порядке, и трофеев практически не было. В Северской земле все, что можно было разграбить, ляхи давно уже разграбили. Пуще всего бесчинствовала рота капитана Фредрова. Выборные из этой роты пришли к самозванцу и заявили: «Дай только нам, а другим не давай: другие смотрят на нас и останутся, если мы останемся». Лжедмитрий поверил и дал денег одной роте. Но другие, узнав об этом, еще больше взволновались.

1 января 1605 г. в лагере самозванца вспыхнул открытый мятеж. «Рыцарство» бросилось грабить обозы. Они хватали все, что попадало под руку, – продовольствие, снаряжение, различный скарб. Мнишек попытался остановить грабеж, но следующей ночью мятеж вспыхнул с новой силой. Поляки решили покинуть самозванца. Лжедмитрий ездил по всем ротам, уговаривал «рыцарство» остаться, но в ответ слышал только оскорбления. Один поляк сказал ему: «Дай Бог, чтоб посадили тебя на кол». Лжедмитрий дал ему за это в зубы, но этим только распалил поляков, которые стащили с него шубу. Шубу эту потом русские приверженцы самозванца вынуждены были выкупить у поляков.

4 января главнокомандующий Юрий Мнишек покинул лагерь самозванца с большей частью поляков. Формально Мнишек заявил, что

едет на сейм в Краков. С Лжедмитрием осталось только полторы тысячи поляков, которые вместо Мниш-ка выбрали гетманом Дворжицкого. Но вскоре в войско самозванца прибыло большое пополнение – 12 тысяч малороссийских казаков.

Лжедмитрий был вынужден снять осаду с Новгорода-Северского и двинулся к Севску, который он занял без боя.

Несмотря на бездарные действия русских воевод под Новгородом-Северским, царь Борис не только не наложил на них опалу, а, наоборот, щедро наградил.

Защитник Новгорода-Северского Басманов был вызван в Москву, где его торжественно встретил сам царь. Басманов получил боярство, большое поместье, две тысячи рублей и много ценных подарков.

На помощь страдавшему от ран Мстиславскому царь послал князя Василия Ивановича Шуйского. Кстати, по получении вестей о появлении самозванца в русских пределах он вышел на Лобное место в Москве и торжественно свидетельствовал, что истинный царевич закололся и был погребен им, Шуйским, в Угличе.

20 января 1605 г. русское войско стало лагерем в большом комарицком селе Добрыничи недалеко от Чемлыжского острожка, где находилась ставка Лжедмитрия.

Узнав о подходе русских, самозванец решил немедленно атаковать их. На рассвете 21 января польская кавалерия начала сражение. Дворжицкому удалось потеснить полк правой руки, которым командовал князь Шуйский. Затем польская конница повернула к центру русского войска, где нарвалась на пушки, московских стрельцов и немцев-наемников, которыми командовали капитаны Маржерет и Розен. Позже поляки утверждали, что по ним был дан залп из 12 тысяч пищалей. Так или иначе, но польская конница и казаки обратились в паническое бегство. Лишь пассивность русских воевод, не сумевших организовать преследование врага, предотвратила полное уничтожение всего войска самозванца.

Тем не менее, согласно разрядной записи, на поле боя было найдено и захоронено 11,5 тысячи трупов. Большинство из них

(около семи тысяч) были «черкасы», то есть малороссийские казаки. Победителям достались двенадцать знамен и штандартов и вся артиллерия – 30 пушек. Русским воеводам удалось захватить несколько тысяч пленных. Всех пленных поляков увезли в Москву, зато казаки всех мастей и русские изменники были повешены.

После сражения Лжедмитрий ускакал с небольшой свитой в Рыльск. Оттуда Отрепьев намеревался бежать в Польшу. Но теперь он оказался во

власти своих русских сторонников, которых никто не ждал «за бугром» и которым уже нечего было терять. Тем не менее Отрепьеву удалось покинуть Рыльск. Для защиты города он оставил местному воеводе князю Г.В. Долгорукову несколько казачьих и стрелецких сотен.

У правительственных войск был многократный перевес над защитниками Рыльска, но взять город они не смогли. Две недели царские воеводы бомбардировали город, пытаясь поджечь деревянные стены крепости. Но пушкари на городских стенах не давали осаждающим подойти близко к крепости. Штурм также не удался, и на следующий день Мстиславский велел отступить к Севску.

Как только русское войско отошло от Рыльска, жители города сделали вылазку и разгромили арьергард, отступавший в последнюю очередь. Им досталось большое количество имущества, которое Мстиславский не успел вывезти из лагеря.

Эта война зимой, среди заснеженных лесов и полей, была непривычна для дворянского ополчения. Русская армия действовала в местности, охваченной восстанием, среди враждебно настроенного населения, которое отбивало обозы с продовольствием, создавало трудности с заготовкой провианта и фуража. Все это усугубляло и без того трудное положение армии, которая после трехмесячной кампании стала быстро «таять». Дворяне дезертировали, разъезжаясь по своим поместьям.

В окрестностях Рыльска русская армия, лишенная надежных коммуникаций, оказалась в полукольце крепостей, занятых неприятелем. На севере сторонники самозванца удерживали Кромы, на юге – Путивль, на западе – Чернигов. В таких условиях воеводы Мстиславский, Шуйские и Голицын реши-

ли вывести армию из охваченной восстанием местности и распустить ратных людей на отдых до новой летней кампании.

Царь Борис, разгневанный отступлением армии от Рыльска, послал к войскам окольного П.Н. Шереметева и главного дьяка А. Власьева с наказом: «...пенять и расспрашивать, для чего от Рыльска отошли». Царь строжайше запретил воеводам распускать армию на отдых, что вызвало недовольство в полках.

В такой ситуации особое значение приобрела маленькая крепость Кромы, оказавшаяся в тылу правительственной армии. Городок Кромы был построен московскими воеводами в 1595 г. Крепость господствовала над левым берегом реки Кромы. Город окружали болота, через которые проходила всего одна дорога. Сам город с посадом был укреплен по образцу московских крепостей: снаружи высокий и широкий земляной вал,

а внутри такая же бревенчатая стена с башнями и бойницами. Гарнизон состоял из двухсот стрельцов и небольшого отряда казаков. Командовал крепостью Григорий Ананфиев. Однако перед началом осады в крепость прибыл атаман Корела с четырьмя сотнями донских казаков.

Правительственные войска Шереметева в течение нескольких месяцев безуспешно осаждали Кромы. Не помогли и несколько осадных орудий, доставленных под Кромы в конце февраля. С некоторой долей упрощения можно сказать, что с февраля 1605 г. война с самозванцем из маневренной перешла в позиционную. Царские войска оказались в положении мужика, поймавшего медведя, но не имевшего сил его вытащить из берлоги.

Глава 12 Гибель династии Годуновых

13 апреля 1605 г. в три часа пополудни царь Борис закончил трапезу и поднялся из-за стола. Внезапно у него хлынула кровь изо рта, ушей и носа. После двухчасовой агонии царь скончался. По обычаю его постригли в монахи под именем Боголена.

Судя по всему, царь умер от апоплексического удара. Но среди современников распространились слухи об убийстве или самоубийстве Годунова. Исключить вероятность отравления царя нельзя, хотя тут напрашивается естественный вопрос: кто это сделал? Если бы умер кто-нибудь другой, то тогда, разумеется, отравителем объявили бы царя Бориса. Тут же никто из современников и позднейших историков не приводит имен подозреваемых. Версию самоубийства следует исключить. Борис всю жизнь трогательно заботился о своей семье. Неужели он мог решить оставить ее на произвол судьбы в столь сложный момент? Заметим, момент был сложный, но не критический. Если бы Борис выздоровел, то война с самозванцем затянулась бы на неопределенный срок.

О смерти царя Бориса бояре объявили народу лишь на следующий день и немедленно начали приводить жителей к присяге. Текст присяги достаточно любопытен: «Государыне своей царице и великой княгине Марье Григорьевне всея Руси, и ее детям, государю царю Федору Борисовичу и государыне царевне Ксении Борисовне». Форма присяги была та же самая, что и царю Борису: повторено обязательство не хотеть на Московское государство Симеона Бекбулатовича, но прибавлено:

«И к вору, который называется князем Димитрием Углицким, не приставать, с ним и его советниками не ссылаться ни на какое лихо, не изменять, не отъезжать, лиха никакого не сделать, государства не подыскивать, не по свое мере ничего не искать, и того вора, что называется царевичем Димитрием Углицким, на Московском государстве видеть не хотеть».

Из самого текста присяги видно, насколько непрочным было положение новой династии. На всякий случай первой помянута царица Марья Григорьевна, хотя царевичу Федору было уже 18 лет. Современники писали о Федоре, что он хотя «был молод, но смыслом и разумом превосходил многих стариков седовласых, потому что был научен премудрости и всякому философскому естественнословию». Однако царю Федору Борисовичу явно не хватало решительности. Корону и жизнь можно было

спасти, окажись на его месте восемнадцатилетний Александр Невский или Петр I.

Присяга новому царю в Москве прошла спокойно. Также без затруднений присягнули в Новгороде, Пскове, северных городах, Поволжье и Сибири, то есть везде, кроме района театра военных действий. Однако чувствовалось, что московская знать не намерена поддерживать Федора.

К началу 1605 г. все наиболее значительные деятели из рода Годуновых – Дмитрий Иванович, Григорий и Иван Васильевичи и другие – умерли, а молодые Годуновы не имели авторитета ни у знати, ни у народа. Царица Марья Григорьевна также не пользовалась популярностью, все помнили ее отца – палача Малюту (Григория) Скуратова.

Одним из первых шагов нового царя был вызов из армии больших бояр Мстиславского и братьев Шуйских. Приехав в Москву, Василий Шуйский в очередной раз выступил перед толпой народа, призывая его верой и правдой служить династии Годуновых. Шуйский поклялся самыми страшными клятвами, что царевич Димитрий давно умер, что он сам своими руками положил его в гроб в Угличе, а путивльский вор – беглый монах и расстрига Гришка Отрепьев, подученный дьяволом и посланный в наказание за грехи.

Новым главнокомандующим в армию царь назначил князя Михаила Петровича Катырева-Ростовского, а его помощником – боярина Петра Федоровича Басманова. Катырев-Ростовский получил боярство одним из первых сразу после коронации Бориса. Он ничем еще не успел себя проявить на военном поприще, и назначение это было продиктовано чисто местническими интересами. До опричнины Катыревы-Ростовские занимали высокое положение в Боярской думе. Поэтому Катырев, получив боярство, начал местничать с главой думы Мстиславским. По тогдашнему табелю о рангах Катырев стал первым воеводой большого полка, а Басманов – вторым воеводой большого полка.

Главной надеждой царя Федора стал талантливый воевода Басманов. Назначение его в большой полк вызвало негодование родовой знати. Второй воевода полка правой руки князь М.Ф. Кашин-Оболенский отказался подчиняться приказу царя Федора, он «бил челом на Петра Басманова в отечестве и на съезд не ездил и списков не взял».

Поначалу войско дружно присягнуло царю Федору Борисовичу, но вскоре Катырев и Басманов потеряли управление над армией. Воеводы Василий и Иван Васильевичи Голицыны отказались подчиняться им и начали агитацию в пользу самозванца.

Правительственные войска перехватили гонца Лжедмитрия,

посланного в осажденные Кромь. В письме говорилось, что польский король послал в помощь Димитрию воеводу Жол-кевского с сорокатысячным войском. Естественно, это была спецоперация самозванца. На самом деле польский сейм, открывшийся 10 января 1605 г., решительно высказался за сохранение мира с Россией. Канцлер Замойский осудил авантюру Отрепьева. Он говорил, что этот враждебный набег на Московию губителен для Речи Посполитой. Самого самозванца канцлер осыпал язвительными насмешками: «...тот, кто выдает себя за сына царя Ивана, говорит, что вместо него погубили кого-то другого. Помилуй Бог, это комедия Плавта или Теренция, что ли? Вероятное ли дело, велеть кого-то убить, а потом не посмотреть, тот ли убит... Если так, то можно было подготовить для этого козла или барана».

Немалую роль в организации заговора сыграл талантливый авантюрист Прокопий Федорович Ляпунов. У него были свои счета с Годуновыми. В 1603 г. царь Борис велел бить кнутом его брата Захара за торговлю запрещенными товарами с донскими казаками. Прокопий Ляпунов, его родные братья Григорий, Захар, Александр и Степан, а также двоюродные братья Семен и Василий принадлежали к очень влиятельному в Рязани дворянскому роду.

Много споров среди историков вызывает и поведение Петра Басманова. С одной стороны, он был обласкан Борисом и Федором Годуновыми и получил назначение, намного превышающее положенное ему по знатности рода. С другой стороны, князья Голицыны по матери приходились ему двоюродными братьями. А отец царицы Малюта Скуратов был инициатором расправы над несколькими Басмановыми. В конце концов и Петр Басманов перешел на сторону заговорщиков. По одной версии, Басманов лично возглавил мятеж, а по другой, не принял должных мер для его подавления и позволил для вида связать себя.

7 мая в лагере правительственных войск под Кромами вспыхнул мятеж. На помощь мятежникам подошли войска самозванца. Некоторое число дворян и простых ратников бежало в Москву, остальные присягнули самозванцу.

Первым делом Лжедмитрий распустил царское войско. Значительная часть дворян и простых ратников колебалась в своем выборе, а может, они попросту испугались. Иметь такое войско было слишком опасно. Да и сами дворяне и ратники давно мечтали разойтись по домам. Из самых ревностных сторонников самозванца, бывших в царском войске, сформировали особый отряд. Командовать отрядом Лжедмитрий поручил Борису Михайловичу Лыкову.

8 середине мая 1605 г. Лжедмитрий прибыл в Орел. Там он учинил суд над теми воеводами, которые, попав в плен, отказались ему присягать, «...приидоша ж под Орел и, кои стояху за правду, не хотяху на дьявольскую прелесть прельститься, оне же ему оклеветанны быша, тех же повеле переимати и разосла-ти по темницам». В тюрьму был отправлен и боярин И.И. Годунов.

Затем самозванец двинулся к Москве. Его сопровождало около тысячи поляков и около двух тысяч запорожских казаков и конных русских ратников. По дороге из Орла в Москву население радостно встречало Отрепьева. Лишь гарнизоны Калуги и Серпухова оказали некоторое сопротивление. Тем не менее самозванец двигался к Москве крайне медленно.

По приказу царя Федора Москва стала готовиться к обороне. На стенах Белого и Земляного города устанавливались пушки.

31 мая отряд казачьего атамана Корелы обошел заслоны правительственных войск на Оке в районе Серпухова и разбил лагерь в десяти верстах к северу от столицы, на Ярославской дороге. На следующий день посланцы самозванца дворяне Гаврила Пушкин и Наум Плещеев в сопровождении казаков проникли в Москву и собрали на Красной площади большую толпу. С Лобного места Пушкин зачитал грамоту самозванца, написанную на имя бояр Мстиславского, Василия и Дмитрия Шуйских и других, окольничих и граждан московских. Лжедмитрий напоминал в ней о присяге, данной его отцу, Ивану IV, о притеснениях, причиненных ему в молодости Борисом Годуновым, о своем чудесном спасении (в общих, неопределенных выражениях), прощал бояр, войско и народ за то, что они присягнули Годунову, «не ведая злокозненного нрава его и боясь того, что он при брате нашем царе Феодоре владел всем Московским государством, жаловал и казнил, кого хотел, а про нас, прирожденного государя своего, не знали, думали, что мы от изменников наших убиты». Самозванец напомнил о притеснениях, какие были при царе Борисе «боярам нашим и воеводам, и родству нашему укор и поношение, и бесчестие, и всем вам, чего и от прирожденного государя терпеть было невозможно». В заключение Лжедмитрий обещал награды всем, кто его признает, и гнев божий и свой царский в случае сопротивления.

Народ взволновался. Бояре сообщили патриарху о мятеже, тот умолял бояр выйти к народу и образумить его. Бояре вышли на Лобное место, но ничего не могли поделать. Толпа потребовала от князя Василия Шуйского сказать правду, точно ли он похоронил царевича Димитрия в Угличе? Шуйский ответил, что царевич спасся, а вместо него убит и похоронен

попов сын. Ворота в Кремль не были заперты, толпа ворвалась туда и захватила царя Федора с матерью и сестрой. Их отправили в старый дом Бориса Годунова, где он жил, будучи боярином. К дому был приставлен крепкий караул.

Другие толпы москвичей кинулись грабить дома Годуновых и их родственников, заодно были разбиты винные подвалы и кабаки. Началось повальное пьянство.

Получив известие о перевороте в Москве, Лжедмитрий 5 июня 1605 г. прибыл в Тулу. Там его встретили как царя. Лжедмитрий отправил обращение к Боярской думе с приказом выслать в Тулу князя Мстиславского и прочих главных бояр. По постановлению думы 3 июня в Тулу отправились князья Н.Р. Трубецкой, А.А. Телятевский и Н.П. Шереметев, а также думный дьяк А. Власьев. Туда же отправились все Сабуровы и Вельяминовы, чтобы вымолить себе прощение Лжедмитрия. Петр Басманов, расположившийся в Серпухове, именем государя не пропустил родню Годунова в Тулу. И хоть Сабуровы и Вельяминовы целовали крест Лжедмитрию, их недруг Басманов велел взять их под стражу.

Басманов повсюду искал изменников своего нового государя и беспощадно карал их. По его навету все Сабуровы и Вельяминовы (37 человек) были ограблены донага и брошены в тюрьму.

Лжедмитрия привело в бешенство неподчинение главных бояр его приказу явиться в Тулу лично.

В начале июня к Лжедмитрию на поклон приехал с Дона казачий атаман Смага Чертенский. Чтобы унижить посланцев Боярской думы, самозванец допустил к руке казаков раньше, чем бояр. Проходя мимо бояр, казаки ругали и срамили их. Самозванец милостиво разговаривал со Смагой. Затем к руке были допущены бояре, и Лжедмитрий «наказываше и лаяше, яко же прямой царский сын».

Боярина Телятевского практически выдали казакам на расправу. Казаки избили его до полусмерти и бросили в темницу.

Из Тулы Отрепьев отправился в Серпухов. Дворовыми воеводами при нем состояли князь И.В. Голицын и М.Г. Салтыков, ближними людьми – боярин князь В.М. Мосальский и окольничий князь Г.Б. Долгоруков, главными боярами в полках – князь В.В. Голицын, его родственники князь И.Г. Куракин, Ф.И. Шереметев, князь Б.П. Татев, князь Б.М. Лыков. Из Серпухова на встречу Лжедмитрия выехали князья Ф.И. Мстиславский и Д.И. Шуйский, стольники, стряпчие, дворяне, дьяки и столичные купцы – гости.

В Серпухове самозванец организовал несколько пышных пиров для своих приближенных и московских бояр. В промежутках между пирами Лжедмитрий вел напряженные переговоры с боярами.

Еще в Туле самозванец издал манифест о своем восшествии на престол. Рассчитывая на неосведомленность большинства жителей Московского государства, Отрепьев врал, что он-де был узнан патриархом Иовом, всем Священным собором, Боярской думой и прочими чинами как «прирожденный государь». 11 июня Лжедмитрий, будучи еще в Туле, на своей грамоте пометил: «Писана в Москве». Вместе с этим манифестом самозванец разослал по городам текст присяги. Это был сокращенный вариант присяги, составленной при воцарении Бориса Годунова и его сына Федора. Лжедмитрий использовал тот же прием, к которому прибегли Борис и его сын. Борис сразу же после смерти царя Федора Ивановича велел принести присягу на имя вдовы его, царицы Ирины, и на свое имя. Федор Борисович в своей присяге тоже поставил на первое место вдовую царицу – свою мать.

Во время пребывания в Польше и северских городах России Лжедмитрий ни разу не упомянул о своей матери Марии Нагой, заточенной в Горицком Воскресенском женском монастыре под именем инокини Марфы. Теперь ситуация изменилась. Отрепьев знал о ненависти инокини Марфы к Годуновым и поэтому рассчитывал на ее признание.

Самозванец велел разыскать Нагих или их родственников. Нашли лишь отдаленного родственника Марии Нагой дворянина Семена Ивановича Шапкина. В Туле Отрепьев торжественно произвел Шапкина в постельничие, заявив, что «он Нагим племя». Затем Шапкин с эскортом был экстренно направлен в Горицкий монастырь.

После беседы с Шапкиным с глазу на глаз инокиня Марфа признала сына. Трудно сейчас установить, что больше повлияло на ее выбор – ненависть к Годуновым или нежелание быть отравленной или утопленной по дороге. В Горицком монастыре хорошо помнили судьбу княгини Ефросиньи Старицкой и великой княгини Юлиании, жены Юрия, родного брата Ивана Грозного.

Присяга на имя вдовы Грозного была рассчитана на эмоции малограмотных людей. Как могла царствовать монахиня, даже если она и была 20 лет назад седьмой женой царя Ивана?

Из текста присяги самозванцу по сравнению с присягой Годунову были исключены запреты добывать ведунов и колдунов, портить его «на следу всяким ведовским мечтанием», насылать лихо «ведовством по ветру» и т.д. Подданные только кратко обещали не «испортить» царя и не давать

ему «зелье и коренье лихое». Вместо пункта о Симеоне Бекбулатовиче и «воре», называющем себя Димитрием Углицким, в текст присяги вводился новый пункт о «Федьке Годунове». Подданные обещали не подыскивать царство под государями «и с изменники их, с Федкой Борисовым сыном Годуновым и с его матерью и с их родством, и с советники не ссылаться письмом никакими мерами».

Самозванцу было неудобно являться в Москву, пока там находились члены семьи Годуновых. Будь жив царь Борис, Лжедмитрий мог рассчитывать на какие-то политические дивиденды, устроив над ним судилище и приписав ему чудовищные преступления. Однако ни царица, ни царевич не успели совершить ничего ни хорошего, ни плохого, так за что же их казнить?

Однако время поджимало, и самозванцу пришлось пойти на мерзкое с точки зрения морали и глупое в политическом отношении убийство. В Москву была послана специальная карательная комиссия в составе князя В.В. Голицына, члена путивльской «воровской» думы В.М. Мосальского и дьяка Б. Сутупова. Вместе с комиссией в Москву был направлен П.Ф. Басманов.

Прибыв в столицу, комиссия немедленно начала чинить расправу над противниками самозванца. Начали с патриарха Иова. Патриарх в Успенском соборе Кремля готовился к совершению литургии, когда в храм ворвались вооруженные люди. Иова выволокли из алтаря и потащили на Лобное место. Там сторонники самозванца пытались линчевать патриарха за то, что он-де «наияснейшего царевича расстригой называет». Однако из Кремля сбежались попы и церковные служки, которые подняли крик в защиту патриарха. На помощь Иову кинулась и часть горожан. Стало ясно, что убийство патриарха приведет к побоищу с непредсказуемыми последствиями. Тогда кто-то из агентов Отрепьева крикнул: «Богат, богат, богат Иов патриарх, идем и разграбим имения его!» Довод был неотразим, и толпа кинулась грабить патриаршие палаты.

Тем временем агенты Отрепьева отвели Иова обратно в Успенский собор. Туда прибыл вскоре и боярин П.Ф. Басманов. Вооруженные люди в спешке и без особых формальностей произвели низложение патриарха. С Иова сняли панагию и святительское платье и надели простую черную ризу. Басманов спросил, куда хотел бы Иов отправиться на монастырское житие. Тот выбрал Старицкий Успенский монастырь, где он принимал постриг, и стал игуменом. Затем Иова вывели из собора, посадили на простую телегу и под конвоем отправили в Старицу.

Разобравшись с патриархом, комиссия занялась царем Федором и его

семьей. На старое подворье Бориса Годунова, полученное им в приданое от Малюты Скуратова, явились члены комиссии во главе с В.В. Голицыным и отряд стрельцов. Голицын, Мосальский, дворяне Молчанов и Шереметевы и несколько стрельцов вошли внутрь дома. Там раздались отчаянные крики. Через несколько минут на крыльцо вышел Голицын и объявил, что «царица и царевич со страстей испиша зе-

ल्या и пороша, царевна же едва оживе». Естественно, что Голицыну никто из москвичей не поверил. Но утверждать, что народ оцепенел от ужаса, узнав о преступлении, и впал в безмолв-ствие, нет никаких оснований. История – не драматический театр. Большинство населения восприняло убийство царской семьи как должное или отнеслось к нему безразлично.

Что касается дочери Годунова Ксении, то ее, видимо, не до-душили. Князь Мосальский взял ее к себе в дом и некоторое время держал взаперти, а затем отдал самозванцу «для потехи».

Желая угодить самозванцу, московские бояре надругались и над прахом семьи Годуновых. Царь Борис был по обычаю похоронен в Архангельском соборе Кремля рядом с другими московскими правителями. По боярскому приговору тело царя было выкопано, положено в простой гроб и перезахоронено в ограде бедного Варсонофьева монастыря на Сретенке. Следуя версии о самоубийстве, бояре запретили совершить традиционный погребальный обряд над телами царицы Марьи и царя Федора. Их отвезли в Варсонофьев монастырь и без всяких почестей и церемоний зарыли недалеко от Бориса Годунова.

Уцелевшие Годуновы, а также их отдаленные родственники Сабуровы и Вельяминовы были по указу самозванца разосланы под стражей по отдаленным городам. Исключение было сделано лишь для недавнего правителя боярина С.М. Годунова. Его отправили в Переславль-Залесский с приставом, князем Ю. Приимковым-Ростовским. Везти боярина в отдаленный город не имело смысла. Пристав получил приказ умертвить его в тюрьме. Вотчины, дома и прочее имущество Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых было отобрано в казну.

Глава 13

Воцарение Лжедмитрия

20 июня 1605 г. по Коломенской дороге в Москву двигалась торжественная процессия. Впереди нее скакали взад и вперед польские гусары в раззолоченных шлемах и кирасах. В Москву возвращался сын Ивана Грозного. Вокруг него ехали московские бояре. Сзади шли польская пехота и русские стрельцы. Торжественно звонил колокол. Московские улицы были забиты людьми, люди облепили крыши домов и колокольни – всем хотелось посмотреть на чудесно спасшегося царевича.

При приближении процессии народ падал на колени перед новым царем и кричал: «Дай, Господи, тебе, государь, здоровья! Ты наше солнышко праведное!» Димитрий отвечал на эти крики: «Дай Бог и вам здоровья! Встаньте и молитесь за меня Богу!»

День был солнечный и тихий, но, когда новый царь, переехавший наплывной мост через Московские ворота, вступил на площадь, поднялась сильная буря. Народ заволновался, начал креститься и приговаривать: «Помилуй нас Бог! Помилуй нас Бог!» Духовенство встретило царя на Лобном месте с крестами. Отъехав несколько шагов от Лобного места, Димитрий остановил свою лошадь около церкви Василия Блаженного, снял шапку, взглянул на Кремль, на бесчисленные толпы народа и со слезами стал благодарить Бога, что сподобил его увидеть родную Москву. Народ, видя слезы царя, тоже стал рыдать.

В Кремле по старинному обычаю Лжедмитрий пошел по соборам, слушал молебны. Во время молебнов поляки сидели

на лошадях, трубили в трубы и били в бубны, и это не понравилось москвичам.

Вопреки легендам, никаких речей при встрече Лжедмитрия сказано не было. Лишь в Архангельском соборе Отрепьев собрался с духом и сказал несколько слов, которых от него все ждали. Обливаясь слезами, Лжедмитрий припал к гробу Ивана Грозного и громко объявил, что «отец его – царь Иоанн, а брат его – царь Федор».

Обойдя соборы, Лжедмитрий направился в тронный зал и торжественно уселся на царский престол. Польские роты стояли строем с развернутыми знаменами под окнами дворца.

Опасаясь за свою безопасность, самозванец велел заменить всю

кремлевскую стражу. Как записал Масса, «казаки и ратники были расставлены в Кремле с заряженными пищалями, и они даже вельможам отвечали грубо, так как были дерзки и ничего не боялись».

Новому царю потребовался и новый патриарх. Царь Димитрий постановил собрать Священный собор. Собравшись в Успенском соборе Кремля, иерархи православной церкви провозгласили: «Пусть будет снова патриархом святейший патриарх господин Иов». Восстановление Иова в сане патриарха потребовалось собору, чтобы придать процедуре вид законности. Следуя воле царя, иерархи постановили затем отставить от патриаршества Иова, потому что он «великий старец и слепец, и не в силах пасти многочисленную паству». Патриархом же был единогласно избран рязанский архиепископ Игнатий, грек, бывший раньше архиепископом на Кипре и пришедший в Россию в царствование Федора Иоанновича. Игнатий был первым русским иерархом, признавшим самозванца. Игнатий был также единственным архиепископом, прибывшим в Тулу встречать «истинного царя».

24 июня Игнатия возвели в патриархи. Обратим внимание на даты. Царь повелел собрать собор 21 июня, а через три дня патриарх был избран. Надо ли говорить, что этот «собор» представлял не русскую православную церковь, а иерархов Москвы и ее окрестностей?

Новый патриарх разослал по всем областям грамоты с известием о восшествии Димитрия на престол и возведении его, Игнатия, в патриаршеское достоинство по царскому изволению, причем предписывал молиться за царя и за царицу-мать и, чтобы «возвысил Господь Бог их царскую десницу над латинством и бусурманством».

Говоря о церковной политике царя Димитрия, стоит заметить, что он немедленно вернул в Москву сосланного Борисом архимандрита Чудова монастыря Пафнутия и сделал его митрополитом крутицким (сарским), вторым лицом после патриарха в церковной иерархии. Так Гришка отблагодарил своего чудовского покровителя. Зато поставленный Борисом архимандрит Чудова монастыря был отправлен в ссылку.

Бесследно исчезли также несколько иноков Чудова монастыря. Понятно, что имена их всех и судьбу установить сейчас невозможно. Но уже знакомый нам монах Никодим, постриженный в Чудовом монастыре в октябре 1595 г., сразу же бежал из монастыря. Монах бежал через непроходимые леса на север – в Богоявленский монастырь, что стоял в 11 верстах от города Онеги и прозывался Кожеезерским (в современном произношении – Кожеозерским). Странное название этого монастыря объяснялось тем, что он стоял на берегу озера, очертания которого

напоминали расстеленную шкуру (или, как говорили тогда, «кожу»).

Монастырь, стоявший на берегу Кожеозера, был настоящей «пустыней», окруженной дремучими лесами. Даже сейчас он считается самым труднодоступным из всех существующих обителей. Добраться туда можно только пешком по лесной тропе. Что же говорить о далеком XVII веке, когда один-единешенек брел туда по лесным чащобам преподобный Никодим!..

Что заставило старца бежать? Ведь он был любимцем Пафнутия, но не бежал, когда царь Борис сместил и сослал его покровителя. А вот теперь, когда Пафнутий стал вторым лицом в церковной иерархии, ударился в бег. Ответ может быть один – он узнал в царевиче инока Григория и решил спасти свою жизнь.

В первые дни пребывания в Москве Димитрий, на мой взгляд, делает лишь удачные ходы, разумеется, с учетом ситуации, в которой он оказался. Резкий контраст с остальной деятельностью самозванца представляет собой дело Шуйских. 23 июня Василия Шуйского и его братьев Дмитрия и Ивана арестовывают по приказу царя. Шуйских обвиняют в распускании слухов о самозванстве царя, а по другой версии – даже в заговоре. На следующий день Боярская дума приговорила Василия к смертной казни, а Дмитрия и Ивана – к заключению. Еще через день, 25 июня, состоялась инсценировка смертной казни, в ходе которой царский гонец эффектно заявил о помиловании осужденных. Все три брата были сосланы в пригород Галича, а их имения отобраны в казну. Однако через месяц, 30 июля, царь Димитрий полностью простил Шуйских, вернул их в Боярскую думу и возвратил все конфискованное имущество, включая вотчины.

Единственное разумное объяснение случившемуся – это то, что Гришка решил пугнуть Василия Шуйского, чтобы тот себя не забывал. Говорить о каком-то ультиматуме Боярской думы царю, как это делает Р.Г. Скрынников, просто нелепо. Якобы «...бояре не посмели открыто перечить царю на соборе. Но после собора они сделали все, чтобы не допустить казни князя Василия. Отмена казни Шуйского явилась первым успехом думы» (Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1990. С. 164.). Почему тогда дума не добилась успехов по более принципиальным для нее вопросам? И зачем, к примеру, Романовым и Василию Васильевичу Голицыну требовать возвращения из ссылки своего основного конкурента Василия Шуйского?

А тем временем к Москве приближалась карета с «матерью» самозванца. В тексте присяги и других официальных документах ее именовали царицей, хотя инокиня Марфа, как, впрочем, любая другая

монахиня (или монах), не могла быть светским правителем. Хотя, два сапога – пара. Беглый монах нетерпеливо ждал из монастыря беглую монахиню.

Для пущего фарса сопровождал монашку князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, которому специально для сего спектакля был присвоен титул «Великого Мечника».

«Царица» Марфа остановилась в селе Тайнинском в десяти верстах от Москвы в путевом дворце, построенном для царей, отправлявшихся на богомолье в Троицу.

17 июля к ней приехал «царь» Димитрий. Встреча двух расстриг была очень хорошо отрежиссирована. Она состоялась на поле, где собралось несколько тысяч людей. Обливаясь слезами на большой дороге (Ярославском шоссе), «мать» и «сын» бросились в объятия друг друга. Затем сладкая парочка отправилась в шатер, где некоторое время они беседовали наедине. Выйдя из шатра, «царица» села в карету и медленно поехала к Москве. Ее «сын» шел пешком рядом с каретой. Ночь они провели в путевом дворце у самых стен столицы.

На следующий день состоялся торжественный въезд в Москву. Теперь царь ехал верхом рядом с каретой матери. Над Москвой непрерывно гудели колокола. Прибыв в Кремль, мать и сын отправились на службу в Успенский собор.

Местожительством царицы был определен Воскресенский монастырь, куда нежный «сын» каждый день наносил визит. В день приезда «матери» Лжедмитрий назначил срок коронации – 30 июля.

Рассказывая об успехах самозванца, мы позабыли о наших главных героях – Романовых. Мы оставили монаха Филарета (Федора Никитича Романова) в Антониев-Сийском монастыре. Там за Филаретом наблюдал пристав Богдан Воейков, который регулярно слал в Москву отчеты о поведении опального инокa.

Филарет вел себя довольно тихо, конфликты с приставом Воейковым носили мелкий, чисто бытовой характер. Так, Филарет говорил приставу: «Не годится со мною в келье жить малому. Чтобы государь меня, богомольца своего, пожаловал, велел у меня в келье старцу жить, а бельцу с чернецом в одной келье жить непригоже». На что Воейков писал в своем донесении царю Борису: «Это он говорил для того, чтоб от него из кельи малого не взяли, а он малого очень любит, хочет душу свою за него выронить. Я малого расспрашивал: что с тобою старец о каких-нибудь делах разговаривал ли или про кого-нибудь рассуждает ли? И друзей своих кого по имени поминает ли? Малый отвечал: „Отнюдь со мною старец

ничего не говорит“. Если малому вперед жить в келье у твоего государева изменника, то нам от него ничего не слышать. А малый с твоим государевым изменником душа в душу. Да твой же государев изменник мне про твоих государевых бояр в разговоре говорил: „Бояре мне великие недруги. Они искали голов наших, а иные научали на нас говорить людей наших, я сам видал это не однажды“. Да он же про твоих бояр про всех говорил: „Не станет их ни с какое дело, нет у них разумного. Один у них разумен Богдан Бельский, к посольским и ко всяким делам очень досуж“. Велел я сыну боярскому Болтину расспрашивать малого, который живет в келье у твоего государева изменника, и малый сказывал: „Со мною ничего не разговаривает. Только когда жену вспоминает и детей, то говорит: „Малые мои детки! Маленьки бедные остались. Кому их кормить и поить? Так ли им будет теперь, как им при мне было? А жена моя бедная! Жива ли уже? Чай она туда завезена, куда и слух никакой не зайдет! Мне уж что надобно? Беда на меня жена да дети: как их вспомнишь, так точно рогатиной в сердце толкает. Много они мне мешают: дай Господи слышать, чтобы их ранее Бог прибрал, я бы тому обрадовался. И жена, чай, тому рада, чтоб им Бог дал смерть, а мне бы уже не мешали, я бы стал промышлять одною своею душою. А братья уже все, дал Бог, на своих ногах“““.

На это донесение царь Борис отвечал приставу: «Ты б старцу Филарету платье давал из монастырской казны и покой всякий к нему держал, чтоб ему нужды ни в чем не было. Если он захочет стоять на крылосе, то позволь, только б с ним никто из тутошних и прихожих людей ни о чем не разговаривал. Малому у него в келье быть не вели, вели с ним жить в келье старцу, в котором бы воровства никакого не чаять. А которые люди станут в монастырь приходить молиться, прохожие или тутошные крестьяне и вкладчики, то вели их пускать, только смотри накрепко, чтобы к старцу Филарету к келье никто не подходил, с ним не говорил и письма не подносил и с ним не сослался».

В итоге из кельи Филарета «малого» вытурили, а вместо него поселили старца Иринарха, чтобы тот приглядывал за ссыльным. Надо ли говорить, что новый сосед-старец не понравился Филарету и, видимо, от некоторых утех с «малым» пришлось отказаться. Тем не менее вел себя Филарет тихо и богобоязненно.

Но вот до Антониев-Сийского монастыря дошли слухи о походе Лжедмитрия на Москву, и смиренный инок Филарет буквально начинает скакать от радости.

В начале 1605 г. пристав Воейков шлет несколько доносов в Москву о

бесчинствах Филарета и жалобы на игумена монастыря Иону, который смотрит на них сквозь пальцы.

В марте 1605 г. царь Борис делает игумену Ионе строгое внушение: «Писал к нам Богдан Воейков, что рассказывали ему старец Иринарх и старец Леонид: 3 февраля ночью старец Филарет старца Иринарха бранил, с посохом к нему прискакивал, из кельи его выслал вон и в келью ему к себе и за собою ходить никуда не велел. А живет старец Филарет не по монастырскому чину, всегда смеется неведомо чему и говорит про мирское житье, про птиц ловчих и про собак, как он в мире жил, и к старцам жесток, старцы приходят к Воейкову на старца Филарета всегда с жалобою, бранит он их и бить хочет, и говорит им: „Увидите, каков я вперед буду!“ Нынешним великим постом у отца духовного старец Филарет не был, в церковь и на прощанье не приходил и на крылосе не стоит. И ты бы старцу Филарету велел жить с собою в келье, да у него велел жить старцу Леониду, и к церкви старцу Филарету велел ходить вместе с собою да за ним старцу, от дурна его унимал... »

Далее Борис требовал, чтобы Иона укрепил ограду вокруг монастыря и ни под каким видом не допускал контактов Филарета с посторонними людьми.

Обратим внимание на фразу Филарета: «Увидите, каков я вперед буду!» Кем же видит себя смиренный монах – царем или патриархом? Да и откуда такая спесь взялась? Ну, допустим, услышал он об успехах самозванца, так что же из того? Ну придет Лжедмитрий, какой-нибудь Стенька или Емелька и станет бояр вешать да топить, не вникая в их свары и обиды. Тут

Филарет выдает себя с головой. Он прекрасно знает, что идет на Москву не просто его бывший холоп Юшка, а его «изделие». Другой вопрос, что он недооценивает польское влияние. У его «изделия» теперь совсем другие кукловоды.

Фразу «Увидите, каков я вперед буду!» цитируют в своих трудах все наши историки от Соловьева до Скрынникова и... оставляют ее без комментариев. Один Валишевский (поляк, не боится задеть гордость великороссов) заметил по сему поводу: «В этом заключаются важные указания, которым не хватает, может быть, только подтверждения некоторых уничтоженных или слишком хорошо спрятанных документов. И, если они не подверглись уничтожению, без сомнения, уже недалек тот день, когда не побоятся их обнаружить».

Увы, большевики, придя к власти, начали за здоровье – приступили к опубликованию секретных царских договоров времен Николая II, предали

гласности довольно много документов, касавшихся революционного движения и репрессий властей. Но позже курс сменился, и до сих пор масса документов XVI—XVII веков лежит в секретных хранилищах.

В начале июля 1605 г. в Антониев-Сийский монастырь прибыли посланцы самозванца и с торжеством повезли Филарета в Москву.

30 июля Димитрий короновался. По обычаю русских царей царский дворец был разукрашен, а путь через площадь в Успенский собор устлан золототканым бархатом. В соборе возле алтаря Отрепьев повторил заученную речь о своем чудесном спасении. Патриарх Игнатий надел на голову самозванца венец Ивана Грозного, бояре поднесли скипетр и державу. Чтобы еще раз подчеркнуть свое родство, Отрепьев приказал короновать себя еще один раз у гроба «предков» в Архангельском соборе. Облобызав надгробия всех великих князей, самозванец вышел в придел, где находились могилы Ивана Грозного и Федора. Там его ждал архиепископ Архангельского собора Арсений. Он возложил на голову самозванца шапку Мономаха. При выходе из собора бояре осыпали нового царя золотыми монетами.

По обычаю после коронации приближенных царя ожидали награды. Естественно, прежде всего были награждены поляки и верные самозванцу русские худародные дворяне типа Басманова. Кое-что получили и бояре. Федор Мстиславский получил вотчину в Веневе, прощенный Василий Шуйский – волость Чаронду, Богдану Бельскому вернули все его старые вотчины, конфискованные Борисом Годуновым.

Особое внимание самозванец уделил своим «родственникам». Так, Михаил Нагой получил боярство, чин конюшего и большие подмосковные вотчины Годуновых. Но больше всех получили Романовы. Скромный инок Филарет возведен в сан ростовского митрополита. А прежний ростовский митрополит Кирилл Завидов был без объяснения причин попросту согнан с кафедры. Причем нет никаких сведений, что Кирилл мог чем-то прогневать самозванца. За что же такая милость простому монаху? За то, что он с начала 1605 г. перестал вообще ходить на службы? Неужто за познания в ловчих птицах и собаках?

Димитрий дал самую высшую церковную должность Филарету. Сделать монаха сразу патриархом было бы слишком, да и на том месте уже сидел послушный Игнатий. А крутицким митрополитом был, как мы уже знаем, старый знакомый Гришки Пафнутий.

Младший брат Филарета Иван Никитич Романов получил боярство. Не был обойден и единственный сын Филарета – девятилетний Миша Романов стал стольником. Замечу, что возведение даже двадцатилетнего князя

Рюриковича в чин стольника на Руси было событием экстраординарным.

Даже тела умерших в ссылке Никитичей по царскому указу были выкопаны, доставлены в Москву и торжественно перезахоронены в Новоспасском монастыре.

Многие наши историки утверждают, что Лжедмитрий пожаловал Романовых как своих родственников, чтобы таким образом подтвердить свою легитимность. Такой взгляд не выдерживает критики. Ну во-первых, настоящему Димитрию Романовы и родственниками не были. Попробуйте в русском языке найти степень родства Федора Никитича и Димитрия Ивано-

вича! Мало того, именно царь Федор, сын Анастасии Романовой, упрятал Димитрия со всей родней в ссылку в Углич, а бояре Романовы во главе с Федором Никитичем с большим усердием помогали царю. Да и не в этом дело. Зачем самозванцу лишний раз напоминать народу, что есть живые родственники царя Федора, которые за неимением лучшего могут стать претендентами на престол. Увы, на этот вопрос ни один наш историк дать ответа не может.

Мало того, зачем давать Романовым власть и вотчины? Неужели самозванец так глуп, что думает, что гордый и честолюбивый Федор Никитич станет его верным холопом? А ведь чины и вотчины могли так пригодиться польским и русским сторонникам Лжедмитрия. Вот они бы и стали навсегда преданными холопами царя Димитрия I.

Наконец, чем черт не шутит, ведь Романовы могли и опознать Юшку Отрепьева, который пять лет назад жил у них на подворье.

Из всего этого можно сделать лишь один логичный вывод – бояре Романовы были в сговоре с заговорщиками церковными, главой которых предположительно был Пафнутий. Теперь Отрепьеву пришлось платить по счетам. Был ли удовлетворен наградами честолюбец Федор Никитич? Конечно, нет, но качать права было рано. Пока Романовы рассматривали полученные чины, вотчины и другие блага как промежуточную ступеньку для дальнейшего подъема вверх. Теперь Федору и Ивану Никитичам казалось, что еще чуть-чуть и московский трон станет собственностью их семейства.

Глава 14

Свадьба и смерть Григория Отрепьева

16 мая 1605 г. папой стал Павел V, Камилл Боргезе. Его предшественник, Климент VIII, предусмотрительно оставил без ответа второе письмо Димитрия от 30 июля 1604 г., где претендент по-прежнему настаивал на своей преданности папскому престолу, точнее, указывал на вознаграждение, которое ожидал получить. Читая депешу Рангони от 2 июля 1605 г. о событиях в Москве, Павел V вдруг воспрянул духом. С 4 августа папские грамоты летели в Польшу к польскому королю, к кардиналу Мацейовскому, к самому Мнишку, заклиная их воспользоваться ниспосылаемым свыше случаем. Римскому папе казалось, что уния уже торжественно провозглашена в Москве, и он готовился к отправлению своего легата. А пока, в ожидании, он с таким нетерпением торопил отъезд графа Рангони, что нунций, не имея возможности так скоро снарядить племянника в дальний путь, решил послать вперед одного из его секретарей, Луиджи Пратиссоли, который при случае должен был просить посредничества Димитрия для доставки польскому нунцию кардинальской шапки, давно ожидаемой им. Рим не мог бы отказать новообращенному, который вел за собой в лоно церкви миллионы людей!

Но Пратиссоли не удалось в Москве даже начать разговор об унии. 15 ноября 1605 г. ему пришлось отправиться обратно в Краков с письмом Димитрия к нунцию, в котором царь просил представителя папы исходатайствовать для него в Кракове и Риме разрешение Марине в день ее коронования причас

титься по православному обряду и соблюдать воздержание по средам и признание королем польским императорского титула, принятого царем. Об унии не говорилось ни слова. Кроме того, Димитрий отправил состоявшего при нем патера Андрея Лавицкого с личным посланием к папе. Это послание было целиком посвящено политике, и об унии опять не было сказано ни слова. Димитрий предлагал план грандиозного крестового похода против Турции с участием России, Польши, Австрийской империи и других государств. В конце послания стояла подпись: «Император Димитрий».

Папе ничего не оставалось делать, как поверить в искренность

Гришки. Теперь ставкой в борьбе за унию стала Марина Мнишек. Кардинал Боргезе написал нунцию, что его святейшество ожидает и духовных плодов от этого брака для блага всего христианства. Сам папа писал Димитрию, что брак его с Мариной есть дело, в высокой степени достойное его великодушия и благочестия, что этим поступком Димитрий удовлетворил всеобщему ожиданию. «Мы не сомневаемся, – писал папа, – что так как ты хочешь иметь сыновей от этой превосходной женщины, рожденной и свято воспитанной в благочестивом католическом доме, то хочешь также привести в лоно римской церкви и народ московский, потому что народы необходимо должны подражать своим государям и вождям. Верь, что ты предназначен от Бога к совершению этого спасительного дела, причем большим вспоможением будет для тебя твой благороднейший брак». То же самое папа написал Марине и ее отцу. Павел V счел нужным напомнить Димитрию о письме, которое тот писал к Клименту VIII 30 июля 1604 г. Напомнив о письме, папа повторил свои увещания просветить светом католического учения народ, до сих пор сидевший во мраке и сени смертной, причем снова обещался прислать благочестивых людей и даже епископов на помощь великому делу, если царь признает это нужным.

Папа так спешил с браком самозванца и Марины, что уполномочил патера Савицкого обвенчать их тайно в Великий пост. Зная, что Лжедмитрий добивается императорского титула, папа через кардинала Боргезе наказал нунцию удовлетворить это желание царя, и поэтому Рангони дал Димитрию требуемый титул.

Между тем король и паны в Кракове получили первый сигнал из Москвы о том, что положение Димитрия более чем шатко. Отрепьева до побега в Москве знали слишком многие. Царь Димитрий не любил сидеть во дворце, он часто появлялся на различных праздниках и потехах. Установить тождественность царя и расстриги было нетрудно. Димитрий велел доставить в Москву старца Леонида, которого он, будучи в Путивле, с успехом выдал за «истинного» Отрепьева. Однако в Путивле никто ранее не видел в глаза Отрепьева, в Москве же появление Леонида, выдававшего себя за Гришку, наоборот, разоблачало самозванца. Старца Леонида поспешно убрали с глаз долой. Некоторое время его держали в Ярославле, затем он исчез без следа.

Лжедмитрий удалил из столицы свою подлинную родню, чтобы рассеять всякие подозрения насчет родства с Отрепьевыми. Так что воцарение Отрепьева обернулось большой бедой для всех его родных и близких. Родного дядю Юшка упек в Сибирь. Царь осыпал милостями

свою якобы мать Марию Нагую, в то время как его родная мать жила в бедности в Галиче.

Храбрый поначалу Дмитрий начал всего бояться. Так, для большей помпы Отрепьев вызвал из ссылки бывшего «царя» и «великого князя Тверского» Симеона Бекбулатовича. «Царя» хорошо наградили, но 25 марта 1606 г. внезапно схватили и отправили в Кирилло-Белозерский монастырь, где и постригли в монахи.

Признание и благословение царицы Марии самозванца произвело огромный пропагандистский эффект. После коронации Отрепьев захотел устроить еще одно такое шоу – торжественно разорить могилу царевича Дмитрия в Угличе. Действительно, возникла комичная ситуация – в Москве царствует царь Дмитрий Иванович, сын Ивана Грозного, а в 300 верстах от Москвы в Угличе в Спасо-Преображенском соборе толпы горожан молятся над могилой того же самого Дмитрия Ивановича. Это наводило людей на опасные размышления – где же находится настоящий Дмитрий? Посему вполне логично было перезахоронить труп мальчика, лежавшего в Спасо-Преображенском соборе, на каком-нибудь захудалом кладбище, соответствующем статусу поповского сына, который якобы был зарезан в Угличе, и тем самым избавить людей от соблазна.

Однако государственная целесообразность и женская логика оказались несовместимыми. Царица Мария устроила бешеную истерику. Она не захотела допустить надругательства над прахом единственного сына. Не знаю, как у кого, но у меня эта дамочка жалости не вызывает. Порядочная женщина, для которой свята память о своем единственном сыне, никогда не допустит спекуляций с его именем.

Еще в 1604 г. царь Борис приказал привезти из монастыря в Москву инокиню Марфу и попросил ее еще раз рассказать о событиях в Угличе. Марфа-Мария могла выйти на Лобное место и публично заявить, что ее сын мертв, и тем самым защитить отечество от разорения, а имя сына от поругания. Но вздорная бабенка припомнила Годунову старые обиды и нахально заявила, что не знает, жив ли ее сын или нет. Смиренная инокиня Марфа заварила кашу, и ей придется расхлебывать эту кашу до конца, сколько бы она ни брыкалась.

Марфа-Мария кинулась за помощью к боярам. Естественно, что бояре для начала сделали вид, что им непонятны причитания царицы по поводу костей какого-то поповича. Пришлось бабоньке популярно все объяснить. Шуйские и Голицыны обещали ей помочь и уговорить самозванца не разорять могилу в Угличе. Но за это царице пришлось повторить свои объяснения шведскому наемнику Петру Петрею, состоявшему на русской

службе еще со времен Годунова. В декабре 1605 г. Петрей отправился в Польшу, где был тайно принят королем Сигизмундом. Петрей прямо заявил королю, что Димитрий «не тот, за кого себя выдает», и рассказал о признании царицы Марии и о мнении на этот счет московских бояр.

Несколько позже оппозиционные бояре попытались связаться с королем Сигизмундом через царского посла Ивана Бе-зобразова, который прямо заявил, что Димитрий будет свергнут в самое ближайшее время.

К концу 1605 г. царь Димитрий буквально сидит на пороховой бочке. И в такой ситуации он идет на необъяснимый шаг – форсирует сватовство к Марине Мнишек. Царь отправил дьяка Афанасия Власьева в Краков уговорить Сигизмунда к войне с турками и испросить его согласия на отъезд Марины в Москву. Своего же личного секретаря поляка Яна Бучинско-го Димитрий отправил к самому Юрию Мнишку.

Мотивировать как-либо это сватовство Отрепьева невозможно. Польский король не только не настаивал на браке Димитрия и Марины, а наоборот, Сигизмунд сказал Власьеву, что государь его может вступить в брак, более сообразный с его величием, и что он, король, не преминет помочь ему в этом деле. Но Власьев ответил, что царь никогда не изменит своему обещанию. Сигизмунд же хотел женить Лжедмитрия на своей сестре или на княжне трансильванской.

В самом деле, если Юрий Мнишек станет зятем московского царя и правителем огромных земель, власть короля в Польше неизбежно еще более ослабнет.

Любовь – не последняя карта в политических играх. Но реальный самозванец в отличие от пушкинского совсем не подходит на роль влюбленного Ромео. Как писал Скрынников: «В компании с Басмановым и М. Молчановым он предавался безудержному разврату. Царь не щадил ни замужних женщин, ни пригожих девиц и монахинь, приглянувшихся ему. Его клеветы не жалели денег. Когда же деньги не помогали, они пускали в ход угрозы и насилие. Женщин приводили под покровом ночи, и они исчезали в неведомых лабиринтах дворца. Описывая тайную жизнь дворца, голландец Исаак Масса утверждал, будто Лжедмитрий оставил после себя несколько десятков внебрачных детей, якобы появившихся на свет после его смерти». Добавим, что Димитрий еще держал у себя постоянной наложницей царевну Ксению Годунову. Так что о безумной страсти Отрепьева говорить не приходится.

В частной армии Мнишка необходимости у самозванца также не было. Мало того, недисциплинированное и нахальное рыцарство могло само по себе спровоцировать бунт москвичей. Тут вполне уместно вспомнить

изречение Наполеона: «На штыках можно прийти к власти, но сидеть на штыках нельзя».

Тем не менее 2 марта 1606 г. из Сандомира отправился в Москву свадебный кортеж в составе двух тысяч человек. 18 апреля у города Орши кортеж вступил на русскую землю. Через два дня в Лубно Михаил Нагой и князь В.М. Мосальский приветствовали Марину от имени царя, уверяя ее, что их повелитель ничего не пожалеет для удобства и приятности ее путешествия. И в самом деле, на пути к Москве построили 540 мостов. В Смоленске Марине устроили великолепный въезд в обитых драгоценными соболями санях, запряженных двенадцатью лошадьми. Для переправы через Днепр понадобились паромы. Один из них, слишком перегруженный, потонул, и погибли 15 человек. Перепуганные спутницы Марины приписали свое спасение присутствию патера Анзеринуса.

Еще в декабре 1605 г. Юрий Мнишек писал Димитрию: «Поелику известная царевна Борисова дочь близко вас находится, благоволите, вняв совету благоразумных людей, от себя ее отдалить». Самозванец тянул с этим деликатным вопросом до последнего, но когда Марина оказалась уже в Вязьме, был вынужден отправить Ксению Годунову в Горицкий монастырь на Белоозеро. Там ее постригли в монахини под именем Ольга.

В Вязьме Мнишек оставил дочь, а сам поспешил в Москву, куда прибыл 24 апреля. Торжественный въезд Марины в Москву состоялся 2 мая. Она остановилась в Воскресенском монастыре в Кремле. Жених, по обычаю, не должен был видеть невесту, но поскольку в Воскресенском монастыре жила «мать» Димитрия инокиня Марфа, которую регулярно посещал «сын», то встречи, видимо, состоялись. Лишь 6 мая, за два дня до коронации и свадьбы, Марина смогла занять приготовленное для нее помещение в царском дворце.

Перед свадьбой у царя возник конфликт с частью высшего духовенства. Митрополит казанский Гермоген и епископ коломенский Иосиф потребовали вторичного крещения невесты-католички. Однако Димитрий нашел возможность избавить свою невесту от троекратного погружения по православному обряду, отправив в ссылку чересчур строгих архиереев. Остальные же довольствовались миропомазанием, составлявшим необходимую принадлежность коронационного обряда. Сохранившийся обрывок церемониала свидетельствует о причащении Марины, и это двукратное подчинение греческому обряду признали равносильным отречению.

8 мая состоялась свадьба. Рано утром молодых привели в столовую избу, где придворный протопоп торжественно их обручил. В Грановитой

палате князь Шуйский кратко приветствовал невесту, и обрученных проводили в Успенский собор. Замечу, что в церемонии участвовала вся родня Романовых: митрополит Филарет, боярин Иван Никитич и, конечно, юный стольник Миша. Патриарх совершил обряд миропомазания и торжественно короновал Марину. К большому смущению русских, царица не взяла причастия, как того требовала утвержденная думой процедура. Многие присутствующие не скрывали своего негодования по этому поводу. Среди гостей прошел ропот. Коронация Марины в Успенском соборе была неслыханным нарушением всех норм и приличий. Православным царицам даже многолетие стали петь лишь со времен Годунова. И это, казалось бы, безобидное новшество, современники восприняли как бесстыдство. Отказ Марины принять причастие возмутил православных. Зато послы и польские гости были удовлетворены. Как только закончилась коронация, дьяки под разными предлогами выставили послов и иноземцев из церкви и заперли двери. Как только нежелательные свидетели удалились, патриарх обвенчал царя с Мариной по православному обряду. Польские дамы, оставшиеся подле невесты, со смехом описывали своим мужьям, как молодые приняли от патриарха вместе с благословением по кусочку хлеба и глотку вина. Они потешались над чашей, из которой брачующиеся пили по очереди. А потом чашу бросили на пол, и самый проворный должен был раздавить ее – знак его будущего главенства. Чтобы избежать предзнаменования, способного встревожить зрителей, патриарх поспешил сам наступить на хрупкий хрусталь.

Замечу, что в коронации и свадьбе принимали участие, соответственно своему чину, ростовский митрополит Филарет, боярин Иван Никитич Романов и юный стольник Миша Романов. Впоследствии сей факт старательно замалчивался царскими историками. Мало того, на соборе 1620 г. патриарх Филарет публично клеймил патриарха Игнатия за отступление от православных обрядов при причащении и коронации католички, но ни словом не обмолвился об участии в этих процедурах митрополита Филарета.

Последующие дни царь и царица провели в пирах и увеселениях. Причем на ряд пиров были приглашены только поляки, а из русских присутствовали лишь Димитрий, дьяк Власьев и князь Мосальский. На одном из пиров, проведя три часа за едой и питьем, всю ночь протанцевали. К утру, переменив множество кавалеров, «восхитительно танцевавшая Марина завоевала все сердца». Но Гонсевский и Олесницкий, танцуя с ней в одной кадрили, не сняли шляп, и Димитрий велел им сказать, чтобы берегли головы, иначе их снимут вместе со шляпами.

По странному совпадению в русском народном эпосе героиня с именем Марина, Маринушка, Маринка представляет собой явно отрицательный персонаж. Она чародейка и вещунья, еретичка и безбожница, даже распутная девка. Она соблазнила девятерых князей или богатырей, своих женихов, которых обратила в животных. Змея, обвивающая ее руку, – первый ее друг. Теперь народ мог лицезреть сей эпический персонаж. Нахальная девица во французском платье с непокрытыми волосами, к тому же еретичка, разве она не могла заколдовать сына Ивана Грозного?

По приказу царя для размещения родных невесты и других свадебных гостей из Кремлевского дворца выселили не только купцов и духовных, но даже бояр. Арбатские и чертольские священники также были выгнаны из домов, в которых поместили иностранных наемников.

Чуть ли не ежедневно в городе происходили стычки между поляками и москвичами. (Вспомним 1604 год и жалобы львовских горожан на бесчинства Мнишка и его компании.) Вот пьяные польские гайдуки остановили на московской улице колымагу и вытащили оттуда боярыню. Народ немедленно бросился отбивать женщину. В городе ударили в набат. 16 мая бояре вручили царю жалобу на поляков, напавших на боярыню. Димитрий положил эту жалобу «под сукно». Мало того, царь запретил принимать у москвичей жалобы на рыцарство.

Сразу после приезда Марины Василий Шуйский организывает настоящий заговор. Во главе заговора становятся он сам, Василий Васильевич Голицын и Иван Семенович Куракин. К ним присоединяется и крутицкий митрополит Пафнутий.

Для сохранения единства, необходимого в таком деле, бояре решили первым делом убить расстригу, «а кто после него будет из них царем, тот не должен никому мстить за прежние досады, но по общему совету управлять Российским царством». К заговорщикам примкнуло несколько десятков московских дворян и купцов.

Все наши историки считают, что Димитрий всерьез собирался воевать с Османской империей. По мнению же автора, это было блефом, предназначенным для польского короля, римского папы, а также для внутреннего потребления.

Готовясь к войне с Турцией, самозванец выслал на южную границу войско под началом Шереметева. Одновременно в Москву были вызваны новгородские дворяне, расположившиеся лагерем в миле от города. Их численность, по Соловьеву, составляла семнадцать тысяч, по Скрынникову – одна-две тысячи человек. Особого значения это не имеет, поскольку и

тысячи ратников хватило бы для государственного переворота. Заговорщикам удалось привлечь новгородцев на свою сторону. На совещании заговорщиков Василий Шуйский объявил о страшной опасности, которая грозит Москве от царя, преданного полякам, признался, что самозванца признали истинным Дмитрием только для того, чтобы освободиться от Годунова. Думали, что такой умный и храбрый молодой человек будет защитником православной веры и старых обычаев. Но оказалось, что царь жалует только иностранцев, презирает святую веру, оскверняет храмы божьи, выгоняет священников из домов, которые отдает неверным, наконец, женится на польке поганой. «Если мы заранее о себе не помыслим, то еще хуже будет. Я для спасения православной веры опять готов на все, лишь бы вы помогли мне усердно: каждый сотник должен объявить своей сотне, что царь самозванец и умышляет зло с поляками. Пусть ратные люди советуются с гражданами, как промышлять делом в такой беде. Если будут все заодно, то бояться нечего: за нас будет несколько сот тысяч, за него – пять тысяч поляков, которые живут не в сборе, а в разных местах», – говорил Шуйский.

В светлую ночь с 16 на 17 мая 1606 г. бояре-заговорщики впустили в город около тысячи новгородских дворян и боевых холопов. На подворье Шуйских собралось около двухсот вооруженных москвичей, в основном дворян. С подворья они направились на Красную площадь. Около четырех часов утра ударили в колокол на Ильинке, у Ильи Пророка, на Новгородском дворе, и разом заговорили все московские колокола. Толпы народа, вооруженные чем попало, хлынули на Красную площадь. Там уже сидели на конях около двухсот бояр и дворян в полном вооружении.

Дворяне-заговорщики объявили народу, что «литва бьет бояр, хочет убить и царя». Толпа бросилась громить дворы, где жили поляки. Между тем Шуйский во главе двух сотен всадников въехал в Кремль через Спасские ворота, держа в одной руке крест, в другой – меч. Подъехав к Успенскому собору, он сошел с лошади, приложился к образу Владимирской Богоматери и сказал людям, его окружившим: «Во имя божие идите на злого еретика». Толпы двинулись ко дворцу.

Шум разбудил Дмитрия, спавшего во дворце с Мариной. В соседней комнате царские покои охранял Петр Басманов. Дмитрий крикнул ему: «Что там случилось?» Кто-то из дворцовых служителей заорал: «Пожар!» Дмитрий на время успокоился. Но крики все усиливались. Басманов вышел на крыльцо и увидел разъяренную толпу. Царского любимца встретили нецензурными ругательствами и криком: «Выдай самозванца!» Басманов бросился во дворец, приказал страже не впускать ни одного

человека, а сам в отчаянии прибежал к царю, крича: «Ахти мне! Ты сам виноват, государь! Все не верил, вся Москва собралась на тебя».

Немецкие наемники, охранявшие дворец, растерялись, что позволило одному из нападавших, дьяку Тимофею Осипову, ворваться в царскую спальню. Согласно позднейшим летописям, Осипов, известный своей праведной жизнью, пришел обличать самозванца. На самом деле он явно хотел покончить с расстригой. Но Басманов опередил дьяка и разрубил ему саблей голову. Труп в спальне, естественно, не импонировал Марине, и она приказала выкинуть его из окна. Осипова хорошо знали и любили в городе. Вид его окровавленного тела разгневал толпу, и она пошла на штурм дворца.

Басманов и Димитрий с саблями наголо встали в дверях. Царь истерично кричал: «Я вам не Годунов!» Тут думный дворянин Михаил Татищев изловчился и длинным ножом пырнул Басманова. Отрепьев, стоявший за спиной Басманова, обратился в бегство. Дело происходило в новом деревянном дворце, и Отрепьев решил укрыться в большом каменном дворце. Между обоими дворцами находились подмости, устроенные для театральных представлений по случаю царской свадьбы. Перепрыгивая через подмости, Отрепьев оступился, упал с высоты нескольких метров и вывихнул ногу. Стрельцы, стоявшие недалеко на карауле, услышали стоны раненого, узнали царя, облили его водой и перенесли на каменный фундамент сломанного годуновского дома. Придя в себя, Отрепьев стал уговаривать стрельцов встать на его сторону, обещая им в награду жен и имения изменников-бояр. Стрельцам понравилось это обещание, они внесли Отрепьева обратно во дворец, уже опустошенный и разграбленный. В передней Димитрий увидел своих верных алебардчиков, стоявших без оружия и с поникшими головами, и заплакал. Когда заговорщики захотели приблизиться к Отрепьеву, то стрельцы открыли огонь из пищалей.

Наступил критический момент восстания. Однако Василий Шуйский нашел выход. Он предложил напугать стрельцов расправой над их семьями. Ведь московские стрельцы в отличие от веселых мушкетеров Людовика XIII не были сорвиголовами и искателями приключений, а превратились в благополучных мещан, обросших семьями, огородами, многие занимались ремеслами и торговлей. Заговорщики закричали: «Пойдем в Стрелецкую слободу, истребим их жен и детей, если они не хотят нам выдать изменника, плута, обманщика». Понятно, что для стрельцов это была страшная угроза, и они вступили в переговоры с нападавшими. Сошлись на компромиссе: «Спросим царицу: если она скажет, что это прямой ее сын, то

мы все за него помрем. Если же скажет, что он ей не сын, то Бог в нем волен».

В ожидании ответа от Марфы заговорщики с ругательствами и рукоприкладством спрашивали Лжедмитрия: «Кто ты? Кто твой отец? Откуда ты родом?» Он отвечал: «Вы все знаете, что я царь ваш, сын Ивана Васильевича. Спросите обо мне мать мою или выведите меня на Лобное место и дайте объясниться».

Тут явился князь Иван Васильевич Голицын и сказал, что он был у царицы Марфы и она ответила, что сын ее убит в Угличе, а это самозванец. Народу эти слова передали, добавив, что сам Димитрий признался в своем самозванстве и что Нагие подтверждают показания Марфы. Тогда отовсюду слышались крики: «Бей его! Руби его!» Из толпы выскочил боярский сын Григорий Валуев и выстрелил в Димитрия, приговаривая: «Что толковать с еретиком. Вот я благословлю польского свистуна!» Остальные порубили труп и бросили его на тело Басманова со словами: «Ты любил его живого, не расставайся и с мертвым». Затем трупы раздели и поволокли через Спасские ворота на Красную площадь. Поравнявшись с Воскресенским монастырем, толпа остановилась, чтобы спросить у Марфы: «Твой ли это сын?» Та ответила: «Вы бы спрашивали меня об этом, когда он был еще жив, теперь он уже, разумеется, не мой».

Итак, Шуйский в ночь на 17 мая 1606 г. возглавил переворот. Надо сказать, что операция была проведена вполне грамотно. Заметим, что Василию Ивановичу потребовалось куда больше ума и хладнокровия после убийства самозванца, нежели на начальной стадии переворота. Шуйский всеми силами хотел избежать конфликта с Польшей, поэтому его первоочередной задачей было спасение Марины Мнишек и ее фрейлин, а главное, польских послов.

По приказу Шуйского Марину отбили у восставших москвичей, хотя она перед этим получила хороший урок. В первые же минуты переворота Василий Иванович отправил гонцов к королевским послам Николаю Олесницкому и Александру Гонсевскому передать, что послам опасаться нечего. Но послы и их люди не должны смешиваться с другими поляками, которые приехали с сандомирским воеводой в надежде занять Москву и сделали русским много зла. Гонсевский отвечал: «Вы сами признали Димитрия царевичем, сами посадили его на престол, теперь же, узнав, как говорите, о самозванстве его, убили. Нам нет до этого никакого дела, и мы совершенно покойны насчет нашей безопасности, потому что не только в христианских государствах, но и в бусурманских послы неприкосновенны. Что же касается до остальных поляков, то они приехали не на войну, не для

того, чтобы овладеть Москвою, но на свадьбу, по приглашению вашего государя, и если кто-нибудь из их людей обидел кого-нибудь из ваших, то на это есть суд. Просим бояр не допускать до пролития крови подданных королевских, потому что если станут бить их перед нашими глазами, то не только люди наши, но и мы сами не будем равнодушно смотреть на это и согласимся лучше все вместе погибнуть, о следствиях же предоставим судить самим боярам».

Гонористый пан мог позволить себе вести столь воинственные речи, поскольку к посольству по приказу Шуйского подошел отряд из пятисот стрельцов и занял оборону по внешнему периметру ограды дворов.

Шуйскому удалось защитить от избиения москвичами иностранных наемников, находившихся в Кремле. Те быстро оценили намерения заговорщиков и прекратили сопротивление. Шуйский еще ночью связался с их командиром Жаком Мар-жеретом и предложил перейти к нему на службу. Маржерет, естественно, согласился, ему было абсолютно все равно, кому служить.

До окончания избиения поляков ни один человек из охраны посольства так и не попытался пройти сквозь стрелецкое оцепление, чтобы защитить своих соотечественников.

Василий Шуйский не призывал к убийству поляков, но и не особенно препятствовал делать оное москвичам. Ляхов спасали выборочно. Так, был спасен Юрий Мнишек и князь Адам

Вишневецкий. Защищать же все панство у Шуйского не было ни возможности, ни желания. Кроме того, Василий Иванович прекрасно знал, что король Сигизмунд не станет плакать из-за нескольких десятков шляхтичей и нескольких сотен солдат их частных армий. В Польше был рокош, и королевские войска воевали с теми же частными армиями.

По всей Москве горожане громили дома, где жили поляки. Позже поляки распустили слухи, что их было убито свыше двух тысяч человек. На самом деле было убито двадцать знатных шляхтичей, около четырехсот их слуг и оруженосцев, а также аббат Помаский. В ходе схваток с поляками было убито свыше трехсот русских.

Избиения поляков продолжались около семи часов и закончились за час до полудня.

После убийства самозванца в Москве наступило безвластие. Теперь на престол могли претендовать десятки князей Рюриковичей и Гедиминовичей. Формально главными претендентами были бояре Василий Шуйский, Федор Мстиславский и Василий Голицын. Последние двое были потомками литовского князя Гедимина. Дед Федора Ивановича

Мстиславского князь Федор Михайлович Мстиславский переселился в Москву из Литвы в 1526 г. и стал боярином Василия III.

Предки Василия Васильевича Голицына служили еще Дмитрию Донскому. Фамилию роду дал Михаил Иванович Булгаков-Голица, боярин Василия III. Любопытный момент – все три претендента на престол не имели мужского потомства или их дети умерли в младенчестве.

Романовы, естественно, тоже рвались к власти, но их положение было сложным.

Во-первых, героями восстания против самозванца были Василий Шуйский и Василий Голицын, а не Романовы. Иван Никитич Романов подъехал к Кремлю лишь через два часа после убийства Отрепьева и присоединился к победителям, а Филарет весь день 17 мая из дома носа не показывал и никого не принимал.

Во-вторых, Федор Никитич Романов был монахом Филаретом и по церковным и светским законам не мог занять престол. Конечно, можно было объявить акт пострижения насильственным и фиктивным, но народ бы этого не понял и вряд ли захотел менять расстригу Гришку на расстригу Филарета. Михаилу же Федоровичу, хоть он и числился стольником, было только 10 лет от роду.

Наиболее подходящим кандидатом на московский престол из всего клана Романовых был Иван Никитич, произведенный в 1605 г. в бояре Отрепьевым. Однако Иван Никитич не пользовался особой популярностью ни в среде знати, ни среди простых людей. Мало того, сам Филарет был против передачи престола брату Ивану. Так что в мае 1606 г. у клана Романовых шансов на престол было очень мало.

В России при возникновении проблем с наследованием престола после смерти Ивана Грозного или Федора Иоанновича созывался Земский собор, который и избирал царя. Но теперь Шуйские решили обойтись без собора. Предыдущие соборы собирались в присутствии патриарха и в спокойное время. Сейчас же в стране царил Смут. На юго-западе России ходили слухи, что Димитрий спасся, что где-то на Дону гулял казак Илейка, принявший имя царевича Петра, сына царя Федора Иоанновича. Патриарха русская церковь не имела, а точнее, имела сразу двух незаконно свергнутых патриархов – Иова и Игнатия. Последний через несколько часов после убийства Отрепьева был лишен сана и заточен в Чудов монастырь.

Был и субъективный момент – еще до созыва соборов Федор Иоаннович и Борис Годунов имели твердое большинство делегатов. А в мае 1606 г. Василий Шуйский был заметно сильнее других претендентов, но все вместе остальные претенденты могли составить подавляющее

большинство на соборе и еще неизвестно кого выбрать.

Посему сторонники Шуйского уговорили Василия Ивановича занять престол, так сказать, явочным порядком. Просто пойти и сесть на пустующий трон.

18 мая Голицын, Куракин, Мстиславский и другие конкуренты Шуйского решили собрать на следующий день рано утром народ на Красной площади и выбрать патриарха, а затем провести Земский собор под его руководством. Нетрудно предположить, что патриархом должен был стать Филарет.

В ночь с 18 на 19 мая на подворье у Шуйских собрались их сторонники. Из бояр были только трое Шуйских, а также М.В. Скопин-Шуйский. Присутствовали несколько окольничих, думных дворян и купцов, а также хорошо нам знакомый профессиональный заговорщик крутицкий митрополит Пафну-тий. Современники утверждают, что подлинным руководителем заговора был Михаил Татищев. Важную роль играл Паф-нутий. Видимо, мы никогда не узнаем, что заставило Пафну-тия порвать с Отрепьевым и Романовыми и перейти на сторону Шуйского.

Ночью были составлены два документа: крестоцеловальная запись князя Василия Шуйского и другая, «по которой записи целовали бояре и вся земля». Интересно, что в отличие от всех других претендентов на царский престол – Годунова, Отрепьева и Романова – составители записи посчитали излишним доказывать родство Василия Шуйского с родом Ивана Калиты. После ста лет холопства у московского трона Шуйские впервые вспомнили о своем происхождении. В крестоцеловальной грамоте гордо говорилось: «Божиею милостию мы, великий государь, царь и великий князь Василий Иванович всея Руси, щедротами и человеколюбием славимого Бога и за молением всего освященного собора, по челобитью и прошению всего православного христианства учинились на отчине прародителей наших, на Российском государстве царем и великим князем. Государство это даровал Бог прародителю нашему Рюрику, бывшему от римского кесаря, и потом, в продолжение многих лет, до самого прародителя нашего великого князя Александра Ярославича Невского, на сем Российском государстве были прародители мои, а потом удалились на суздальский удел, не отнятием или неволею, но по родству, как обыкли большие братья на больших местах садиться».

Позже некоторые историки будут утверждать, что в этой грамоте будущий царь ограничил самодержавие и усилил власть бояр. Казимир Валишевский даже пишет: «...весьма возможно, что на пороге XVII века в истории старой Московии был составлен конституционный договор». На

самом же деле в записи нет ни слова об ограничении самодержавия, да еще в пользу бояр. Наоборот, царь указывает, что он целовал крест на том, чтобы править, как правили его полновластные прародители, цари XVI века, и целовал он крест не боярам, а «всем людям».

В 6 часов утра 19 мая на Красной площади собралась огромная толпа. Бояре – конкуренты Шуйского – вышли на площадь и предложили избрать патриарха, который должен был стоять во главе временного правления и разослать грамоты для созыва советных людей из городов. Однако Шуйские успели подготовить свою команду. Сотни людей одновременно закричали, что царь нужнее патриарха, а царем должен быть князь Василий Иванович Шуйский, «не хотим никаких советов, где Москва, там и все государство. Шуйский – страдалец за православную веру» и т.д.

Толпа, ведомая сторонниками Шуйских, вошла в Кремль. Откуда-то появился и сам князь Василий. Шуйского ввели в Успенский собор, где митрополит Пафнутий нарек его на царство. После этого Шуйский выдал боярам индульгенцию, заявив: «Целую крест на том, что мне ни над кем не делать ничего дурного без собору, и если отец виновен, то над сыном ничего не делать, а если сын виновен, то отцу ничего дурного не делать, а которая была мне грубость при царе Борисе, то никому за нее мстить не буду».

Пафнутий отслужил молебен, и князь Василий Иванович стал считаться царем. Злые боярские языки говорили, что Василий Шуйский был не избран, а выкликнут царем.

Целуя крест в соборе, Василий Шуйский говорил правду. После его воцарения репрессий не последовало, если не считать ссылок нескольких наиболее рьяных сторонников самозванца. Так, князь Василий Михайлович Рубец-Мосальский был сослан воеводой в Корелу, Афанасий Власьев – в Уфу, Михаил Глебович Салтыков – в Иван-город, Богдан Бельский – в Казань. Других стольников и дворян также разослали по отдаленным городам, у некоторых отобрали поместья и вотчины. Надо ли говорить, что репрессии и назначения на воеводские должности – это «две большие разницы».

Став царем, Василий Шуйский в присутствии всей знати, включая Романовых и Черкасских, заявил, что царь Димитрий был чернецом Григорием, а в миру Юшкой Отрепьевым, служившим Романовым и Черкасским. Обратим внимание, ни тогда, ни потом Романовы даже не пытались опровергнуть это довольно неприятное для них утверждение.

По всем областям государства Российского была разослана грамота от имени бояр, окольничих, дворян и всяких людей московских с извещением

о гибели Лжедмитрия и возведении на престол Шуйского: «Мы узнали про то подлинно, что он прямой вор Гришка Отрепьев, да и мать царевича Дмитрия, царица инока Марфа, и брат ее Михайла Нагой с братьею всем людям Московского государства подлинно сказывали, что сын ее, царевич Дмитрий, умер подлинно и погребен в Угличе, а тот вор называется царевичем Дмитрием ложно; а как его поймали, то он и сам сказал, что он Гришка Отрепьев и на государстве учинился бесовскую помощь, и людей всех прельстил чернокнижеством; и тот Гришка, за свое злодейственное дело, принял от Бога возмездие, скончал свой живот злою смертью. И после того, прося у Бога милости, митрополиты, архиепископы, епископы и весь освященный собор, также и мы, бояре, окольные, дворяне, дети боярские и всякие люди Московского государства, избирали всем Московским государством, кому Бог изволит быть на Московском государстве государем; и всесильный, в троице славимый Бог наш на нас и на вас милость свою показал, объявил государя на Московское государство, великого государя царя и великого князя Василия Ивановича всея Руси самодержца, государя благочестивого, по Божией церкви и по православной христианской вере поборателя, от корени великих государей российских, от великого государя князя Александра Ярославича Невского; многое смертное изгнание за православную веру с братиею своею во многие лета он претерпел и больше всех от того вора, богоотступника и еретика смертью пострадал».

Вслед за этой грамотой Василий Шуйский разослал другую, уже от своего имени, в которой также объявлял о гибели Лжедмитрия, с подробным объяснением причин, а именно объявлял о бумагах, найденных в комнатах самозванца: «Взяты в хорах его грамоты многие ссыльные воровские с Польшею и Литвою о разорении Московского государства». Но Шуйский ничего не говорил о содержании этих воровских грамот, хотя вслед за этим упоминал о содержании писем римского папы. Затем Шуйский пишет о показании Бучинских, будто царь был намерен перебить всех бояр во время воинской потехи и потом, отдавши все главные места в управление полякам, ввести католицизм. Шуйский приводит также свидетельство о записях, действительно данных в Польше Мнишку и королю об уступке русских областей, и заключает: «Слыша и видя то, мы всесильному богу хвалу воздаем, что от такого злодейства избавил».

Шуйский заставил монахиню Марфу написать грамоту с объяснением своего поведения. Бедная вдовушка выкручивалась, как могла. По ее словам, «...он ^[35] ведовством и чернокнижеством назвал себя сыном царя Ивана Васильевича, омрачением бесовским прельстил в Польше и Литве

многих людей и нас самих и родственников наших устрасил смертию. Я боярам, дворянам и всем людям объявила об этом прежде тайно, а теперь всем явно, что он не наш сын, царевич Димитрий, вор, богоотступник, еретик. А как он своим ведовством и чернокнижеством приехал из Путивля в Москву, то, ведая свое воровство, по нас не посылал долгое время, а прислал к нам своих советников и велел им беречь накрепко, чтобы к нам никто не приходил и с нами об нем никто не разговаривал. А как велел нас к Москве привезти, и он на встрече был у нас один, а бояр и других никаких людей с собой пускать к нам не велел и говорил нам с великим запретом, чтобы мне его не обличать, претя нам и всему нашему роду смертным убийством, чтобы нам тем на себя и на весь род свой злой смерти не навести, и посадил меня в монастырь, и приставил ко мне также своих советников, и остерегать того велел накрепко, чтоб его воровство было не явно, а я для его угрозы объявить в народе его воровство явно не смела».

Как видим, и Шуйский, и Марфа ввали не меньше Отрепьева, при этом даже не пытаясь придать собственной лжи какой-то правдоподобный вид. Каждая такая грамота порождала больше вопросов, чем ответов. Естественно, что им верили лишь те, кому было выгодно верить Шуйскому.

Для разоблачения самозванца из Галича Шуйский велел привезти мать и младшего брата Юрия Отрепьева. Их вывели на Лобное место, где они рассказали, что именно их Юшка называл себя царем Димитрием. Однако с момента появления самозванца они его ни разу не видели, и все их свидетельства были малоубедительны для народа.

Новому царю срочно потребовался и новый патриарх. Вполне логично было вернуть в патриархи Иова, находившегося в Старице. Но против кандидатуры Иова решительно выступили Шуйские, которые имели с ним давние счеты. Первоначально Шуйские хотели пропихнуть в патриархи Пафнутия, но это была столь одиозная личность, что против него ополчилось большинство бояр и высшее духовенство. Недовольные Шуйским бояре и иерархи церкви решили возвести в сан патриарха митрополита Филарета. Почему-то никого не смущало, что всего лишь год назад он был простым монахом и в делах религии себя вообще никак не проявил. В вопросе с патриархом царю Василию пришлось уступить. Филарет был объявлен патриархом, об этом даже сообщили польским послам.

Но тут хитроумный Василий Иванович разыграл блестящую комбинацию. Он предложил канонизировать царевича Димитрия. «За что можно канонизировать больного и озлобленного ребенка?» – спросит

читатель. А за что канонизировали первых русских святых – князей Бориса и Глеба? Те тоже ничего ни плохого, ни хорошего в своей жизни не успели сделать. Но видимо, кому-то помешали, и их тоже зарезали при таинственных обстоятельствах. По одной версии, это сделал их брат Святополк, а по другой – опять же их братец Ярослав. А потом внуку Ярослава потребовались святые, чтобы сделать одного деда Мудрым, а другого – Окаянным.

Предложив канонизировать Дмитрия и перенести его останки из Углича в Москву, царь Василий одним выстрелом убивал трех зайцев. Во-первых, согласно христианским верованиям, самоубийцу, даже невольного, нельзя сделать святым, поэтому всем придется признать, что Дмитрий был зарезан, и этим скомпрометировать Годунова. Во-вторых, торжественное перезахоронение останков царевича, по мнению Шуйского, должно было покончить со слухами, что Дмитрий жив. В-третьих, такое важное мероприятие было поручено патриарху Филарету. Филарет должен был привезти прах царевича в Москву. Затем у гроба произойдут великие чудеса, и церковь объявит Дмитрия святым. И вот тогда произойдет официальное возведение Филарета в патриархи и венчание на царство Шуйского.

Итак, царь Василий решил на время убрать Филарета из Москвы. Как ни странно, это совпадало и с желанием самого Филарета, поскольку тот хотел иметь алиби. Шуйский и Романов стояли друг друга. Шуйский хотел возвести на патриарший престол архиепископа Гермогена, за которым в Казань был послан гонец еще 19 мая. Филарет же со своей стороны вкупе с Ф.И. Мстиславским готовил государственный переворот в Москве, имевший целью свержение царя Василия.

В заговоре против Шуйского участвовали многие представители знати. Естественно, что никаких протоколов заседаний они не вели, и конечная цель переворота – возведение на престол своего царя – вызывает у современных историков споры. По одной версии, на престол должен был взойти кто-то из клана Романовых, по другой – Ф.И. Мстиславский, а третья версия была компромиссной – на престол должен был вернуться шутовской царь Симеон Бекбулатович, жена которого была родной сестрой Ф.И. Мстиславского.

Итак, Филарет отправился в Углич. Его сопровождали астраханский архиепископ Феодосий, бояре Иван Воротынский и Петр Шереметев, брат инокини Марфы Григорий и племянник Андрей Нагие. А в воскресенье, 25 мая, в Москве начался бунт. По официальной версии, царь шел к обедне и внезапно увидел большую толпу, идущую ко дворцу. Толпа была настроена

агрессивно, слышались оскорбительные выкрики по адресу Шуйского. Как писал очевидец Жак Маржерет, если бы Шуйский продолжал идти к храму, то его ждала бы та же участь, что и Димитрия. Но царь Василий быстро ретировался во дворец. Там он с плачем обратился к окружившим его боярам, что нет нужды затевать бунт, что если хотят от него избавиться, то, избрав его царем, могут и низложить его, если он им неугоден, и что он оставит престол без сопротивления. Потом, отдав боярам царский посох и шапку Мономаха, Шуйский продолжал: «Если так, выбирайте, кого хотите». Бояре растерялись, и никто не решился дотронуться до царских регалий. Растерянность можно объяснить и тем, что среди присутствующих бояр не было главного заговорщика, который в тот момент занимался гробокопательством в Угличе.

Так или иначе, но бояре безмолвствовали. Тогда царь Василий поднял посох, надел шапку и приказал наказать виновных. Возражать ему никто не посмел. Стрельцы разогнали толпу, схватив пятерых крикунов. Их объявили зачинщиками и подвергли на площади торговой казни – нещадно выдрали кнутом. Учинить расправу над самими заговорщиками царю помешала Боярская дума, и Шуйскому пришлось ограничиться полумерами. Было официально объявлено, что князь Ф.И. Мстиславский ни в чем не виноват, а виноваты его родные, которые хотели воспользоваться его именем. Одним из главных виновников был назван боярин Петр Никитич Шереметев, хотя он в день бунта находился в Угличе вместе с Филаретом. Шереметеву было запрещено возвращаться в Москву, его послали в Псков воеводой. М.Ф. Нагой был лишен звания конюшего, но оставлен в Москве. Племянник Филарета (по сестре Марфе) князь Иван Черкасский был лишен звания кравчего. Досталось даже бедняге Симеону Бекбулатовичу. В Кириллов монастырь, где содержался Симеон (монах Стефан), приехал царский пристав Федор Супонев с грамотой царя Василия от 29 мая, в которой приказывалось игумену выдать «старца Стефана» приставу, который должен был отвезти старца «где ему велено». Супонев увез бедолагу татарина в Соловецкий монастырь.

Попытка переворота заставила Шуйского поспешить с венчанием на царство. 1 июня 1606 г. Василий Шуйский венчался на царство в Архангельском соборе. С.М. Соловьев так характеризует Шуйского: «Новый царь был маленький старик лет за 50 с лишком, очень некрасивый, с подслеповатыми глазами, начитанный, очень умный и очень скупой, любил только тех, которые шептали ему в уши доносы, и сильно верил чародейству»*.

За неимением патриарха (Филарет был в Угличе, а Гермоген еще не

приехал из Казани) в соборе священнодействовали новгородский митрополит Исидор и крутицкий митрополит Пафнутий. Исидор надел на царя крест святого Петра, возложил на него бармы и царский венец, вручил скипетр и державу. При выходе из собора царя Василия по традиции осыпали золотыми монетами.

А между тем патриарх Филарет обрел мощи царевича Димитрия. При вскрытии могилы Димитрия по собору распространилось «необычайное благовоние». Мощи царевича оказались нетленными – в гробу лежал свежий труп ребенка.

Как отписал царю в Москву Филарет, «глава и власы его ^[36] целы и черное ожерельецо, низанное жемчугом, в левой руке платочек тафтяной, шитый золотом и серебром, в котором завязаны были орешки, данные матерью для игранья; но когда заклали его, платочек сей обогрен был кровью; и самые орешки потому были скрыты под землю с телом его. Срачица на нем белого шелка обогрена кровию его; вверху швейная серебром и златом одежда царская, порфира златотканная, опоясан поясом златым, сапоги красного цвета, чулки шелковые прехитро тканые; все сие цело и невредимо обретоша».

Итак, все «следственное дело» комиссии Шуйского рушится как карточный домик. Одновременно царевич не только не зарезался, но даже и не играл в тычку, и ножа у него вообще не было. Гулял, ел орешки, в правой руке был узелок с орешками, в левой – горсть орехов, а ножа, мол, вообще не было. Так, мол, и похоронили с орехами в левой руке и с платочком в правой.

Заметим, что эта чушь повторялась до самого 1917 г. Так, в 1912 г. некий Д. Лавров (возможно, это псевдоним) писал: «Сохранилось одно литературное произведение, при чтении которого становится неопровержимо ясным, что автор его есть лицо духовное и что оно было участником перенесения мощей. Этот очевидец, в показании которого мы не имеем права заподозрить какую-либо подделку, рассказывает, что когда был вынут гроб и открыт, то оказалось, что в правой руке у царевича – шитый золотом платочек, а в другой руке – зажатые орешки. Вложил их кто-нибудь ему в руку в момент смерти? Но кому могли прийти в голову в момент смятения какие-либо соображения в подделке факта? Царевич был погребен просто, без всяких церемоний, в том, в чем он был и как он был в момент смерти»*.

И Филарет, и Лавров рассчитывали на легковверного и малокомпетентного читателя. Ведь Димитрия не просто бросили в гроб не глядя. Неужто комиссия Шуйского не провела осмотра тела и не заметила

орехов?

Шоу в Преображенском соборе убедило далеко не всех. Пошли слухи, что Филарет купил у стрельца сына, которого зарезали, а затем положили в гроб вместо останков царевича. Причем стрельцова сына звали Романом.

3 июля вблизи села Тайнинского состоялась встреча процессии с царем Василием и боярами, которые шли пешком, чтобы встретить за городом мощи настоящего сына Ивана Грозного. За царем и боярами следовали духовенство и толпы горожан. Затем произошла сцена, достойная кисти самого вели* Лавров Д. Святой царевич Димитрий. С. 62. ** Там же. С. 156.

Торжественная процессия с нетленными мощами Димитрия медленно двинулась к Москве. Как писал Д. Лавров: «Несли раку люди знатные, воины, граждане и земледельцы. В городах в Ростове и Переяславле мощи царевича встречали и провожали торжественными крестными ходами, так что в действительности это шествие было одним продолжительнейшим и торжественнейшим крестным ходом, какой когда-либо бывал на Руси»**.

кого художника. Гроб был открыт, и инокиня Марфа увидела... свежий труп. Бывшая царица должна была опознать своего сына, как она год назад «опознала» живого Димитрия на том же самом месте. Марфа, выдавшая виды, тут от ужаса не сумела произнести ни слова. Теперь ей придется плакать над гробом чужого ребенка, а прах ее единственного сына выброшен и уничтожен.

Спасая положение, царь сам подошел к гробу, содрав царскую червленую багряницу, опознал царевича, поцеловал мощи и повелел гроб закрыть. Процессия торжественно проследовала к Москве. Гроб с телом «царевича» несколько часов стоял на Лобном месте на Красной площади, а затем был перенесен в Архангельский собор. Причем царь Василий лично поддерживал носилки с гробом.

За это время инокиня Марфа пришла в себя, а кроме того, ей намекнули на серьезные неприятности, если она будет упрямиться. Поэтому в Архангельском соборе она нашла силы громогласно объявить, что в гробу находится ее сын. Марфа красочно покаялась, что признала сыном вместо страстотерпца Гришку-расстригу, она-де боялась, чтоб Гришка «не нанес ссыльного гонения и нестерпимой нужды злыми обидами».

Гроб был помещен в склеп рядом с могилой Грозного. Через несколько часов монахи подвели к гробу Димитрия слепого. Слепой помолился у гроба и вдруг прозрел. Всего в день захоронения в Архангельском соборе у гроба излечилось 13 человек. Смертельно больные люди вскакивали с

носилок, хромые бросали костыли, горбатые выпрямлялись и т.д. На следующий день исцелилось 12 человек и т.д. При каждом новом «чуде» звонили все московские колокола. Толпы народа осаждали двери Архангельского собора. По приказу царя составили грамоту с описанием чудес Дмитрия Угличского и разослали ее по городам. Однако противники Шуйского постарались испортить красивый спектакль. В собор был доставлен настоящий больной при последнем издыхании, он дотронулся до гроба и умер. После инцидента доступ к мощам был прекращен. Московские колокола смолкли.

Тем не менее царь Василий разослал по всем городам грамоту, в которой пространно изложил обстоятельства перенесения мощей царевича Дмитрия, а также засвидетельствовал его мученическую смерть по вине Бориса Годунова: «В прошлом 99 (1591) году за грехи всего православного христианства великаго государя царевича Дмитрия Ивановича не стало после убийства Годунова, которой что невинный агнец убит и святая праведная его душа, а погребен есть на Угличе и многих исцелил больных разными болезнями». Описав затем, в каком виде сохранились мощи, Шуйский говорит по поводу орехов, найденных в гробе царевича: «...сказывают, что коли он играл, тешился орехами и ел, и в ту пору его убили и орехи кровью полились и того для тые орехи ему в горсти положили и тые орехи целы».

Мощи святого Дмитрия были потревожены еще раз в 1812 г. Во время пребывания французов в Кремле поп московского Вознесенского девичьего монастыря Иоанн Вениаминов забрел однажды в Архангельский собор. Там он увидел «святые иконы ободранными, облачения разбросанными по полу и множество соломы, хлеба и бочки с вином. Обозревая далее собор, он заметил мощи царевича Дмитрия выброшенными из раки и лежащими на соломе. Поп решил сохранить святыню от поругания и, когда французы заснули после обеда, вынес мощи под одеждою из собора. Далее он отправился в Вознесенский монастырь и спрятал мощи внутри алтаря соборной церкви на хорах 2-го яруса...

По рассказу И.М. Снегирева, слышанному им от диакона Вознесенского монастыря, мощи царевича Дмитрия находились за иконостасом соборной церкви помянутого монастыря довольно долгое время, ибо священник, скрывавший их, сообщил о них своему брату (который довел до сведения начальства) только перед своею смертью».

В конце концов мощи после изгнания французов нашли и установили на прежнем месте в новой раке. А может, и не нашли, и произошла очередная подмена, но это ни тогда, ни сейчас никого не интересует.

Но мы забыли о Филарете, и это неудивительно – о нем забыли все. «Мавр сделал свое дело» – привез мощи, «мавр должен уйти». При встрече в Тайнинском Филарет остолбенел не менее Марфы. Та увидела чужой труп, а он... патриарха. Да-да, вместе с царем шел и патриарх Гермоген! Правда, он еще не был возведен в сан собором и формально являлся кандидатом в патриархи. Но это были пустые формальности, и в ряде документов при захоронении мощей Димитрия Гермоген фигурирует как патриарх.

Происхождение Гермогена неизвестно. В 1611 г. поляки, затевавшие суд над Гермогеном, получили письменное свидетельство одного московского священника о «житии» Гермоге-на. Священник показал, что в начале жизни Гермоген пребывал «в казаках донских, а после – попом в Казани». По другим данным, Гермоген происходил из рода Шуйских. Так или иначе, поп Гермоген в 1579 г. служил в казанской церкви Святого Николая в Гостином дворе. Он заслужил упоминание в летописи в связи с обретением иконы Казанской Богородицы. В 1588 г. Гермоген стал игуменом казанского Спасо-Преображен-ского монастыря. 13 мая 1589 г. Гермоген был возведен в сан епископа и поставлен митрополитом казанским и астраханским – первым в новоучрежденной митрополии.

Гермоген отличился при обращении в православие инородцев – татар, мордвы, мари, чувашей и других народов. По настоянию Гермогена в Синодник, читаемый в неделю православия, были внесены «православные благочестивые воеводы и воины, пострадавшие за Христа под Казанью и в пределах казанских в разные времена», а также мученики, убитые татарами за веру, – Иван Новый, Стефан и Петр.

На такого патриарха, твердого в вере и большого патриота земли русской, царь Василий вполне мог положиться, а Филарету предложил малой скоростью ехать в свою ростовскую митрополию – он ведь по-прежнему митрополит ростовский.

Итак, ценой больших усилий царю Василию удалось укрепить свою власть в столице. Совсем иначе дела складывались в провинции. Жители юго-западных городов – Путивля, Чернигова, Кром и других – наотрез отказались присягать новому царю. Там правили воеводы – сторонники Лжедмитрия.

По всей стране распространялись слухи, что Димитрий не был убит в Москве, а скрылся и вот-вот объявится. В какой-то мере распространению таких слухов способствовали действия царя Василия.

Так, глупости и противоречия царской грамоты, разосланной по всей стране с объяснением причин переворота 17 мая 1605 г. и мотивировками

воцарения Шуйского вызывали серьезные подозрения как у воевод, так и у простых горожан.

В день переворота трупы Отрепьева и Басманова сторонники Шуйского отволокли на Лобное место, раздели донага, да еще на Отрепьева надели страшную маску, в которой тот собирался быть на маскараде. Никто не подумал, что народ, привыкший видеть царя в роскошных одеяниях, не будет ассоциировать его с изуродованным трупом, да еще с закрытым маской лицом. Сразу же начались разговоры, что убитый совсем не похож на царя Дмитрия. Через три дня Басманова похоронили в церкви Николы Мокрого, а Отрепьева – в убогом доме за Серпуховскими воротами. Но по Москве поползли разные слухи: говорили, что сильные холода стоят благодаря волшебству расстриги, что над его могилой творятся чудеса. Тогда труп самозванца вырыли, сожгли в деревне Котлы и, смешав пепел с порохом, выстрелили им из пушки в ту сторону, откуда он пришел.

Глава 15 Новые самозванцы

Вначале 1606 г., еще в царствование Дмитрия, на Тереке появился новый самозванец – царевич Петр. На самом деле это был бродяга Илья, сын муромской проститутки Ульяны, которая ушла от мужа и прижила Илью от посадского человека Ивана Коровина. Подросший Илья поначалу торговал яблоками у нижегородского купца Грозильникова. Позже это занятие Илье надоело, и он подался в Казань на Волгу, а затем на Терек. На Тереке Илейке-Петру удалось собрать большой отряд гулящих казаков. Самозванец рассказал им фантастическую историю, будто Ирина Годунова, жена царя Федора Иоан-новича, была беременна, но очень боялась своего брата, Бориса Годунова, который уже метил на царство. И вот, родив в 1592 г. сына, она подменила его девочкой, чтобы коварный Борис не извел младенца. Сына же она отдала на воспитание дьяку Андрею Щелкалову и князю Мстиславскому. Царевич рос у жены Щелкалова полтора года, затем его отдали Григорию Васильевичу Годунову, тоже посвященному в тайну. У него царевич прожил два года, а потом его перевезли в монастырь под Владимиром, где игумен научил его грамоте. Когда царевич освоил грамоту, игумен написал о его успехах Григорию Васильевичу Годунову, считая его отцом мальчика. Но Григорий Годунов к тому времени уже умер, а его родные отписали, что «у родича нашего не было сына, не знаем, откуда взялся этот мальчик». Заинтригованные родные обратились за разъяснениями к Борису Годунову, и Борис написал игумену, чтобы тот прислал мальчика к нему. Царевича повезли в Москву, но по дороге он, почувствовав недоброе, сбежал, какое-то время жил у князя Барятинского, а затем ушел к казакам, где и объявил о себе.

О появлении самозванца донесли царю Дмитрию. Реакция его была совершенно необъяснима. В конце апреля 1606 г. царь послал к казакам дворянина Третьяка Юрлова с грамотой, где говорилось, что если называющий себя Петром и в самом деле царевич, то царь ждет его у себя в Москве, а если «он чувствует за собой, что он не царевич», то пусть лучше быстрее убирается из Московского государства. К грамоте прилагалась подорожная, где предписывалось выдавать «царевичу Петру» корм на всем пути до Москвы.

«Царевич Петр» встретил Юрлова с грамотой в Самаре и двинулся дальше, говоря всем, что он едет в Москву к своему дяде-царю. В Свияжске «царевич Петр» узнал о смерти Дмитрия и воцарении Василия Шуйского.

Теперь Петра в Москве однозначно ждала плаха, а то и кол. Поэтому «царевич» со своей ватагой повернул обратно. Обманом казаки проскочили Казань и отправились вниз по Волге-матушке, грабя встреченные суда и прибрежные городки.

17 мая 1606 г., когда заговорщики были заняты истреблением самозванца и поляков, один из убийц Федора Годунова, Михаил Молчанов, успел выбраться из дворца и покинуть Москву. В сопровождении двоих поляков Молчанов двинулся к литовской границе, распуская по дороге слухи, что он царь Димитрий, что он спасся, а вместо него заговорщики по ошибке убили другого человека.

Василий Шуйский сделал огромную глупость, распахав сподвижников Гришки Отрепьева воеводами по дальним городам. Того же князя Григория Петровича Шаховского он поставил воеводой в Путивле – щуку бросили в реку. Новый воевода немедленно объявил жителям Путивля, что царь Димитрий жив и находится в Польше. Шаховский во время переворота выкрал в Кремле государственную печать и, используя ее, рассылал грамоты по городам, поднимая народ за «царя Димитрия». И на эту роль Шаховскому сгодился бы любой другой самозванец. Он начал переписку с польскими панами, которые также искали кандидата на роль царя Димитрия.

Тут всплывает довольно любопытный персонаж – Иван Исаевич Болотников, служивший когда-то боевым холопом у князя А.А. Телятевского. В Польше в городе Самборе Болотников встречается с Михаилом Молчановым. Последний убедил Болотникова, что Лжедмитрий I жив, и отправил с письмом от «царя Димитрия» в Путивль к Шаховскому.

Шаховский в Путивле с нетерпением ждал «царя Димитрия», готовый принять любого самозванца. Но вместо него приехал «царский гетман» Иван Болотников. Шаховский объявил его главным воеводой еще не существующего самозванца. У Болотникова в Путивле собралось до десяти тысяч войска из служилых и посадских людей, крестьян и казаков, и даже небольшой отряд поляков под командой ротмистра Павла Хмелевского.

Вскоре в Путивль прибывает и «царевич Петр» с войском. «Царевич» становится союзником Болотникова, но каждый командует своим войском самостоятельно.

С осени 1606 г. по 10 октября 1607 г. царь Василий, то есть Русское государство, ведет кровопролитную войну с «гетманом Болотниковым». Любопытно, что в течение почти восьмидесяти лет советские историки изымали все, что связано с Болотниковым, из раздела, где говорится о Смутном времени и Лжедмитрии II, и переносили в раздел «Крестьянская

война под руководством И.И. Болотникова». На самом деле Болотников был таким же «воровским» воеводой, как и «царевич Петр», атаман Иван Заруцкий и другие им подобные. Его методы ведения войны и поведение во взятых городах мало отличались от действий других воевод Лжедмитрия II.

Подробный рассказ о восстании Болотникова выходит за рамки нашего повествования, и тут я ограничусь лишь участием в войне с ним наших главных героев.

В декабре 1606 г. царь Василий послал под Калугу большое войско. В Большом полку воеводами были бояре князь Иван Иванович Шуйский и Иван Никитич Романов. Оба воеводы были крайне бездарны. По свидетельству Исаака Массы, в царских войсках «только и делали, что стреляли без нужды, распутничали, пили и гуляли»*.

Тем не менее царским войскам удалось 21 февраля 1607 г. разбить на реке Вырке отряды болотниковцев, которыми командовал князь Василий Мосальский.

По версии разрядной книги: «А вот Петрушка из Путимля со многими людьми пришел на Тулу, а с ним князь Ондрей Телятевский да воры князь Григорей Шаховской с товарищи, и послал на проход в Колугу многих людей. И бояре противу их послали на три полки»**. Сам князь Мосальский был взят в плен и привезен в Москву, где и умер от ран.

Активное участие в подавлении восстания Болотникова принял и другой наш герой – крутицкий митрополит Пафнутий. Он фактически играл роль замполита при царском войске. Пафнутий ездил по городам, рассылал грамоты с обличением воров и т.п.

10 октября 1607 г. Болотников и «царевич Петр» сдались в Туле царским войскам. Болотникова отправили в ссылку в Каргополь, где он умер, а по другим данным – был утоплен. А вот «вора Петрушку» закованным в цепи доставили в Москву. На допросе, вися на дыбе, «царевич» подробно рассказал свою биографию, после чего его публично повесили у Серпуховской заставы, близ Данилова монастыря.

Но ряд областей Русского государства все же остался верен царю. Так, в Твери архиепископ Феофил собрал духовенство* Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937.

Болотников и «царевич Петр» были не единственными противниками царя Василия. В Астрахани восстание против Шуйского поднял сам главный воевода астраханский князь Иван Дмитриевич Хворостин. Здесь на защиту царя выступили простые люди во главе с дьяком Афанасием Карповым. Но люди воеводы побили их, а дьяка со товарищи сбросили с раската (с крепостной башни). Позже, правда, Хворостин принес повинную

царю, и тот простил его. В 1608 г. мы видим князя в Москве, плетущего интриги в пользу Тушинского вора.

ство, приказных людей, детей боярских, торговых и посадских людей и укрепил их в верности к Шуйскому. И когда в Тверском уезде появился отряд сторонников Лжедмитрия I, тверчане наголову разбили его. Кроме того, отряд тверских ратников был отправлен в Москву в помощь царю Василию.

Жители Смоленска и окрестностей за десятки лет на своей шкуре испытали «гуманизм» польских и литовских панов. Там и мыслить не хотели ни о каких самозванцах. В Смоленске из местных дворян и ратных людей было собрано большое войско. Воеводой выбрали дворянина Григория Полтева. Заметим, Полтева не назначил царь или местный воевода, а выбрали, поскольку сбор войска прошел добровольно и в инициативном порядке. Смоляне двинулись к Москве, по пути очистив от «воров» (шаек крестьян и казаков) районы Дорогобужа и Вязьмы. Дорогобужские, вяземские и серпейские служилые люди соединились со смолянами и к 15 ноября 1606 г. подошли к Можайску. Туда же пришел воевода Колычев, успевший очистить от «воров» Волоколамск.

В конце 1606 г. Василий Шуйский предпринял новую серию пропагандистских акций. Он решил частично реабилитировать династию Годуновых. Шуйский приказал вынуть гробы Годуновых из ямы у стены Варсонофьева монастыря и перезахоронить их в Троице-Сергиевом монастыре. Дочь Бориса Годунова Ксения (инокиня Ольга) шла за гробами своих родных и громко рыдала.

А в начале 1607 г. царь Василий надумал привезти из Старицы бывшего патриарха Иова, чтобы он простил всех православных христиан в их клятвопреступлениях. 14 февраля митрополит Пафнутий доставил Иова в Москву. Два патриарха, Гермоген и Иов, разродились грамотой, по которой выходило, что во всех бедах государства Российского виноват сатана, и не важно, кто кому и сколько раз крест целовал, и дали всем желающим отпущение грехов.

Пока Шуйский воевал с Болотниковым, «ворам» удалось-таки найти самозванца. В конце мая 1607 г. в городе Стародубе объявился «царь Димитрий», которого историки позже назовут Лжедмитрием II или Тушинским вором. В Стародуб к самозванцу стали стекаться русские ратные люди, крестьяне и посадские. Но в отличие от войска Болотникова ударную силу войска Лжедмитрия II составляли поляки. В Стародубе впервые всплывает казачий атаман Иван Заруцкий, бывший до этого в войске Болотникова, но не игравший там особой роли.

В сентябре 1607 г. Лжедмитрий II двинулся в поход. В Брянске его встретили колокольным звоном, а все население вышло навстречу. Зато Козельск пришлось брать штурмом.

А царь Василий тем временем... готовился к свадьбе. 17 января 1608 г. царь торжественно отпраздновал свою свадьбу с семнадцатилетней Марией, дочерью князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовского.

Простых поляков и слуг, захваченных в Москве 17 мая, Шуйский приказал отправить на родину. По пути у них отобрали лошадей, оружие и все деньги. Знатных же поляков, приехавших на свадьбу Лжедмитрия I, и польских послов решено было оставить в качестве заложников.

Как уже говорилось, десяткам тысяч дворян, холопов, посадских людей и казаков, стремившихся как минимум пограбить, а в перспективе – скакнуть на высшую ступеньку сословной лестницы, требовался хоть какой-нибудь царь Димитрий. В таких условиях самозванец не мог не появиться. Первые сведения о Лжедмитрии II относятся к маю 1607 г. В отличие от «царевича Петра» Лжедмитрий II не попал на дыбу, и историки до сих пор спорят о его происхождении. Одни считают его поповичем, другие утверждают, что он был шкловским евреем.

Новый самозванец мало походил на Отрепьева: «...волосы имел кудрявые, черные, глаза большие, брови густые, навислые, нос покляпый, бородавку среди щеки, ус и бороду стриженую».

Поначалу самозванец выдавал себя за боярина Нагого – дядю царя. Но в Стародубе он был схвачен жителями, которые потребовали немедленно сказать, где находится царь Димитрий. Товарищ «боярина», именовавший себя московским подьячим Александром Рукиным, испугался пытки и заявил, что «Нагой» и есть подлинный царь Димитрий Иванович. Тот сначала отпирался, говорил, что не знает ничего о Димитрии, но когда стародубцы пригрозили ему пыткой, «Нагой» схватил палку и закричал: «Ах вы, блядские дети, еще вы меня не знаете: я государь!» Тогда стародубцы упали ему в ноги и закричали: «Виноваты, государь, перед тобою!»

Стародубцы собрали деньги «государю» и начали рассылать по городам грамоты, чтобы выслали к ним ратных людей. В грамотах риторика о происхождении государя перемешивалась с откровенными призывами к грабежу: «Чтобы вы прислужились государям нашим прирожденным Димитрию и Петру, прислали бы служилых всяких людей на государевых изменников, а там будет добра много. Если государь царь и государь царевич будут на прародительском престоле на Москве, то вас всех служилых людей пожалуют своим великим жалованьем, чего у вас на

разуме нет». Итак, вперед, на Москву, «а там будет добра много».

Во главе своих войск Лжедмитрий II поставил гетмана Меховецкого. В августе 1607 г. к самозванцу перешел из Литвы отряд мозырского хорунжего Будзило.

В сентябре 1607 г. Лжедмитрий II двинулся в поход. В Брянске его встретили колокольным звоном, а все население вышло навстречу. Трехтысячное войско самозванца с боем захватило Козельск. В Козельске поляки взяли большую добычу и решили отправиться домой. Лжедмитрий II испугался мятежа и бежал в Орел. Однако большая часть войска сумела убедить поляков, что уходить рано и впереди «будет добра много». Послали за Лжедмитрием, которого насилу уговорили вернуться к собственному воинству.

Узнав о первых успехах самозванца, к нему за поживой потянулись сотни польских панов, от самых именитых до голозадых «рыцарей». 2 октября подошла тысяча человек пана Валавского, который был послан Романом Рожинским. Затем подошли отряды пана Тышкевича, пана Лисовского, князя Адама Вишневецкого и другие. Заметим, что, к примеру, пан Лисовский был отпетый бандит, приговоренный королевским судом к смертной казни.

По совету Лисовского Лжедмитрий II пошел осаждать Брянск. На помощь к городу поспешили царские воеводы князя Куракин и Литвин-Мосальский. Войско Мосальского подошло к Десне 15 декабря. Но река еще не стала, лед шел по ней большими глыбами. Жители Брянска, увидев, что войско встало за рекой, кричали им: «Помогите! Погибаем!» Ратники, видя это, говорили: «Лучше нам всем помереть, нежели видеть свою братию в конечной гибели. Если помрем за православную веру, то получим у Христа венцы мученические», и, попрощавшись друг с другом, бросились в ледяную воду и поплыли на другой берег. Ни лед, ни стрельба с другого берега не остановили ратников, и они благополучно добрались до другого берега. Ни один человек, ни одна лошадь не погибли.

Вслед за Мосальским подошел и отряд Куракина. Куракин ввел в Брянск обоз с продовольствием, а сам отошел к городу Карачеву. Самозванцу пришлось отойти от Брянска и уйти зимовать в Орел.

Тем временем в Польше князь Рожинский закончил сбор искателей поживы. Их набралось до четырех тысяч. Поляки перешли русскую границу и заняли город Кромы, откуда Рожинский направил послов в Орел к Лжедмитрию II, чтобы сообщить ему о своем приходе, предложить условия службы и потребовать денег. Однако у командующего войсками самозванца пана Меховецкого были какие-то свои счета с Рожинским, и

он потребовал от Лжедмитрия отказаться от его услуг. Посему самозванец ответил послам: «Я рад был, когда услышал, что Рожинский идет ко мне. Но дали мне знать, что он хочет изменить мне. Так пусть лучше воротится. Посадил меня прежде Бог на столице моей без Рожинского, и теперь посадит. Вы уже требуете денег, но у меня здесь много поляков не хуже вас, а я еще ничего им не дал. Сбежал я из Москвы от милой жены моей, от милых приятелей моих, ничего не захвативши. Когда у вас было коло под Новгородом, то вы допытывались, настоящий ли я царь Димитрий или нет?» Послы отвечали на это: «Видим теперь, что ты не настоящий царь Димитрий, потому что тот умел людей рыцарских уважать и принимать, а ты не умеешь. Расскажем братья нашей, которые нас послали, о твоей неблагодарности, будут знать, что делать». С этими словами послы вышли, а Лжедмитрий II послал потом звать их обедать и просить, чтобы не сердились на него.

Послы вернулись в Кромь и рассказали о приеме, оказанном им. Тем не менее в апреле 1608 г. Рожинский с войском прибыл в Орел. Новоприбывшие паны устроили переворот. Они созвали коло, на котором постановили лишить Меховец-кого гетманства и изгнать его из войска. Гетманом же выкрикнули Рожинского и послали посольство к царю с требованием выдать тех, кто донес ему об измене Рожинского. Лжедмитрий II отказался передать это через послов, но обещал сам приехать в коло, и действительно приехал на богато убранном коне, в золотом платье, в окружении бояр и пехоты.

Въехав в коло и услышав шум, Лжедмитрий прикрикнул с неприличной бранью, чтобы все успокоились. Когда стало тихо, один из войска от имени коло повторил царю просьбу назвать возводивших поклеп на Рожинского. Самозванец велел отвечать за себя одному из окружавших его русских, но тот отвечал не так, и тогда Лжедмитрий сказал: «Молчи, ты не умеешь по их говорить, я сам буду, – и начал: – Вы посылали ко мне, чтобы я выдал вам верных слуг моих, которые меня предостерегают от беды. Никогда этого не повелось, чтобы государи московские верных слуг своих выдавали, и я этого не сделаю, не только для вас, но если бы даже и сам Бог сошел с неба и велел мне это сделать». Ему отвечали: «Чего ты хочешь? Оставаться только с теми, которые тебе по углам языком прислуживают, или с войском, которое пришло здоровьем и саблей служить?» «Как себе хотите, хоть ступайте прочь», – отвечал самозванец. Тут поднялся страшный шум и гвалт. Одни кричали: «Убить негодяя, рассечь!», другие: «Схватить его, негодяя, привел нас, а теперь вот чем кормишь?»

Самозванец нисколько не смутился, а развернулся и спокойно поехал в город к своему двору, но поляки Рожинского приставили к нему стражу, чтобы не убежал. Тогда Лжедмитрий испугался и, будучи малопьющим, выпил с горя столько горилки, чтобы наверняка умереть, но проспался и остался жив. А в это время, весь день и всю ночь, придворные самозванца – «канцлер» Валавский, «маршалок» Харлинский и «конюший» князь Адам Вишневецкий – бегали между самозванцем и войском Рожинского, хлопоча о примирении. Наконец примирение состоялось, но Лжедмитрию пришлось опять приехать в коло и извиниться перед поляками.

Отряд донских казаков привел к Лжедмитрию II вместо казненного в Москве «царевича Петра» другого племянника, тоже «сына» царя Федора. «Дядя» велел убить его. Однако казакам понравились самозванцы: в Астрахани объявился царевич Август, потом князь Иван, называвший себя сыном Ивана Грозного от Колтовской, там же явился и третий царевич Лаврентий, объявивший себя внуком Ивана Грозного от царевича Ивана. В степях объявились: царевич Федор, царевич Клементий, царевич Савелий, царевич Семен, царевич Василий, царевич Ерошка, царевич Гаврилка, царевич Мартынка – и все сыновья царя Федора!

В апреле 1608 г. армия самозванца под командованием гетмана Рожинского двинулась к городу Болхову. Царь Василий послал навстречу «вору» своего брата Дмитрия Шуйского и Василия Голицына с тридцатитысячной ратью. Двухдневное сражение под Болховом закончилось поражением правительственного войска. Князя Дмитрия погубила его собственная трусость. В самый разгар боя он приказал отвезти пушки в тыл. Этот приказ привел к общему отступлению, перешедшему в паническое бегство. «Воровские» отряды захватили много пушек и большой обоз с продовольствием.

После сражения Болхов без боя сдался победителям. Но вскоре буйные паны опять собрали коло и потребовали от самозванца пообещать им, что как только он будет в Москве, то сразу выплатит им все жалованье и сразу же отпустит домой. Лжедмитрий обещался деньги выплатить, но умолял со слезами не уезжать из Москвы, не бросать его: «Я без вас не могу быть паном на Москве. Я бы хотел, чтобы всегда поляки при мне были, чтоб один город держал поляк, а другой – москвитианин. Хочу, чтобы все золото и серебро было ваше, а я буду доволен одною славою. Если же вы уже непременно захотите отъехать домой, то меня так не оставляйте, подождите, пока я других людей на ваше место призову из Польши».

После Болхова поход Лжедмитрия II на Москву напоминал триумфальное шествие – Козельск, Калуга, Можайск и Звенигород

встречали его хлебом-солью и колокольным звоном.

Царь Василий выслал из Москвы новое войско под началом Михаила Васильевича Скопина-Шуйского и Ивана Никитича Романова. В царствование Шуйского Иван Никитич получил должность воеводы в Козельске. Там он разбил князя Василия Рубец-Мосальского, шедшего на выручку Болотникову. Так он попал в доверие к царю. Возможно, свою роль сыграло и его некоторое соперничество с братом Федором-Филаретом.

Царские полки заняли позицию на речке Незнани между городами Подольском и Звенигородом. На поиск переправы были направлены разъезды, которые донесли, что «вор поиде под Москву не тою дорогою». Рожинский обходил их справа, идя из Звенигорода на Вязьму в направлении Москвы. Одновременно в войске была обнаружена измена. Как говорится в летописи, в полках «нача быти шатость: хотяху царю Василью изменити князь Иван Катырев, да князь Юрьи Трубецкой, да князь Иван Троекуров и иные с ними».

Обратим внимание – во главе заговора стояли в основном родственники Романовых. Иван Федорович Троекуров был женат на Анне Никитичне Романовой, а Иван Михайлович Катырев-Ростовский – на Татьяне Федоровне Романовой. Надо ли говорить, что в случае успеха заговора Иван Никитич Романов не остался бы в стороне.

Из-за «шатости» царь Василий приказал войску срочно возвращаться в Москву. Войско же самозванца беспрепятственно подошло к столице 1 июля. Однако для захвата Москвы у «вора» сил явно не хватало. Польские «стратеги» предложили обойти столицу с севера и оседлать Ярославскую дорогу, чтобы воспрепятствовать подходу войск и обозов с продовольствием из северных земель России. Армия самозванца расположилась в селе Тайнинском. Но вскоре выяснилось, что отряды Шуйского отрезали «воров» от Польши и юго-западных русских городов. Поэтому было решено перебазировать войско на запад от Москвы. Гетману Рожинскому удалось отбросить отряды Шуйского, стоявшие на Тверской дороге. Затем «воры» перешли на Волоколамскую дорогу, где нашли удобное место для стоянки – в селе Тушино, между двумя реками, Москвой и Вхотней. Там и был построен лагерь, который через несколько месяцев превратится в большой деревянный город. По местонахождению этого города войско самозванца московские власти и население окрестило «тушинцами», а самого Лжедмитрия II – Тушинским вором.

А теперь нам придется вернуться на несколько месяцев назад. Мы оставили Марину Мнишек 17 мая 1606 г., после того как бояре изъяли ее из рук горожан и стрельцов, насилевавших ее фрейлин. Марина была

отправлена под арест вместе со своим отцом в дом дьяка Власьева. Бояре заставили Марину и Юрия Мнишка вернуть все деньги и драгоценности, подаренные им Отрепьевым. Марина без особого сожаления отдала драгоценности, но очень просила вернуть ей маленького арапа, ранее бывшего у нее в услужении. Просьба эта была исполнена. Старого мошенника Юрия Мнишка неудача лишь подхлестнула на новые авантюры, и он предложил боярам выдать дочь замуж за... Василия Шуйского! Заметим, что Шуйский был в этот момент не женат, хотя и помолвлен с княжной Марьей Петровной Буйносовой. Мнишек даже намекнул, что в случае победы «рокошан» и свержения польского короля Сигизмунда у супруга Марины появится шанс стать еще и королем Польши. Когда о марьяжном предложении Мнишка доложили Василию Ивановичу, царь, не мудрствуя лукаво, велел послать его к... матери, и Юрий с Мариной были сосланы в Ярославль.

13 июня 1606 г. царь Василий отправил к польскому королю Сигизмунду послов – князя Григория Волконского и дьяка Андрея Иванова. В Кракове послы подали королю письменное объявление, в котором раскрывалось происхождение самозванца, его похождения, как он с польскими и литовскими людьми пришел в Московское государство, как он потом призвал в Москву самборского воеводу Мнишка с его приятелями и как они божьи церкви и святые иконы обругали, москвичам поляки и литовцы много насилия учинили, жен знатных горожан бесчестили, из возков вытаскивали и такое насилие чинили, какого вовек на Москве не видели. Далее говорилось о появлении в Польше нового самозванца, который есть не кто иной, как Михаил Молчанов, ничуть не похожий на первого Лжедмитрия. Послы требовали удовлетворения за кровопролитие и расхищение царской казны, ставшие следствием посылки из Польши Лжедмитрия, но вместе с тем говорили, что царь Василий не намерен нарушать мира с Польшей.

Радные паны отвечали на это: «Государь наш ни в чем не виноват. Вы говорите, что Дмитрий, который был у вас государем, убит, а из Северной страны приехали многие люди, ищут этого Дмитрия по нашему государству, сказывают, что он жив, ушел. Так нашему государю ваших людей унять ли? А в Северной стране теперь государем какой-то Петр, но этого ведь не наш государь подставил? Сами люди Московского государства между собою разруху сделают, а на нас пеняют. Если государь ваш отпустит сендомирского (самборского. – А.Ш.) воеводу с товарищами и всех польских и литовских людей, которые теперь на Москве, то ни Дмитрияшки, ни Петрушки не будет. А если государь ваш их не отпустит, то

и Димитрий, и Петр настоящие будут и наши за своих с ними заодно станут».

Московские послы грозили панам, что если они будут по-прежнему поддерживать «воров» в России, то царь Василий вступит в союз со шведами против Польши.

Заметим, что в тот момент король Сигизмунд был крайне озадачен «рокошем» буйных панов и охотно пошел на соглашение с царем Василием. Король пообещал Волконскому в ближайшее время отправить своих послов в Москву. И действительно, в октябре 1607 г. от Сигизмунда в Москву приехали пан Витовский и князь Друцкой-Соколинский поздравить царя Василия с восшествием на престол и требованием отпустить прежних польских послов и всех поляков домой.

Переговоры длились до 25 мая 1608 г. Результатом переговоров стало перемирие на три года и одиннадцать месяцев на следующих условиях: оба государства остаются в прежних границах; Россия и Польша не должны помогать врагам друг друга; царь обязывается отпустить в Польшу самборского воеводу

Мнишка с дочерью и сыном и всех задержанных поляков; король обязывается сделать то же самое в отношении задержанных в Польше русских; король и республика должны отозвать всех поляков, поддерживающих самозванца, и впредь никаким самозванцам не верить и за них не вступаться, Юрию Мнишку не признавать зятем второго Лжедмитрия, дочь свою за него не выдавать, и Марине не называться московской государыней.

Польские послы обязались послать грамоты в войско Лжедмитрия II к полякам с требованием оставить самозванца, вернуться в Польшу и на всем пути отсылать домой всех польских ратных людей, которые им встретятся на территории Московского государства. Также послы обещали послать во все приграничные города грамоты, чтобы никто не смел идти воевать в Московское государство. Сами послы обязались ехать из Москвы прямо в Польшу, избегая любых контактов с поляками Лжедмитрия, но не хотели обещать, что король выведет войско Лисовского из России, потому что Лисовский в Польше был объявлен вне закона.

Еще до заключения договора польские паны отправили в стан к Лжедмитрию в Звенигород пана Борзковского, который потребовал от поляков, служивших самозванцу, покинуть Россию. Однако гетман Рожинский ответил послам категорическим отказом.

По наущению поляков Лжедмитрий II вступил в переписку с Юрием Мнишкой, находившимся в Ярославле. Мнишку было все равно, в чью

постель ляжет его дочь. Он уже отдал ее беглому монаху, предлагал старику Шуйскому, так почему она должна была отказать шкловскому еврею?

Согласно условиям договора Мнишек и другие поляки под сильным конвоем (Соловьев пишет о трех тысячах человек) были отправлены в Польшу. Мнишки предупредили Тушинского вора, и тот направил на перехват польский отряд пана Зборовского.

Разведывательные дозоры конвоя обнаружили преследователей и предложили изменить маршрут и уйти от погони. Большинство поляков во главе с бывшими послами Гонсевским и

Осеницким согласились, но Мнишки категорически отказались ехать. В конце концов охрана не решилась применить к Мниш-кам силу, и они с несколькими поляками остались. Гонсевский с большинством поляков и царским конвоем изменили маршрут и благополучно добрались до Польши. Мнишки же со спутниками были перехвачены Зборовским и доставлены в Тушино.

Марина еще в Ярославле узнала, что ее ждет новый самозванец. Она хорошо знала почерк Отрепьева, а Тушинский вор даже и не попытался подделать свой почерк. Тем не менее она сразу не захотела ехать в Тушино. Вместо этого Марина отправилась на «богомолье» в православный Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде, в пятидесяти верстах от Тушина. А пока дочка замаливала грехи, папа три дня торговался с самозванцем. В конце концов «вор» дал Юрию запись, что сразу же по овладении Москвой выдаст ему триста тысяч рублей и отдаст во владение Северское княжество с четырнадцатью городами.

Через неделю Марина торжественно въехала в Тушино. При виде Лжедмитрия II она изобразила радость и изумление. Верная жена склонилась перед спасенным супругом, а тот поднял ее и нежно обнял. По польской версии, 5 сентября, за день до торжественной встречи, в лагере Петра Сапеги состоялось тайное венчание Марины и Тушинского вора по католическому обряду, совершенное монахом-иезуитом. (Ян (Петр Петрович) Сапега – двоюродный племянник польского канцлера, в августе 1607 г. прибыл к самозванцу с отрядом поляков.)

Состоялось ли это венчание или нет – вопрос спорный, но теперь в тушинском стане был не только царь, но и царица. Тушино стало как бы второй столицей России. Была тут и «воровская» Боярская дума, которую возглавили Михаил Салтыков и Дмитрий Трубецкой, то есть светская власть была в полном составе. Не хватало только патриарха.

Глава 16

Филарет в Тушине

Чтобы не быть обвиненным в предвзятости, процитирую объективного очевидца событий Мартина Бера*: «Сапега отрядил небольшую дружину, состоявшую из немцев, казаков и поляков, под начальством испанца дона Жуана Крузатти, для покорения окрестных сел и городов. Переяславль присягнул Димитрию, но Ростов, отстоящий от него не далее 12 миль, не хотел покориться. 11 октября ^[37] он был предан огню и мечу. Все сокровища, в нем найденные, – золото, серебро, жемчуг, драгоценные камни – достались победителям. Свирепые воины не щадили и св. икон, даже разрубили серебряный гроб св. Леонтия, а изображение угодника, вылитое из золота, в 200 фунтов весом, присвоили себе. Митрополит Ростовский князь Федор Никитич взят был в плен и отправлен в подмосковный лагерь, где Самозванец принял его ласково и возвел в достоинство патриарха; митрополит вынул из своего жезла восточный яхонт ценою в полбочки золота, и подарил его Димитрию».

А вот что говорит верноподданный историк середины XIX века Сергей Соловьев: «Переяславцы, едва только отряды Са-пегина войска показались перед их городом, присягнули самозванцу и вместе с тушинцами двинулись на Ростов. Ростовцы, по словам современного известия, жили просто, совету и обе-реганья не было; они хотели бежать далее на север всем городом, но были остановлены митрополитом своим Филаретом Никитичем Романовым и воеводою Третьяком Сентовым, который собрал несколько тысяч войска, напал с ним на Сапегиных козаков и переяславцев, но был разбит, бежал в Ростов и там упорно защищался еще три часа. Одолев, наконец, воеводу, козаки и переяславцы ворвались в соборную церковь, где заперся Филарет с толпами народа и, несмотря на увещания митрополита, вышедшего с хлебом и солью, выбили двери, перебили множество людей, поругали святыню; сам летописец говорит, что все это было сделано не литовскими людьми, а своими, переяславцами; такой поступок последних трудно объяснить иначе, как историческою враждою Переяславля к Ростову. Филарета с бесчестьем повезли в Тушино, где ждали его почести еще более унижительные, чем прежнее поругание: самозванец из уважения к его родству с мнимым братом своим, царем Феодором, объявил его московским патриархом, и Филарет должен был из

Тушина рассылать грамоты по своему патриаршеству, т.е. по областям, признавшим самозванца»*.

Тут следует сделать маленькое замечание. Ростов в те времена был почти не укреплен, а Ярославль представлял собой мощную крепость. Поклонники Романовых утверждают, что Филарет отказался ехать в Ярославль исключительно ради того, чтобы разделить участь своей паствы. Но ведь и в Ярославле была паства, а титул Филарета – митрополит ростовский и ярославский. Но почему не предположить, что митрополит сам желал попасть в Тушино?

Начнем с того, что клан Романовых ненавидел Шуйских еще со времен Ивана Грозного. Царь Василий ловко надул Филарета, столь страстно мечтавшего о чине патриарха. В случае победы царя Василия Филарету в лучшем случае светило остаться митрополитом, а его любимому чаду Мише – умереть стольником, ну в крайнем случае окольным.

Встреча Филарета тушинцами хлебом и солью и подарок самозванцу «восточного яхонта» подтверждают последнюю версию.

Позже русские историки будут утверждать, что поляки насильно посадили бедного Филарета в простые сани и отвезли в Тушино. И ехал он в простой меховой татарской шапке и в казацких сапогах. Ну, это вполне можно допустить. У Сапег не было шикарных колымов, да и время поджимало. Но что обычно делают с пленными? Казнят, заключают под стражу, меняют, отдают за выкуп. А кто и когда делал пленника главой церкви?! Нет, не был никогда Филарет пленником. С православными иерархами Лжедмитрий II обращался круто. За отказ поддержать самозванца пострадали суздальский епископ Галактион и коломенский епископ Иосиф, принял мученическую смерть в Тушине тверской архиепископ Феофил.

Митрополиту ростовскому устроили торжественную встречу в Тушине. Лжедмитрий произвел Филарета в патриархи. Тот стал вершить богослужения в Тушине и рассылать по всей России грамоты с призывами покориться царю Димитрию, а под грамотами подписывался: «Великий Господин, преосвященный Филарет, митрополит ростовский и ярославский, нареченный патриарх московский и всея Руси».

Вслед за Филаретом в Тушино перебежала и его родня по женской линии – Сицкие и Черкасские. В Тушине оказался даже Иван Иванович Годунов. Родственник убийцы едет к спасенному царевичу? Ни в коем разе! И.И. Годунов – муж Ирины Никитичны Романовой – едет к ее брату Федору Никитичу. Заодно И.И. Годунов уговорил присягнуть самозванцу и жителей Владимира, где царь Василий поставил его воеводой.

Власть «царя Дмитрия» в Тушине была номинальной. Главной силой в лагере являлись поляки, возглавляемые с весны 1608 г. гетманом Романом Наримунтовичем Ружинским (Рожинским). Имя-отчество пишу не из пиетета, а из-за того, что в войске Лжедмитрия было еще два Ружинских – полковник Адам и командир роты Александр.

Летом 1608 г. на службу к Лжедмитрию II прибыла новая партия «панов рокошан» во главе с Яном (Петром) Сапегой, двоюродным братом литовского канцлера Льва Сапегы. Поначалу поляков у Лжедмитрия II было около 6 тысяч, позже их число возросло до 15 тысяч.

К весне 1608 г. в войске Тушинского вора оказалось 2020 запорожцев. Их начальниками были Гриц (700 человек), Под-видзавский (750 человек), Ростенецкий (500 человек) и Лис (100 человек). Как видим, большей частью запорожцев в Тушине командовали польские шляхтичи Подвидзавский и Рос-тенецкий, а меньшей – атаманы Гриц и Лис. Откуда взялись два последних персонажа – неизвестно. В конце правления Сигизмунда III малороссийские казаки убили «королевского атамана Грицька»*. Видимо, тушинец Гриц и этот Грицько были одним и тем же лицом. Несколько позже запорожцы разошлись по разным польским отрядам. Несколько сотен запорожцев были в отряде пана Александра Лисовского – отпетого бандита, приговоренного в Польше к смерти.

По данным участника событий польского полковника Осипа Будилы, под началом атамана Ивана Заруцкого служили 5 тысяч донских казаков. Об этом персонаже стоит сказать особо. Родом Иван Мартынович Заруцкий, по одним данным, из Тарнополя, а по другим – из Москвы. В детстве он был захвачен крымскими татарами. Иван провел несколько лет в Крыму, а затем бежал к донским казакам, у которых скоро стал атаманом. Грамоты царевича Дмитрия, отправленные на Дон, увлекли и Ивана Мартыновича. Есть сведения, что он с первым самозванцем пришел в Москву. После гибели Лжедмитрия Заруцкий вернулся на Дон, но вскоре он, теперь уже в войсках Болотникова, был вновь под столицей. Вместе с Болотниковым он сидел в осаде в Туле, но потом был послан на поиски все еще не являвшегося «царя Дмитрия», во имя которого боролись осажденные. В Стародубе Заруцкий нашел нового самозванца, примкнул к нему и стал близким ему человеком. Зимой, чтобы набрать новые силы, Заруцкий побывал на Дону и весной 1608 г. привел в Орел пять тысяч казаков. Тут еще раз стоит напомнить, что к числовым данным современников о величине казачьих отрядов следует относиться осторожно.

Значительную часть «донских казаков» Заруцкого составляли

воровские казаки, в основном те, кто подался в казаки уже после начала противоборства Лжедмитрия II с Василием Шуйским. А.Л. Станиславский писал: «"Как вор пошел из Стародуба», начал казачью службу зарайский крестьянин С. Петров, с 1607/08 г. был казаком «тульский жилец» К. Матвеев, в Тушине в казачьей станице «с бедности беспоместной» находился бывший каширский сын боярский С.Д. Молохов. «Новоприборные» казаки наряду с донскими и украинскими упоминаются в войске Лжедмитрия II осенью 1608 г.»*.

Тушинскому вору служили и отдельные представители русской аристократии, среди которых доминировали Романовы и их родня. Почему я говорю «отдельные»? Да потому, что крупных отрядов русских дворян в Тушине не было и реальной военной силой Боярская дума не обладала.

Зато тушинский патриарх и дума создавали иллюзию законной власти Лжедмитрия II и его сброда. Именно они управляли, хотя очень бестолково, землями, признавшими власть Тушинского вора.

Особо весомыми были грамоты патриарха Филарета. Увы, современным историкам известна только одна из его грамот. В ноябре 1608 г. Филарет посылает Яну Сапеге благословение и просит позволить Юрьевскому соборному протопопу освятить храм в Киржацком монастыре, разоренном ратными людьми. Не зная, как назвать Сапегу, то ли полковником, то ли гетманом (от немецкого слова «гауптман» – начальник), Филарет называет его «великим господином».

Любопытно, сохранилась лишь грамота, посланная поляку, зато исчезли многие десятки, если не сотни других грамот и различных актов, подписанных тушинским патриархом или связанных с его деятельностью. А ведь патриаршествовал Филарет больше полутора лет. Нетрудно догадаться, что все эти документы были уничтожены по воле самого Филарета или его потомков. Вот если бы нашлась хоть одна грамота, где говорилось бы о споре патриарха с царьком или польским «гауптманом» или «печалование» за какого-нибудь осужденного, то эту грамоту с умилением цитировали бы наши историки уже не менее трех веков.

Как я уже говорил, Кошкины – Захарьины – Романовы были предельно осторожны. И сейчас в ходе противостояния Лжедмитрия II и Василия Шуйского они не «жгут мостов» и «не кладут все яйца в одну корзину». Большая часть родни и глава клана – в Тушине, а где боярин Иван Никитич, инокиня Марфа и стольник Михаил Федорович? В Москве!

О жизни инокини Марфы после ее возвращения в Москву Гришкой Отрепьевым историкам ничего не известно. Судя по всему, она жила в Москве. Хотя существует любопытный документ от 27 ноября 1608 г.

«Отписка устюжан к вычегодцам... о пленении митрополита Филарета»: «...литовские де люди Ростов весь выжгли и людей присекли, и с Митрополита с Фило-рета сан сняли и поругались ему, посадя де на возок с женкою да в полки свезли»*. Ну, «в полки» надо понимать – в тушинский табор, а как насчет «женки»? То, что это была бывшая жена Ксения (Марфа), маловероятно. Может быть, любовница Филарета? Не с одними же «малыми» старец развлекался?

Тут надо заметить, что Романовы не были исключением по сравнению с другими знатными родами. Сергей Соловьев писал: некоторые, «целовавшие крест в Москве Шуйскому, уходили в Тушино, целовали там крест самозванцу и, получив у него жалованье, возвращались назад в Москву. Шуйские принимал таких ласково, так как раскаявшийся изменник был для него дорог: своим возвращением он свидетельствовал перед другими о ложности тушинского царя или невыгоде службы у него. Возвратившийся получал награду и от Шуйского, но вскоре отправлялся опять в Тушино требовать жалованье у Лже* Тушинский вор. Личность, окружение, время. Документы и материалы / Сост. В.И. Кузнецов, И.П. Кулакова. М.: Издательство Московского университета, 2001. С. 368.

Царь Василий больше не рискует назначать воеводой Ивана Никитича, но тронуть кого-либо из клана Романовых боится. Даже патриарх Гермоген в своих воззваниях к народу отзывался о Филарете, что не своею волею, а по нужде тот находится в Тушине, и за это патриарх молит о нем Бога.

Дмитрия. К примеру, собирались родные и знакомые за одним столом, вместе обедали, а после обеда одни отправлялись ко двору к царю Василию, а другие ехали в Тушино. Оставшиеся в Москве были спокойны: если одолеет тушинский царек, думали они, то у них есть родные и друзья, служившие Лжедмитрию II, которые их защитят, если же одолеет царь Василий, то они за свою родню заступятся. На улицах и площадях громко обсуждали события, не боясь, превозносили тушинского царя, радовались его успехам. Многие знали людей, которые, оставаясь в Москве, поддерживают самозванца, но не доносили о них Шуйскому, а тех, которые доносили, называли клеветниками и шепотниками. На сильного боялись доносить, ибо у него найдется много заступников, без воли которых Шуйский не мог казнить изменника. Но на слабого, не имеющего покровительства, доносы к царю шли постоянно. И виноватые наказывались, вместе с виноватыми наказывались иногда и невинные»*.

Соловьев не хотел или не мог сказать о церкви. За него договорил Казимир Валишевский: «Вслед за Филаретом, этой пародией на патриарха, вся церковь ринулась, очертя голову, в тину: священники, архимандриты и

епископы оспаривали друг у друга милости Тушинского вора, перебивая друг у друга должности, почести и доходы ценою подкупа и клеветнических изветов. Вследствие этих публичных торгов епископы и священники сменялись чуть ли не каждый месяц. Во всем царила анархия: в политике, в обществе, в религии и в семейной жизни. Смута была в полном разгаре».

Как показывает история, русский народ обладает достаточно большой инерцией, но, как гласит пословица, «очень долго запрягает, зато потом очень быстро едет». С начала 1608 г. в ряде мест «тушинские воры» начинают получать хороший отпор. Причем народ уже держится не за царя Василия, а за свое имущество, дома и семьи.

Так, к примеру, 5 января 1609 г. конный отряд поляков напал на окрестности маленького городка Устюжны-Железно-польской. Обычно в Устюжне-Железнопольской гарнизона не было, но из Москвы для защиты города прислали воеводу Андрея Петровича Ртищева, а с Белоозера подошло четыреста ополченцев. У деревни Батневки Ртищев сразился с поляками. Устюжане и белоозерцы мало смыслили в ратном деле, и, как гласит летопись, поляки «покосили их как траву». Однако жители Устюжны-Железнопольской не пали духом. Стар и млад строили укрепления. В 60 верстах от Устюжны находились залежи железной руды, а в городе было свыше тридцати кузнечных мастерских. За четыре недели было изготовлено вновь и доделано свыше ста пушек и крепостных пищалей. 3 февраля 1609 г. к Устюжне подошел польский отряд пана Козаковско-го. Ляхи полезли на деревянные стены городка, но были встречены шквалом огня. Понеся большие потери, поляки отступили. Трофеем горожан стала польская пушка. 8 февраля, получив подкрепление, поляки снова приступили к Устюжне с двух сторон, и снова вынуждены были отступить с большими потерями, и после этого уже не возвращались. До 1917 г. устюжане 10 февраля праздновали спасение своего города от поляков крестным ходом, в котором носили чудотворную икону Богородицы.

23 сентября 1608 г. около 30 тысяч поляков и русских «воров» под началом Петра Сапеги подступили к стенам Троице-Сергиева монастыря. В монастыре находилось около полутора тысяч ратных людей и несколько сот крестьян из околных сел, нашедших там защиту. Многие монахи приняли активное участие в обороне монастыря. Кстати, в осажденном монастыре была и дочь Бориса Годунова монахиня Ольга, в миру Ксения.

Троице-Сергиев монастырь окружали мощные каменные стены высотой от 4,3 до 5,3 м и толщиной 3,2—4,3 м, и взять его с ходу

приступом полякам не удалось. Тогда Сапега приказал подтянуть к монастырю осадную артиллерию. В течение тридцати дней и ночей 63 пушки и несколько мортир вели огонь по монастырю, но разрушить стены монастыря так и не смогли. Поляки сделали несколько подкопов под стены, но осажденным удалось уничтожить эти подкопы и не дать полякам взорвать мины.

17 ноября 1608 г. в монастыре началась эпидемия («мор») из-за большого скопления народа, всего с мирными жителями там находилось несколько тысяч человек. Тем не менее монастырь не сдавался.

На северо-западе страны, говоря современным языком, шла позиционная война. У Лжедмитрия II не было сил штурмовать столицу, а у Шуйского – сжечь «воровскую» столицу Тушино.

Хотя Шуйского и не любили в Москве, земские люди не хотели менять его на какого-нибудь другого боярина, тем более на Тушинского вора, и догадывались, чем грозит его победа. Вот почему попытки свергнуть Шуйского не удавались.

Первая попытка переворота была предпринята 17 февраля 1609 г. воеводой Григорием Сумбуловым, князем Романом Гагариным и Тимофеем Грязным, заговорщиков собралось около 300 человек. Они предложили боярам свергнуть Шуйского, но бояре отступились и разбежались по своим домам ждать, чем дело кончится. Один только боярин Василий Васильевич Голицын примкнул к заговорщикам. Тогда заговорщики пошли за патриархом в Успенский собор и потребовали, чтобы он шел на Лобное место. Гермоген не хотел идти, его потащили силой, подталкивали сзади, обсыпали песком и мусором, хватали за грудь и трясли. Заговорщики поставили Гермогена на Лобное место и стали кричать, что Шуйский избран незаконно, одними своими приспешниками, без согласия Земского собора, что кровь христианская льется за человека недостойного, глупого, нечестивого, пьяницу и блудника. Но вместо одобрения заговорщики услышали из толпы слова: «Сел он, государь, на царство не сам собою, выбрали его большие бояре и вы, дворяне и служивые люди, пьянства и никакого неистовства мы в нем не знаем. Да если бы он, царь, вам и неугоден был, то нельзя его без больших бояр и всенародного собрания с царства свести».

Кончилась сия попытка мятежа анекдотично. Заговорщики спокойно уехали в Тушино, князь Голицын спокойно отправился на свое московское подворье, а Шуйский продолжал править державой.

У Лжедмитрия II в Тушине тоже хватало проблем. Польские паны вели себя более чем нагло. Так, гетман Рожинский мог

публично закричать на «царя»: «Молчи, а не то я тебе башку сорву!» Впрочем, удивляться этому особенно не приходится, поскольку и в Польше магнаты позволяли себе подобное с королем.

Допекали самозванца и конкуренты-царевичи. По сему поводу Лжедмитрий II издал даже специальный указ, где говорилось: «За наши грехи в Московском государстве объявилось еретичество великое: вражьим советом, злокозненным умыслом, многие называются царевичами московскими, природными царскими семенами!» И самозванец приказывал этих «царевичей» хватать, бить кнутом и сажать в тюрьму.

«Царевич» Петр Федорович, «сын» царя Федора Иоанновича, сдуру решил заехать в Тушино к «дяде». Видимо, мелкий жулик помнил, что Отрепьев в свое время пригласил царевича Петра в Москву. Но Дмитрий оказался не тот и велел казнить незадачливого племянника. По мнению Скрынникова, Лжедмитрий II сделал это по настоянию патриарха Филарета. Кроме того, Лжедмитрий приказал саратовскому воеводе Замятне Сабурову повесить захваченных «царевичей» Ивана-Августа и Лаврушку.

Глава 17

Конец Тушина

Оказавшись в сложном положении, царь Василий решил обратиться за помощью к Швеции. Как уже говорилось, наиболее выгодным для России было бы вторжение Швеции в Лифляндию и дальнейшее продвижение внутрь Польши. Кстати, после окончания русской Смуты, в 1621 г., шведы так и поступили. Но Шуйский думал не о государственных интересах, а о своей собственной шкуре. Ему нужны были шведские наемники в Москве, и немедленно.

Начало века ознаменовалось династическим кризисом в Швеции. Карлу IX (герцогу Зюдерманландскому) удалось короноваться лишь в марте 1607 г. Естественно, что шведам поначалу было совершенно не до российских смут. Но как только обстановка стабилизировалась, шведское правительство обратило свои взоры на Россию. Проанализировав ситуацию, шведы пришли к выводу, что русская Смута может иметь два основных сценария.

В первом в России будет восстановлена твердая власть, но к Польше отойдут обширные территории – Смоленск, Псков, Новгород и др. Не будем забывать, что в то время Польше принадлежала и вся Прибалтика, исключая побережье Финского залива. Во втором случае вся Русь подлежала ополячиванию.

Таким образом, в любом случае Швеции стала бы угрожать серьезная опасность со стороны усилившегося Польского королевства. А ведь весь XVII век Польша для всех шведов, начиная от короля и кончая простолюдными, была куда более грозным и ненавистным противником, нежели Россия.

Карл IX решает помочь царю Василию. Еще в феврале 1607 г. Выборгский наместник писал к корельскому воеводе князю Мосальскому, что король его готов помогать царю и шведские послы давно уже стоят на границе, дожидаясь московских послов для переговоров. Но в это время Шуйский, успев отогнать Болотникова от Москвы, думал, что быстро покончит со своими противниками внутри страны и заключит мир с Польшей.

Недальновидный Василий приказал князю Мосальскому написать в Выборг: «А что пишете о помощи, и я даю вам знать, что великому

государю нашему помощи никакой ни от кого не надобно, против всех своих недругов стоять может без вас, и просить помощи ни у кого не станет, кроме Бога». Шведам было даже запрещено посылать гонцов с письмами в Москву и Новгород, поскольку «во всем Новгородском уезде моровое поветрие».

Но шведы не унялись, и в течение 1607 г. Карл IX послал четыре грамоты царю Василию с предложением о помощи. На все грамоты царь отвечал вежливым отказом.

Однако к концу 1608 г. ситуация изменилась. Царь Василий был заперт в Москве, как в клетке, и надеяться ему было не на кого. 1 сентября 1608 г. население Пскова открыло ворота тушинскому воеводе Плещееву. Ивангород и Орешек также присягнули Лжедмитрию II. В Новгороде начались волнения черни, стоявшей за Тушинского вора. Пришлось хвататься за шведскую соломинку. В Новгород для переговоров был послан царский племянник Скопин-Шуйский, где он встретился с королевским секретарем Моисом Мартензоном.

Договор со Швецией был заключен в Выборге 23 февраля 1609 г. стольником Семеном Головиным и членом риксдага Ераном Бойе. Обе стороны обещали воевать с Польшей до окончательной победы и не заключать сепаратного мира. Шведы должны были послать в Россию наемное войско в составе двух тысяч конницы и трех тысяч пехоты.

Россия оплачивала услуги шведского войска по следующей росписи:

Коннице – по 50 тысяч рублей в месяц.

Пехоте – по 35 тысяч рублей в месяц.

Главнокомандующему – 5 тысяч рублей.

Начальнику кавалерии – 4 тысячи рублей.

Начальнику пехоты – 4 тысячи рублей.

Офицерам на всех вместе – 5 тысяч рублей ежемесячно.

По договору наемники подчинялись только своему командованию, а оно, в свою очередь, Михаилу Скопину-Шуйскому.

За шведскую помощь царь Василий Шуйский отказался за себя и детей своих и наследников от прав на Ливонию.

В тот же день (23 февраля 1609 г.) в Выборге был подписан и секретный протокол к договору «Запись об отдаче Швеции в вечное владение российского города Корелы с уездом». Передача должна быть осуществлена только спустя три недели после того, как шведский вспомогательный корпус наемников под командованием Делагарди* вступит в Россию и будет на пути к Москве или, по крайней мере, достигнет Новгорода. Согласие на передачу Корелы шведам будет лично

подписано царем и главнокомандующим русскими войсками, то есть Василием Шуйским и М.В. Скопиным-Шуйским.

Весной 1609 г. шведское войско подошло к Новгороду. Отряд шведов под командованием Горна и отряд русских под командованием Чоглокова 25 апреля наголову разбил большой отряд тушинского воеводы Кернозицкого, состоявший из за* Граф Якоб Делагарди, сын знаменитого шведского полководца Пон-туса Делагарди и Софии Гюльденгельм – побочной дочери шведского короля Иоанна III.

Шведы разослали грамоты по пограничным русским городам с требованием быть верными царю Василию. Не могу удержаться и процитирую полностью грамоту каянбургского (уле-аборгского) шведского воеводы Исаака Баема к игумену Соловецкого монастыря: «Вы так часто меняете великих князей, что литовские люди вам всем головы разобьют. Они хотят искоренить греческую веру, перебить всех русаков и покорить себе всю Русскую землю. Как вам не стыдно, что вы слушаете всякий бред и берете себе в государи всякого негодяя, какого вам приведут литовцы!» порождцев. В течение нескольких дней от тушинцев были очищены Торопец, Торжок, Порхов и Орешек. Скопин-Шуйский направил большой отряд под начальством Мещерского под Псков, но тот не смог взять город и отступил.

10 мая 1609 г. Скопин-Шуйский с русско-шведским войском двинулся из Новгорода к Москве. В Торжке Скопин соединился со смоленским ополчением.

Под Тверью произошла битва между войском Скопина и польско-тушинским войском пана Зборовского. В ходе сражения поляки на обоих флангах смяли русских, но центр польского войска обратился в бегство, и лишь «пробежавши несколько миль, возвратилось обратно». В центре боя шведская пехота не отступила ни на шаг до наступления темноты, а затем в полном порядке отошла к обозу. На рассвете следующего дня русские и шведы атаковали противника и нанесли ему сокрушительное поражение.

Скопин двинулся вперед, но вдруг в 130 верстах от Москвы шведские наемники отказались идти далее под предлогом, что вместо платы за четыре месяца им дали только за два, что русские не очищают Корелы, хотя уже прошло одиннадцать условных недель после вступления шведов в Россию. Скопин, послав уговаривать Делагарди вернуться, сам перешел Волгу под Городнею, чтобы соединиться с ополчениями северных городов, и по левому берегу достиг Калязина, где и остановился.

Соловецкий монастырь прислал царю 17 тысяч серебряных рублей, еще большую сумму прислали с Урала Строгановы, небольшие взносы

поступили из Перми и других городов. Царь Василий вынужден был поспешить выполнить статьи Выборгского договора и послал в Корелу приказ очистить этот город для шведов.

Русские отряды из войска Скопина заняли Переславль-Залесский. Другие войска, верные Шуйскому, без боя вошли в Муром и штурмом взяли Касимов.

Вступление шведских войск в русские пределы дало повод Сигизмунду III начать войну против России.

В письме испанскому королю Сигизмунд заявил, что предпринял он московскую войну, во-первых, для отмщения за недавние обиды, за нарушение народного права, потом, чтобы дать силу своим наследственным правам на московский престол, ибо предок его Ягайло был сыном русской княжны и женат также на русской княжне, наконец, чтоб возвратить области, отнятые у его предков московскими князьями. Таким образом, с самого начала Сигизмунд и не думал делать московским царем королевича Владислава, а сам хотел занять московский престол.

19 сентября 1609 г. коронное войско Льва Сапеги подошло к Смоленску. Через несколько дней туда прибыл и сам король. Всего под Смоленском собралось регулярных польских войск: 5 тысяч пехоты и 12 тысяч конницы. Кроме того, было около 10 тысяч малороссийских казаков и неопределенное число литовских татар. Читатель помнит, что с 1605 г. русские воевали только с частными армиями польских феодалов.

Перейдя границу, Сигизмунд отправил в Москву складную грамоту, а в Смоленск – универсал, в котором говорилось, что Сигизмунд идет навести порядок в русском государстве по просьбе «многих из больших, маленьких и средних людей Московского государства» и что он, Сигизмунд, больше всех радеет о сохранении «православной русской веры». Разумеется, королю не поверили ни в Смоленске, ни в Москве.

Смоленская крепость была построена в 1597—1602 гг. городовым мастером Федором Конем. Она являлась одной из сильнейших крепостей в России. Стены крепости достигали высоты 14 м и ширины до 2,3 м, а длина стены превышала 5 километров. Крепость имела 38 башен. Крепостная артиллерия, насчитывавшая около 300 орудий, была в три яруса размещена в крепостных башнях. Гарнизон Смоленска не превышал 5 тысяч человек. Смоленский воевода Иван Михайлович Шеин был смелым и решительным человеком и отлично знал дело.

Осада с самого начала пошла неудачно. Шесть смоленских смельчаков на лодке среди бела дня переплыли Днепр и пробрались к королевскому лагерю, схватили королевское знамя и благополучно уплыли с ним к

крепости.

12 октября 1609 г. король приказал войскам идти на приступ. Полякам удалось взорвать мину у крепостных ворот и разрушить их. В пролом ворвались польские воины. Но уйти обратно удалось лишь немногим. Штурм был отбит с большими потерями. Польское командование поняло, что крепость можно взять только правильной осадой. Но Сигизмунд рассчитывал на легкую наживу и даже не взял в поход тяжелую артиллерию. Теперь пришлось посылать за осадной артиллерией в Ригу. С учетом состояния дорог, времени года и большого веса орудий осадная артиллерия была доставлена под Смоленск лишь летом 1610 г.

Вторжение королевских войск в Россию вызвало панику не в Москве, а в Тушине. Когда до «воровской» столицы дошла весть о походе короля, поляки созвали коло и начали кричать, что Сигизмунд пришел затем, чтобы отнять у них заслуженные награды и воспользоваться выгодами, которые они приобрели своей кровью и трудами. Гетман Рожинский был первым против короля, потому что в Тушине он был полновластным хозяином, а в королевском войске он стал бы в лучшем случае младшим офицером. В конце концов тушинские поляки поклялись друг другу не вступать в переговоры с королем и не оставлять Димитрия. Если же ему удастся сесть на престол, то требовать всем вместе от нового царя награды. Если же Димитрий станет медлить с выплатой, то захватить Северскую и Рязанскую области и кормиться доходами с них до тех пор, пока все не получат полного вознаграждения. Все поляки охотно подписали конфедерационный акт и отправили к Сигизмунду под Смоленск посла пана Мархоцкого с товарищами с просьбой покинуть Московское государство и не мешать их предприятию. Рожинский хотел уговорить Петра Сапегу присоединиться к конфедерации и даже сам поехал к нему в стан под Троице-Сергиев монастырь, но Петр Сапега не захотел ссориться ни со своим родичем Львом Сапегой, ни с королем Сигизмундом и занял нейтральную позицию.

В то время как тушинские поляки отправили послов к королю под Смоленск, Сигизмунд отправил своих послов, пана Станислава Стадницкого с товарищами, в Тушино. Они должны были внушить тушинским полякам, что им гораздо приличнее служить своему законному государю и что они прежде всего должны заботиться о выгодах Польши и Литвы. Король обещал им выплатить вознаграждение из московской казны в том случае, если Москва совместными усилиями будет взята, причем обещал, что тушинские поляки начнут получать жалованье с того момента, как соединятся с королевскими войсками. Военачальникам король сулил награды не только в России, но и в Польше. Что же касается русских

тушинцев, то Сигизмунд уполномочил послов обещать им сохранение веры, обычаев, законов, имущества и богатые награды, если они перейдут к нему.

12 ноября 1609 г. Сигизмунд отправил грамоту в Москву к Василию Шуйскому, где упрекал царя за насилие над поляками 17 мая 1606 г. и за сношения со шведским королем Карлом IX. Грамота начиналась предложением вступить в переговоры: «Мы, однако, хотим Московское государство успокоить и для того отправляем к людям нашим, которые стоят под Москвою таборами, послов наших великих, пана Станислава Стадницкого с товарищами, и тебе об этом объявляем, чтобы ты боярам своим и думным велел с нашими послами съехаться на безопасном месте под Москвою и о добрых делах договор постановить для унятия этой войны в Московском государстве».

Послы, отправленные из Тушина к королю, и королевские, отправленные в Тушино, встретились в Дорогобуже. Королевские послы стали допытываться у тушинских, зачем они едут к Смоленску, но те не сказали им ничего. Приехав под Смоленск, тушинские послы сначала пошли к королю, а затем – к рыцарству. Речь, произнесенная перед королем, при почтительных формах была самого непочтительного содержания: тушинцы объявили, что король не имеет никакого права вступать в Московское государство и лишать их награды, которую они заслужили у царя Димитрия своими трудами и кровью.

Получив от Сигизмунда суровый ответ, тушинские послы немедленно отправились в Тушино и явились туда раньше послов королевских. Выслушав их, Рожинский созвал совет «полевых командиров» польских отрядов, чтобы решить вопрос о приеме королевских послов. Рожинский, Зборовский и большинство командиров были против приема послов. Но рядовые поляки придерживались иного мнения. По тушинскому табору пронесся слух, что у короля много денег и он хорошо заплатит всем тушинцам, пожелавшим присоединиться к его войску.

В это время явился посланец от Петра Сапеги и от всего войска, стоявшего под Троицким монастырем, и потребовал, чтобы тушинцы немедленно вступили в переговоры с королевскими послами, а в противном случае Сапега перейдет на службу к Сигизмунду. В такой ситуации Рожинскому пришлось вступить в переговоры с королевскими послами.

А что же делал все это время Лжедмитрий II? Его время прошло, и никто не обращал на него внимания. Мало того, вожди тушинских поляков срывали на нем зло с тех пор, как королевские войска вступили в пределы Московского государства, что поставило тушинцев в затруднительное

положение. Так, пан Тышкевич ругал самозванца прямо в глаза, называл обманщиком и мошенником.

Фактически Тушинский вор стал пленником поляков. Царские конюшни круглосуточно охраняли польские жолнеры. Лошади могли быть выданы самозванцу лишь с санкции Рожинского. На карту была поставлена жизнь «царя». Ведь в случае присоединения Рожинского к королю Тушинский вор стал бы всем помехой.

Лжедмитрий делает попытку побега. Ночью он ускакал из Тушина с четырьмя сотнями донских казаков, но поляки догнали его и вернули. С тех пор он жил в Тушине под строгим надзором.

27 декабря Лжедмитрий спросил Рожинского, о чем идут переговоры с королевскими послами. Гетман, будучи нетрезв, отвечал ему: «А тебе что за дело, зачем комиссары приехали ко мне? Черт знает, кто ты таков? Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видим». Пьяный Рожинский пригрозил даже побить «царя». Тогда Лжедмитрий решил во что бы то ни стало бежать из Тушина и в тот же день вечером, переодевшись в крестьянскую одежду, сел в навозные сани и уехал в Калугу вдвоем со своим шутом Кошелевым.

После бегства самозванца Рожинскому с поляками больше ничего не оставалось, как вступить в соглашение с королем. Куда больше проблем возникло у русских тушинцев. Двинуться вслед за Лжедмитрием они не могли – поляки не пускали, да и шансов на успех у Тушинского вора почти не было. Бежать к Шуйскому тоже было не резон. Царь охотно принимал перебежчиков, когда Тушинский вор был в силе, а сейчас он мог и наказать беглецов. Русским тушинцам, как и польским, оставался один выход – вступить в соглашение с королевскими послами.

Послы предложили русским собраться по польскому обычаю в коло. Туда явились патриарх Филарет с духовенством, Заруцкий с ратными людьми, Салтыков с думными людьми и придворными. Пришел и касимовский хан Ураз Махмет со своими татарами. Посол Стадницкий рассказал «о добрых намерениях короля относительно Московского государства». Русские тушинцы согласились отдаться под покровительство польского короля и направили ему грамоту: «Мы, Филарет патриарх московский и всея Руси, и архиепископы, и епископы и весь освященный собор, слыша его королевского величества о святой нашей православной вере раденье и о христианском освобождении подвиг, Бога молим и челом бьем. А мы, бояре, окольник и т.д., его королевской милости челом бьем и на преславном Московском государстве его королевское величество и его потомство милостивыми господами видеть хотим».

Из этой грамоты следовало, что Филарет по-прежнему считает себя «патриархом московским». Будь он пленником Тушинского вора, вынужденным ради спасения жизни формально выполнять обязанности патриарха, как позже писали царские историки, то вот она, сладкая свобода! Полякам не до него. Можно поехать в Москву к законно избранному патриарху Гер-могену, за которого он несколько месяцев возносил молитвы в Ростове, и покаяться за грехи, хотя бы и невольные. Нет, Филарет считает себя законным патриархом и призывает короля стать правителем Московского государства.

Обращу внимание читателя на принципиальную разницу между приглашением на престол королевича Владислава и короля Сигизмунда. В первом случае государство Московское получало нового государя, а во втором – оно в том или ином виде объединялось с Польшей. Объединение с Польшей под властью короля-католика неизбежно привело бы к полонизации страны, католическая или по крайней мере униатская церковь стала бы главенствующей. С Московской Русью произошло бы то, что поляки сделали с Малой и Белой Русью. Владислав же мог принять православную веру и стать независимым от Польши и отца монархом. Так, за 12 лет до этого Генрих Наваррский, заявив, что «Париж стоит мессы», перешел в католичество и стал королем Франции Генрихом IV.

Грамоту польскому королю повезла делегация русских ту-шинцев. Среди них были боярин Михаил Глебович Салтыков с сыном Иваном, князь Василий Михайлович Рубец-Мосаль-ский, князь Юрий Хворостин, дворяне Лев Плещеев, Никита Вельяминов, дьяки Грамотин, Чичерин, Соловецкий, Вито-ватов, Апраксин и Юрьев, также поехали Михаил Молчанов, Тимофей Грязный и бывший московский кожевник Федор Андронов.

31 января 1610 г. делегация торжественно была представлена королю Сигизмунду в лагере под Смоленском. После хвалы королю «за старание водворить мир в Московском государстве» дьяк Грамотин от имени думы, двора и всех людей объяснил, что в Московском государстве желают иметь царем королевича Владислава, если только Сигизмунд сохранит греческую веру и не коснется древних прав и вольностей московского народа.

Сигизмунд сам желал вступить на московский престол, но решил обмануть русских и вступил в переговоры о Владиславе.

После нескольких дней споров 4 февраля король и послы согласились подписать кондиции (условия), при которых Владислав мог стать русским царем. Наиболее важным были два первых пункта:

- 1) Владислав должен был венчаться на царство в Москве от русского патриарха, по старому обычаю. Король прибавил сюда, что это условие

будет исполнено, когда водворится совершенное спокойствие в государстве. Из этой прибавки видно намерение Сигизмунда не посылать сына в Москву, но под предлогом не установившегося спокойствия добиваться государства для себя.

2) Чтобы святая вера греческого закона оставалась неприкосновенной, чтобы учителя римские, лютеранские и других вер раскола церковного не чинили. Если люди римской веры захотят приходить в церкви греческие, то должны приходить со страхом, как прилично православным христианам, а не с гордостью, не в шапках, псов с собой в церковь не водили бы и не сидели бы в церкви не в положенное время. Сюда король прибавил, чтобы для поляков в Москве был построен костел, в который русские должны входить с благоговением. Король и сын его обещались не отводить никого от греческой веры, потому что вера есть дар божий и силой отводить он нее и притеснять за нее не годится. Жидам запрещался въезд в Московское государство.

Сигизмунду удалось добиться своей цели. Гарантом исполнения договора становился польский король. К договору было приписано: «Чего в этих артиклах не доложено, и даст Бог его королевская милость будет под Москвою и на Москве, и будут ему бить челом патриарх и весь освященный собор, и бояре, и дворяне, и всех станов люди: тогда об этих артикулах его гос-подарская милость станет говорить и урывать, по обычаю Московского государства, с патриархом, со всем освященным собором, с боярами и со всею землею».

Сигизмунд поспешил сделать и следующий шаг для исполнения своих замыслов. Он потребовал от послов повиноваться ему до прибытия Владислава, и послы согласились, в чем и присягнули: «Пока Бог нам даст государя Владислава на Московское государство, буду служить и прямить и добра хотеть его государеву отцу, нынешнему наияснейшему королю польскому и великому князю литовскому Жигимонту Ивановичу».

Между тем Тушинский вор, добравшись до Калуги, остановился в монастыре недалеко от города и послал монахов в город с извещением, что он приехал из Тушина, спасаясь от польского короля, который грозил ему гибелью, озлобившись за отказ уступить Польше Смоленск и Северскую землю. Самозванец обещал положить голову за православие и отечество.

Воззвание оканчивалось словами: «Не дадим торжествовать ереси, не уступим королю ни кола, ни двора».

Калужане поспешили в монастырь с хлебом-солью, торжественно проводили Лжедмитрия до города, где окружили его царской роскошью.

Вскоре в Калугу прибыл князь Шаховский с отрядом казаков, с

которым он ранее стоял в Царевом Займище. В Калугу разными путями приехало несколько сотен поляков и русских из Тушина. Среди них были Ян Тышкевич и Иван Иванович Годунов. В конце января 1610 г. «вору» донесли, что несколько поляков и русских хотят его убить. Лжедмитрий без суда и следствия велел утопить в Оке поляка Стонинского и Ивана Ивановича Годунова.

В ночь на 11 февраля 1610 г. из Тушина бежала Марина Мнишек. Она была беременна от Тушинского вора, но это не помешало ей скакать на коне, переодетой казаком. С ней бежали только горничная Варвара Казаковская и паж Иван Плеще-ев-Глазун. Утром нашли письмо Марины, обращенное к полякам Рожинского, где она писала: «Я принуждена удалиться, избывая последней беды и поругания. Не пощажена была и добрая моя слава и достоинство, от Бога мне данное! В беседах равняли меня с бесчестными женщинами, глумились над мною... Оставаясь без родных, без приятелей, без подданных и без защиты, в скорби моей поручивши себя Богу, должна я ехать поневоле к моему мужу. Свидетельствую Богом, что не отступлю от прав моих как для защиты собственной славы и достоинства, потому что, будучи государыней народов, царицею московскою, не могу сделаться снова польскою шляхтянкою, снова быть подданною, так и для блага того рыцарства, которое, любя доблесть и славу, помнит присягу».

Говоря об этом письме, Казимир Валишевский иронизировал по поводу женской логики: «Я знаю, что я могу рассчитывать на вас – итак, я покидаю вас!»

Интересно, что Марина поначалу побежала не в Калугу, а в противоположную сторону – в Дмитров, где с польским войском стоял Петр Сапега. Последний 12 января 1610 г. вынужден был снять осаду Троицкого монастыря и занял Дмитров.

С Сапегой Марине не удалось договориться, тот упорно не хотел соединиться с Лжедмитрием II. Кроме того, в феврале к Дмитрову подошло русско-шведское войско. Самозваной царице пришлось бежать в Калугу, где ее с помпой встретил «любимый муж».

Бегство «царицы» Марины стало катализатором развала «воровской столицы». Казаки* разбежались кто куда, часть ушла в Калугу, а остальные рассеялись по стране шайками грабителей. Последними в начале марта 1610 г. ушли поляки Рожинского. Покидая Тушино, Рожинский велел сжечь «воровскую столицу». Из именитых русских тушинцев часть поехала к царю Василию, а другая часть во главе с патриархом Филаретом в обозе Рожинского двинулась под Смоленск к королю.

Поляки Рожинского ехали к королю, скрепя сердце, за неимением лучшего. Характерный пример: тушинский поляк Вильчек, начальствовавший в Можайске, продал этот город царю Василию за 100 рублей и тоже отправился к королю.

Распутица заставила Рожинского на несколько недель остановиться в Иосифовом монастыре в городе Волоколамске. Там он подрался со взбунтовавшимися панами и был сброшен ими на каменные ступени. Рожинский упал на тот бок, который был у него прострелен под Москвой. Гетман разболелся и умер 4 апреля 1610 г. тридцати пяти лет от роду. После его смерти Зборовский с большей частью войска пошел дальше к Смоленску, а остальные поляки во главе с Руцким и Мархоцким остались в Иосифовом монастыре.

21 мая к Волоколамску подошло русско-шведское войско под началом Валуева и Горна. Поляки были выбиты из монастыря. Из полутора тысяч поляков и казаков спаслось только триста человек. В числе трофеев русских войск оказался и самозванный патриарх Филарет.

* Имеются в виду не столько донские или запорожские казаки, сколько боевые холопы, крестьяне и посадские, ринувшиеся к Лжедмитрию II с целью поживы и именовавшие себя казаками.

В июне 1610 г. Филарет был доставлен в Москву. Но вместо застенка он попал в родовые хоромы в Китай-городе. Царю Василию не до Романовых – его власть висит на волоске.

12 марта 1609 г. Михаил Скопин-Шуйский с Делагарди торжественно въехал в Москву. По приказу царя вельможи встретили Скопина-Шуйского у городских ворот с хлебом-солью, но простые горожане опередили вельмож, они со слезами падали ниц и били челом, просили очистить Московское государство. Современники сравнивали прием Скопина-Шуйского с торжеством Давида, которого израильтяне чтили больше, чем Саула. Царь Василий, однако, не показал своего недовольства, а, напротив, встретил племянника со слезами радости на глазах. Брат царя, князь Дмитрий Иванович Шуйский, повел себя иначе. Царь Василий имел одну или двух дочерей, которые умерли в младенчестве, и, следовательно, брат его считал себя наследником престола. В Скопине-Шуйском Дмитрий Иванович увидел своего конкурента, которого любил народ, и при не устоявшемся еще порядке престолонаследия Скопин-Шуйский вполне мог стать царем. Тогда Дмитрий Иванович, затевавший одну за другой интриги, наябедничал на племянника царю. Василию однажды пришлось даже пустить в ход палку, чтобы образумить брата.

По случаю победы Скопина-Шуйского почти каждый день

устраивались пиры. 23 апреля на крестинах у князя Ивана Михайловича Воротынского у Скопина-Шуйского пошла кровь носом, и после двухнедельной болезни он умер. Пошел общий слух об отравлении. Некоторые современники утверждают, что чашу с отравой поднесла князю сама Екатерина, жена Дмитрия Шуйского.

Смерть Скопина-Шуйского стала катастрофой для царя Василия. Ему пришлось вместо племянника назначить воеводой своего бездарного брата Дмитрия. 32 тысячи русских и 8 тысяч шведов двинулись к Смоленску. Как уже говорилось, московский воевода Валуев с шеститысячным отрядом занял Можайск, Волоколамск и прошел по Большой Смоленской дороге до Царева Займища.

Сигизмунд отправил навстречу русским часть войска под командованием гетмана Жолкевского, а остальные силы поляков продолжали осаждать Смоленск. Станислав Жолкевский слыл самым талантливым польским военачальником. Ему исполнилось уже 63 года, на его счету были победы над шведами в Лифляндии, разгром казацкого восстания Наливайко, в битве под Гузовом в 1607 г. он разгромил «рокошан» и т.д.

14 июня Жолкевский осадил Царево Займище. Воевода Валуев послал за помощью к Дмитрию Шуйскому, который с войском находился в Можайске. Русское войско медленно двинулось вперед и стало лагерем у деревни Клушино, поскольку стояла сильная жара.

Жолкевский разделил свое войско. Небольшой отряд (700 человек) блокировал Валуева в Царевом Займище, а основные силы (6483 человека) пошли к Клушину, находившемуся в 30 верстах от Царева Займища.

Ночь с 22 на 23 июня Дмитрий Шуйский и Делагарди пропьянствовали и только собрались почивать, как услышали дикие крики. На союзников обрушились польские крылатые гусары. Русская конница бежала. Пехота же засела в Клушине и встретила ляхов сильным ружейным и артиллерийским огнем. В войске Жолкевского было всего лишь два фальконета, да и те застряли в лесу и в бой вступили только в конце сражения.

Дмитрия Шуйского погубили беспримерная глупость и столь же беспримерная жадность. Накануне сражения шотландцы, французы и немцы, служившие наемниками в шведском войске, потребовали своевременной выплаты жалованья. У Шуйского в войсковой казне были огромные деньги, но жадный князь решил повременить с платежом в надежде, что после битвы ему придется платить меньше. Два немецких наемника перебежали к Жолкевскому еще до битвы и объяснили ситуацию.

В разгар битвы Жолкевский предложил крупную сумму наемникам. Отряд из шотландцев, французов и немцев перешел на сторону поляков.

Узнав об этом, Дмитрий Шуйский вскочил на лошадь и бросился бежать. За ним последовали и другие воеводы, а за теми, естественно, и простые ратники. Шведские командиры Дела-гарди и Горн собрали меньшую часть наемников (этнических шведов) и ушли на север к своей границе.

Победа поляков была полная, им достались вся русская артиллерия, сабля и бурка Дмитрия Шуйского и та самая казна, которую хотел присвоить жадный «шубник». Увы, у нас до сих пор забывают аксиому Наполеона: «Кто не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую».

Из-под Клушина Жолкевский возвратился под Царево Займище и сообщил Валуеву о своей победе. Воевода долго не верил, пока гетман не показал ему знатных пленников, взятых под Клушином. В конце концов Валуев сдался и целовал крест царевичу Владиславу, но для очистки совести заставил Жолкевского дать обещание от имени будущего царя чтить православную веру, действовать заодно с русскими против «вора» и очистить Смоленскую землю.

По примеру Царева Займища Владиславу присягнули Можайск, Борисов, Боровск, Иосифов монастырь, Погорелое Городище и Ржев. К войску гетмана присоединилось около 10 тысяч русских. Тем не менее сил для захвата Москвы у Жолкевского не хватало, и он был вынужден остановиться в 100 верстах от столицы.

Наибольшую же выгоду от сражения при Клушине получил... Тушинский вор. Ему удалось прельстить деньгами большую часть воинства Петра Сапег. С помощью последних «вор» овладел Боровским Пафнутьевым монастырем. Разорив монастырь, самозванец пошел на Серпухов, который сдался без боя. Сдались Лжедмитрию также Коломна и Кашира.

Однако под Зарайском «вор» потерпел поражение. Там сидел воеводой Дмитрий Михайлович Пожарский. Он отстоял Зарайск, а затем выбил «воров» из Коломны.

Царь Василий, цепляясь за власть, обратился за помощью к крымскому хану. По его просьбе к Туле подошли 10 тысяч татар во главе с мурзой Кантемиром по прозвищу Кровавый Меч. Кантемир взял деньги у царских воевод, а затем, вместо того чтобы сражаться с поляками Петра Сапег, занялся грабежом и угнал в Крым несколько тысяч мирных жителей.

Главные силы Лжедмитрия двинулись на Москву. Их было всего 3—4 тысячи, а у Шуйского под Москвой имелось 30 тысяч ратников. Однако

моральный дух царского войска был невысок, за Шуйского драться никто не хотел. Самозванец стал у села Коломенского.

В Москве против царя был составлен заговор, во главе которого стояли князья Федор Иванович Мстиславский и Василий Васильевич Голицын. Разумеется, дело не обошлось без Романовых – Филарета, Ивана Никитича и их множественной родни. Тушинские самозванные бояре во главе с Дмитрием Трубецким вошли в контакт с заговорщиками. Они прекрасно понимали, что московская знать не собирается менять Василия Шуйского на Тушинского вора, и предложили «нулевой» вариант, по которому тушинцы устраняют Лжедмитрия II, а московские бояре – царя Василия. А далее совместно будут выбирать нового царя. Москвичи согласились. Начать мятеж бояре поручили довольно скандальной личности – Захару Ляпунову.

17 июля 1610 г. Захар Ляпунов с большой толпой подошел к царскому дворцу и начал обличать Шуйского: «Долго ль за тебя будет литься кровь христианская? Земля опустела, ничего доброго не делается в твоё правление, сжался над гибелью нашей, положи посох царский, а мы уже о себе как-нибудь промыслим». Не видя в толпе знатных людей, Шуйский закричал на Ляпунова: «Смел ты мне вымолвить это, когда бояре мне ничего такого не говорят». Толпа отхлынула и направилась на Красную площадь, где уже толпилось множество народа. Люди уже не помещались на Красной площади, и Ляпунов предложил двинуться за Москву-реку к Серпуховским воротам и устроить на большом пустыре нечто вроде веча. Там, естественно, оказались и бояре-заговорщики.

Несмотря на протесты патриарха Гермогена, бояре приговорили бить челом царю Василию Ивановичу, чтоб он царство оставил, так как кровь большая льется, а в народе говорят, что он, государь, несчастлив и украинные города, которые присягнули «вору», его, Василия Ивановича, на царство не хотят. Подавляющее большинство народа поддержало бояр. К Шуйскому поехал его свояк князь Иван Михайлович Воротынский с поручением просить царя оставить московский престол и взять себе в удел Нижний Новгород. Шуйский вынужден был согласиться и переехал с женой из дворца на свое боярское подворье.

Но Василий Иванович не успокоился, он надеялся вернуть себе утраченную власть, собирал своих приверженцев, подкупал стрельцов. Да и обстоятельства благоприятствовали Шуйскому: тушинцы обманули москвичей. Москвичи свергли Шуйского, тушинцы же только посмеялись над москвичами: «Вы не помните государева крестного целования, потому что царя своего с царства ссадили, а мы за своего помереть рады». Тогда

Гермоген стал требовать возвести Шуйского опять на престол. Настроение горожан постепенно менялось в пользу Шуйского. Это заставило заговорщиков пойти на крайние меры. 19 июля Ляпунов с князьями Засекиным, Тюфякиным, Мерином-Волконским, Михаилом Аксеновым и другими, позвав с собой монахов Чудова монастыря, пошли к Василию Шуйскому и велели ему принять монашеский сан. Но для бывшего царя одна мысль отказаться навсегда от престола была невыносима, особенно теперь, когда обстоятельства складывались в его пользу. Шуйский отчаянно сопротивлялся, поэтому Ляпунов и еще несколько человек держали его во время пострига, а князь Тю-фякин произносил за Шуйского монашеские обеты, бывший царь же все твердил, что не хочет пострижения. Это насильственное пострижение патриарх не признал, а называл монахом князя Тюфякина. Тут же насильно была пострижена и жена Шуйского Мария. Бывшего царя, а ныне «инока Варлаама» в крытой повозке отвезли в Чудов монастырь. Братья Шуйские были заключены под стражу.

Еще 17 июля Захар Ляпунов и группа дворян стали требовать «князя Василия Васильевича Голицына на государстве поставить». Тут впервые всплыли Романовы и предложили возвести на престол четырнадцатилетнего Михаила Федоровича, сына Филарета. Однако большинство бояр не устраивал ни тот, ни другой. В конце концов Боярская дума постановила отменить выборы царя до сбора в Москве представителей «всей земли».

По старой традиции Боярская дума создала нечто типа политбюро для управления страной. В его состав вошли Федор Мстиславский, Иван Воротынский, Василий Голицын, Иван Романов, Федор Шереметев, Андрей Трубецкой и Борис Лыков. В народе это правительство прозвали «Семибоярщиной». От населения потребовали даже принести особую присягу Семибоярщине. В крестоприводной записи говорилось: «Все люди били челом князю Мстиславскому с товарищи, чтобы пожаловали, приняли Московское государство, пока нам Бог даст государя». Присягнувший клялся: «Слушать бояр и суд их любить, что они кому за службу и за вину приготовят; за Московское государство и за них, бояр, стоять и с изменниками биться до смерти; вора, кто называется царевичем Димитрием, не хотеть; друг на друга зла не мыслить и не делать, а выбрать государя на Московское государство боярам и всяким людям всею землею».

Города, подчинявшиеся царю Василию, без особых проблем целовали крест Семибоярщине. В Москве же продолжались интриги. Захар Ляпунов с несколькими дворянами вел агитацию в пользу Тушинского вора. Боярин Мстиславский заявил, что сам он не хочет быть царем, но также не хочет

видеть царем кого-либо из бояр и что надо избрать государя из царского рода. Узнав, что Ляпунов намерен тайно впустить в Москву войско самозванца, Мстиславский передал Жолкевскому, чтобы тот немедленно шел к столице. Гетман 20 июля вышел из Можайска, а в Москву послал грамоты, где говорил, что идет защищать столицу от «вора». К князю Мстиславскому «с товарищи» Жолкевский прислал грамоту с щедрыми обещаниями боярам. Мстиславскому «с товарищи» давно хотелось избавиться от царской власти – опал, казней, изъятия вотчин – и жить подобно польским магнатам, эдакими полунезависимыми правителями в своих землях.

24 июля Жолкевский стал лагерем в семи верстах от Москвы у села Хорошево. Одновременно с юга к Москве подошел Тушинский вор. Лжедмитрий II решил договориться с поляками и дать им отступное. «Вор» обещал сразу же по вступлении на престол заплатить королю 300 тысяч золотых, в королевскую казну в течение последующих десяти лет выплачивать ежегодно по 300 тысяч золотых, а королевичу Владиславу также в течение десяти лет ежегодно платить по 100 тысяч золотых. Самозванец пообещал отвоевать у шведов всю Ливонию и передать ее Польше, а для войны со шведами выставить 15-тысячное войско. Что же до Северной земли, то Лжедмитрий пообещал лишь вести в дальнейшем об этом переговоры.

Послы самозванца первоначально приехали к Жолкевскому в Хорошево и объявили гетману о цели своего посольства к королю. Гетман уклонился от переговоров с ними, но разрешил ехать к Сигизмунду под Смоленск.

Между тем переписка Жолкевского с боярами переросла в прямые переговоры. Переговоры затянулись, главным препятствием стал вопрос о вере Владислава. Патриарх Гермоген сказал боярам свое мнение об избрании королевича: «Если крестится и будет в православной христианской вере, то я вас благословляю. Если же не крестится, то во всем Московском государстве будет нарушение православной христианской вере, и да не будет на вас нашего благословения». Поэтому бояре настаивали, что первым и главным условием избрания Владислава на московский престол должно быть принятие им православия, а гетман без королевского благословения не мог на это согласиться. 2 августа у Девичьего монастыря Мстиславский и Жолкевский вели личные переговоры, которые были прерваны известием, что Лжедмитрий II подходит к Москве.

Действительно, русские «воры» и поляки Петра Сапегы начали штурм

Серпуховских ворот. Поляки из войска Жолкевского держали нейтралитет. Но воевода Валуев и гарнизон Царева Займища, которые, как мы уже знаем, были вынуждены присоединиться к полякам, не спросясь гетмана, двинулись на помощь москвичам. Валуев с фланга атаковал поляков Сапеги и вместе с московскими ратниками обратил их в бегство.

Во время переговоров с боярами Жолкевский получил новые королевские инструкции. Москва должна была разом присягнуть Сигизмунду и его сыну Владиславу. Таким образом, король хотел стать фактическим правителем России. Гетман скрыл от бояр содержание королевской инструкции и постарался довести переговоры до конца. Обстоятельства заставляли его спешить.

Гетман объявил боярам, что принимает только те условия, которые утверждены королем и на которых целовал крест

Салтыков с товарищами под Смоленском. Все же остальные условия, предъявленные боярами в Москве, в том числе и то, что Владислав примет православие в Можайске, будут переданы на рассмотрение королю. Бояре согласились. Жолкевский со своей стороны согласился внести в договор, заключенный Салтыковым под Смоленском, некоторые поправки и изменения. Так, под Смоленском тушинцы незнатного происхождения требовали, чтобы Владислав возвысил незнатных людей по их заслугам, а в московский договор бояре внесли условие: «Московских княжеских и боярских родов приезжими иноземцами в отечестве и в чести не теснить и не понижать». Также московские бояре настояли на том, чтобы не было преследований за убийство поляков 17 мая. Добавлены были и другие условия: отозвать Сапегу от «вора», помогать москвичам против самозванца, а по освобождении столицы от «воровского» войска Жолкевский должен был также оставить город и ждать в Можайске окончания переговоров с королем. По договору Марина Мнишек должна была уехать в Польшу и не предъявлять никаких прав на московский престол. Все города Московского государства, занятые поляками и «ворами», должны быть освобождены. О вознаграждении короля и его войска за военные издержки предусматривалось переговорить московским послам с самим Сигизмундом. Жолкевский обещал написать королю и просить его снять осаду Смоленска.

27 августа москвичи торжественно присягнули королевичу Владиславу. В двух богато убранных шатрах, поставленных на середине дороги между польским станом и Москвой, в первый день присягнули десять тысяч человек. Жолкевский от имени Владислава присягнул в соблюдении условий договора. На следующий день люди присягали в

Успенском соборе в присутствии патриарха Гермогена. По городам разосланы были грамоты с приказом присягать королевичу Владиславу. Члены Семибоярщины писали в этих грамотах, что, так как советные люди из разных городов не приехали на Земский собор, то Москва присягнула Владиславу на том, чтобы ему быть государем в православной вере греческого закона.

Однако слишком многие знали, что вопрос о принятии православия королевичем еще не решен. В результате вопрос о вере Владислава стал самым сильным козырем Тушинского вора в борьбе с Семибоярщиной.

Большинство городов повиновалось Москве и присягнуло Владиславу. Суздаль, Владимир, Юрьев, Галич и Ростов стали тайно ссылаться с Лжедмитрием II, желая перейти на его сторону. Раньше эти города были против самозванца, видели в нем и его сподвижниках врагов государства. Но когда речь пошла о вере, многие предпочли покориться тому, кто называл себя царевичем Дмитрием, сыном Ивана Грозного, чем католику Владиславу.

Через два дня после присяги к Жолкевскому из-под Смоленска приехал с письмом от короля Федор Андронов. В письме король требовал, чтобы Московское государство было подчинено ему, а не сыну. Потом приехал Гонсевский с подробными инструкциями от Сигизмунда. Но, увидев положение дел, Гонсевский счел невозможным нарушить договор и исполнить наказ короля, одно имя которого было ненавистно москвичам. Жолкевский решил не говорить ничего боярам о намерении Сигизмунда, а пока во исполнение условия договора отвести войска Петра Сапеги от Москвы. Гетман предложил Сапеге уговорить Тушинского вора присягнуть Сигизмунду, за что обещал выпросить для Сапеги Самбор или Гродно в кормление. Если же самозванец не согласится, то Сапега должен был выдать его Жолкевскому, а в крайнем случае отступить от него. Сапега был не против выполнения требований гетмана, но большинство «рыцарства» воспротивилось.

Жолкевскому пришлось припугнуть «сапеженцев». На рассвете 27 августа его войска окружили стан Сапеги. На помощь Жолкевскому прибыл князь Мстиславский с 15-тысячным войском. Князь Мстиславский, первый боярин Московского государства, поступил под начальство коронного гетмана польского! В войске Сапеги испугались, увидев перед собой объединенные московские и польские полки. Мстиславский, заметив это, хотел сразу же наступать, но гетман не желал проливать польской крови и велел повременить и дожидаться покорности. Вскоре Сапега явился к Жолкевскому и пообещал уговорить Тушинского вора подчиниться гетману,

в противном случае Сапега обещал отступить от самозванца.

Лжедмитрию II от имени короля были предложены большие имения в Польше. Но Тушинский вор ответил, что он «предпочел бы рабство у крестьянина позору есть хлеб короля». Вмешавшаяся в переговоры Марина прибавила к этому высокомерному ответу тонкую насмешку: «Пусть король уступит царю Краков, тогда царь подарит ему взамен Варшаву».

Ставка самозванца находилась в Угрешском монастыре (ныне в черте Москвы в районе Перервы). Тогда Жолкевский обратился к Семибоярщине с просьбой провести польскую конницу через Москву, чтобы подойти к монастырю и захватить там самозванца врасплох. Бояре позволили польскому войску ночью пройти через город. Гетман не обманул. Поляки быстро, не сходя с коней, прошли через Москву, так что москвичи ничего не заметили. У Коломенской заставы польское и русское войска соединились и пошли к Угрешскому монастырю. Но у самозванца было много приспешников в Москве, которые успели предупредить «вора» о готовящемся нападении, и Лжедмитрия уже не оказалось в монастыре, он спешно с женой и Заруцким бежал в Калугу. Не надеясь догнать «вора», польское войско вернулось в свой стан, а москвичи – в Москву.

Отогнав Тушинского вора от Москвы, гетман стал настаивать на быстрой отправке послов к королю, что давало ему повод удалить из Москвы людей, способных стать претендентами на московский престол. Так, Жолкевскому удалось уговорить Василия Васильевича Голицына возглавить посольство. Гетман льстил ему, говоря, что такое важное дело должно быть совершено именно таким знаменитым человеком, как Голицын, и уверял его, что это посольство даст ему удобный случай к приобретению особенной милости короля и королевича. Следующим наиболее вероятным кандидатом Жолкевский считал стольника Михаила Федоровича Романова, но тому было 14 лет, и по московским обычаям того времени Михаил никак не мог быть включен в посольство. Тогда гетман постарался, чтобы духовенство в посольстве представлял его отец Филарет. Таким образом, Жолкевский получал двойную выгоду, удаляя из Москвы опытного интригана и главу клана Романовых, который в стане короля стал бы заложником на случай, если Михаила попытаются избрать на царство. Между московским и тушинским патриархами еще с 1606 г. установились напряженные отношения, и Гермоген с удовольствием включил Филарета в посольство. Хотел ли ехать сам Филарет? Увы, мы никогда не узнаем ответа на этот вопрос. С момента отречения Шуйского от престола Филарет вел двойную игру. Внешне он был сторонником Владислава, а втихомолку пытался посадить на престол сына. Во всяком случае, и Филарет, и

Михаил, как положено, целовали крест королевичу Владиславу, что дало повод через четверть века польскому королю Владиславу IV справляться у русских послов о здоровье «нашего подданного Михаила Романова».

Удаливши Голицына и Филарета, Жолкевский распорядился и насчет Василия Ивановича Шуйского, который также был опасен, так как Гермоген не признал его пострижения. По настоянию гетмана бояре отправили бывшего царя в Иосифо-Во-лоцкий монастырь, а его братьев – в Белую, откуда удобнее было переправить их в Польшу. Гермоген, кажется, догадывался о намерениях Жолкевского и добивался переправки Шуйского в Соловецкий монастырь, но гетман не согласился. Царицу Марию отправили в Суздаль в Покровский монастырь.

Василий Голицын и Филарет возглавили посольство. В его состав вошли окольный князь Мезецкий, думный дворянин Сукин, думный дьяк Томила Луговский, дьяк Сыдавный-Васильев; из духовных лиц – спасский архимандрит Евфимий, троцкий келарь Авраамий Палицын и другие. Всего в посольстве было 1246 человек.

Послы должны были потребовать у Сигизмунда, чтобы Владислав принял православие в Смоленске от Филарета и смоленского архиепископа Сергия и явился в Москву уже православным человеком. Владислав, будучи на престоле, не должен сноситься с папой по делам веры, а только о государственных делах. Если кто из людей Московского государства захочет по своему недоумию отступить от православной веры, того казнить смертью, таким образом, категорически исключалась возможность унии. Послы также должны были требовать, чтобы королевич взял с собой из Польши лишь небольшое число необходимых ему людей; прежнего титула московских государей не изменять; жениться Владиславу на девице православной веры; города, занятые поляками и «ворами», очистить, как было до Смуты и как уже договорено с гетманом.

Таким образом, формальное возведение Владислава на престол могло стать благом для Московского государства. Естественно, что отпрыск королевского дома пользовался бы большим авторитетом в стране, чем, скажем, Василий Васильевич Голицын или кто-либо из Романовых, еще недавно пресмыкавшиеся перед Иваном Грозным и называвшие себя его холопами. Да и с точки зрения происхождения десятки князей Рюриковичей имели приоритет над Гедиминовичем Голицыным, не говоря уж о беспородных Романовых. Наконец, Владислав имел наследственные права не столько на польский престол, где короля выбирали паны, сколько на престол шведский.

Призвать иностранного монарха на престол в Западной Европе было

обычным делом. К примеру, через 100 лет внук французского короля Людовика XIV Филипп стал королем Испании и основателем династии испанских Бурбонов. Да и у нас призвали норманна Рюрика и с барабанным боем втащили на престол ангальт-цербстскую принцессу Фике, ставшую императрицей Екатериной Великой.

Но фактически все мечты московских бояр о ручном короле Владиславе были химерой. Сигизмунду Владислав нужен был как дымовая завеса, чтобы самому овладеть московским престолом. Условия бояр были хороши, логичны и справедливы, но за ними не было «больших батальонов», как говорил Бонапарт. Со стороны Сигизмунда были большая ложь и вероломство, но «батальоны» у него были. Точнее, он считал, что они есть. Переговоры под Смоленском, естественно, зашли в тупик. Король не соглашался на переход сына в православие и вообще не хотел отпускать его в Москву.

Ситуация сложилась крайне сложная и запутанная. Польские магнаты отказались помочь Сигизмунду войсками и деньгами в походе на Москву. Чтобы заплатить наемникам, стоявшим под Москвой, король был вынужден в феврале 1610 г. продать или заложить свои драгоценности. Смоленск же продолжал успешно защищаться.

Тушинский вор отошел от Москвы и закрепился в Калуге. Его признало еще несколько русских городов.

По всей России бродили остатки тушинской армии, опустошавшие страну. Наиболее крупными отрядами казаков и поляков предводительствовали пан Александр Лисовский и стольник Андрей Просовецкий, которые вообще никому не подчинялись.

Между тем шведы, убежавшие из-под Клушина, и новые отряды, прибывшие из Выборга, попытались захватить северные русские крепости Ладогу(Ныне Старая Ладога.) и Орешек, но были отбиты их гарнизонами. Шведы контролировали только город Корелу. Кроме того, им удалось захватить участки побережья на Баренцевом и Белом морях, включая Колу. В марте 1611 г. войска Делагарди подошли к Новгороду и стали в семи верстах у Хутынского монастыря.

В сложившейся ситуации московская знать опасалась, и, надо сказать, не без оснований, бунта горожан в пользу Тушинского вора, как это произошло в других городах. Чтобы сохранить свою власть и богатство, бояре стали предлагать Жолкев-скому ввести войска в Москву. Как писал Р.Г. Скрынников, «инициативу приглашения наемных сил в Кремль взяли на себя Мстиславский и Иван Никитич Романов». А гетман... отказал им. Опытный полководец резонно заметил боярам: «Москва – город большой,

людный, почти все жители Московского государства сходятся в Кремль по делам судным, здесь все разряды. Я должен стать в самом Кремле, вы другие – в Китай-городе, остальные – в Белом. Но в Кремле собирается всегда множество народа, бывает там иногда по пятнадцати и по двадцати тысяч, им ничего не будет стоить, выбравши удобное время, истребить меня там. Пехоты у меня нет, вы люди до пешего бою неспособные, а у них в руках ворота». Жолкевский привел в пример Лжедмитрия I, убитого народом, и погибших вместе с ним поляков и заключил: «Мне кажется, гораздо лучше разместить войско по слободам около столицы, которая будет, таким образом, как будто в осаде». Москва издавна была опоясана монастырями, которые представляли собой как бы маленькие крепости. Жолкевский хотел занять несколько монастырей, включая Новодевичий, который имел важное стратегическое значение.

План Жолкевского был безупречен в военном отношении, но гетман не учел менталитета ни русских, ни поляков. Для русских появление поляков в женском Новодевичьем монастыре было кощунством, а полякам страшно хотелось пограбить Москву. Так, полк Заборовского, состоявший из тушинских поляков, был готов взбунтоваться, если его не пустят в Москву. Рыцарство Зборовского считало, что если Москва будет в их руках, то и царская казна будет у них же. Депутат Зборовского полка пан Мархоцкий потребовал у гетмана ввода войск в Москву. Гетман в бешенстве отвечал Мархоцкому: «Я не вижу того, что ваша милость видите: так будьте гетманом, сдаю вам начальство!» На что Мархоцкий сказал: «Я начальства не хочу, но утверждаю одно, что если вы войска в столице не поставите, то не пройдет трех недель, как Москва изменит. А от полка своего я объявляю, что мы других еще три года под Москвою стоять не намерены».

Встретив противодействие московских бояр и собственных солдат, Жолкевскому пришлось отказаться от своего плана и согласиться на ввод войск в Москву.

Мстиславскому, Ивану Романову и их сообщникам не сразу удалось осуществить свое намерение. Когда по их приглашению в Кремль прибыл полковник Гонсевский и русские приставы повели его осматривать места расквартирования рот, москвичи заподозрили неладное и ударили в набат. Вооружившись чем попало, народ бросился в Кремль. Гонсевскому пришлось срочно ретироваться.

Слухи о вводе полков дошли и до патриарха. Гермоген решил созвать собор по этому поводу. У патриарха собралось множество дворян, купцов, стрельцов и посадских людей. Патриарх дважды посылал за боярами, но они не явились, ссылаясь на занятость государственными делами. Тогда

Гермоген велел передать боярам, что если они не хотят прийти к нему, то он сам пойдет к ним, и не один, а со всем московским народом. Бояре испугались, пошли к патриарху и два часа уговаривали его. Гермоген объяснял боярам, что гетман нарушает условия договора, не отправляет войска в Калугу против «вора», свои полки хочет ввести в Москву, а русское войско выслать против шведов. Бояре же утверждали, что ввод польского войска в Москву необходим, иначе чернь предаст ее «вору». Иван Никитич Романов сказал патриарху, что если Жолкевский отойдет от Москвы, то всем боярам, спасая свои жизни, придется идти за ним, и тогда Москва достанется «вору» и Гермоген будет в ответе за это. Однако патриарх продолжал стоять на своем. Наконец Мстиславский грубо закричал на Гермогена: «Нечего попам мешаться в государственные дела!»

Бояре Салтыков, Шереметев, Андрей Голицын и дьяк Грамотин выехали к толпе народа и начали уговаривать людей не поднимать мятеж. В конце концов толпа разошлась.

В ночь с 20 на 21 сентября польские войска тихо вошли в Москву. Часть поляков вместе с Жолкевским разместились в Кремле, остальные заняли Китай-город, Белый город и Новодевичий монастырь. Чтобы обеспечить коммуникации с Польшей, по приказу гетмана полки заняли города Можайск, Борисов и Верею.

Военный аспект оккупации разрешился довольно легко. Зато возникла проблема верховной власти. Формально считалось, что Владислав уже царствует. В церквях попы возносили молитвы за его здравие. От его имени вершили суд. В Москве чеканили монеты и медали с его именем и профилем. К Владиславу под Смоленск отправлялись запросы по политическим и хозяйственным делам, жалобы, челобитные с просьбами о предоставлении поместий и т.п. Ответы приходили довольно быстро, щедро раздавались чины и поместья. Однако подписаны они были не Владиславом, а Сигизмундом. Чтобы не смущать население, бояре обратились к королю с просьбой, чтобы под грамотами стояла подпись Владислава. И действительно, с начала 1611 г. в грамотах появляется «Царь и великий князь Владислав», но его подпись стояла после подписи короля Сигизмунда. Таким образом, Сигизмунд стал не только фактическим, но и почти официальным правителем Руси.

Первым из поляков, понявшим, что русский народ никогда не примет Сигизмунда, стал Жолкевский. Он шел в Москву, чтобы сделать русским царем Владислава. Если бы Владислав принял православие, женился на русской боярышне, то его сын вырос бы русским человеком, и вполне вероятно, что шведская династия на сотни лет прижилась бы на Руси.

(Сигизмунд был этническим шведом, а не поляком). Но претензии Сигизмунда на московский трон заведомо обрекали семитысячный отряд поляков на гибель. Во всем польском войске это понимал лишь Жолкевский. Как мы уже знаем, буйные паны влезли в Москву вопреки воле гетмана. Теперь ему ничего не оставалось, как уехать.

В начале октября 1610 г. Жолкевский покинул Москву. Прощаясь с войском, он сказал: «Король не отпустит Владислава в Москву, если я немедленно не вернусь под Смоленск». По приказу короля Жолкевский взял с собой бывшего царя Василия и его братьев Дмитрия и Ивана Шуйских. Вместо себя Жолкевский оставил Александра Гонсевского, который незадолго до этого сам себя произвел в русские бояре.

А теперь мы вернемся к «великому» посольству, отправившемуся к королю, во главе которого были князь Голицын и митрополит Филарет. Посольство двигалось медленно, и лишь 7 октября 1610 г. оно прибыло под Смоленск. Поляки приняли посольство «с честью» и отвели 14 шатров за версту от королевского стана. Кормили послов поляки плохо, а на жалобы отвечали, что «король не в своей земле, а на войне, и взять ему самому негде». Видимо, в этом ляхи были правы, вспомним историю с королевскими драгоценностями.

10 октября король дал аудиенцию послам, которые просили Сигизмунда отпустить своего сына на московское царство. Канцлер Лев Сапега от имени короля отвечал послам в расплывчатых выражениях, что король-де желает спокойствия в Московском государстве и назначит время для переговоров. А в это время в королевском совете спорили, отпускать ли Владислава в Москву или нет? Сначала Лев Сапега, уже не надеясь взять Смоленск, был на стороне тех, кто соглашался отпустить королевича в Москву, но вскоре изменил свое мнение. Особенно повлияло на Сапегу письмо королевы Констанции, которая писала: «Ты начинаешь терять надежду на возможность взять Смоленск и советуешь королю на время отложить осаду: заклиная тебя, чтоб ты такого совета не подавал, а вместе с другими сенаторами настаивал на продолжении осады: здесь дело идет о чести не только королевской, но и целого войска». После этого канцлер заявил на королевском совете, что присяга, данная москвичами Владиславу, подозрительна. Не хотят ли русские только выиграть время? Что от этой присяги для Польши больше вреда, чем пользы, что ради сомнительных выгод надо с позором уйти из-под Смоленска и оставить надежду на приобретение Речью Посполитой Смоленской и Северской земель. Противники Сапегу выдвигали контраргументы, что король обещал, гетман с войском присягнули. Нельзя сделать клятвопреступниками короля,

гетмана и целое войско. Народ русский без царя быть не привык, и если им не дать королевича, ими избранного, то они обратятся к другому и будут настроены против Польши. Силой войны не кончить, потому что нет средств для этого. Если же войну не закончить, то беда ждет с двух сторон: от Москвы, так как там выберут другого государя, и от своих, недовольных неуплатой жалованья. Заплатить войску из Польши трудно, у короля нет денег. Если же королевич станет царем в Москве, то Польша приобретет доброго соседа, легко будет возвратить Лифляндию и Швецию, да и от татар будет меньше вреда. Большая часть шляхтичей могла бы переселиться в Москву, отчего в Речи Посполитой стало бы меньше бунтов, основная причина которых – бедность граждан. Под гражданами королевские советники подразумевали, разумеется, не все польское население, а исключительно шляхту.

В конце концов победили противники отпуска королевича, которые рассматривали Россию как поверженную державу с неспособным на сопротивление народом. Они предлагали начать колонизацию России немедленно, «привести все дела в порядок» до приезда Владислава. Далее шли ссылки на молодость Владислава, а ему действительно было всего 15 лет, что отпускать королевича в Москву нельзя без согласия сейма. Дошло до того, что была поставлена под сомнение легитимность русского посольства. Говорили, что Голицына и Филарета выслали из Москвы как людей подозрительных и надо отправить польских послов в Москву и там вести переговоры с «добрыми людьми», но если кто из послов согласится с поляками, то его также послать в Москву.

15 октября на встрече с русскими послами пань радные заявили, что король никак не может отступить от Смоленска и вывести войско из Московского государства, так как он пришел для того, чтобы навести порядок в России, истребить «вора», очистить города, а потом дать своего сына на московский престол. Послы отвечали, что в государстве гораздо ранее настанет покой, если король выведет войско, а для истребления «вора» достаточно одного отряда Жолкевского, так как «вор» теперь силен только польскими войсками. Поход же всего королевского войска на «вора» разорит Россию, и без того уже опустошенную. Эта и последующие встречи превратились в итальянскую оперу: послы пели свою арию, а пань – свою, не слушая оппонентов.

30 октября в королевский лагерь под Смоленском торжественно въехал гетман Жолкевский. Он привез сверженного царя Василия с братьями и представил их Сигизмунду. Поляки потребовали, чтобы Василий Шуйский поклонился королю, на что тот ответил: «Нельзя московскому и всея Руси

государю кланяться королю: праведными судьбами божиими приведен я в плен не вашими руками, но выдан московскими изменниками, своими рабами».

Филарет возмутился насильственному привозу к Смоленску царя Василия и тем, что он был представлен в светском платье. Жолкевский отвечал митрополиту (посольство и поляки признавали Филарета только митрополитом, против чего он и сам не возражал): «Я взял бывшего царя не по своей воле, но по просьбе бояр, чтоб предупредить на будущее время народное смятение. К тому же он в Иосифове монастыре почти умирал с голода. А что привез я его в светском платье, то он сам не хочет быть монахом, постригли его неволею, а невольное пострижение противно и вашим, и нашим церковным уставам, это и говорит патриарх». На что Филарет сказал: «Правда, бояре желали отослать князя Василия за польскою и московскою стражею в дальние крепкие монастыри, чтоб не было смуты в народе: но ты настоял, что его отослать в Иосифов монастырь. Его и братьев его отвозить в Польшу не следовало, потому что ты дал слово из Иосифова монастыря его не брать, да и в записи утверждено, что в Польшу и Литву ни одного русского человека не вывозить, не ссылать. Ты на том крест целовал и крестное целование нарушил. Надобно бояться Бога, а расторгать мужа с женою непригоже, а что в Иосифове монастыре его не кормили, в том виноваты ваши приставы, бояре отдали его на ваши руки».

Попытки поляков уговорить послов, чтобы те приказали воеводе Шеину сдать Смоленск, были безрезультатны. Поэтому 21 ноября 1610 г. король устроил генеральный штурм крепости. На рассвете поляки взорвали мощную мину в подкопе под одной из башен. Башня развалилась, рухнула и стена на протяжении более 20 метров. В пролом трижды вламывались поляки и трижды были выбиты из города. Штурм кончился полной неудачей.

Королю ничего не оставалось делать, как возобновить переговоры с русскими послами. Однако ни та, ни другая сторона не хотела уступать. Царские историки любили превозносить твердость русских послов, особенно Филарета. На самом же деле они и так уступили гораздо больше, чем хотели. Капитуляция же перед Сигизмундом немедленно сделала бы Голицына и Филарета политическими трупами и, возможно, обрекла бы на гибель их родственников, оставшихся в России. Так что послы радели не о государстве, а о собственной шкуре.

С декабря 1610 г. посольство стало разваливаться. Второстепенные члены посольства в отличие от Голицына и Филарета не претендовали на

ведущие посты в государстве, их вполне удовлетворяли поместья и деньги, предлагаемые поляками.

Думный дворянин Сукин, дьяк Сыдавный-Васильев, спасский архимандрит, троцкий келарь Авраамий и другие дворяне, взяв от короля грамоты на поместья и другие пожалованья, разъехались по городам без санкции руководителей посольства. Всего уехало 43 человека, а Захар Ляпунов открыто переметнулся к полякам.

Слухи о провале переговоров с королем стали распространяться по России. Для защиты Новгорода от шведов и местных «воров» Семибоярщина отправила туда воеводу Ивана Михайловича Салтыкова с войском. По дороге Салтыков послал новгородцам грамоту с предложением поцеловать крест королевичу Владиславу. В ответ новгородцы написали, что они послали в Москву гонцов, чтобы узнать об условиях, на которых воцаряется Владислав. А крест целовать Новгород будет лишь по возвращении послов, и прежде этого Салтыкова в город не пустят, потому что другие города, целовавшие крест Владиславу, впустили поляков и казаков, а те сразу же занялись насилием и грабежами. Но вот посланцы возвратились, и новгородцы впустили Салтыкова с условием, что в город войдут только русские рати и ни одного поляка в Новгороде не будет. С большим трудом Салтыкову удалось уговорить новгородцев поцеловать крест Владиславу.

На востоке дела Владислава шли совсем плохо. Казань и Вятка присягнули Тушинскому вору. Богдан Бельский, служивший в то время вторым воеводой в Казани, попытался воспрепятствовать присяге, но был убит народом. Пермь отказалась присягать Владиславу и склонялась к присяге Тушинскому вору. Однако Лжедмитрию II узнать об этом не довелось.

Старый касимовский хан Ураз Махмет присоединился к Лжедмитрию II еще в Тушине. После бегства самозванца в Калугу хан подался на службу к гетману Жолкевскому, но его любимый сын остался служить «вору». Ураз Махмет попросил разрешения Лжедмитрия II посетить Калугу для свидания с сыном. Но как только хан появился в Калуге, самозванец велел утопить его в Оке. Тогда крещеный татарин Петр (Арслан) Урусов, начальник татарской стражи самозванца, поклялся с товарищами отомстить за смерть хана.

11 декабря 1610 г. Тушинский вор отправился на охоту на зайцев. Его сопровождали шут Кошелев и татарская стража. Внезапно Петр Урусов ударил «царя» саблей и рассек ему лицо. Другой татарин отрубил «царю» голову. Шута татары пощадили, а сами отправились в степь в направлении

Крыма, грабя все по дороге.

Кошелев прискакал в Калугу к «царице». Марина находилась на последних днях беременности. Тем не менее она бегала по улицам и кричала о мщении. Но мстить было некому, убийцы были уже слишком далеко, зато казаки перебили две сотни касимовских татар, служивших самозванцу.

Вечером 11 декабря в Калугу привезли обезглавленное тело самозванца. Труп пролежал в холодной церкви более месяца, и народ ходил смотреть на него и на голову, лежащую рядом. Затем тело похоронили в Троицком соборе. В вещах Лжедмитрия II нашли Талмуд, письма и различные бумаги, написанные на еврейском языке. Это подтвердило давние толки о его происхождении.

Теперь воровское войско лишилось знамени. Тушинские бояре князь Григорий Шаховский и атаман Иван Заруцкий решили бежать из Калуги, но казаки удержали их силой. Через несколько дней Марина родила сына. По «деду» его назвали Иваном. Казаки немедленно провозгласили его царем. Петр Сапега предложил Марине с ребенком перейти под его покровительство, но она высокомерно отказалась. Марина хотела быть только московской царицей или никем. За неимением нового «Димитрия» Марина затащила к себе в постель казака Заруцкого, который таким образом из пленника превратился в вождя тушинцев.

Глава 18

Ополчение Прокопия Ляпунова

Смерть столь ничтожной личности, как Тушинский вор, имела огромное политическое значение. Теперь единственным реальным претендентом на московский престол был королевич Владислав. Однако его еще никто из русских в глаза не видел. Все грамоты от его имени писал отец. Король Сигизмунд не позволял Владиславу принять православие. Переговоры под Смоленском зашли в тупик. С гибелью Лжедмитрия II теряло всякий смысл пребывание королевских войск в России. Ведь король-то пришел якобы наводить порядок, и Жолкевского бояре зазвали в Москву, чтобы тот спас их от Тушинского вора. Теперь «вор» мертв, большая часть его воинства разбежалась. «Воренка» Ивана, лежащего в пеленках, никто всерьез не принимал.

С момента гибели «вора» изменился характер войны в России. До этого шла гражданская война, в которую на первом этапе вмешались польские паны, а на втором – польский и шведский короли. На третьем же этапе война становится национально-освободительной, одной из важнейших составляющих которой была борьба православия против католицизма.

По словам современника, как только Москва узнала, что «вор» убит, русские люди обрадовались и стали между собой обсуждать, как бы всем объединиться против «литовских людей», чтобы выгнать их с земли Московской всех до одного, на чем крест целовали. В большинстве русских городов, как присягнувших Лжедмитрию II, так и присягнувших Владиславу,

было безвластие. Из города в город шли грамоты, но теперь содержание их было иное. Раньше уговаривали друг друга не спешить присягать тому, кто называется Димитрием, ибо тушин-цы грабят присягнувшие города. Теперь же города убеждали друг друга встать за православную веру и вооружиться против поляков. Первыми подали голос жители смоленских волостей, опустошенных поляками. Они написали грамоту к остальным жителям Московского государства, называли их братьями, но братство это было не народное, не государственное, а религиозное: «Мы братья и сродники, потому что от святой купели святым крещением породились».

Смоляне писали, что они покорились полякам, дабы не оставить православия, но вера греческая поругана, церкви разорены. В их грамотах говорилось: «Где наши головы? Где жены и дети, братья, родственники и друзья? Кто из нас ходил в Литву и Польшу выкупать своих матерей, жен и детей, и те свои головы потеряли. Собран был Христовым именем окуп, и то все разграблено! Если кто хочет из вас помереть христианами, да начнут великое дело душами своими и головами, чтобы быть всем христианам в соединении. Неужели вы думаете жить в мире и покое? Мы не противились, животы свои все принесли – и все погибли, в вечную работу латинству пошли. Если не будете теперь в соединении, обще со всею землею, то горько будете плакать и рыдать неутешным вечным плачем: переменена будет христианская вера в латинство, и разорятся божественные церкви со всею лепотою, и убиен будет лютою смертию род ваш христианский, поработят и осквернят и разведут в полон матерей, жен и детей ваших». Далее смоляне писали, что нет никакой надежды иметь когда-либо царем Владислава, потому что на сейме решено: «Вывести лучших людей, опустошить все земли, владеть всею землею Московскою».

Получив эту грамоту, москвичи разослали ее по всем городам с приложением своей грамоты, где писали: «Пишем мы к вам, православным христианам, всем народам Московского государства, господам братьям своим, православным христианам. Пишут к нам братья наши, как нам всем православным христианам остальным не погибнуть от врагов православного христианства, литовских людей. Для Бога, судьи живым и мертвым, не презрите бедного и слезливого нашего рыдания, будьте с нами заодно против врагов наших и ваших общих... Писали нам истину братья наши, и теперь мы сами видим вере христианской перемену в латинство и церквам Божиим разорение. О своих же головах что и писать вам много? А у нас святейший Гермоген патриарх прям, как сам пастырь, душу свою за веру христианскую полагает неизменно, и ему все христиане православные последуют, только неясвенно стоят».

К концу декабря 1610 г. неформальным лидером сопротивления полякам стал патриарх Гермоген. Он рассылал по городам грамоты, в которых объяснял измену короля Сигизмунда, разрешал народ от присяги Владиславу и просил горожан, чтобы они, не мешкая, по зимнему пути, «собирався все в збор со всеми города, шли к Москве на литовских людей».

Первый раз такую грамоту Гонсевский перехватил на Святках 1610 г. Затем полякам попадали в руки списки с этих грамот, датированные 8 и 9 января 1611 г. Эти грамоты были отправлены Гермогеном в Нижний

Новгород с Василием Чарто-вым и к Просовецкому в Суздаль или Владимир.

О настроениях в русских городах свидетельствует письмо соловецкого игумена Антония к шведскому королю Карлу IX: «Божью милостию в Московском государстве святейший патриарх, бояре и изо всех городов люди ссылаются, на совет к Москве сходятся, советуют и стоят единомышленно на литовских людей, и хотят выбирать на Московское государство царя из своих прирожденных бояр, кого Бог изволит, а иных земель инородцев никого не хотят. И у нас в Соловецком монастыре и в Сумском остроге, и во всей Поморской области тот же совет единомышленный: не хотим никого иноверцев на Московское государство царем, кроме своих прирожденных бояр Московского государства».

Активно выступило против поляков население Нижнего Новгорода, Ярославля, Костромы, Перми и других городов. В Новгороде Великом горожане по призыву своего митрополита Исидора крест целовали помогать Московскому государству в борьбе с «разорителями православной веры». А воевод – сторонников Владислава, Ивана Салтыкова и Корнилу Чоглокова – новгородцы посадили в тюрьму «за многие неправды и злохитрство».

В январе 1611 г. Прокопий Ляпунов поднял Рязань против поляков. Как уже говорилось, Ляпуновы после свержения Шуйского стали сторонниками Владислава. Захар Ляпунов ездил с посольством к королю Сигизмунду. А Прокопий Ляпунов в октябре 1610 г. взял город Пронск у Тушинского вора и заставил его жителей присягнуть Владиславу. Теперь же Прокопий решительно выступал против поляков.

Идти на Москву с одними рязанцами, да еще имея в тылу остатки тушинского воинства, было опасно. И Прокопий Ляпунов делает удачный тактический ход. Он вступает в союз с этим воинством. Увы, этот тактический успех приведет первое ополчение к стратегической неудаче и будет стоить жизни самому Прокопию. В феврале 1611 г. Прокопий отправляет в Калугу своего племянника Федора Ляпунова. Переговоры Федора с тушинцами приносят успех. Новые союзники выработали общий план действий: «приговор всей земле: сходиться в дву городех, на Коломне да в Серпухов». В Коломне должны были собраться городские дружины из Рязани, с нижней Оки и с Клязьмы, а в Серпухове – старые тушинские отряды из Калуги, Тулы и северских городов.

Так начало формироваться земское ополчение, которое позже получило название первого ополчения. Помимо рязанцев Ляпунова к ополчению примкнули жители Муромы во главе с князем Литвиновым-

Мосальским, Суздаля с воеводой Артемием Измайловым, из Вологды и поморских земель с воеводой Нащекиным, из Галицкой земли с воеводой Мансуровым, из Ярославля и Костромы с воеводой Волынским и князем Волконским и другие.

Тем не менее этих ратников Ляпунову показалось мало, и он рьяно стал собирать под свои знамена не только казаков, но и всякий сброд. Ляпунов писал: «А которые казаки с Волги и из иных мест придут к нам к Москве в помощь, и им будет все жалованье и порох и свинец. А которые боярские люди, и крепостные и старинные, и те б шли безо всякого сумнения и боязни: всем им воля и жалованье будет, как и иным казакам, и грамоты, им от бояр и воевод и ото всей земли приговору своего дадут».

Воровские казаки представляли для Московского государства особую опасность. Донцы или запорожцы могли за плату выполнить определенную боевую задачу, ну, естественно, пограбить в меру сил, получить обещанное жалованье и с песнями отправиться на Дон или в Сичь. У воровских же казаков не было Сичи, для них Смута была источником существования. Конец Смуты означал если не ответственность за совершенные преступления, то по крайней мере возвращение к прежней жизни. А никто из «воров» не желал пахать, заниматься ремеслом или мелкой торговлей. Вот такое воинство и собрал Ляпунов на свою голову и на беду государству Московскому.

С начала 1611 г. в Москве постепенно нарастала напряженность. Ожидая восстания горожан, Гонсевский и московские бояре распорядились перетащить пушки из Белого города в Кремль и Китай-город. Польские гусары круглосуточно патрулировали улицы и площади столицы. Русским было запрещено выходить из домов с наступлением темноты и до рассвета.

Еще в декабре 1610 г. боярин Михаил Глебович Салтыков и пропольски настроенная знать предложили Боярской думе написать грамоту Сигизмунду под Смоленск, чтобы тот отпустил Владислава в Москву. Русским послам в польском стане приписывалось «отдаться во всем на волю королевскую». В отдельной же грамоте к Ляпунову содержался призыв распустить ополчение. Бояре грамоты написали и понесли их на утверждение к патриарху, но Гермоген сказал им: «Стану писать к королю грамоты и духовным всем властям велю руки приложить, если король даст сына на Московское государство, крестится королевич в православную христианскую веру и литовские люди выйдут из Москвы. А что положиться на королевскую волю, то это ведомое дело, что нам целовать крест самому королю, а не королевичу, и я таких грамот не благословляю вам писать и проклиная того, кто писать их будет, а к

Прокофью

Ляпунову напишу, что если королевич на Московское государство не будет, в православную христианскую веру не крестится и литвы из Московского государства не выведет, то благословляю всех, кто королевичу крест целовал, идти под Москву и помереть всем за православную веру».

По словам летописца, Салтыков стал кричать на Гермоге-на, достал нож и хотел его зарезать, но патриарх, осенив Салтыкова крестным знамением, сказал: «Крестное знамение да будет против твоего окаянного ножа, будь ты проклят в сем веке и в будущем».

Грамоты пришлось отправить без подписи патриарха. Находившихся под стражей князей Ивана Михайловича Воротынского и Андрея Васильевича Голицына силой заставили их подписать.

Грамоты доставили под Смоленск 23 декабря. На следующий день их принесли послам с требованием немедленно исполнить боярский приказ и угрозами в случае неповиновения. Филарет, прочтя грамоты, отвечал: «Отправлены мы от патриарха, всего освященного собора, от бояр, от всех чинов и от всей земли, а эти грамоты писаны без согласия патриарха и освященного собора, и без ведома всей земли: как же нам их слушать? И пишется в них о деле духовном, о крестном целовании смолян королю и королевичу. Тем больше без патриарха нам ничего сделать нельзя». Все остальные члены русского посольства согласились с Филаретом.

27 декабря послы были вызваны к радным панам, которые объявили русским о смерти самозванца в Калуге. Послы встали и с поклоном поблагодарили за эту новость. Паны с насмешкой спросили: «Теперь что вы скажете о боярской грамоте?» Голицын ответил, что посольство представляет не одних только бояр, и отчет послы должны будут давать не одним боярам, а в первую очередь патриарху и духовным властям, а потом боярам и всей земле, а грамоты написаны от одних только бояр, да и то не от всех. Таким образом, русские послы категорически отказались выполнять салтыковские инструкции.

23 января 1611 г. в стан к королю приехал Иван Никитич Салтыков. Он привез новые грамоты послам и жителям Смоленска. В грамотах не было ничего нового, они повторяли старые требования отдаться на «всю волю королевскую».

Однако послы быстро смекнули, что Салтыков представляет не русское государство, а самого себя и поляков Гонсевского, и заявили, что отказываются выполнять инструкции без подписи патриарха.

Поляки послали Салтыкова уговаривать смолян. Но представители осажденных прямо заявили Салтыкову, что если еще кто посмеет явиться к

ним с подобными «воровскими» грамотами – будет застрелен, а говорить смоляне будут только с послами от всего Московского государства, находящимися при короле.

В ответ на нажим поляков на посольство Филарет сказал: «Если вы увидели в нас неправду, то королю бы пожаловать отпустить нас в Москву, а на наше место велеть выбрать других». Но поляки не захотели отпускать послов, которые теперь стали их заложниками.

Действия королевских войск в России еще больше подливали масла в огонь антипольского движения. Украинные города, присягнувшие Лжедмитрию II, – Орел, Болхов, Белев, Ка-рачев, Алексин и другие, – узнав о смерти «вора», присягнули королевичу Владиславу, но, несмотря на это, поляки под началом пана Запройского выжгли эти города, многих жителей убили и увели в плен.

В войске Сигизмунда под Смоленском было до 10 тысяч запорожских казаков (черкасов) под началом атамана Олев-ченка. Они разбили табор у Духовского монастыря вблизи Смоленска и занялись грабежом вначале окрестных сел, а затем и более отдаленных мест. Особенно казаки отличились в Зубцов-ском уезде.

Прока от казаков королю не было, и им было приказано изловить Прокопия Ляпунова, собиравшего ополчение. Черкасы осадили Ляпунова в Пронске, к ним присоединился сторонник Владислава воевода Исаак Сунбулов. Однако на помощь Ляпунову пришел зарайский воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Он внезапно атаковал осаждающих и обратил их в бегство. Отпустив часть ратников, Пожарский вернулся в Зарайск. Сунбулов же с казаками решили отомстить князю и ночью напали на Зарайск. Пожарский смело пошел на вылазку и разгромил врага. Остатки черкасов бежали на Украину, а Сун-булову удалось удрать в Москву к полякам.

В Москве Гонсевский продолжал «закручивать гайки». У всех ворот стояла польская стража, уличные решетки были сломаны, русским запрещалось ходить с саблями, у купцов отбирались топоры, которыми они торговали, топоры также отбирались и у плотников, шедших с ними на работу. Запрещено было носить ножи. Поляки боялись, что за неимением оружия народ может вооружиться кольями, и запретили крестьянам возить мелкие дрова на продажу. При гетмане Жолкевском поляки в Москве соблюдали хоть какую-то дисциплину, при Гон-севском же они совсем распоясались. Жены и дочери москвичей средь бела дня подвергались насилию. По ночам поляки нападали на прохожих, грабили и избивали их. К заутрене не пускали не только мирян, но и священников.

Михаил Салтыков и несколько бояр вновь пришли к патриарху и заявили: «Ты писал, чтобы ратные люди шли к Москве; теперь напиши им, чтобы возвратились назад». «Напишу, – отвечал Гермоген, – если ты, изменник, вместе с литовскими людьми выйдешь вон из Москвы. Если же вы останетесь, то всех благословляю помереть за православную веру, вижу ей поругание, вижу разорение святых церквей, слышу в Кремле пение латинское и не могу терпеть». Тогда патриарха взяли под стражу, запретив ему общаться с кем бы то ни было.

Тем временем ополчение Ляпунова медленно двигалось к Москве. 17 марта 1611 г. в Вербное воскресенье Гермогена на время освободили из-под стражи для торжественного шествия на осле. Но народ не пошел за вербой, так как по Москве распространился слух, что Салтыков с поляками хотят напасть на патриарха и безоружных москвичей. По всем улицам и площадям стояли польские конные и пешие роты. Поляки-очевидцы вспоминали, что Салтыков говорил им: «Нынче был случай, и вы Москву не били, ну так они вас во вторник будут бить, и я этого ждать не буду, возьму жену и поеду к королю».

Салтыков ожидал подхода ополчения Ляпунова ко вторнику и поэтому хотел превентивно расправиться с москвичами. Поляки стали готовиться к обороне – втаскивать пушки на башни в Кремле и Китай-городе, а тем временем в московские слободы тайно проникали ратники из ляпуновского ополчения, чтобы поддержать горожан в случае нападения поляков. Пробрались и воеводы: князь Дмитрий Пожарский, Иван Бутурлин и Иван Колтовской. Но утро вторника началось как обычно: в городе было тихо, купцы отперли лавки в Китай-городе и начали торговлю. В это время на рынке пан Николай Козаковский велел извозчикам идти помогать втаскивать пушки на башни. Извозчики отказались, поднялся шум, раздались крики. В Кремле находилось несколько сот немецких наемников, перешедших к полякам при Клушине. Услышав шум, они решили, что началось восстание, выскочили на площадь и стали избивать москвичей. Их примеру последовали поляки, и началась резня безоружных людей. В тот день в Китай-городе было убито около семи тысяч человек. Князя Андрея Васильевича Голицына, сидевшего «под домашним арестом», убили охранявшие его поляки.

В это время в Белом городе русские ударили в набат, забаррикадировали улицы всем, что попадало под руку, – столами, скамьями, бревнами, – и, укрывшись, стали стрелять в немцев и поляков. Из окон домов также стреляли, бросали камни и бревна.

Ратники из ополчения Ляпунова, проникшие в Москву, оказали

существенную помощь горожанам. На Сретенке большой отряд москвичей собрал князь Д.М. Пожарский. К нему присоединились пушкари из находившегося рядом Пушечного двора. Говорят, что пушки со двора доставил сам Андрей Чохов – знаменитый пушечных дел мастер. Пожарскому удалось загнать поляков в Китай-город и выстроить острожек (укрепление) у церкви Введения на Лубянке, который закрывал ляхам выход из ворот Китай-города. Отряд Ивана Бутурлина дрался у Яузских ворот, а Иван Колтовской занял Замоскворечье.

Поляки были загнаны в Кремль и Китай-город. Вокруг их каменных стен тесно стояли деревянные дома Белого и Земляного городов. Идея поджечь Москву, видимо, пришла в голову многим полякам, независимо друг от друга. Как позже писал участник боя польский поручик Маскевич: «По тесноте улиц мы разделились на четыре или шесть отрядов; каждому из нас было жарко; мы не могли и не умели придумать, чем пособить себе в такой беде, как вдруг кто-то закричал: „Огня! Огня! Жги дома!“ Наши пахолики подожгли один дом – он не загорелся; подожгли в другой раз – нет успеха, в третий раз, в четвертый, в десятый – все тщетно: сгорает только то, чем поджигали, а дом цел. Я уверен, что огонь был заколдован. Достали смолы, прядева, смоленой лучины – и сумели запалить дом, так же поступили и с другими, где кто мог. Наконец занялся пожар: ветер, дующий с нашей стороны, погнал пламя на русских и принудил их бежать из засад, а мы следовали за разливающимся пламенем, пока ночь не развела нас с неприятелем. Все наши отступили к Кремлю и Китай-городу».

От себя добавим, что Михаил Салтыков по собственной инициативе зажег свой дом в Белом городе. За изменника отца ответил его сын Иван, сидевший в тюрьме в Новгороде. Его допросили с пристрастием, а затем посадили на кол. Далее Маскевич писал: «В сей день кроме битвы за деревянную стеною, не удалось никому из нас подраться с неприятелем: пламя охватило дома и, раздуваемое жестоким ветром, гнало русских, а мы потихоньку подвигались за ними, беспрестанно усиливая огонь, и только вечером возвратились в крепость ^[38]. Уже вся столица пылала; пожар был так лют, что ночью в Кремле было светло, как в самый ясный день, а горевшие дома имели такой страшный вид и такое испускали зловоние, что Москву можно было уподобить только аду, как его описывают. Мы были тогда в безопасности – нас охранял огонь. В четверток мы снова принялись жечь город, которого третья часть осталась еще неприкосновенною – огонь не успел так скоро всего истребить. Мы действовали в сем случае по совету доброжелательных нам бояр, которые признавали необходимым сжечь Москву до основания, чтобы отнять у неприятеля все средства

укрепиться... »

В середине дня 20 марта в Москве бои шли только на Сретенке. Там до вечера дрался князь Пожарский. Вечером он был тяжело ранен в голову и вынесен ратниками из боя. Его удалось увезти в Троицкий монастырь. Последнее сопротивление прекратилось. На улицах лежало около семи тысяч трупов.

Большинство москвичей, несмотря на мороз, бежали из столицы. Лишь некоторые 21 марта пришли к Гонсевскому просить о помиловании. Тот велел им снова присягнуть Владиславу и отдал приказ полякам прекратить убийства, а покоровшимся москвичам иметь особый знак – подпоясываться полотенцем.

Немецкий наемник Конрад Буссов писал, что в течение нескольких дней «не видно было, чтобы московиты возвращались, воинские люди только и делали, что искали добычу. Одежду, полотно, олово, латунь, медь, утварь, которые были выкопаны из погребов и ям и могли быть проданы за большие деньги, они ни во что не ставили. Это они оставляли, а брали только бархат, шелк, парчу, золото, серебро, драгоценные камни и жемчуг. В церквях они снимали со святых позолоченные серебряные ризы, ожерелья и вороты, пышно украшенные драгоценными камнями и жемчугом. Многим польским солдатам досталось по 10, 15, 25 фунтов серебра, содранного с идолов, и тот, кто ушел в окровавленном, грязном платье, возвращался в Кремль в дорогих одеждах...»

В пятницу 22 марта разведка донесла полякам, что к Москве приближается десятитысячный отряд ополчения под командованием стольника Андрея Просовецкого. Гонсевский выслал против него конницу Зборовского и Струся. Просовецкий, потеряв в бою около двухсот казаков, отступил и засел в гуляй-городах, на которые поляки не посмели напасть и отошли в Москву.

24 марта к Москве подошло все ополчение во главе с Ляпуновым. Русские расположились близ Симонова монастыря, обставив себя вокруг гуляй-городами, то есть укреплениями из телег и различных деревянных заграждений.

Гонсевский вывел польское войско из Москвы и подошел к русским гуляй-городам. Но Ляпунов не принял бой. Тогда

Гонсевский послал немецких наемников атаковать русских, но те были отбиты с большим уроном. Отбив немцев, русские стрельцы перешли в контратаку. Польская конница спешила и открыла стрельбу по русским. Все это время русская конница не выходила из-за обозов, но когда поляки начали отступать к Москве, русские вышли из обоза, поляки остановились,

чтобы дать им отпор, тогда русские опять ушли в обоз. Поляки двинулись к Москве, русская конница снова вышла из обоза и начала преследование поляков. Интервенты едва успели войти в Москву и больше уже из нее не выходили.

1 апреля ополчение подошло к стенам Белого города. Ляпунов встал у Яузских ворот, князь Трубецкой с Заруцким – напротив Воронцовского поля, костромские и ярославские воеводы – у Покровских ворот, Измайлов – у Сретенских ворот, князь Мосальский – у Тверских. 6 апреля русским удалось овладеть большей частью Белого города.

Со времен бегства из Тушина Лжедмитрия II «гулял» по Руси отряд Яна (Петра) Сапеги. Жили сапеженцы, как и положено, грабежом и никому не подчинялись. Сапега заводил флирт с Лжедмитрием II в Калуге, а после смерти самозванца начал флиртовать с Ляпуновым, предложив сражаться вместе против поляков «за веру православную». Неразборчивый в средствах Ляпунов принял предложение Сапеги, но стороны не сошлись в цене – уж больно много требовал пан Сапега.

И вот в начале мая Сапега с отрядом появился у стен осажденной Москвы и стал лагерем на Поклонной горе. Представители Сапеги явились к Ляпунову и опять стали торговаться, и опять не сошлись в цене. Тогда у гонористого пана разыграл польский патриотизм, и он с боем прорвался в Москву. Однако проку от Сапеги было мало. С одной стороны, в Москве назревал голод и кормить сапеженцев было накладно. С другой стороны, шайки разбойников, в которые превратилась частная армия Сапеги, могли окончательно разложить польский гарнизон. Поэтому Гонсевский не возражал, когда через несколько дней Сапеге наскучила Москва и он отправился «гулять» дальше, прихватив с собой несколько сотен поляков из войска Гонсевского. Позже некоторые русские историки, включая

С.М. Соловьева, гадали, «зачем он (Гонсевский) себя ослабил таким образом?». Да его и спрашивать никто не стал! Договорились паны ротмистры с Сапегой и ушли со своими ротами.

Король Сигизмунд отправил к Москве небольшой отряд под командованием ротмистров Кишки и Конецпольского. Поляки же, засевшие в Москве, стали распускать слухи, что к ним на помощь идет гетман Ходкевич с большим войском. В знак радости поляки открыли большую стрельбу из ружей и пушек. Настрелявшись «в белый свет» и думая, что нагнали страху на Москву, поляки вечером 21 мая разошлись по домам и спокойно заснули. Но русские под стенами столицы не спали. За три часа до рассвета они тихо приставили лестницы и полезли на стены Китай-города. Полякам с большим трудом удалось отбить атаку на Китай-город.

Однако в ходе упорного боя русские окончательно очистили от поляков Белый город.

Утром 23 мая Ляпунову сдались немецкие наемники, оборонявшиеся в Новодевичьем монастыре. По версии Казимира Валишевского, казаки Заруцкого после сдачи монастыря изнасиловали всех монахинь, включая инокиню Ольгу (Ксению Годунову), а затем отправили их во Владимир. После этого русские периодически приближались к стенам Кремля и Китай-города и дразнили поляков: «Идет к вам на помощь гетман литовский с большою силою, идет с ним пятьсот человек войска! Больше не надейтесь, уже это вся Литва вышла. Идет и Конецпольский, живности вам везет, везет одну кишку» («кишка» – по-польски «колбаса»), еще кричали: «Радуйтесь, конец польский приближается!»

12 апреля русским послам под Смоленском объявили, что на следующий день их отправят в Польшу. Напрасно Филарет и Голицын объясняли, что у них нет инструкций ехать в Польшу и даже нет средств на это путешествие. Рано утром им было велено садиться на речные суда. Когда русские стали садиться на суда, польская охрана перебила всех слуг и захватила все посольское имущество. Послы на трех судах под конвоем были отправлены вниз по Днепру.

Первоначально русские послы были заключены во владениях пана Жолкевского в местечке Каменки, а когда поляки сдались в Москве, Филарета и Голицына отправили подальше в замок Мальборг (Мариенбург).

Между тем силы гарнизона и жителей Смоленска иссякали. В городе свирепствовала цинга. Современники утверждали, что к концу осады из восьмидесяти тысяч жителей осталось не более восьми тысяч. Из Смоленска к королю перебежал некий Андрей Дедешин, который указал на слабые места в стене. Король велел построить там несколько осадных батарей. После нескольких дней бомбардировки стены рухнули. Ночью 3 июня 1611 г. поляки полезли в пролом. Начался бой на городских улицах. Смоленск горел. Несколько сотен горожан заперлось в соборной церкви Богородицы вместе с архиепископом Сергием. В собор ворвались поляки, архиепископ в полном облачении с крестом в руках пошел им навстречу. Какой-то пан ударил Сергия саблей по голове. Поляки начали в соборе рубить мужчин и хватать женщин. Тогда посадский человек Андрей Беяницын взял свечу и полез в подвал собора, где хранилось 150 пудов пороха. Как писал современник: «И был взрыв сильный, и множество людей, русских и поляков, в городе побило. И ту большую церковь, вверх и стены ее, разнесло от сильного взрыва. Король же польский ужаснулся и в

страхе долгое время в город не входил».

Воевода Шеин был взят в плен, где подвергся жестоким пыткам. После допроса его отправили в Литву, где держали в оковах «в тесном заточении».

Взятие Смоленска вскружило голову королю. Вместо похода на Москву он немедленно распускает свою армию и едет в Варшаву. Видимо, на это решение повлияло и безденежье короля – наемникам нечем было платить. Но главным фактором все же была эйфория!

29 октября 1611 г. король устроил себе в Варшаве триумф по образцу римских императоров. Через весь город в королевский замок проследовала пышная процессия, во главе которой ехал гетман Жолкевский. За ним следовало рыцарство. В открытой карете, запряженной шестеркой лошадей, сидел бывший московский царь Василий Шуйский, одетый в белую парчовую ферязь и меховую шапку. Этот седой старик смотрел сурово исподлобья. Напротив Василия сидели два его брата, а посередине – пристав. Братьев Шуйских вывели из кареты и подвели к королю. Они низко поклонились, держа шапки в руках. Жолкевский произнес длинную речь об изменчивости счастья, о мужестве короля, восхвалял его подвиги – взятие Смоленска и Москвы, поговорил о могуществе московских царей, последний из которых теперь стоял перед королем и бил челом. Тут Василий Шуйский, низко склонив голову, дотронулся правой рукой до земли и потом поцеловал эту руку, Дмитрий Шуйский поклонился до самой земли, а младший брат Иван трижды поклонился и заплакал. Жолкевский продолжал свою речь. Он говорил, что вручает братьев Шуйских королю не как пленников, но для примера счастья человеческого, и просил отнестись к ним благосклонно. И братья Шуйские в ответ опять низко кланялись. Когда гетман закончил речь, Шуйских допустили к королевской руке. По словам современников, это было великое зрелище, вызывающее удивление и жалость. Тут в толпе панов послышались голоса, требовавшие отомстить Шуйскому как виновнику смерти многих поляков. Юрий Мнишек требовал мести за свою дочь. Братьев Шуйских заключили в Гостыньском замке в нескольких верстах от Варшавы.

Василия Шуйского поляки держали в тесной камере над воротами замка. К нему не допускали ни братьев, ни русских слуг. Дмитрий Шуйский жил в каменном нижнем помещении. 12 сентября 1612 г. Василий умер, пять дней спустя умер его брат Дмитрий. Поляки объявили, что князья Шуйские умерли естественной смертью. Однако факты говорят об умышленном убийстве братьев. Василию Шуйскому едва исполнилось 60 лет, а Дмитрий был на несколько лет его моложе. Тела покойных похоронили тайно, и никто не знал, где находятся их могилы.

Младшего брата Ивана поляки пощадили, он говорил позже: «Мне вместо смерти наияснейший король жизнь дал». Ивана Шуйского ждала судьба таинственного узника. Он должен был забыть свое имя и происхождение. Отныне он звался Иваном Левиным. Расходы на его содержание составляли три рубля в месяц, имевшиеся при нем дорогие вещи были отобраны в королевскую казну.

Слухи об убийстве братьев Шуйских достигли России. Московские летописцы нисколько не сомневались, что братья Шуйские погибли в Литве «нужной» (насильственной) смертью.

В 1619 г. князь Иван Иванович Шуйский при обмене пленных возвратился в Россию. Там он вступил в брак с княжной Марфой Владимировной Долгоруковой, родной сестрой первой жены царя Михаила Федоровича. Увы, его брак, как и у его братьев Василия и Дмитрия, был бездетным. Иван занимал довольно видное место при дворе и заведовал Московским судным приказом. За что-то он получил прозвище Пуговка. Умер И.И. Шуйский в 1638 г. На нем пресекался знатный род Шуйских.

Останки царя Василия, его жены и брата в 1620 г. были перевезены в Варшаву и торжественно погребены в католической часовне. На месте этой часовни игрою случая в XIX веке была построена православная церковь. В 1635 г. после заключения Поляновского мира король Владислав отослал останки Василия, его жены и брата в Москву. Там Василий и Дмитрий Шуйские были окончательно погребены в усыпальнице московских правителей – Архангельском соборе.

Взятие Смоленска и триумф короля в Варшаве убедили подавляющее большинство панства, что Москва окончательно покорена. Коронный вице-канцлер Феликс Крыский заявил в Варшаве: «Глава государства и все государство, государь и его столица, армия и ее начальники – все в руках короля».

Однако победа не только не способствовала усилению королевской власти в Польше, наоборот, участники недавно подавленного «рокоша» Гербут, Стадницкий и другие начали готовить очередной мятеж. Они вошли в переписку с Гавриилом Баторием, племянником знаменитого польского короля Стефана Батория, и пригласили его занять польский престол.

Между тем польский гарнизон в Москве оказался в очень сложном положении. Поляки и их сторонники типа Федора Андропова окончательно разграбили царскую казну. Денег и драгоценностей было в избытке, но их нельзя было есть. Как писал Конрад Буссов, сидевший в Кремле вместе с поляками, «из спеси солдаты заряжали свои мушкеты жемчужинами величиною с горошину и с боб и стреляли ими в русских... Польские

солдаты полагали, что если только они будут носить шелковые одежды и пышности ради наденут на себя золото, драгоценные камни и жемчуг, то голод не коснется их. Хотя золото и драгоценные камни имеют замечательные свойства, когда их обрабатывают *chimica artr* ^[39], но все-таки они не могут насытить голодный желудок. Через три месяца ^[40] нельзя было получить за деньги ни хлеба, ни пива. Мера пива стоила 1/2 польского гульдена, то есть 15 м. грошей, плохая корова – 50 флоринов (за такую раньше платили 2 флорина), а караваи хлеба стали совсем маленькие. До сожженных погребов и дворов, где было достаточно провианта, да еще много было закопано, они уже не могли добраться, ибо Ляпунов отнял у поляков Белый город. Благодаря этому московитские казаки забрали из сожженных погребов весь оставшийся провиант, а нашим пришлось облизываться. Если же они тоже хотели чем-нибудь поживиться, то должны были доставать это с опасностью для жизни, да и то иногда не могли ничего найти».

По приказу Гонсевского патриарх Гермоген находился под стражей на подворье Кирилло-Белозерского монастыря в Кремле. Позиция Гермогена до сих пор вызывает споры у историков.

Дело в том, что подлинные грамоты Гермогена, разосланные по городам России, где патриарх призывает народ на борьбу с поляками, не сохранились. А сам Гермоген, находясь под стражей у поляков, от этих грамот всячески отрекся. Осенью 1611 г. Гермоген (возможно, под нажимом Гонсевского) написал очередное письмо королю Сигизмунду: «Король, даруй нам сына своего, его же возлюби и избра бог во цари, в нашу православную веру...» Тем не менее поляки в конце 1611 г. перевели патриарха с подворья Кирилло-Белозерского монастыря в тюрьму Чудова монастыря и плохо кормили его. Если верить летописи: «Злии немилостивии приставники ^[41] меташа бо страдальцу Христову нечеловечески пищу – на неделю сноп овса и мало воды». Возраст и голод сделали свое дело – 17 февраля 1612 г. Гермоген скончался.

Каковы бы ни были истинные политические воззрения Гермогена, он стал знаменем патриотических сил России, и его смерть стала важным аргументом в пропагандистской войне против польских оккупантов.

Ополчение Ляпунова не имело сил для штурма Китай-города и Кремля, имевших мощные каменные укрепления. У ополчения не было достаточного числа осадных орудий, способных разрушить стены. Да и моральный дух войска был слишком низок, чтобы идти на штурм и нести большие потери. Поэтому русские ополченцы решили взять поляков

измором, а пока занялись решением политических проблем.

Наиболее важной проблемой было командование ополчением. В нем практически не оказалось знати. Среди руководителей ополчения были два боярина – Дмитрий Трубецкой и Иван Заруцкий, но боярство их было липовое: в бояре их произвел Тушинский вор. Прокопий Ляпунов имел более низкое звание – думный дворянин, но он получил его законным путем. По уму и энергии Ляпунов существенно превосходил обоих тушинских бояр. После долгих споров решено было сделать главными воеводами ополчения всех троих. Такое решение существенно ослабило ополчение как с военной, так и с политической точки зрения.

В апреле 1611 г. Ляпунов, Заруцкий и Трубецкой привели ополчение к присяге, в которой говорилось: «Стоять заодно с городами против короля, королевича и тех, кто с ними стакнулся; очистить Московское государство от польских и литовских людей; не подчиняться указам бояр с Москвы, а служить государю, который будет избран землей».

В ополчении возник постоянно действующий Земский собор. Собором было выбрано «правительство», которое, естественно, возглавили три главных воеводы ополчения. В противовес бездействующим московским приказам при ополчении были созданы свои приказы (нечто вроде современных министерств).

Власть «подмосковного правительства» признали 25 городов, в том числе Нижний Новгород, Ярославль, Владимир, Переславль-Залесский, Ростов, Кострома, Вологда, Калуга и Муром.

К сожалению, ни Земский собор, ни «правительство» не смогли не только предложить достойного кандидата на московский трон, но даже определить порядок избрания царя.

Прокопий Ляпунов оказался в чрезвычайно сложном положении. Он прекрасно понимал, что его, простого рязанского дворянина, никогда не выберут в цари. Выбирать на престол кого-нибудь из бояр, сидевших в Москве, то есть фактических врагов ополчения, не хотели ни Ляпунов, ни большинство ополченцев.

Трубецкой активно лез в цари, но ему тоже не хватало знатности, да еще не было ни ума, ни способностей. К трону рвался и «боярин» Заруцкий. Лихой казак хотел получить шапку Мономаха через постель. Заруцкий поселил свою «подругу» Марину Мнишек в Коломне и часто навещался к ней. Свою же законную супругу «боярин» упек в монастырь. Заруцкий понимал, что агитация за себя самого или даже за Марину вызовет возмущение ополчения. Поэтому он через подставных лиц начал агитировать за «воренка» Ивана, сына Марины и Тушинского вора.

Узнав о планах Заруцкого, патриарх Гермоген немедленно разразился «обличениями». Он написал несколько грамот к воеводам ополчения, чтобы они не выбирали на царство «проклятого Маринкина паньина сына». На всякий случай патриарх продублировал это предостережение в грамотах в Нижний Новгород, Казань и другие города, добавив призыв «отвергнуть воренка», если казаки выберут его на царство «своим произволом».

В такой ситуации Ляпунов решил вступить в сношения со шведским королем, чтобы прозондировать возможность возведения на престол его сыновей – старшего Карла-Филиппа или младшего Густава-Адольфа. К шведам поехал воевода Василий Иванович Бутурлин.

Вблизи Новгорода состоялись переговоры Бутурлина со шведским командующим Делагарди. Бутурлин заявил: «Мы на опыте своем убедились, что сама судьба Московии не благоволит к русскому по крови царю, который не в силах справиться с соперничеством бояр, так как никто из вельмож не согласится признать другого достойным высокого царского сана». Поэтому вся земля просит шведского короля дать на Московское государство одного из сыновей. Переговоры затянулись, так как шведы, подобно полякам, требовали прежде всего денег и городов.

Летом 1611 г. шведы захватили Новгород. В находившемся рядом Пскове царило безвластие. Но, как говорится, свято место пусто не бывает. 23 марта 1611 г. в Иван-городе появился «вор» Сидорка, назвавшийся царевичем Димитрием (Лжедмитрий III). Самозванец рассказал горожанам, что он якобы не был убит в Калуге, а «чудесно спасся» от смерти. В Иван-городе на радостях три дня звонили в колокола и палили из пушек.

Лжедмитрий III вступил в переговоры со шведским комендантом Нарвы Филиппом Шедингом. Когда шведский король узнал из донесения Шединга о явлении спасенного Димитрия, то направил в Иван-город своего посла Петрея, в свое время бывшего в Москве и видевшего Лжедмитрия I. Прибыв в Иван-город, Петрей увидел перед собой явного проходимца, после чего шведы прекратили всякие контакты с ним.

Идея возвести на престол шведского королевича вызвала яростное сопротивление казаков. Им куда интереснее было иметь на престоле своего царя, например, того же «воренка» с регентом Заруцким или даже самого Заруцкого. А поведение шведов в Новгороде давало возможность сыграть «патриотическим чувствам казачества».

Не меньшее раздражение казачества вызвали и попытки Ляпунова наладить хоть какое-то подобие дисциплины в ополчении. Воровские казаки из ополчения грабили села и города в ближнем и дальнем Подмоскovie с неменьшей жестокостью, чем запорожцы или частные

армии польских панов.

Возмущенный грабежами и убийствами мирных граждан, воевода Матвей Плещеев поймал 28 казаков и велел их утопить. Однако подоспевшие их товарищи отбили осужденных. Мало того, казаки собрали круг и начали высказывать претензии руководству ополчения. Ляпунов разгневался, решил покинуть лагерь ополчения и уехать в Рязань. По приказу Заруц-кого казаки нагнали его у Симонова монастыря и уговорили остаться. Заруцкий боялся, что в Рязани Ляпунов начнет сбор нового и уже однородного дворянского ополчения.

Поляки хорошо знали все происходившее в лагере осаждающих. Гонсевский понимал, что ополчение держится на Ляпунове, а казаков с Трубецким и Заруцким он не боялся. И «староста московский» решил устроить провокацию. Во время одной из стычек поляки взяли в плен донского казака, который был побратимом атамана Исидора Заварзина. Заварзин захотел освободить товарища и вступил в переговоры с Гонсевским, предлагая выкуп. Гонсевский воспользовался этим случаем и велел написать подложную грамоту от имени Ляпунова. Грамота была адресована во все города России. Там говорилось: «Где поймают казака – бить и топить, а когда, бог даст, государство Московское успокоится, то мы весь этот злой народ истребим».

Подделка была отдана освобожденному казаку, а тот, вернувшись к своим, отдал грамоту Заварзину: «Вот, брат, смотри, какую измену над нашею братьею, казаками, Ляпунов делает! Вот грамоты, которые литва перехватила». Взяв грамоту, Заварзин ответил: «Теперь мы его, блядского сына, убьем!»

22 июня 1611 г. казаки собрали круг, зачитали письмо и потребовали на круг главных воевод. Трубецкой и Заруцкий на круг не поехали. Ляпунов тоже отказал посланному за ним атаману Сергею Карамышеву. Тогда круг направил к Ляпунову двух детей боярских: Сильвестра Толстого и Юрия Потемкина. Те поручились, что войско не причинит воеводе никакого вреда. Поверив им, Ляпунов поехал к казакам в сопровождении нескольких дворян.

Когда Ляпунов вошел в круг, атаман Карамышев стал кричать, что он изменник, и показал воеводе грамоту. Ляпунов посмотрел на грамоту и сказал: «Рука похожа на мою, только я не писал». В ответ Карамышев ударил воеводу саблей. Ляпунова пытался защитить дворянин Иван Никитич Ржевский, но озверелые казаки изрубили саблями обоих.

Заметим, что ни Трубецкой, ни тем более Заруцкий не пытались не только защитить Ляпунова, но даже соблюсти приличия после его смерти.

Три дня изрубленные тела Ляпунова и Ржевского валялись рядом с казацким острожком. Тела были сильно обезображены бродячими собаками. Лишь на четвертый день тела бросили в простую телегу и отвезли в ближайшую церковь на Воронцовском поле. Оттуда тела перевезли в Троице-Сергиев монастырь и там захоронили без всяких почестей. Надпись на простом каменном надгробии гласила: «Прокопий Ляпунов да Иван Ржевской, убиты 7119 году июля в 22 день».

Убийство воеводы показало, что главные воеводы потеряли контроль над ополчением, а само ополчение из земской рати, вставшей на защиту отечества, превратилось в шайку разбойников.

Через несколько дней после убийства Ляпунова в ополчение из Казани доставили список с иконы Казанской Богородицы. Руководство ополчения решило устроить торжественную встречу иконы. Духовенство и все служилые люди пошли пешком навстречу иконе, а Заруцкий с казаками выехали верхом. Казаки решили, что служилые люди хотят отличиться от них благочестием, и они начали оскорблять их. Вскоре казакам и этого показалось мало, и они пустили в ход сабли. Несколько десятков дворян и стрельцов было убито и ранено. Заруцкий и Трубецкой, как и в случае с Ляпуновым, принципиально не вмешивались.

После этого инцидента началось массовое бегство из ополчения дворян и других служилых людей. Наиболее богатые из дворян покупали у Заруцкого воеводства и другие должности и отправлялись на места службы наверстывать заплаченные деньги.

Под Москвой остались в основном воровские казаки и некоторое число дворян, привыкших к разбоям и разгульной жизни. Большинство из них привыкло жить и ладить с казаками в Тушине и Калуге у Лжедмитрия II.

4 августа 1611 г. к Москве вновь подошло воинство Петра Сапеги, везшее с собой большой обоз с провиантом. Сапега атаковал казачьи острожки за Яузой, намереваясь прорваться в Китай-город через Яузские ворота. Однако казакам удалось отбиться от сапеженцев. Из Белого города пошли на вылазку поляки Гонсевского, и тоже были отбиты с большим уроном.

На следующий день Сапега напал на русских с запада. Навстречу ему опять сделали вылазку осажденные. В Белом городе шли ожесточенные бои. Полякам удалось захватить Арбатские и Никитские ворота Белого города и беспрепятственно провести в Кремль обоз с продовольствием. Позже поляки – участники сражения – писали, что русские были чрезвычайно испуганы, и вечером 5 августа их можно было разгромить

наголову. Однако когда Гонсевский попытался ввести в бой свежие хоругви (Польская хоругвь – нечто среднее между батальоном и полком), стоявшие в Кремле, то они попросту отказались выходить из-под защиты стен.

Утром 6 августа Гонсевский и Сапега отдали приказ о генеральной атаке русских. И на сей раз несколько хоругвей отказались повиноваться. Гонсевскому пришлось дать отбой. Вскоре Сапега заболел и 14 сентября умер в Кремле в доме Шуйского.

В марте 1611 г. литовский гетман Карл Ходкевич с частью польских войск, дислоцированных в Ливонии, двинулся на Русь. Для начала он осадил Печерский монастырь. Осада монастыря продлилась шесть недель. Поляки семь раз ходили на приступ и были отбиты. Из Риги доставили несколько тяжелых осадных орудий, среди которых были большие стенобитные пушки «Самсон» и «Баба». Башни и стены крепости были повреждены бомбардировкой, но осажденные не сдавались. В конце концов Ходкевичу пришлось снять осаду с монастыря и двинуться к Москве.

Заруцкий и Трубецкой знали о походе гетмана и решили взять Москву до его прихода. 15 сентября осаждающие начали бомбардировку Китай-города. Каленые ядра и мортирные бомбы вызвали сильный пожар. Ополченцы пошли на штурм и ворвались в Китай-город, однако вскоре были выбиты польскими хоругвями, вышедшими из Кремля.

По ряду причин Ходкевич задержался и подошел к Москве только в конце октября. Ходкевичу удалось прорваться в Москву. Однако доставленные им запасы продовольствия были незначительны. Пожары же 15 сентября в Китай-городе уничтожили большую часть продовольствия и особенно фуража.

Пан Ходкевич был опытным полководцем и, правильно оценив ситуацию, счел за лучшее ретироваться из столицы. Он зазимовал в монастыре в Рогачеве в 20 верстах от Ржевска.

Бояре, сидевшие в Кремле, видели, что только прибытие Сигизмунда с войском может их спасти. В начале октября они направили к королю новое посольство, в которое входили князь Юрий Никитич Трубецкой, Михаил Глебович Салтыков и думный дьяк Яков. В грамоте к Сигизмунду говорилось, что новое посольство отправляется потому, что старые послы, как писал сам король, действовали не по тому наказу, который был им дан, ссылались с калужским вором, с осажденными в Смоленске, с Ляпуновым и другими изменниками. Эта грамота начиналась словами: «Наияснейшему великому государю Жигимонту III и проч. великого Московского государства ваши государские богомольцы: Аресений архиепископ архангельский и весь освященный собор, и ваши государские верные

подданные, бояре, окольные» и т.д. Среди подписантов были, разумеется, и Романовы – боярин Иван Никитич и стольник Михаил Федорович. Патриарху Гермогену на подпись грамоту не дали, да он никогда и не согласился бы подписать грамоту, в которой бояре называли себя подданными польского короля.

Посольство должно было доставить радость королю. Бояре согласились практически со всеми его условиями. Но, увы, это посольство представляло не русское государство, а несколько десятков бояр и дворян, запертых в Кремле. Сигизмунд же не шел под Москву не потому, что ждал боярского приглашения, а потому, что не имел возможности идти. Его удерживали

происки панов-рокошан и масса иных обстоятельств, но главное – у него не было денег. Создалась патовая ситуация: Гонсевский не мог более удерживать Москву, Заруцкий и Трубецкой не могли взять Москву, король не мог выручить Гонсевского. Сложившуюся ситуацию могла кардинально изменить лишь новая сила. И эта сила не замедлила появиться.

Глава 19

Ополчение князя Пожарского

Трудно найти человека в России, который бы не знал о подвиге Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина. Однако дореволюционные и советские историки существенно исказили образ Дмитрия Михайловича Пожарского. Делалось это с разными целями, а результат получился один. Из Пожарского сделали незнатного дворянина, храброго и талантливого воеводу, но слабого политика, начисто лишённого честолюбия. Вообще такого исправного служаку-бессребренника – совершил подвиг, откланялся и отошел в сторону. Реальный же князь Пожарский ничего не имел общего с таким персонажем.

К началу XVI века князья Пожарские по богатству существенно уступали Романовым, но по знатности рода ни Романовы, ни Годуновы негодились им в подметки. Пожарскому не было нужды вписывать в родословную бродячих немцев («пришел из Прус») или татарских мурз, приезжающих на Русь основать православный монастырь («Сказание о Чете»). Не было нужды князьям Пожарским прилепляться к знатым родам по женской линии. Родословная Пожарских идет по мужской линии от великого князя Всеволода Большое Гнездо (1154—1212). И ни у одного историка не было и тени сомнения в истинности ее.

В 1238 г. великий князь Ярослав Всеволодович дал в удел своему брату Ивану Всеволодовичу город Стародуб на Клязьме с областью. С конца XVI века Стародуб стал терять свое значение, и к началу XIX века это уже было село Клязьменский Городок Ковровского уезда Владимирской губернии.

Стародубское удельное княжество было сравнительно невелико, но занимало стратегическое положение между Владимирским и Нижегородским княжествами. Кстати, и село Муг-реево входило в состав Стародубского княжества.

Иван Всеволодович стал родоначальником династии независимых стародубских князей. Один из них, Андрей Федорович Стародубский, отличился в Куликовской битве. Второй сын Андрея Федоровича Василий получил в удел волость с городом Пожар (Погара) в составе Стародубского княжества. По названию этого города князь Василий Андреевич и его потомки получили прозвище князей Пожарских. В начале XV века

стародубские князья становятся вассалами Москвы, но сохраняют свой удел.

Князья Пожарские верой и правдой служили московским правителям. Согласно записи в «Тысячной книге» за 1550 г. на царской службе состояли тринадцать стародубских князей: «Князь Ондрей да князь Федор княж Ивановы дети Татева. Князь Иван да Петр княж Борисовы дети Ромодановского. Князь Василей княж Иванов сын Ковров. Князь Иван Чорной да князь Петр княж Васильевы дети Пожарского. Князь Тимофей княж Федоров сын Пожарского. Князь Федор да Иван княж Ондреевы дети Большога Гундорова. Княж Федоров сын Данила. Князь Федор да Иван княж Ивановы дети Третьякова Пожарского».

Некоторые историки XIX века отождествляли его с селом Троицко-Ильинское Ковровского уезда Владимирской губернии.

Иван Федорович Пожарский был убит под Казанью в 1552 г. Отец нашего героя, стольник Михаил Федорович Пожарский, отличился при взятии Казани и в Ливонской войне. Но в марте 1566 г. Иван Грозный согнал со своих уделов всех потомков стародубских князей. При чем беда эта приключилась не по их вине, а из-за «хитрых» интриг психически нездорового царя. Решив расправиться со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем Старицким, царь поменял ему удел, чтобы оторвать его от родных корней, лишить его верного дворянства и т.д. Взамен Владимиру было дано Стародубское княжество. Стародубских же князей скопом отправили в Казань и Сви-яжск. Среди них оказались Андрей Иванович Ряполовский, Никита Михайлович Сорока Стародубский, Федор Иванович Пожарский (дед героя) и другие.

Высылка стародубских князей была не только частью интриги Грозного против брата, но и элементом колонизации Казанского края. Наши историки привыкли говорить о покорении Казани в 1552 г. На самом деле еще многие годы в Казанском крае шла жестокая борьба татарского населения против русских. Стародубские князья приехали не одни, а со своими дружинами и дворней. Они получили довольно приличные вотчины и второстепенные должности в администрации казанского края. К примеру, Михаил Борисович Пожарский был назначен воеводой в Сви-яжск. Стародубские князья беспощадно подавляли восстания татар и внесли большой вклад в колонизацию края.

С 80-х гг. XVI века часть вотчин в бывшем Стародубском княжестве постепенно была возвращена законным владельцам. Но «казанское сидение» нанесло серьезный урон князьям Пожарским в служебно-местническом отношении. Их оттеснили старые княжеские роды и новое

«боярство», выдвинувшееся в царствование Грозного. Таким образом, Пожарские, бывшие в XIV – начале XVI века одним из знатных родов Рюриковичей, были оттеснены на периферию, что дало повод советским именитым историкам называть их «захудалым родом».

Дмитрий Михайлович Пожарский родился 1 ноября 1578 г. в Казанском крае. Но юность его прошла недалеко от Суздаля в родовом гнезде – селе Мугрееве у реки Лух. Дмитрий стал вторым ребенком в семье, у него были старшая сестра Дарья и младший брат Василий. В 1587 г. скончался отец, Михаил Федорович, и все заботы о семье пришлось взять на себя матери Марии (Ефросиньи) Федоровне, урожденной Беклемышевой.

В 1602 г. царь Борис пожаловал в стольники Дмитрия Михайловича и Ивана Петровича Пожарских. Для двадцатичетырехлетнего князя Дмитрия это считалось неплохим началом карьеры. После всех конфискаций 60—70-х гг. XVI века Дмитрий Пожарский был не богат, но и не беден. Как уже говорилось, в 1587 г. Дмитрий Михайлович Пожарский передал монастырю «по приказу отца своего» одну из стародубских вотчин – село Три Дворища. Тем не менее за ним осталась Мугре-евская вотчина близ Стародуба. Ему же принадлежали отцовские вотчины – село Медведково на реке Яузе, села Лучинское и Бодалово в Юрьевском уезде. От отца и деда Дмитрию Михайловичу досталось и приданое его матери Марии (Ефросиньи) Беклемышевой село Берсенево Клинского уезда и село Лукерь-ино-Фомино Коломенского уезда, а также приданое его бабки Берсеновой село Марчукино Коломенского уезда.

Стольник Д.М. Пожарский по царскому указу был отправлен на литовскую границу.

Об участии Пожарского в войне с Лжедмитрием I документальных данных нет. Скорее всего он оставался в Москве при особе государя. Вместе со всеми москвичами Дмитрий Михайлович целовал крест царю Димитрию и остался стольником при его дворе.

В ночь на 17 мая 1606 г. Пожарский оказался в отъезде. Он был в родовом имении Мугреево и, соответственно, не участвовал в перевороте Василия Шуйского. Дмитрию Михайловичу как-то фантастически везло, а может, наоборот, не везло, и он всегда оставался в стороне от всех переворотов. И новый царь его не наградил и не наказал. Василий Шуйский произвел «перебор» стольников, в ходе которого свыше ста человек были лишены этого звания. Пожарский же по-прежнему остался «вечным» стольником.

В конце 1607 г. под Москвой Пожарский многократно участвовал в

боях с войском Ивана Болотникова. В июне 1608 г. Пожарский отличился при защите Москвы от войск Тушинского вора. Именно его конный отряд в ночь на 4 июня остановил поляков Рожинского на Ваганьковском поле.

В июле 1608 г. Пожарский впервые был назначен воеводой и стал командовать отдельным отрядом. В то время шла, как уже говорилось, непрерывная борьба царских войск и Тушинского вора за контроль над коммуникациями. Воровские воеводы попытались оседлать Коломенскую дорогу и перенаправить поток хлеба из южных областей из Москвы в Тушино. Результатом действий тушинцев стало новое резкое вздорожание хлеба в Москве, стоимость четверти ржи достигала семи рублей. Русская четверть – это примерно четверть ведра, т.е. 3,075 литра.

Воевода Пожарский приказал атаковать «литовских людей» у села Высоцкого (сейчас это город Егорьевск). Тушинцы были наголову разбиты и бежали, оставив Пожарскому обоз – «многую казну и запасы». При этом Пожарский поссорился с коломенским воеводой Иваном Пушкиным, который предпочел отсидеться в остроге и отказался дать ратников в помощь Пожарскому. В итоге через несколько недель после сражения Пожарскому пришлось судиться у царя Василия с нахально замесничавшим Иваном Пушкиным. Род Пушкиных имел столь же «липовую» родословную, что и Романовы, а потянули на князя Рюриковича. Естественно, что царь отклонил их претензии, но драть их батогами, как в те времена было положено за оное преступление, не стал из-за шаткости своего положения.

Пожарского же царь пожаловал поместьем в Суздальском уезде, центром которого было большое село Нижний Ландех.

В 1609 г. царь назначил Пожарского воеводой в Зарайск. Город имел большое стратегическое значение. В Зарайске Пожарский узнает о поражении русских под Клушином. Вскоре в Зарайск Прокопий Ляпунов прислал своего племянника Федора Ляпунова уговаривать Пожарского подняться против Василия Шуйского. Дмитрий Михайлович категорически отверг это предложение.

Во время свержения Василия Шуйского и начала правления Семибоярщины Пожарский безвыездно находился в Зарайске и его окрестностях. Пожарский отказался целовать крест королевичу Владиславу и ожидал дальнейшего развития событий. Прокопий Ляпунов из Рязани начал рассылать грамоты с призывами собрать ополчение и идти на Москву. Теперь царь Василий отрекся от престола, и свободный от присяги Дмитрий Михайлович со спокойной совестью поддержал Ляпунова.

Сигизмунд решил уничтожить Ляпунова и специально для этого

направил на Рязанщину большой отряд поляков и запорожских казаков во главе с воеводой Исааком Сунбуловым. Известие о приближении Сунбулова застало Прокопия Ляпунова в его поместье, и он успел укрыться в деревянной крепости городка Пронска. Ратников в Пронске было мало, и Ляпунов разослал по окрестным городам отчаянные письма о помощи. Первым к Пронску двинулся Пожарский со своими зарайскими ратниками. По пути к ним присоединились отряды из Коломны. Узнав о прибытии войск Пожарского, поляки и казаки бежали из-под Пронска.

Через некоторое время Сунбулову удалось собрать свое воинство, и он решил отомстить Пожарскому, вернувшемуся из Пронска в Зарайск. Ночью запорожцы попытались внезапно захватить зарайский кремль (острог), но были отбиты. А на рассвете Пожарский устроил вылазку. Казаки в панике бежали и больше не показывались у Зарайска.

Обеспечив безопасность своего города, Пожарский смог отправиться в Рязань к Ляпунову. Там они договорились, что Ляпунов с ополчением двинется к Москве, а Пожарский поднимет восстание в самом городе. Для этого Пожарский и отправился в столицу.

Тяжелораненый Дмитрий Пожарский несколько недель лежал у монахов в Троице-Сергиевом монастыре, а затем отправился долечиваться в свою вотчину Мугреево.

6 октября 1611 г. монахи Троицкого монастыря опять разослали грамоты по городам с известием, что «пришел к Москве, к литовским людям на помощь Ходкевич, а с ним пришло всяких людей с 2000 человек и стали по дорогам в Красном селе и по Коломенской дороге, чтоб им к боярам, воеводам и ратным людям, которые стоят за православную христианскую веру, никаких запасов не пропускать и голодом от Москвы отогнать, и нас, православных христиан, привести в конечную погибель...»

Троицкие грамоты публично зачитывались на площадях и в церквях русских городов. Так было и в Нижнем Новгороде. Там их зачитал в Спасо-Преображенском соборе протопоп Савва Ефимьев. Чтение грамот закончилось горестными восклицаниями людей и вопросами: «Что же нам делать?» И тут раздался громкий голос: «Ополчаться!» Это сказал земский староста Кузьма Минин Сухорук.

К Кузьме Минину хорошо подходят слова кардинала Ма-зарини об Оливере Кромвеле: «Такие люди как удар молнии, о ней узнают, когда она поражает...»

До нас дошли лишь скудные сведения о жизни Кузьмы Минина до 1612 г. Ко времени выступления в Спасо-Преображенском соборе ему

было около 50 лет.

Кузьма родился в многодетной семье балахнинского соле-добытчика Мины Анкудинова. Предположительно отец Мины перебрался в Балахну из-за Волги, где жили его предки-крестьяне. Сам же Мина владел несколькими деревнями на луговой стороне Волги близ устья впадающей в нее реки Узолы. В записи Писцовой книги 1591 г. дворцовой Заузольской волости говорится: «Деревня Протасьева Щекина на Микольском истоке, деревня Сорвачева на речке на Чуди, деревня Лютикова Казариновская за балахонцем за посадским человеком за Минею за Анкудиновым». При этих деревнях было около четырнадцати десятин пахотной земли и семь десятин хормного леса. Надо ли говорить, что Мина Анкудинов слыл одним из богатейших жителей Балахны.

Солевой промысел приносил Мине большой доход. Он был совладельцем большой «рассольной трубы» (промысла) Каменка.

Предание гласит, что Кузьма Минин был крещен в Никольской церкви – первой каменной церкви в Балахне, которая сохранилась до наших дней. А недалеко от церкви есть озерцо, вокруг которого Кузьма посадил ветлы.

По архивным данным историки установили, что у Кузьмы было два старших брата – Федор и Иван – и два младших – Сергей и Бессон. Переезжая в Нижний Новгород, Мина Анкудинов, вероятно, оставил старшим сыновьям Федору и Ивану все хозяйство, принадлежавшее ему в Балахне. Историк Игорь Александрович Кирьянов нашел в синоднике Спасо-Преображенского собора несколько упоминаний о Федоре Минине, где он именуется то Федькою Мининым, то Федором, то Федькою Мининым сыном Анкудиновым.

Судя по ссылкам Писцовой книги 1674—1676 гг. на Писцовую книгу Балахны 1628 г., Федор Минин был совладельцем четырех рассольных труб, включая варницы Прибыток и Каменку, совместно с братом Иваном владел варницами Новик и Налет, двумя лавками в Большом ряду, двумя лавочными местами в Рыбном и Щепетильном ряду на балахнинском торге. А в трубах Каменка, Лунитская, Большая золотуха и Пospelовская за ними было 875 бадей рассола.

Все это позволяет сделать однозначный вывод об огромном богатстве Мининых. Но самое интересное, что совладельцем принадлежавшей Федору Минину рассольной трубы Лунитская был... Дмитрий Михайлович Пожарский! Так что, прежде чем стать товарищами по второму ополчению, Минин и Пожарский были товарищами в добыче и продаже соли.

Кузьме было около двенадцати лет, когда он с отцом переехал из

Балахны в Нижний Новгород. Они поселились на посаде Благовещенской слободы у старинного мужского монастыря. Дом Кузьмы Минина стоял «на горе на всполье», сейчас это место называется Гребешком.

Летом 1597 г. в Нижнем Новгороде произошла страшная катастрофа – мощный оползень снес богатую Печерскую обитель. Как писал местный летописец: «...В третьем часу ночи... В нижнем Нове-Граде в Печерском монастыре оползла гора от матерой степи и прошла вниз под холмы, где монастырь стоит... Вышла та земля на Волгу сажен на 50, а инде и больши... И явились на Волге бугры великие: суды, которые стояли под монастырем на воде, и те суды стали на берегу на сухе, сажен двадцать от воды и больше. И после того как поникла гора, пошли из горы ключи великие... »

Монастырь был восстановлен нижегородцами на новом месте. Вот тогда мог внести первые вклады в его строительство Мина Анкудинов, ставший через некоторое время иноком этого монастыря под именем Мисаил.

После ухода отца в монастырь Кузьма Минин вместе с братьями продолжает его дело. Кроме доли в рассольных трубах брата Федора, у Кузьмы были своя мясная лавка на нижегородском торгу и скотобойня. Имел Кузьма и большой дом в городе, хотя семья его была невелика – жена Татьяна Семеновна да сын Нефедий.

Сочетание богатства и честности у Кузьмы Минина вызвало уважение горожан, которые избрали его земским старостой. Земский староста фактически был посредником между властями в лице городского воеводы и московской администрации и горожанами. Основной функцией земского старосты был сбор налогов с населения, что, естественно, давало рычаг управления как в отношении горожан, так и в известной степени в отношении воеводы.

В годы Смутного времени, когда после каждого переворота прежнего царя объявляли незаконным, а то и сразу было несколько «царей», законность большинства воевод становилась сомнительной, а власть их уменьшалась. Соответственно, существенно возрастала роль земского старосты.

Большинство наших историков считают Минина неграмотным. Основано подобное мнение на том, что в грамотах за Минина «прикладывал руку» князь Пожарский. Но это могло быть данью этикету и связано с низким социальным статусом Минина, а может, он просто не мог подписываться правой рукой, вспомним его прозвище – Сухорук. Солепромышленники были одной из самых богатых категорий купцов, и

вряд ли Мина Ан-кудинов не захотел учить своего сына грамоте.

Предложение Минина «ополчаться» решительно поддержал протопоп Спасо-Преображенского собора Савва Ефимьев. В 1606 г. царь Василий специальной грамотой потребовал от всех попов Нижнего Новгорода «спасского протопопа Саввы слушати, на собор по воскресеньям к молебнам и по праздникам к церквам приходить». Савва мог наказывать любого из попов и даже «сажати в тюрьму на неделю».

Савва, встав в соборе перед святыми воротами, обратился к пастве со словами: «Увы нам, чада мои и братия, пришли дни конечной гибели – погибает Московское государство и вера православная гибнет. Горе нам!.. Польские и литовские люди в нечестивом совете своем умыслили Московское государство разорить и непорочную веру в латинскую многопрелестную ересь обратить!.. Из-за грехов наших попускает Господь врагам нашим возноситься. Прекрасный град Москву оные еретики до основания разрушили и москвичей всеядному мечу предали. Что сделаем, братия, и что скажем? Не утвердиться ли нам в единении и не стать ли насмерть за веру христианскую, чистую и непорочную, и за святую соборную и апостольскую церковь во имя Богородицы, ее честного успения и за многоцелебные мощи московских чудотворцев. О том и грамота просительная из Троице-Сергиева монастыря...»

Речь Саввы убедила большинство горожан поддержать Минина. Однако объявились и оппоненты. Когда Минин заявил: «Сами мы не искусны в ратном деле, так станем кличь кликать по вольных служилых людей», то послышались вопросы: «А казны нам откуда взять, служилым людям?» Минин отвечал: «Я убогий с товарищами своими, всех нас 2500 человек, а денег у нас в сборе 1700 рублей; брали третью деньгу: у меня было 300 рублей, и я 100 рублей в сборные деньги принес; то же и вы все сделайте». «Будь так, будь так!» – закричали в ответ. Начали сбор денег. Пришла вдова и сказала: «Осталась я после мужа бездетна, и есть у меня 12 тысяч рублей, 10 тысяч отдаю в сбор, а 2 тысячи оставлю себе». Кто не хотел давать деньги добровольно, у того брали силой.

Кузьма Минин оказался прекрасным организатором и, как сейчас говорят, «крепким хозяйственником». Но стать главой ополчения ему не позволяли происхождение и незнание ратного дела. Ополчению нужен был вождь. Старый нижегородский воевода Александр Репнин пошел было в первое ополчение, но там себя ничем не проявил, а после убийства Ляпунова купил себе у Заруцкого воеводство в Свияжске.

Минин предложил пригласить воеводой Дмитрия Михайловича Пожарского. Как воевода Пожарский не проиграл ни одной битвы. Как

стольник Пожарский ни разу не нарушил верность царю. Он был предан последовательно Борису Годунову, Лжедмитрию I и Василию Шуйскому, пока их смерть или отречение не освобождали его от присяги. Пожарский не присягал ни Тушинскому, ни Псковскому вора́м, равно как и королю Сигизмунду, и королевичу Владиславу.

Очень важно было и то, что Пожарский находился рядом с Нижним в селе Мугрееве. Наконец, не последнюю роль сыграло и личное знакомство Кузьмы Минина с князем.

По призыву Минина и Ефимьева горожане единодушно решили позвать на воеводство князя Пожарского. Несколько раз посылали нижегородцы гонцов к князю Пожарскому с просьбой возглавить ополчение, но он отвечал отказом. Это было связано, с одной стороны, с этикетом – на Руси не было принято соглашаться с первого раза (вспомним, как отказывался от престола Годунов, и далее мы узнаем, как ломал комедию Михаил Романов), а с другой стороны, Дмитрий Михайлович хотел таким способом вытребовать себе большую власть.

Наконец в Мугреево было отправлено большое посольство во главе с архимандритом Печерского монастыря Феодосием. Там же был соратник воеводы сын боярский Ждан Петрович Болтин и богатые нижегородские купцы. Тут Пожарский вынужден был согласиться и сказал: «Рад я вашему совету, готов хотя сейчас ехать, но выберите прежде из посадских людей, кому со мною у такого великого дела быть и казну собирать». Послы сказали, что в Нижнем Новгороде такого человека нет, на что Пожарский ответил: «Есть у вас Кузьма Минин, бывал он человек служилый, ему это дело за обычай».

Денег на ополчение нижегородцы собрали довольно много. Но профессиональных военных почти не было. До Смуты в Нижнем Новгороде находилось свыше трехсот служилых людей (дворян, детей боярских и боевых холопов), а сейчас их осталось менее пятидесяти. Зато недалеко, в Арзамасском уезде, пребывало свыше двух тысяч дворян из Смоленска, Дорогобу-жа и Вязьмы. Смоленские дворяне были с детства привычны к оружию. И это не традиционное преувеличение. Русский царь и польский король могли десятилетиями быть в мире, но ни одного года не обходилось без нападения грабителей-шляхтичей на пограничные смоленские земли.

Еще до вторжения в Россию армии Сигизмунда царь Василий велел смоленским служилым людям отправиться на помощь Михаилу Скопину-Шуйскому. После разгрома русских войск у Клушина смоляне остались без командования и без средств, поскольку в их имениях уже бесчинствовало

польское коронное войско.

Как уже говорилось, Семибоярщина боялась своего народа, а особенно русских ратников. Еще до московского восстания бояре под предлогом защиты окраины по частям распахали по дальним городам почти всех московских стрельцов. А смоленские дворяне вызывали у Семибоярщины особое опасение. Кнута у бояр не было, и они вспомнили о прянике. Из обширных дворцовых (царских) земель в Арзамасском, Ярославском и Алатырском уездах смоленским дворянам были выделены довольно приличные поместья. Однако Иван Заруцкий и его казаки сами зарились на эти богатые земли и отправили администраторам уездов и крестьянам грамоты, в которых постановление Семибоярщины было объявлено незаконным, а имения смолянам велено не отдавать. Дело дошло до столкновений смолян с местными гарнизонами и крестьянами. И тут в самый критический момент подспела грамота Минина с предложением дворянам идти в ополчение, и большинство их откликнулось на этот призыв.

В Мугреево к Пожарскому начали съезжаться смоляне. Князь двинулся в Нижний Новгород уже в сопровождении нескольких сотен дворян, по пути к нему присоединилось еще несколько отрядов. В Нижний Новгород торжественно вошло уже целое войско, причем войско профессиональное, состоящее из дворян и их боевых холопов. Все горожане высыпали на улицы встречать славного воеводу. Они приветствовали его радостными криками. У Спасского собора в кремле Пожарского ждали «лучшие» люди – протопоп собора Савва, архимандрит Феодосий, воеводы князь Василий Андронов Звенигородский и Андрей Семенович Алябьев, дьяк Василий Семенов, стряпчие Иван Биркин и Василий Юдин и, конечно же, руководители ополчения – Кузьма Минин и Ждан Болтин.

В тот же день ополченцам было роздано жалованье. Сотники и десятники получили по 50 рублей, конные дворяне – по 40 рублей, стрельцы – по 30 рублей, остальные – по 20 рублей. Заметим, что и Борис Годунов, и Василий Шуйский платили «государево жалованье» куда меньше. Например, стольник получал на поход 20 рублей. Деньги были немалые, а для ведения войны требовалось во много раз больше. Поэтому нижегородцы разослали по всем городам грамоты: «...междоусобная брань в Российском государстве длится немалое время. Усмот-ря между нами такую рознь, хищники нашего спасения, польские и литовские люди, умыслили Московское государство разорить, и Бог их злокозненному замыслу попустил совершиться. Видя такую их неправду, все города Московского государства, сославшись друг с другом, утвердились

крестным целованием – быть нам всем православным христианам в любви и соединении, прежнего междоусобия не начинать, Московское государство от врагов очищать, и своим произволом, без совета всей земли, государя не выбирать, а просить у Бога, чтобы дал нам государя благочестивого, подобного прежним природным христианским государям. Из всех городов Московского государства дворяне и дети боярские под Москвою были, польских и литовских людей осадили крепкою осадой, но потом дворяне и дети боярские из-под Москвы разъехались для временной сладости, для грабежей и похищения. Многие покушаются, чтобы быть на Московском государстве панье Маринке с законом-преступным сыном ее. Но теперь мы, Нижнего Новгорода всякие люди, сославшись с Казанью и со всеми городами понизовыми и поволжскими, собравшись со многими ратными людьми... идем все головами своими на помощь Московскому государству, да к нам же приехали в Нижний из Арзамаса смольняне, дорогобужцы и вятчане и других многих городов дворяне и дети боярские. И мы всякие люди Нижнего Новгорода, посоветовавшись между собою, приговорили животы свои и дома с ними разделить, жалованье им и подмогу дать и послать их на помощь Московскому государству. И вам бы, господа, помнить свое крестное целование, что нам против врагов наших до смерти стоять: идти бы теперь на литовских людей всем вскоре. Если вы, господа, дворяне и дети боярские, опасаетесь от казаков какого-нибудь налога или каких-нибудь воровских заводов, то вам бы никак этого не опасаться. Как будем все верховые и понизовые города в сходу, то мы всю землю о том совет учиним и дурна никакого вора делать не дадим... Мы, всякие люди Нижнего Новгорода, утвердились на том и в Москву к боярам и ко всей земле писали, что Маринки и сына ее, и того вора, который стоит под Псковом, до смерти своей в государи на Московское государство не хотим, точно так же и литовского короля».

Содержание грамот было фактически манифестом второго ополчения. Минин и Пожарский открыто заявили всей стране, что они не только хотят избавить Русь от поляков и литовцев, а также от Маринки и ее «воренка, но и наведут в стране порядок – „никакого дурна никому делать не дадим“. Хотя Заруцкий и Трубецкой не были поименно названы, ни у кого не было сомнения, как к ним относятся вожди второго ополчения. Как писал историк С.М. Соловьев, это было „движение чисто земское, направленное столько же, если еще не больше, против казаков, сколько против польских и литовских людей“.

Нижегородские грамоты произвели большой эффект по всей стране. В Нижний чуть ли не ежедневно приходили отряды из Коломны, Рязани, с

юго-запада Руси и из сибирских городов. К ополчению присоединилась и часть московских стрельцов, разосланных по городам Семибоярщиной. В ополчение со своими дружинами пришли и родственники Дмитрия Михайловича – Дмитрий Лопата, Иван и Роман Пожарские, дети Петра Тимофеевича Щепы-Пожарского.

В Нижнем Новгороде у Благовещенской слободы был устроен пушечный двор, где к весне 1612 г. отлили первые пушки. Богатые купцы Никитовы, Лыткины, Дощанниковы и другие передали Минину несколько тысяч рублей. Одни только промышленники Строгановы дали на ополчение 4660 рублей.

Поляки и Семибоярщина узнали о созыве второго ополчения, когда князь Пожарский еще был в Мугрееве.

Как-либо помешать сбору второго ополчения ни Семибоярщина, ни поляки не могли за неимением свободных войск. Боярской думе оставалось лишь вести психологическую войну – рассылать грамоты, обличающие вождей второго ополчения. Бояре начали уговаривать Гермогена, чтобы он написал туда грамоту и запретил поход на Москву. Но сломить патриарха не удалось ни лестью, ни угрозами. От твердо заявил: «Да будут благословенны те, кои идут на очищение Московского государства, а вы, окаянные изменники, будете прокляты».

До января 1612 г. воевода Пожарский прославился знанием тактики и личной храбростью. Возглавив ополчение, он с первых дней показал себя незаурядным стратегом и искусным политиком. Кузьма Минин во всем безоговорочно поддерживал воеводу. Оба вождя понимали, что идти прямо к Москве на соединение с Заруцким и Трубецким – это повторить судьбу Ляпунова и погубить второе ополчение.

В январе 1612 г. Пожарский объявил, что нижегородская рать пойдет на выручку Суздалью, осажденному польскими отрядами. В дальнейшем князь предполагал сделать Суздаль местом сбора ополчения со всей страны. Мало того, в Суздале предполагался созыв Земского собора, на котором были бы представлены все русские земли. Земский собор должен был решить вопрос об избрании царя: «Как будем все понизовые и верховые города в сходе вместе, мы всею землей выберем на Московское государство государя, кого нам Бог даст».

Пожарский правильно оценил ситуацию. Война Нижегородского ополчения с поляками – это элемент бесперспективной гражданской войны, так как за ополчением стоит лишь земская власть Нижнего Новгорода. А когда за ополчением будет стоять государственный аппарат во главе с царем и патриархом, произойдет коренной перелом в мышлении всего народа.

Царь же должен быть избран Земским собором представителями всех городов Руси, а не пьяными казаками, выдвинувшими уже десятка два самозванцев. Понятно, что на Земском соборе, проходящем под охраной ополчения Пожарского, и речи не будет о псковском Лжедмитрии или «воренке» Марины Мнишек. Теоретически могли быть рассмотрены лишь два варианта: избрание заморского королевича и выборы князя Рюриковича. Первый вариант был маловероятен – уж очень всем памятен случай с королевичем Владиславом. А если выбирать своего, русского, то кого? Шуйские в польской темнице, Голицыны, Мстиславские, Романовы также в руках поляков, и те их даже на собор не выпустят. Тушинский боярин Трубецкой силен лишь в окружении казаков, о нем и речи не будет. Таким образом, решение собора нетрудно предугадать.

Это прекрасно понимали и в подмосковном казачьем лагере. Реакция последовала незамедлительно. На Суздаль были срочно брошены казачьи отряды атаманов Андрея и Ивана Про-совецких. Польские войска отошли без боя, и Суздаль был занят казаками. Таким образом, прямой путь Пожарскому к Москве был закрыт. Конечно, дворянское ополчение без труда могло выбить казаков из Суздаля, но начинать войну с первым ополчением было нецелесообразно в военном, а главное, в политическом отношении. Поэтому Пожарский решил двинуть рать в обход Москвы по Волге.

Между тем осложнилась обстановка на севере Руси. 8 июля 1611 г. самозванец явился у стен Пскова. На выручку Пскова шведы направили отряд Горна. Лжедмитрий III испугался и отступил к Гдову. Горн отправил укрепившемуся в Гдове Лжедмитрию послание, где писал, что не считает его настоящим царем, но так как его «признают уже многие», то шведский король дает ему удел во владение, а за это пусть он откажется от своих притязаний в пользу шведского королевича, которого русские люди хотят видеть своим царем. Самозванец отказался, его войска сделали вылазку из Гдова и прорвались в Иван-город. 4 декабря 1611 г. Лжедмитрий III торжественно въехал в Псков, где немедленно был «оглашен» царем.

Вождам первого ополчения давно требовался кандидат на престол. Многие казаки, не говоря уж о дворянах, не любили Заруцкого и не желали «воренка» Ивана Дмитриевича. Поэтому в Псков срочно была послана делегация казаков во главе со сподвижником Тушинского вора Казарином Бегичевым. В Пскове Казарин только взглянул на самозванца, как закричал во всю мочь: «Вот истинный государь наш калужский!» 2 марта 1612 г. по предложению Ивана Плещеева первое ополчение присягнуло Псковскому вору или, как его иногда называют историки, Лжедмитрию III.

Узнав о намерении Пожарского двинуть войско на Москву в обход, Трубецкой и Заруцкий решили опередить его и захватить Ярославль, тем самым преградить путь Пожарскому по Волге и отрезать ополчение от Русского Севера. К Ярославлю с атаманом Андреем Просовецким двинулся большой отряд воровских казаков.

Пожарский среагировал немедленно и выслал к Ярославлю мобильный отряд под началом Дмитрия Петровича Лопаты-Пожарского. Основные же силы ополчения торжественно двинулись в поход из Нижнего Новгорода в день Великого поста 23 февраля 1612 г. В Балахне, первом городе на пути ополчения, жители хлебом-солью встретили Пожарского, а местный воевода Матвей Плещеев присоединился к ополченцам.

Плещеев был «липовым боярином», получившим сей чин у Тушинского вора. Позже он пошел в первое ополчение, но после убийства Ляпунова покинул его. Под Москвой Плещеев вдоволь насмотрелся на казацкие бесчинства и безоговорочно встал на сторону Минина и Пожарского.

Так же встречали ополчение жители Городца, Кинешмы и других городов. Лишь в Костроме воевода Иван Шереметев, сторонник Владислава, не пожелал впустить в город ополчение. Но жители ударили в набат и связали воеводу. Вошедшему в Кострому Пожарскому пришлось спасать Шереметева, которого горожане хотели казнить. По просьбе костромичей Пожарский назначил им нового воеводу – князя Романа Ивановича Гагарина, который несколько недель до этого уже воеводствовал в Костроме. Гагарин отличился в войне с Болотниковым, однако потом переметнулся к Лжедмитрию II в Тушино. «Воровские» нравы его не устроили, и Гагарин вернулся к Шуйскому, который был вынужден прощать всех перебежчиков. Зато Гагарин одним из первых отозвался на призыв Минина и вступил в ополчение.

В Ярославле власть была в руках престарелого боярина Андрея Куракина и дьяка Михаила Данилова. К ним присоединился приехавший из первого ополчения стольник Василий Бутурлин. Весть о присяге первого ополчения Псковскому вору и прибытие отряда Лопаты произвели должное впечатление на Куракина, и он счел за лучшее присоединиться к Пожарскому. Таким образом, Ярославль без боя перешел в руки второго ополчения. В первых числах апреля 1612 г. основные силы ополчения под колокольный звон вступили в Ярославль.

Занятие Ярославля произвело большое впечатление на города Поволжья. Даже казанская администрация была вынуждена признать власть Минина и Пожарского и отправить к ним большой отряд ратников.

4 апреля 1612 г. в Ярославль пришла грамота из Троице-Сергиева монастыря. Дионисий, Авраамий Палицын, Сукин и Андрей Палицын уведомляли, что «2 марта злодей и богоотступник Иван Плещеев с товарищами по злему воровскому казачьему заводу затеяли под Москвою в полках крестное целованье, целовали крест вору, который в Пскове называется царем Димитрием; боярина князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, дворян, детей боярских, стрельцов и московских жилецких людей привели к кресту неволею: те целовали крест, боясь от казаков смертного убийства; теперь князь Дмитрий у этих воровских заводцев живет в великом утеснении и радеет соединиться с вами. 28 марта приехали в Сергиев монастырь два брата Пушкины, прислал их к нам для совета боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, чтоб мы послали к вам, и все бы православные христиане, соединясь, промышляли над польскими и литовскими людьми, и над теми врагами, которые завели теперь Смуту. И вам бы положить на своем разуме о том: может ли и небольшая хижина без настоятеля утвердиться, и может ли один город без властодержателя стоять: не только что такому великому государству без государя быть? Соберитесь, государи, в одно место, где Бог благоволит, и положите совет благ, станем просить у вседержителя, да отвратит свой праведный гнев и даст стаду своему пастыря, пока злые заводцы и ругатели остальным нам православным христианам порухи не сделали. Нам известно, что замосковские города – Калуга, Серпухов, Тула, Рязань по воровскому заводу креста не целовали, а радеют и ждут вашего совета. Да марта же 28 приехал к нам из Твери жилец и сказывал, что в Твери, Торжке, Старице, Ржеве, Погорелом Городище также креста не целовали, ждут от вас промысла и совета; Ивана Плещеева в Тверь не пустили, товарищам и его казакам хлеба купить не дали. Молим вас усердно, поспешите прийти к нам в Троицкий монастырь, чтоб те люди, которые теперь под Москвою, рознью своею не потеряли Большого Каменного города, острогов, наряду».

В этой грамоте также говорилось о страдальческой кончине патриарха Гермогена: «В изгнании нужне умориша».

Я специально подробно привожу грамоту монахов, которую никак не комментировали ни Соловьев, ни другие историки. А ведь суть грамоты – «соберитесь в одно место, где Бог благословит» и выберите царя. А где может Бог благословить, указано ниже: «...поспешите прийти к нам в Троицкий монастырь». Понятно, что монастырское начальство крайне обеспокоено, как бы Земский собор не собрался в Ярославле и не выбрал бы царя без них. А Дионисий и Палицын очень хотели провести собор в Троице-Сергиевом монастыре. Там вполне могло случиться и чудо – явился

бы Сергей Радонежский и указал бы достойного кандидата на престол. Кроме того, у монахов были вполне земные аргументы: крепкие стены и большие пушки Троицы. Наконец, недалеко было и первое ополчение, и троицкие монахи надеялись контролировать ситуацию, играя на противоречиях руководителей ополчения. Надо ли говорить, что Минин и Пожарский не попались в ловушку для дураков. Они и не подумали идти в Троицу, а призыв монахов выбрать «пастыря» использовали в своих грамотах, рассылаемых по стране.

7 апреля из Ярославля по городам пошли грамоты, где говорилось: «Бояре и окольничие, и Дмитрий Пожарский, и стольники и дворяне большие и стряпчие, и жильцы, и головы, и дворяне, и дети боярские всех городов, и Казанского государства князя, мурзы и татары, и разных городов стрельцы, пушкарники и всякие служилые и жилацкие люди челом бьют. По умножению грехов всего православного христианства, Бог навел неутолимый гнев на землю нашу: в первых прекратил благородный корень царского поколения (далее следовало перечисление бедствий Смутного времени до убийства Ляпунова и последовавшего за этим буйства казаков). Из-под Москвы князь Дмитрий Трубецкой да Иван Заруцкий, и атаманы и казаки к нам и по всем городам писали, что они целовали крест без совета всей земли государя не выбирать, псковскому вору, Марине и сыну ее не служить, а теперь целовали крест вору Сидорке ^[42], желая бояр, дворян и всех лучших людей обить, именье их разграбить и владеть по своему воровскому казацкому обычаю. Как сатана омрачил очи их! При них калужский их царь убит и безглавлен лежал всем напоказ шесть недель, об этом они из Калуги в Москву и по всем городам писали! Теперь мы все православные христиане общим советом, согласились со всею землею, обет Богу и души свои дали на том, что нам их воровскому царю Сидорке и Марине с сыном не служить и против польских и литовских людей стоять в крепости неподвижно. И вам, господа, пожаловать, советовать со всякими людьми общим советом, как бы нам в нынешнее конечное разоренье быть небезгосударным, выбрать бы нам общим советом государя, чтоб от таких находящихся бед без государя Московское государство до конца не разорилось. Сами, господа, знаете, как нам теперь без государя против общих врагов, польских, литовских и немецких людей и русских воров, которые новую кровь начинают, стоять? И как нам без государя о великих государственных и земских делах с окрестными государями ссылаться? И как государству нашему вперед стоять крепко и неподвижно? Так по всемирному своему совету пожаловать бы вам, прислать к нам в Ярославль из всяких чинов людей человека по два, и с ними совет свой отписать, за

своими руками. Да отписать бы вам от себя под Москву в полки, чтоб они от вора Сидорки отстали, и с нами и со всею землею розни не чинили. В Нижнем Новгороде гости и все земские посадские люди, не пощада своего именья, дворян и детей боярских снабдили денежным жалованьем, а теперь изо всех городов приезжают к нам служилые люди, бьют челом всей земле о жалованье, а дать им нечего. Так вам бы, господа, прислать к нам в Ярославль денежную казну ратным людям на жалованье».

Надо ли говорить, что если бы Минину и Пожарскому удалось собрать собор в Ярославле, то все девять добрых молодцев-подписантов стали бы лишь хорошей декорацией для единственной кандидатуры на престол – Дмитрия Михайловича Пожарского.

Созыв собора в обстановке смуты и хаоса – дело не недель, а долгих месяцев. Поэтому в Ярославле, не дожидаясь собора, было создано земское правительство, управляющее уже большей частью России. В Ярославле возникли учреждения типа министерств – Поместный приказ, Монастырский приказ, Разрядный приказ, Казанский дворец, Новгородская четверть и другие, то есть все учреждения, существовавшие при Иване Грозном и Борисе Годунове. В Ярославле был устроен Денежный двор, и началась чеканка монеты. Земское правительство вступает в переговоры с зарубежными странами.

Значительную роль в правительстве играл Кузьма Минин. Нижегородский мещанин получил необычный и внушительный титул – «Выборный всею землею человек». Минин даже обзавелся собственной печатью, на которой была изображена фигура античного героя, сидящего в кресле и держащего в правой руке чашу. Рядом с креслом стояла амфора. Все это символизировало смысл деятельности Минина – собрание и хранение государственной казны.

Разумеется, кроме светской власти, должна быть власть и духовная. Для созыва Большого собора нужно было время, а пока был создан Духовный совет, во главе которого был поставлен бывший ростовский митрополит Кирилл. Тот самый Кирилл, которого без особых оснований сместил с митрополии Гришка Отрепьев, дабы поставить туда своего благодетеля Филарета Романова. С 1606 г. Кирилл проживал в Троице-Сергиевом монастыре. Выбор Кирилла не был случаен. В начале 1612 г. в Москве от рук поляков принял мученическую кончину патриарх Гермоген. Филарета Романова, гостившего у польского короля, ни патриархом, ни митрополитом в Ярославле не считали. По церковному обычаю следующим по старшинству после патриарха считался крутицкий митрополит Пафнутий, сидевший в Кремле с поляками. Далее шел новгородский

митрополит, но новгородский митрополит Исидор был в шведском плену. За ним следовал казанский митрополит Ефрем, но он был крайне необходим в Казани, а далее следовал по старшинству ростовский митрополит. Таким образом, в Ярославле была организована и своя церковная власть, и под рукой был почти неоспоримый кандидат в патриархи.

Для поднятия боевого духа ополчения Минин и Пожарский успешно использовали провоз через Ярославль иконы Пречистой Богоматери Казанской. В 1611 г. казанские ратники привезли ее под Москву в войско Ляпунова, а теперь везли по Волге в Казань. В Ярославле было организовано несколько молебнов у иконы, и с нее местные богомазы сделали список (копию). Этот список и отправили по Волге в Казань, а подлинник стал главной святыней ополчения. По свидетельству летописца, «ратные ж люди велию веру начаша держати к образу Пречистыя богородицы...»

Ярославское правительство учредило и новый государственный герб, на котором был изображен лев. На большой дворцовой печати были изображены два льва, стоящие на задних лапах. При желании введение нового герба можно объяснить тем, что все самозванцы выступали под знаменами с двуглавым орлом, гербом русского государства еще со времен Ивана III. Но с другой стороны, новый государственный герб был уж очень похож на герб князя Пожарского, где были изображены два рыкающих льва. Да и сам Пожарский теперь именовался «Воевода и князь Дмитрий Михайлович Пожарково-Стародубский».

Деятельность ярославского правительства начала приносить плоды. Даже отдаленные области Поморья и Сибири слали деньги и своих представителей в Ярославль.

В отношении первого ополчения Минин и Пожарский вели гибкую политику, благодаря которой удалось избежать не только войны, но даже и официального разрыва между ополчениями. С другой стороны, по всей стране рассылались грамоты с обличениями руководителей первого ополчения. С некоторой долей упрощения ситуации это можно представить так: Минин и Пожарский признавали власть первого ополчения только под Москвой и больше нигде. В места, находившиеся под контролем Трубецкого и Заруцкого, посылались отряды дворян, которые выдавливали оттуда казаков, а кое-где и выбивали силой.

В апреле 1612 г. к Суздалю подошел отряд князя Романа Петровича Пожарского, и атаману Просовецкому пришлось уносить ноги. В мае воевода Иван Наумов подошел к Переславлю-Залесскому, и казаки снова

бежали без выстрела. В том же мае князь Дмитрий Черкасский выбил казаков из Углича. Четыре атамана сразу перешли на его сторону, но к остальным пришлось применить силу.

Чтобы очистить путь на север, Дмитрий Пожарский отправил в Пошехонье отряд Лопаты-Пожарского. Воровские казаки были выбиты из Пошехонья. Их атаман Василий Толстой бежал в Кашин, где засел воевода первого ополчения Дмитрий Черкасский. Недолго поразмыслив, Черкасский перешел на сторону Пожарского.

Торжок и Владимир также подчинились «Совету всей земли», созданному в Ярославле.

Считая себя правителем государства, Пожарский взял в свои руки все внешнеполитические дела. Воевода прекрасно понимал, что у второго ополчения нет сил для одновременной войны с поляками и шведами, и решил выиграть время, вступив в переговоры со Швецией. Для этого 13 мая 1612 г. в Новгород был послан Степан Татищев с грамотами от Минина и Пожарского к митрополиту Исидору, новгородскому воеводе князю Ивану Большому Никитичу Одоевскому и шведскому воеводе Якобу Делагарди.

В грамотах к митрополиту и воеводе Одоевскому содержались запросы о состоянии дел в Новгороде и о взаимоотношениях со шведскими оккупантами. В грамоте к Делагарди Минин и Пожарский писали, что если король шведский «даст брата своего на государство и окрестит его в православную христову веру», то второе ополчение поддержит его кандидатуру на русский престол.

19 мая Татищев отправился обратно в Москву с грамотами от Исидора, Одоевского и Делагарди, которые обещали прислать своих послов в Ярославль. Вернувшись, Татищев сообщил, что в Новгороде от шведов «христианской вере никакой порухи и православным крестьянам разорения никакого нет, а живут по-прежнему безо всякое скорби» и что шведский принц Карл-Филипп ожидается вскоре в Новгороде по воле Новгородского государства.

Начало переговоров со шведами дало повод руководству второго ополчения разослать грамоты по украинным городам, которые поддерживали Псковского вора, Марину и ее сына: «Только вы от того вора отстанете и с нами будете в соединении, то враги наши, польские и литовские люди из Московского государства выйдут; если же от вора не отстанете, то польские и литовские люди Москву и все города до конца разорят, всех нас и вас погубят, землю нашу пусту и беспмятну учинят, и того всего взыщет бог на нас, да и окрестные все государства назовут вас

предателями своей вере и отечеству, а больше всего, какой вам дать ответ на втором пришествии перед праведным судиею? Да писали к нам из Великого Новгорода митрополит Исидор и боярин князь Одоевский, что у них от немецких людей православной вере порухи и православным христианам разоренья нет, шведского короля Карла не стало, а после него сел на государстве сын его Густав Адольф, а другой сын его Карлус Филипп будет в Новгород на государство вскоре, и дается на всю волю людей Новгородского государства, хочет креститься в нашу православную христианскую веру греческого закона. И вам бы, господа, про то было ведомо, и прислали бы вы к нам, для общего земского совета, из всяких чинов человека по два и по три, и совет свой отписали к нам, как нам против общих врагов, польских и литовских людей стоять и как нам в нынешнее злое время безгосударственным не быть и выбрать бы нам государя всюю землею. А если вы, господа, к нам на совет вскоре не пришлете, от вора не отстанете и со всею землею не соединитесь и общим советом с нами государя не станете выбирать: то мы, с сердечными слезами расставшись с вами, всемирным советом с поморскими, понизовыми и замос-ковскими городами, будем выбирать государя. Да объявляем вам, что 6 июня прислали к нам из-под Москвы князь Дмитрий Трубецкой, Иван Заруцкий и всякие люди повинную грамоту, пишут, что они своровали, целовали крест псковскому вору, а теперь они сыскали, что это прямой вор, отстали от него и целовали крест вперед другого вора не затевать и быть с нами во всемирном совете; о том же они писали и к вам во все украинские города».

Послал Пожарский грамоты и в далекую Сибирь с уведомлением о новгородских делах и с требованием прислать выборных для совета насчет избрания шведского королевича.

Переговоры со шведами и разосланные по русским городам грамоты с призывом ехать в Ярославль выбирать королевича могут навести на мысль, а не хотел ли действительно Пожарский посадить на московский трон принца Карла-Филиппа, брата нового шведского короля Густава II Адольфа? Начнем с того, что шведский принц был для Руси куда предпочтительнее королевича Владислава. Шведы почти сто лет, как отказались от крестовых походов на Русь. Карл-Филипп и его брат были протестантами, а не фанатиками-католиками, как Владислав и Сигизмунд. А у русских с протестантами всегда были куда менее напряженные отношения, чем с католиками.

В отличие от поляков король Карл IX и шведские феодалы не были агрессорами. Поначалу они добросовестно хотели помочь России. И за то,

что Польша не была повержена, вина целиком и полностью лежит на Василии Шуйском и его окружении, а не на Карле IX и Якобе Делагарди. После свержения царя Василия, когда злейший враг Карла IX Сигизмунд попытался овладеть всей Россией, шведы предприняли наиболее разумную меру для обеспечения своей безопасности – попытались посадить на московский престол своего королевича, а в случае неудачи – захватить северные земли России. Захват Новгорода, Корелы, Ингерманландии и Кольского полуострова можно считать при желании агрессией, что и делали советские историки, но вполне резонно можно считать и созданием защитного барьера у шведских границ против агрессии Сигизмунда.

За приезд шведского принца в Россию Густав Адольф требовал часть северных русских земель. Кстати, эти земли уже контролировались его администрацией, и без большой войны шведов оттуда выбить было нельзя. Если бы молодой шведский принц принял православие, то он мог быстро обрусеть и стать хорошим правителем, во всяком случае, не хуже Миши Романова.

Таким образом, как шведский король, так и жители украинных и сибирских городов считали избрание Карла-Филиппа делом реальным и полезным для русского государства. Но совсем иного мнения придерживался Дмитрий Пожарский, водивший за нос и шведов, и своих соотечественников.

В середине июня 1612 г. в Ярославль прибыл проездом возвращавшийся с персидским посольством от шаха Абасса посол австрийского императора Рудольфа II Юсуф Грегорович. Он был принят Пожарским. В ходе светской беседы всплыл как-то сам собой вопрос о кандидатуре на московский престол императорского брата эрцгерцога Максимилиана. Документально неизвестно, кто первым «сказал мяу» про Максимилиана, но вряд ли это мог сделать посол, не имевший на то санкции императора и отсутствовавший в Вене несколько лет.

Пожарский заявил Грегоровичу, что русские Максимилиана «примут с великой радостью». Посоветовав послу возвращаться на родину морским путем через Архангельск, так как сухой путь через Литву был небезопасен, Дмитрий Михайлович передал с ним императору следующую грамоту: «Как вы, великий государь, эту нашу грамоту милостиво выслушаете, то можете рассудить, пригожее ли то дело Жигимонт король делает, что, преступив крестное целованье, такое великое христианское государство разорил и до конца разоряет, и годится ль так делать христианскому государю! И между вами, великими государями, какому вперед быть укрепленью кроме крестного целованья? Бьем челом вашему цесарскому

величеству всею землею, чтоб вы, памятуя к себе дружбу и любовь великих государей наших, в нынешней нашей скорби на нас призрели, своею казною нам помогли, а к польскому королю отписали, чтоб он от неправды своей отстал и воинских людей из Московского государства велел вывести».

В тексте грамоты не было упомянуто о Максимилиане, но устно Грегорович должен был передать официальное предложение Пожарского.

Историк С.М. Соловьев писал об этой грамоте: «Озабоченные великим и трудным делом, обращая беспокойные взоры во все стороны, нельзя ли где найти помощь, начальники ополчения вспомнили о державе, с которою прежние цари московские были постоянно в дружественных сношениях, которой помогли деньгами во время опасной войны с Турциею; эта держава была Австрия. Вожди ополчения по неопытности своей думали, что Австрия теперь захочет быть благодарною, поможет Московскому государству в его нужде».

Теперь эти высказывания повторяет каждый, кто пишет о Пожарском, да еще и не ставит кавычек. На самом деле воевода не был столь наивен. Заметим, что австрийские императоры издавна добивались союза с Россией против Польши. В 1514 г. император «Священной Римской (Австрийской) империи» Максимилиан I предложил Василию III частичный раздел Польши между Австрией и Московией так, чтобы к Австрии отошла Силезия, а к Московии – Киев с областью. Это было первое по времени предложение такого рода. Позднее они повторялись периодически. Так, к примеру, в 1572 г. император Максимилиан II обратился к Ивану Грозному с предложением устроить полный раздел Польши. При этом Великую Польшу, Мазовию, Куявию и Силезию присоединить к Австрийской империи, а Литву и ее земли (Белую и Малую Русь и Подляшье) – к Московскому царству.

Итак, Пожарский пытался устроить Польше войну на два фронта (как в 1939 году!) при довольно большой вероятности успеха. Однако по ряду причин, в том числе из-за турецкой угрозы, Рудольф II не выступил против Польши. Однако сам факт ведения переговоров ярославского правительства с австрийским императором был замечен в Польше и стал серьезным аргументом у радных панов против продолжения королевской войны с Россией.

А внутри страны толки о брате шведского короля и брате императора «Священной Римской империи» создавали Пожарскому большой пропагандистский эффект. Ну, предположим, собрали вожди ополчения в Ярославле собор представителей всех русских городов, а кандидатура одна

– стольник Пожарский. А других нет – я уже говорил, сколь несерьезны были знатные лица, собравшиеся под знаменем второго ополчения. И получилось бы, что Пожарский избрал сам себя. А тут лучшие в Европе кандидаты – эрцгерцог и принц. Другой вопрос, если собор обнаружит у каждого из них принципиальные недостатки. Ну тогда простите, по всей Европе искали, ничего лучшего не нашли, больше некому царем быть, как Дмитрию Михайловичу.

Глава 20

Освобождение Москвы

Увы, славному воеводе князю Рюриковичу не хватило нескольких недель до созыва собора, где неминуемо были бы избраны царь Дмитрий II (после Дмитрия Донского) и патриарх Кирилл. С Великой Смутой было бы покончено в течение нескольких месяцев. Вся история государства Российского могла пойти по другому пути.

Однако судьба распорядилась совсем иначе. В июле 1612 г. войско гетмана Ходкевича двинулось на Москву. Перед Пожарским и Мининым возникла роковая дилемма – идти к Москве означало своими руками погубить план спасения государства, который был уже на грани успеха. Под Москвой волей-неволей придется сотрудничать с первым ополчением, признать его легитимность и делить плоды победы. А то, что собой представляла публика из первого ополчения, Пожарский и Минин знали не понаслышке. Не было никакого сомнения, что воровские казаки и впредь будут источником смут и потрясений. Но с другой стороны, стоять в Ярославле и ждать, пока Ходкевич разгонит казаков и деблокирует войско Гонсевского, тоже было нельзя. Это скомпрометирует второе ополчение и особенно его вождей. Узнав о походе Ходкевича, многие казачьи атаманы из подмосковного лагеря писали слезные грамоты к Пожарскому с просьбой о помощи.

С аналогичной просьбой к Пожарскому обратились монахи Троице-Сергиева монастыря. В Ярославль срочно выехал келарь Авраамий Палицын, который долго уговаривал Пожарского и Минина.

Из двух зол пришлось выбирать меньшее, и Пожарский приказал готовиться к походу на Москву.

Однако Пожарского в первом ополчении ждали не все. «Боярин» Заруцкий люто ненавидел прославленного воеводу. По его указанию в Ярославль отправились двое казаков – Обрес-ка и Степан. Там им удалось вовлечь в заговор смолян Ивана Доводчинова и Шанду, а также рязанца Семена Хвалова. Последний был боевым холопом князя Пожарского. Заговорщики решили убить Пожарского, когда он будет осматривать новые пушки на центральной площади Ярославля. В тесноте казак Степан попытался ударить князя ножом в живот, но промахнулся и попал в бедро стоявшего рядом ополченца Романа. Степана схватили, и на пытке он

назвал своих товарищей, которые также во всем признались. Преступники были заключены в тюрьму. Позже часть из них отправили в Москву на «обличенье». Там они во всем покаются и были прощены по просьбе Пожарского.

Понятно, с каким чувством после всего происшедшего Пожарский и ополченцы выступали в поход на Москву, где вместо союзников их ждали убийцы. Но откладывать поход было нельзя – приходили тревожные вести о приближении к Москве войска Ходкевича. Пожарский отправил передовые полки. Первым полком командовали воеводы Михаил Самсонович Дмитриев и Федор Васильевич Левашов. Этот полк должен был подойти к Москве и, не входя в стан Трубецкого и Заруцкого, поставить себе особый острожек у Петровских ворот. Вторым полком командовали Дмитрий Петрович Лопата-Пожарский и дьяк Семен Самсонов. Этот полк должен был стать у Тверских ворот. Была еще одна причина спешить к Москве – надо было спасти дворян и детей боярских, все еще остававшихся в первом ополчении, от казацкой расправы.

В свое время малороссийские города направили в первое ополчение своих ратных людей. Теперь они стояли в Никитском остроге под Москвой и постоянно подвергались оскорблениям и угрозам со стороны казаков Заруцкого. Малороссы послали к Пожарскому в Ярославль дворян Кондырева и Бегичева с соратниками просить, чтобы ополчение отправлялось на Москву как можно скорее, чтобы спасти их от казаков. Когда посланцы увидели, в каком довольстве живут ратники второго ополчения, то не могли промолвить и слова от душивших их слез. Многие во втором ополчении лично знали Кондырева и Бегичева и теперь едва узнавали их – так жалко они выглядели. Им дали денег и одежду и отправили назад с радостным известием, что ополчение выступает к Москве. Заруцкий и казаки узнали, с какими новостями возвращаются Кондырев и Бегичев, и решили избить их. Дворянам удалось укрыться в полку Дмитриева, а остальные малороссы разбежались по своим городам.

Разогнав малороссов, Заруцкий решил преградить путь второму ополчению. Он отправил несколько тысяч казаков на перехват полка Лопаты-Пожарского. Однако после короткого боя дворянская конница разогнала воровских казаков.

Одновременно Заруцкий вступил в переговоры с Ходкевичем, войско которого остановилось у села Рогачево. Об этом стало известно в первом ополчении, и Заруцкий вместе с 2500 казаками в ночь на 28 июля бежал по Коломенской дороге. В Коломне жила Марина Мнишек с сыном. Заруцкий забрал их с собой, разграбил Коломну и ушел на Рязанщину, где

обосновался в городе Михайлове.

Ходкевич подошел к Москве, но напасть на позиции первого ополчения не решился. В свою очередь, Трубецкой с казаками тихо сидели в своих острожках, наблюдая ввод войск Ходкевича. Гетман не сумел по пути собрать достаточно провианта и теперь лишь произвел ротацию польского гарнизона в Кремле.

Александр Корвин Гонсевский со своим отрядом покинул Москву, а его место начальника гарнизона занял полковник Николай Струсь. Его отряд и оставшийся полк Осипа Будилы стали главной силой, отбивавшей вылазки казаков.

Обратим внимание, что речь идет о королевских войсках, а не о частных армиях польских магнатов. Но к 1612 г. и королевские войска, действовавшие в России, превратились в банды озверелых грабителей. Дабы избежать обвинений в предвзятости, приведу цитату польского историка Казимира Ва-лишевского, пытавшегося в своем труде по возможности оправдать своих соотечественников. «Взбунтовавшись из-за задержки в выдаче обещанного рядовым жалованья или приняв участие в ссорах начальников, войска Гонсевского и даже Ходкевича с января 1612 г. перешли от конфедерации к дезертирству. Покружившись по московской территории, лучшие эскадроны вернулись в Польшу и там принялись с лихвой вознаграждать себя захватами из королевских, даже частных имений»*.

Разумеется, Гонсевский сбежал из Москвы не с пустыми руками. Под видом боярского залога в счет жалованья полякам за службу он забрал много драгоценностей из сокровищницы русских царей – иконы в богатых золотых окладах, украшенные самоцветами, древние щиты и доспехи, оправленные черненым серебром стулья, сундучки с отборным жемчугом, меха, ковры и многое другое, а также прихватил литую серебряную печать Василия Шуйского. Не погнушался Гонсевский взять и царские регалии – царский посох, венцы Бориса Годунова и Лжедмитрия I. Венец царя Бориса был украшен лазурным и синим сапфирами, доставленными с Цейлона, а также алмазами, рубинами и жемчугом. Венец Лжедмитрия I украшал необыкновенной величины и чистоты алмаз. Взял Гонсевский и чудесного единорога, обладание которым, по преданию, приносило удачу.

Московские бояре оказались бессильны помешать ляхам, да и сами они были не без греха. Казенный приказ часто устраивал распродажи «царской рухляди», и многим удалось скупить дорогие вещи за бесценок. Не без помощи бывшего кожевенника Федора Андропова Гонсевский нахватал себе дорогих тканей, золота и мехов из казны. Андронов и себя не

обделил, присвоив дорогие ожерелья и цепи. Все в Кремле старались урвать сколько можно. Польское рыцарство забрало из казны для костела золотую статую Христа, но на самом деле «рыцари» раскололи ее на части и поделили между собой. Гонсевский выплачивал солдатам огромное жалование – до трехсот рублей в месяц. В прежние времена столько выплачивалось думным боярам за год!

Взятые в счет жалования драгоценности Гонсевский по договору с боярами не имел права вывозить из Москвы, но он вероломно пренебрег этим договором и, по сути дела, просто среди бела дня своровал сокровища. Какова же дальнейшая судьба этих сокровищ? Как распорядились ими ясновельможные паны?

Польский поручик Маскевич, бежавший из Москвы вместе с Гонсевским, писал в своем дневнике: «Вещи, данные нам в Москве залогом за стенную службу, мы хранили в целости; наскучив с ними возиться и желая лучше иметь наличные деньги, мы продавали их королю: он не хотел купить. Продавали императору христианскому, герцогам Бранденбургским, империи Немецкой, Гданьску, везде, где думали найти покупателей, и все напрасно. Наконец стали торговаться на них паны комиссары: давали 100 000, а 80 000 просили уступить. Мы согласились бы и на эту цену, если бы могли получить наличные деньги; но так как нам хотели заплатить фантами, за которыми надобно было еще послать в Люблин, то мы и не решились, опасаясь обмана... Мы решились разделить их между собою: разломали две короны, Федорову и Димитриеву, седло гусарское, оправленное золотом, с драгоценными камнями, и три единорога. Посох остался цел, его отдали вместе с яхонтом из короны, величиною в два пальца, Гонсевскому и Дунковскому за стенную службу. В дележе мы участвовали все, и почти все что-нибудь получили; иным пришлось взять едва ли не десятую часть того, что следовало. Мне досталось: три алмаза острых, четыре рублина, золота на 100 золотых, единорога два лота... »

В конце июля главные силы второго ополчения выступили из Ярославля, отслужив молебен в Спасском монастыре у гроба ярославских чудотворцев – князя Федора Ростиславича Черного и его сыновей Давида и Константина, взяв благословение у митрополита Кирилла и у всех властей духовных. Впереди войска, выступившего из Ярославля, попы несли икону Казанской Богоматери.

Отойдя семь верст от Ярославля, ополчение остановилось на ночлег. Здесь князь Пожарский передал командование второму воеводе ополчения, своему свояку князю Ивану Андреевичу Хованскому и Кузьме Минину, велел им идти в Ростов и ждать его там, а сам с небольшим конвоем поехал

в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь помолиться у гробов своих предков – стародубских князей. Для современного историка это мелкий эпизод, не заслуживающий внимания. А для того времени поездка к прародительским гробам имела большое политическое значение. Кто припомнит, чтобы какой-либо иной воевода Смутного времени перед решающим сражением шел молиться к прародительским гробам? А вот московские великие князья и цари обязательно совершали оное деяние перед походом. А что сделал Лжедмитрий I, войдя в Москву? Тоже полез молиться в Архангельский собор к гробам московских правителей. И вот, следуя традиции, князь Дмитрий Пожарко-во-Стародубский отправился к гробам своих предков – правителей Руси Рюриковичей.

Князь недолго пробыл в Суздале и быстро нагнал войско в Ростове.

Двигаясь к Москве, Пожарский не забывал и о морально-политической работе в войсках. Воеводе срочно понадобился... замполит. Митрополит Кирилл, который не без успеха ранее выполнял эту функцию, по невыясненным причинам остался в Ярославле. Самый простой способ – это обратиться к властям Троице-Сергиева монастыря, тем более что монастырь лежал на пути войска. Те немедленно прислали бы «замполита» во второе ополчение.

Но Пожарскому нужен был не просто «свой замполит», а и духовный противовес троицкой братии. И вот 29 июля Пожарский от имени всего ополчения написал к казанскому митрополиту Ефрему.

В Ростове к Пожарскому привели гонца из подмосковного лагеря атамана Внукова. Тот рассказал о бегстве Заруцкого и просил князя идти как можно быстрее под Москву. Но главной целью миссии Внукова было выяснить отношения Пожарского к казакам, оставшимся под Москвой. Пожарский и Минин отнеслись к Внукову и приехавшим с ним казакам очень доброжелательно, дали денег и подарков и велели передать, что идут к Москве немедленно. И действительно, вслед за казацкими посланцами ополчение двинулось через Переславль-Залесский к Троице-Сергиеву монастырю.

14 августа ополчение подошло к Троице и стало лагерем между монастырем и Клементьевской слободой.

В тот же день Пожарскому донесли, что большой отряд поляков и запорожцев объявился на севере вблизи Белого озера. Этот отряд не подчинялся ни Ходкевичу, ни королю Сигизмунду, а представлял собой частную армию или, проще говоря, большую банду грабителей.

Белозерск, Каргополь и Устюжна уже несколько месяцев, как признали власть ярославского правительства. На защиту северных земель

Пожарскому пришлось дать отряд из семисот конных и пеших ратников во главе с воеводой Григорием Образцовым. Но помощь опоздала – враги захватили и разграбили город Белозерск. Оттуда ляхи и запорожцы двинулись к Кирилло-Белозерскому монастырю, но были отбиты. Зато 22 сентября им удалось внезапным налетом захватить Вологду.

По пути в Троице-Сергиев монастырь в Переславле-Залесском второе ополчение нагнал английский наемник капитан Яков Шав (Шай). Он предложил Пожарскому услуги двадцати офицеров и ста солдат-наемников, которые должны через месяц прибыть на английском корабле в Архангельск. Грамота, привезенная Шавом, была подписана в Гамбурге капитаном наемников Андрианом Фейгером, Артуром Эстоном, Яковом Гилем и Яковом Маржеретом.

В свое время Дмитрий Михайлович лично наблюдал, как Яков (Жак) Маржерет жег Москву и убивал горожан.

По приказу воеводы дьяки написали ответ наемникам: «Великих государств Российского царствия бояре и воеводы, и по избранию Московского государства всяких чинов людей, в нынешнее настоящее время того многочисленного войска у ратных и у земских дел стольник и воевода князь Дмитрий Пожарский с товарищи. Объявляем Ондреяну Фрейгеру вольному господину города Фладора, Артуру Ястону из Турпала, Якову Гилю, начальным над войском, и иным капитанам, которые с вами... Мы государям вашим королям, за их жалованье, что они о Московском государстве радеют и людям велют сбираться нам на помощь, челом бьем и их жалованье рады выслав-лять. Вас, начальных людей за ваше доброхотство похваляем, и нашею любовью, где будет возможно, воздавать вам хотим. Потому удивляемся, что вы в совете с французенином Яковом Маржеретом, о котором мы все знаем подлинно: выехал он при царе Борисе Федоровиче из Цесарской области, и государь его пожаловал поместьем, вотчинами и денежным жалованьем; а после при царе Василии Ивановиче Маржерет пристал к вору и Московскому государству многое зло чинил, а когда польский король прислал гетмана Жолкевского, то Мар-жерет пришел опять с гетманом, и когда польские и литовские люди, оплоша московских бояр, Москву разорили, выжгли и людей секли, то Маржерет кровь христианскую проливал пуще польских людей, и награбившись государевой казны, пошел из Москвы в Польшу с изменником Михайлоу Салтыковым. Нам подлинно известно, что польский король тому Маржерету велел у себя быть в раде: и мы удивляемся, каким это образом теперь Маржерет хочет нам помогать против польских людей? Писано на стану у Троицы в Сергиеве монастыре лета 7120 ^[43] августа месяца».

Вечером 18 августа ополчение Пожарского, не доходя пяти верст до Москвы, остановилось на реке Яузе. К Арбатским воротам были посланы разведчики, которым поручалось найти удобные места для устройства стана.

В течение ночи Трубецкой отправил несколько гонцов к Пожарскому с предложением приехать в стан первого ополчения для переговоров. Но соратники Пожарского хорошо помнили убийство Ляпунова и отвечали: «Отнюдь не бывать тому, чтоб нам стать вместе с казаками». На следующее утро, когда ополчение подошло ближе к Москве, Трубецкой сам прискакал к авангарду войска Пожарского и в личной беседе просил Дмитрия Михайловича встать вместе в одном остроге у Яузских ворот, но ответ был прежний: «Отнюдь нам вместе с казаками не стаивать».

В итоге второе ополчение заняло позиции в Белом городе от северных Петровских ворот до Чертольских (Кропоткинских) ворот. Первое же ополчение по-прежнему занимало южную и юго-восточную части Москвы.

Вечером 21 августа войско гетмана Ходкевича стало на Поклонной горе. Силы второго ополчения составляли немногим более десяти тысяч, а у Трубецкого осталось не более трех-четырёх тысяч казаков, которые были сосредоточены в районе Крымского двора, где сейчас находится Октябрьская площадь, а также за рекой Яузой. Пожарский опасался, что если Ходкевич решит ударить по войску Трубецкого, то казаки долго не продержатся. Поэтому он приказал пятистам конным дворянам переправиться на правый берег Москвы-реки и занять позицию недалеко от табора первого ополчения.

На рассвете 22 августа гетман форсировал Москву-реку у Новодевичьего монастыря. Конница Пожарского контратаковала поляков. Некоторое время встречный бой кавалерийских лав шел с переменным успехом. Но вскоре подошла немецкая пехота, служившая у Ходкевича, и русская конница отступила.

После полудня гетман ввел в бой все свои силы. Но ополчение Пожарского заняло оборону вдоль остатков укреплений Белого города между Тверскими и Арбатскими воротами и упорно сопротивлялось. Осажденные в Кремле поляки пошли на вылазку из Алексеевских и Чертольских ворот Кремля. По приказу Пожарского против них был брошен свежий полк стрельцов. Поляки понесли большие потери и бежали под защиту стен Кремля.

Битва продолжалась уже семь часов. Между тем войско Трубецкого на другом берегу Москвы-реки оставалось в бездействии. Казаки спокойно наблюдали за боем и кричали: «Богаты дворяне пришли из Ярославля,

отстоятся и одни от гетмана». Отряд же, посланный Пожарским к Трубецкому, пошел на выручку своих. Трубецкой не хотел их отпускать, но отряд быстро переправился через реку. Этому примеру последовали и некоторые из казаков – атаманы Филат Межаков, Афанасий Коломна, Дружина Романов и Марко Козлов, крича Трубецкому: «От вашей ссоры Московскому государству и ратным людям пагуба становится!»

Поляки обожают лихие конные атаки, но удар с тыла быстро обращает их в бегство. Так было и в сентябре 1639 г., и при Суворове, так же дело кончилось и 22 августа 1612 г. Поляки ретировались к Поклонной горе.

Однако хитрый гетман задумал провести ночью четыреста возов с продовольствием в Кремль. Шестьсот конных поляков сопровождали возы, а вел их русский стольник Григорий Орлов, сумевший пробиться к гетману из Кремля. Полякам удалось пройти мимо воинства Трубецкого и благополучно войти в Кремль. Правда, С.М. Соловьев утверждал, что в Кремль благополучно вошел лишь конвой, а обозы достались русским.

23 августа Ходкевич стоял на Поклонной горе без движения. Поляки из Кремля сделали небольшую вылазку.

На рассвете 24 августа Ходкевич двинулся на Трубецкого. Пожарский не решился переправить все свои войска через Москву-реку на помощь Трубецкому, в этом случае поляки легко захватили бы западную и юго-западную части Белого города. Поэтому он приказал переправиться через реку полкам воевод Лопаты-Пожарского и Туренина, которые ранее занимали позиции на северном фланге от Никитских до Петровских ворот Белого города. Воеводы стали на правом фланге (у Крымского брода) и успешно отразили нападение поляков. Однако казаки Трубецкого не выдержали удара в районе Серпуховских ворот и обратились в бегство. После упорного пятичасового боя поляки прорвались к берегу Москвы-реки напротив собора Василия Блаженного. Большая толпа казаков вообще отказалась драться, заявив: «Они ^[44] богаты и ничего не хотят делать, мы наги и голодны, и одни бьемся; так не выйдем же теперь на бой никогда».

Минин послал за келарем Троице-Сергиева монастыря Ав-раамием Палицыным, имевшим большое влияние на казаков. Палицыну с большим трудом удалось уговорить казаков продолжить бой. Следует отметить, что Ходкевич не сумел воспользоваться моментом, поскольку он попытался провести свой обоз с продовольствием в Кремль, но сотни повозок создали пробки в тесных и кривых улицах Замоскворечья.

Затем Палицын переправился через Москву-реку и направился в табор к казакам, расположенный у Яузских ворот. Там казаки преспокойно пьянствовали и играли в зернь. Палицын их уговорил, видимо, рассказав о

каком-то чуде Сергия Радонежского. Во всяком случае, казаки с криком «Сергиев! Сергиев!» в конном строю переправились через Москву-реку в Замоскворечье и ударили в правый фланг поляков.

Дело шло к вечеру, но битва по-прежнему шла с переменным успехом. Чтобы переломить ситуацию, Пожарский дал Кузьме Минину три сотни отборных дворян и приказал атаковать конную и пешую польские роты, стоявшие у Красных ворот. Поляки, увидев русскую конницу, бросились бежать, не приняв боя. Увидев бегущих, начали отступать и соседние роты. В свою очередь, казаки и стрельцы Пожарского перешли в наступление в Замоскворечье. Бросив обоз, Ходкевич отступил, всеми силами стараясь сохранить боеспособность хотя бы части своих войск. Первоначально поляки отошли к Донскому монастырю, а глубокой ночью перешли на Воробьевы горы. Там гетман простоял два дня. В Кремль Ходкевич послал лазутчика с грамотой, в которой просил осажденных подождать три недели, после чего обещал вернуться с большим войском. Свой уход гетман оправдывал большими потерями, у него-де осталось всего четыреста человек конницы (о пехоте там не говорилось). После чего остатки войска Ходкевича двинулись на запад по Смоленской дороге. Русские их не преследовали.

Поражение Ходкевича не сплотило ополчения, а наоборот, начались новые ссоры. Боярин Трубецкой требовал подчинения от Пожарского и Минина. Они-де должны были являться к нему в стан за приказаниями. Ведь князь Пожарский не бегал за боярством в Тушино и так и остался стольником. Те же помнили Ляпунова, да и не собирались подчиняться проходимцу.

В начале сентября среди казаков пошли разговоры, что надо уезжать из-под Москвы и отправляться гулять по северным русским городам. Заводчики кричали, что казаки голодны, раздеты и разуты и не могут стоять в осаде, а под Москвой пусть богатые дворяне остаются.

Если бы воровские казаки провалились в тартарары, Минин и Пожарский, наверное, перекрестились бы, но допустить разорения северных городов они не могли.

Воспользовавшись конфликтом между Пожарским и Трубецким, отдельные воеводы решили вообще никому не подчиняться. Так, 12 сентября князь Василий Тюфякин привел из Одоева триста всадников и расположился отдельным лагерем, эдаким независимым полевым командиром.

Дело решил уладить троицкий архимандрит Дионисий. Он созвал монахов для совета: что делать? Денег в монастыре нет, нечего послать

казакам, как их упросить остаться под Москвой? Решили послать казакам в заклад в тысячу рублей на короткое время церковные сокровища, ризы, стихари, епитрахили саженные и написали казакам грамоту. Расчет Дионисия оказался правильным: суеверные казаки не решились брать в заклад церковные вещи. Два атамана отвезли утварь обратно в монастырь и дали монахам грамоту, в которой клятвенно обещали все претерпеть, но не уйти от Москвы.

В свою очередь, воеводы договорились встречаться на нейтральной территории на реке Неглинной.

В районе Пушечного двора, в Егорьевском монастыре и у церкви Всех Святых на Кулишках были построены осадные батареи, которые открыли круглосуточный огонь калеными ядрами и мортирными бомбами по Кремлю и Китай-городу. 20 сентября от каленых ядер начался сильный пожар, сгорело три дома во дворе князя Мстиславского, полякам с большим трудом удалось погасить огонь.

Пожарский и Трубецкой договорились перегородить Замоскворецкий полуостров глубоким рвом и палисадом от одного берега Москвы-реки до другого, чтобы исключить возможность провоза продовольствия полякам. Оба воеводы попеременно, день и ночь, следили за работами.

15 сентября Пожарский послал в Кремль грамоту: «Полковникам и всему рыцарству, немцам, черкасам и гайдукам, которые сидят в Кремле, князь Дмитрий Пожарский челом бьет.

Ведомо нам, что вы, будучи в городе в осаде, голод безмерный и нужду великую терпите, ожидаючи со дня на день своей гибели, а крепит вас и упрашивает Николай Струсь, да Московского государства изменники, Федька Андронов с товарищами, которые сидят с вами вместе для своего живота... Гетмана в другой раз не ждите: черкасы, которые были с ним, покинули его и пошли в Литву. Сам гетман ушел в Смоленск, где нет никого прибылых людей, сапежинское войско все в Польше... Присылайте к нам не мешкая, сберегите головы ваши и животы ваши в целости, а я возьму на свою душу и у всех ратных людей упрошу: которые из вас захотят в свою землю, тех отпустим без всякой зацепки, а которые захотят Московскому государству служить, тех пожалуем по достоинству... А что вам говорят Струсь и московские изменники, что у нас в полках рознь с казаками и многие от нас уходят, то им естественно петь такую песню и научить языки говорить это, а вам стыдно, что вы вместе с ними сидели. Вам самим хорошо известно, что к нам идет много людей и еще большее их число обещает вскоре прибыть... А если бы даже у нас и была рознь с казаками, то и против них у нас есть силы, и они достаточны, чтобы нам

стать против них».

21 сентября был получен ответ: «От полковника Мозыр-ского, хорунжего Осипа Будилы, трокского конюшего Эразма Стравинского, от ротмистров, поручиков и всего рыцарства, находящегося в московской столице, князю Дмитрию Пожарскому. Мать наша отчизна, дав нам в руки рыцарское ремесло, научила нас также тому, чтобы мы прежде всего боялись Бога, а затем имели к нашему государю и отчизне верность, были честными... Каждый из нас, не только будучи в отечественных пределах, но и в чужих государствах, как доказательство своих рыцарских дел, показывает верность своему государю и расширяет славу своего отечества... Письму твоему, Пожарский, которое мало достойно того, чтобы его слушали наши шляхетские уши, мы не удивились... Мы хорошо знаем вашу доблесть и мужество; ни у какого народа таких мы не видели, как у вас, – в делах рыцарских вы хуже всех классов народа других государств и монархий. Мужеству вы подобны ослу или байбаку, который, не имея никакой защиты, принужден держаться норы... Впредь не пишите к нам ваших московских сумасбродств, – мы их уже хорошо знаем».

Это поляки, разграбившие Москву и пол-России, пишут про «честность»! Паны-рокошане разглагольствуют о верности королю. Вот как только «ослы и байбаки» загнали поляков в Кремль и накостыляли Ходкевичу?! В таких случаях на Украине о поляках говорили: «Всравшись орет – наша берет!»

На самом деле хвастунишки ляхи сильно голодали. Как писал участник осады поляк Осип Будила: «...ни в каких историях нет известий, чтобы кто-либо, сидящий в осаде, терпел такой голод, чтобы был где-либо такой голод, потому что когда настал этот голод и когда не стало трав, корней, мышей, собак, кошек, падали, то осажденные съели пленных, съели умершие тела, вырывая их из земли: пехота сама себя съела и ела других, ловя людей. Пехотный поручик Трусковский съел двоих своих сыновей; один гайдук тоже съел своего сына, другой съел свою мать; один товарищ съел своего слугу; словом, отец сына, сын отца не щадил; господин не был уверен в слуге, слуга в господине; кто кого мог, кто был здоровее другого, тот того и ел. Об умершем родственнике или товарище, если кто другой съедал такового, судились, как о наследстве, и доказывали, что его съесть следовало ближайшему родственнику, а не кому другому. Такое судное дело случилось в взводе г. Леницкого, у которого гайдуки съели умершего гайдука их взвода. Родственник покойного – гайдук из другого десятка жаловался на это перед ротмистром и доказывал, что он имел больше права съесть его, как родственник; а те возражали, что они

имели на это ближайшее право, потому что он был с ними в одном ряду, строю и десятке. Ротмистр не знал, какой сделать приговор, и, опасаясь, как бы недовольная сторона не съела самого судью, бежал с судейского места».

Некоторые историки обвиняют Сигизмунда в том, что он бросил московский гарнизон на произвол судьбы. Король действительно совершил много тактических и стратегических ошибок, главной из которых было столь долгое «сиденье» под Смоленском. Осенью же 1612 г. он делал все, что мог. Но у короля опять не было денег. Он не заплатил польскому рыцарству за три летних месяца, и оно разъехалось по домам, забыв о своих коллегах в Москве. В итоге Сигизмунду пришлось отправиться в поход лишь с отрядом иностранных наемников и несколькими эскадронами гусар из своей гвардии. Король двинулся из Смоленска на Москву через так называемые «царские ворота». Однако перед королем «царские ворота» сорвались с петель и загородили дорогу войскам. Королю пришлось выбираться из Смоленска окольным путем. Дорогой к королю присоединился Адам Жолкевский, племянник гетмана, со своей частной армией в 1200 всадников. Король с войском прибыл в Вязьму в самом конце октября. Но к этому времени уже произошла развязка затянувшейся драмы.

По приказу князя Пожарского у Пушечного двора (близ этого места в XX веке была построена гостиница «Москва») была устроена большая осадная батарея, которая открыла с 24 сентября интенсивный огонь по Кремлю. 3 октября открыла огонь осадная батарея, построенная первым ополчением у Никольских ворот.

21 октября поляки предложили русским начать переговоры и прислали к Пожарскому полковника Будилу. Однако переговоры затянулись, рыцарство требовало почетной капитуляции, то есть выпуска поляков из Кремля с оружием и т.п. Пожарский же был согласен лишь на безоговорочную капитуляцию.

Казаки узнали о переговорах и решили, что их лишают части добычи. 22 октября без команды главных воевод они бросились к стенам Китай-города. Поляки не ожидали нападения и растерялись. Казаки ворвались в Китай-город и выбили из него ляхов. Среди убитых были знатные паны Серадский, Быковский, Тваржинский и другие.

Потеря Китай-города несколько сбила спесь с поляков. Они вновь запросили переговоров. На сей раз переговоры велись у самой кремлевской стены. Поляков представлял полковник Струсь, а бояр, сидевших в Кремле, – князь Мстиславский, со стороны осаждающих были Пожарский и Трубецкой.

В начале переговоров бывший глава Боярской думы Мстиславский покаялся и бил челом «всей земле», а конкретно Пожарскому и Трубецкому. Для начала поляки попросили разрешения покинуть Кремль всем русским женщинам, русские воеводы согласились.

Вышедшие из Кремля боярыни и княжны пытались унести с собой драгоценности. Казаки хотели ограбить их, но Пожарский с дворянами отконвоировал женщин в свой лагерь.

Наиболее серьезный исследователь Смутного времени советский историк Р.Г. Скрынников писал по поводу переговоров Пожарского с поляками: «После трехдневных переговоров земские вожди и боярское правительство заключили договор и скрепили его присягой. Бояре получили гарантию того, что им будут сохранены их родовые наследственные земли. Сделав уступку знати, вожди ополчения добились огромного политического выигрыша. Боярская дума, имевшая значение высшего органа монархии, согласилась аннулировать присягу Владиславу и порвать всякие отношения с Сигизмундом III. Земские воеводы молчаливо поддержали ложь, будто „литва“ держала бояр в неволе во все время осады Москвы»¹.

Такой вывод маститого ученого, многие десятилетия занимавшегося историей Руси XVI – начала XVII века, представляется мне, мягко выражаясь, странным. О каком «огромном политическом выигрыше» могла идти речь? Какой такой «высший орган монархии» мог быть? Де-юре Боярская дума была совещательным органом при московских князьях, которые начиная с Ивана IV именовали себя царями. В Боярскую думу наряду с князьями Рюриковичами московские князья включали и безродных лиц, оказавших им различные услуги, в том числе и весьма сомнительные. Теперь род Ивана Калиты пресекался, и правителем России с точки зрения феодального права должен был стать князь Рюрикович, а не потомок беспородных бояр – холопов московских князей. Так несколько десятилетий назад во Франции сделали королем Генриха IV. Пусть он был гугенот, пусть владения его родителей были ничтожны, но он был королевской крови! Феодальное право было основано на прямом родстве по отцовской линии, и никакое иное родство или богатство не принималось в расчет.

Иван Грозный несколько десятилетий правил, игнорируя Боярскую думу, а подчас и издеваясь над ней. За годы Смуты Боярская дума полностью себя скомпрометировала. Да и что такое боярство? Это чин, присваиваемый законным правителем страны. К 1612 г. в России практически не осталось бояр, которым этот чин присвоил Иван Грозный.

Кому-то дал боярство Борис Годунов, кому-то – Лжедмитрий I, кому-то – Василий Шуйский, а кому-то – Тушинский вор. Все они Боярской думой были признаны незаконными правителями. Тогда, соответственно, и все боярские чины получены незаконно. Разве генерал царской армии сохранял свои чины при переходе в Красную Армию? Я уж не говорю о генералах из власовской армии.

Рассмотрим ситуацию де-факто. Боярин – это соратник князя, приводящий в случае опасности князю свою дружину «конно, людно и оружно». Но в октябре 1612 г. у сидевшей в Москве знати не было никаких дружин, и они никого не представляли. Наоборот, большие батальоны были у Пожарского, а у Трубецкого были куда меньше.

На мой взгляд, Пожарский допустил роковую ошибку, признав бояр «пленниками ляхов». Пожарский сам, своими руками, вытащил их из дерьма, вернул им вотчины, сохранил их драгоценности. И вот через несколько месяцев, вернув себе власть в вотчинах, воссоздав дружины, эти ничтожества вновь стали настоящими боярами. Так появилась третья сила (кроме первого и второго ополчений).

Пожарский мог отдать бояр под суд, лишив их боярства и вотчин. А их земли и другое имущество следовало раздать освободителям Москвы – дворянам Пожарского и казакам. Надо ли говорить, что в этот момент князь Дмитрий стал бы кумиром подавляющего большинства казаков. А каждому, кто пожалел бы бояр и стал бы противиться секвестру, казаки просто перерезали бы глотку. Первое ополчение сразу прекратило бы свое существование. И совсем нетрудно угадать, кто был бы избран царем на соборе 1613 г.

Был и другой путь. Пожарский мог намекнуть своим людям, чтобы те не очень мешали казакам нападать на бояр, выходящих из Кремля, а при необходимости даже помогли устроить самосуд. В этом случае «этикет» был бы соблюден, а последствия были бы те же, что и в первом варианте. Известны многочисленные случаи, когда на великих полководцев и государственных деятелей находило некое «затмение» и они совершали непростительные ошибки. Видимо, так произошло и с Пожарским.

И вот 26 октября (3 ноября по новому стилю) открылись Троицкие ворота Кремля, и произошла сцена, с которой я начал свое повествование. Собственно, эта сцена стала хрестоматийной, и ее повторяют один в один все наши историки. Однако все историки по незнанию или иному умыслу забывают, что на следующий день из Спасских ворот Кремля вышел крестный ход православного духовенства, сидевшего в осаде вместе с поляками.

Впереди в сопровождении кучки монахов шел седой иерарх с крестом. Это был «черный кардинал» Смутного времени – крутицкий митрополит Пафнутий. За ним шли галасунский (архангельский) архиепископ Арсений и кремлевское духовенство.

Обратим внимание, что Пафнутий и другие духовные лица, видимо, ожидали резню на Каменном мосту и пошли отдельно от бояр.

В тот же день, 27 октября (4 ноября), произошла капитуляция польского гарнизона. Принимал капитуляцию Кузьма Минин. Часть пленных во главе с полковником Струсем отдали Трубецкому, а остальных с полковником Будилой – второму ополчению. Казаки перебили большую часть доставшихся им поляков. Уцелевших поляков Пожарский и Трубецкой разослали по городам: в Нижний Новгород, Балахну, Галич, Ярославль и другие.

Поляки совершили столько зверств на русской земле, что властям малых городов не всегда удавалось защитить пленных от самосуда населения. Так, в городе Галиче толпа перебила всех пленных из роты Будилы. То же случилось с ротой Стравинского в Унже. Более удачно сложилась судьба роты Талафуса в Соль-Галицкой – ее освободил отряд запорожских казаков, случайно забредший туда в поисках добычи.

Польских офицеров во главе с Будилой 15 декабря доставили в Нижний Новгород, где взяли под строгий караул. Позже Будила напишет, что местные власти решили их всех утопить в Волге, но вмешательство матери князя Пожарского спасло им жизнь.

Войдя в Кремль, ратники Пожарского и казаки Ляпунова ужаснулись. Все церкви были разграблены и загажены, почти все деревянные постройки разобраны на дрова и сожжены. В больших чанах нашли разделанные и засоленные человеческие трупы. Тем не менее воеводы приказали отслужить обедню и молебен в Успенском соборе.

Сразу же после изгнания поляков начались очистка и восстановление Кремля и всей столицы. Трубецкой поселился в Кремле во дворце Годунова, а Пожарский – на Арбате в Воздвиженском монастыре. Кремлевские сидельцы – бояре разъехались по своим вотчинам. Михаил Романов с матерью уехали в направлении Костромы.

Король Сигизмунд в Вязьме узнал о капитуляции польских войск в Москве. Там королевские войска соединились с отрядами гетмана Ходкевича и вместе двинулись осаждать укрепленный городок Погорелое Городище. Местный воевода князь Юрий Шаховский на требование сдачи ответил королю: «Ступай к Москве. Будет Москва за тобою, и мы твои». Король послушался и пошел дальше.

Основные силы поляков осадили Волоколамск, а конный отряд пана Адама Жолкевского двинулся к Москве. Жолкевский дошел до села Ваганьково, где был атакован русскими. Поляки были разбиты и бежали. В бою поляки захватили смоленского дворянина Ивана Философова. Жолкевский велел допросить его и узнать, хотят ли по-прежнему москвичи королевича Владислава на царство, полнолюдна ли Москва и много ли там припасов? Философов ответил, что Москва «людна и хлебна» и все готовы помереть за православную веру, а королевича на царство брать не будут. То же самое дворянин сказал и самому Сигизмунду.

Потеряв надежду овладеть Москвой, король решил по крайней мере взять Волоколамск, который обороняли воеводы Иван Карамышев и Чемесов. Поляки трижды штурмовали город, но были отбиты. Третий штурм кончился вылазкой казаков под началом атаманов Нелюба Маркова и Ивана Епанчина. Казакам удалось отогнать ляхов и уволочь у них несколько пушек.

27 октября Сигизмунд приказал войску уходить в Польшу. По дороге от холода и голода поляки потеряли несколько сотен человек.

Зиму 1612/13 г. князь Пожарский провел в Москве. После освобождения столицы от поляков его влияние постепенно падало. Историки давно ломают копья в спорах: домогался ли Дмитрий Михайлович царского престола? Сторонники этой версии любят приводить показания дворянина Л. Сукина, который в 1635 г. утверждал, что «Дмитрий Пожарский воцарялся, и стало ему в двадцать тысяч». Противники утверждают, что-де Сукин врал со злости на князя. Главным же аргументом против «воцарения Пожарского» служит миф о храбром, но наивном и глуповатом воеводе, который и помыслить не мог о царском венце. Хорошей иллюстрацией этого мифа стала народная песня, записанная в 40-х годах XIX века П.В. Киреевским:

Собралися все князья, бояре московские, Собиралися думу думати,

Как и взговорют старшие бояре – воеводы московские:

«Вы скажите, вы, бояре, кому царем у нас быть?»

Как и взговорют бояре – воеводы московские:

«Выбираем мы себе в цари

Из бояр боярина славного —

Князя Дмитрия Пожарского сына!»

Как и взговорит к боярам Пожарский-князь:

«Ох вы гой еси, бояре – воеводы московские!

Не достоян я такой почести от вас,

Не могу принять я от вас царства Московского.

Уж скажу же вам, бояре – воеводы московские:

Уж мы выберем себе в православные цари

Из славного, из богатого дому Романова —

Михаила сына Федоровича».

Давайте зададим себе простой вопрос: почему никто из историков не отрицает полководческого таланта Пожарского, его блестящих способностей как политика, так и дипломата? И вдруг зимой 1612 г. Рюрикович Пожарский предлагает выбрать в цари малограмотного безродного подростка, всю жизнь проведенного за бабскими юбками, из семейства изменников, активно участвовавшего во всех заговорах против государства Российского с 1600 г. Я уж не говорю о том, что Михаил в отличие от Пожарского и большинства его ратников целовал крест Владиславу, а его отец находился в польском плену.

Что же произошло, почему поглупел славный воевода? Может, его польским ядром контузило или шестопером по шлему съездили? Нет, Дмитрий Михайлович Пожарский активно участвовал в борьбе за престол. Почему же не осталось письменных свидетельств очевидцев о предвыборной борьбе Пожарского? Ну во-первых, резонно предположить, что все такие документы были уничтожены по указу Михаила, а во-вторых, Москва – не Варшава и не Париж, громко обещать панам злотые за избрание на престол и произносить исторические фразы, что-де Париж стоит мессы, не принято. Ни Годунов, ни Михаил ни разу не предлагали себя на престол, а, наоборот, категорически отказывались от него. Соответственно, и Пожарский не мог нарушить традицию. Но, увы, он совершил две роковые ошибки. Во-первых, о чем уже говорилось, вошел в соглашение с боярами при капитуляции поляков, а во-вторых, не сумел удержать в Москве дворянские части из второго ополчения. В результате тушинским казакам угрозой применить силу, а в отдельных случаях и грубой силой удалось затащить на престол Михаила Романова.

Предположим, что Пожарский действительно был глупым служакой и на самом деле поддержал кандидатуру Михаила. Надо ли говорить, что об этом факте 300 лет тараторили бы романовские пропагандисты. Рисовались бы сусальные картинки и иконы, где седой воевода подает корону юноше с ангельским ликом. Увы, официальная пропаганда как-то невнятно говорит о позиции Пожарского на соборе. А теперь предположим, что Пожарский пытался «воцариться», но потерпел неудачу.

Как должна была это отразить официальная историография? Вот, мол, лез князь Дмитрий на престол, а его поперли казаки-тушинцы и посадили Михаила? Тогда у многих возник бы резонный вопрос: а на каком

основании Романовы оттерли от престола спасителя России, да еще и князя Рюриковича? Да и у меня самого, когда я в пятом классе прочитал какую-то книжку о Пожарском, где рассказывалось, как царь Михаил унижал князя, возникла мысль: а как Пожарский допустил, чтобы престол заняла столь ничтожная личность? Естественно, что самым популярным объяснением позиции Пожарского на соборе было то, что-де по простоте души сам и отказался от престола.

Освобождение Москвы и отступление короля Сигизмунда дало возможность заняться созывом собора для избрания царя. В ноябре 1612 г. по всем городам были разсланы грамоты с приказом выслать выборных людей в Москву. В грамотах говорилось: «Москва от польских и литовских людей очищена, церкви божии в прежнюю лепоту облеклись и божие имя славится в них по-прежнему; но без государя Московскому государству стоять нельзя, печься об нем и людьми божиими промышлять некому, без государя вдосталь Московское государство разорят все: без государя государство ничем не стоит и воровскими заводами на многие части разделяется и воровство много множится».

Заседания собора начались 6 декабря 1612 г., хотя к тому времени в Москву прибыли лишь немногие выборные. Ход же заседаний собора уже три столетия вызывает споры историков. Официальные царские историки описывали елейную историю, как весь собор, умиляясь, избрал на царство Михаила Романова. Любые иные версии в XIX веке грозили Сибирью. В XX веке у историков-монархистов в эмиграции не было цензуры, но они так соскучились по сусальным картинкам «а-ля святая Русь», что с восторгом повторяли сказки XIX века.

Что же касается «прогрессивных» историков конца XIX – начала XX века, то их в основном мало интересовали подробности собора. В своих политических интересах они выпячивали сам факт созыва собора и то, что царь Михаил обещал править, в дальнейшем опираясь на волю последующих соборов.

Таким образом обосновывалась утопическая идея проведения государственных соборов в России второй половины XIX – начала XX века.

Официальная версия событий хорошо изложена у Соловьева: «Прежде всего стали рассуждать о том, выбирать из иностранных королевских домов, или своего природного русского, и порешили „литовского и шведского короля и их детей и иных немецких вер и некоторых государств иноязычных не христианской веры греческого закона на Владимирское и Московское государство не избирать, и Маринки и сына ее на государство не хотеть, потому что польского и немецкого короля видели на себе

неправду и крестное преступление и мирное на-рушение: литовский король Великий Новгород взял обманом“. Стали выбирать своих: тут начались козни, смуты и волнения; всякий хотел по своей мысли делать, всякий хотел своего, некоторые хотели и сами престола, подкупали и засылали; образовывали стороны, но ни одна из них не брала верх. Однажды, говорит хронограф, какой-то дворянин из Галича принес на собор письменное мнение, в котором говорилось, что ближе всех по родству с прежними царями был Михаил Федорович Романов, его и надобно избрать в цари. Раздались голоса недовольных: „Кто принес такую грамоту, кто, откуда?“ В то время выходит донской атаман и также подает письменное мнение: „Что это ты подал, атаман?“ – спросил его князь Дмитрий Михайлович Пожарский. „О природном царе Михаиле Федоровиче“, – отвечал атаман. Одинакое мнение, поданное дворянином и донским атаманом, решило дело: Михаил Федорович был провозглашен царем».

Наши церковные историки постарались «умертвить» Паф-нутия еще в 1611 г. Но на их беду, он был жив. Это обнаружено одним из лучших историков Русской церкви профессором богословия Антоном Картуковым, который, находясь с 1919 г. в Париже, несколько десятилетий посвятил истории православной церкви и выпустил многотомный труд.

После смерти патриарха Гермогена митрополит крутицкий Пафнутий стал первым лицом в русской церковной иерархии. Он-то и руководил собором в первые месяцы. Лезть самому в

патриархи ему не позволяли ни состояние здоровья, ни его прежние похождения. Естественно, Пафнутий не мог простить Пожарскому, что в июле 1612 г., будучи в Ярославле, тот пытался сделать митрополитом крутицким игумена Исаяю. И Пафнутию ничего не оставалось делать, как примкнуть к своим давним покровителям – Романовым. Перед самым приездом Михаила Романова в Москву Пафнутий умер, и встретил претендента на престол уже казанский митрополит Ефрем.

Фактически в Москве и не было правомочного Земского собора. По официальной версии 14 апреля 1613 г. собор постановил составить утвержденную грамоту об избрании царем Михаила Романова. Об этой грамоте хорошо сказал профессор Р.Г. Скрынников: «За образец дьяки взяли годуновскую грамоту. Нимало не заботясь об истине, они списывали ее целыми страницами, вкладывали в уста Михаила слова Бориса к собору, заставляли иноку Марфу Романову повторять речи иноки Александры Годуновой. Сцену народного избрания Бориса на Новодевичьем поле они воспроизвели целиком, перенесли ее под стены Ипатьевского монастыря. Обосновывая права Романовых на трон, дьяки утверждали, будто царь

Федор перед кончиной завещал корону братаничу Федору Романову. Старая ложь возведена была теперь в ранг официальной доктрины»*.

Чтобы убедиться, что избирательная грамота является фальшивкой, достаточно взглянуть на подписи под ней. Грамота помечена маем 1613 г., но в грамоте боярами названы Дмитрий Пожарский, И.Б. Черкасский, И.Н. Одоевский и Б.М. Салтыков, а между тем первые два получили боярство 11 июля 1613 г., а два последних – в декабре 1613 г. Формально грамоту подписали представители от 50 городов и уездов, многие города подписаны одним человеком, хорошо еще, если дворянином, а то и посадским человеком. Кузьма Минин – исключение в XVII веке, в то время ни один город не послал бы от себя выбирать царя одного посадского человека.

Попробуем на секунду задуматься, как могли выбрать на престол в такой сложный момент шестнадцатилетнего юношу?

Мне могут возразить, что Александр Невский разбил шведов на Неве, будучи 19 лет от роду, а через два года побил немцев на Чудском озере. На том же озере дрался и его младший брат Андрей, которому было 12—14 лет. И не просто дрался, а командовал собственной суздальской дружиной, которая, по некоторым данным, и решила исход битвы. Младший лейтенант Буона-Парте в 16—17 лет писал трактаты по баллистике и штудировал кодекс Юстиниана. Но Михаил Романов не был ни Александром Невским, ни Бонапартом. Свои детские и отроческие годы он провел в ссылке в глухом селе в окружении двух теток, не считая крестьян. Потом Гришка Отрепьев вызвал девятилетнего отрока в Москву и произвел в стольники. Но и это ничего не изменило. Последние семь лет он безвылазно провел в Москве на своем подворье. Неужто почти за четыре века десятки ученых, изучавших Смутное время, не смогли найти не только ни одного поступка, но и ни одного слова, произнесенного стольником Михаилом Романовым? Увы, это был недалекий мальчик, который наблюдал за ходом российской истории из окна своего терема и покидал его, лишь отправляясь в церковь и в редких случаях для присутствия на официальных церемониях. Эдакая помесь русского недоросля Митрофанушки с Пу И – последним императором Поднебесной империи.

Да представьте себе пятнадцатилетнего Д'Артаньяна, Де Бражелона или Петю Ростова. Мог ли кто-нибудь из них, находясь в осажденном городе, да еще имея звание, соответствующее полковнику или даже генерал-майору, не взять в руки саблю?

К тридцати годам Михаил был настолько серьезно болен, что не мог даже самостоятельно передвигаться, но в молодости он был достаточно крепок и силен, так что в двадцать лет он увлекался охотой на лосей и на

медведей.

Михаил присягал королевичу Владиславу, так почему же ему, как верному подданному, не встать под знамена своего сюзерена? Почему на лихом коне не рвануться с польскими хоругвями навстречу гетману Ходкевичу? Не позволяют убеждения? Так беги же с острой саблей к Пожарскому! Благо перебежчики, как русские, так и поляки, приходили в лагерь второго ополчения чуть ли не ежедневно. Не пускала мама, не пускали тетушки и нянечки – сиди, Миша, дома, читай псалтырь, дави мух на окнах или иными боярскими делами занимайся.

Так, может быть, избрание царем столь ничтожной личности было вызвано интересами большой политики? Как раз наоборот. Избрание Михаила ставило Московское царство в крайне неблагоприятное положение. Ведь Михаил юридически был подданным королевича Владислава в отличие от Пожарского, Трубецкого и ряда других князей Рюриковичей и Геди-миновичей. В плену у поляков был митрополит Филарет – отец Михаила, что, естественно, давало большой политический козырь полякам в борьбе с Москвой. Наконец, избрание царем Михаила надолго лишило Россию главного духовного вождя – патриарха, поскольку Михаил и его мать желали в патриархи только Филарета. И это при том, что у Владислава «в кармане» был патриарх Игнатий, принявший уже тем временем унию.

О праве крови я уже говорил. В течение 700 лет даже в самом захудалом русском княжестве правили только природные князья Рюриковичи, а в Малой и Белой Руси – Гедиминовичи. Первым исключением стал Борис Годунов, да и то если забыть его происхождение от чингизида Чета. Вторым исключением стал Михаил Романов. Это дало право любому князю Рюриковичу утверждать, что у него больше прав на престол, чем у династии Романовых. По этому поводу любили шутить вождь русских анархистов Петр Кропоткин и диссидент князь Петр Долгоруков, оба князья Рюриковичи по происхождению, утверждавшие, что у них более прав на корону, чем у царей династии Романовых.

А был ли в 1613 г. альтернативный кандидат на престол?

К власти рвался Гедиминович Дмитрий Трубецкой. Но он был слабый политик и бездарный воевода. Если дворянство считало его казацким боярином, то казаки издевались и презирали его.

Боярин Федор Мстиславский «с товарищи» был изгнан вождями ополчения из Москвы и даже не участвовал в соборе.

Интересно, что в документах начала XVII века имеются намеки на то, что царства добивался и Иван Никитич Романов. Но, как уже говорилось, главой клана был Филарет, а он недолго любил своего брата Ивана. Видимо,

родня не поддержала Ивана Никитича.

Как дореволюционные, так и советские историки утверждают, что Дмитрий Пожарский стоял в стороне от избирательной кампании начала 1613 г. Тем не менее уже после воцарения Михаила Пожарского обвинили, что он истратил 20 тысяч рублей «докупаясь государства». Справедливость обвинения сейчас уже нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Но трудно предположить, что лучший русский полководец и серьезный политик мог безразлично относиться к выдвижению шведского королевича или шестнадцатилетнего мальчишки, да еще из семейства, которое с 1600 г. участвовало во всех интригах и поддерживало всех самозванцев. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что самым оптимальным выходом из Смуты было бы избрание государем славного воеводы, освободившего Москву и вдобавок прямого Рюриковича.

Однако против Пожарского сплотились все – и Пафнутий, и московские бояре, отсиживавшиеся в Кремле с поляками, и Трубецкой, и казаки. Серьезной ошибкой Пожарского был фактический роспуск дворянских полков второго ополчения. Часть дворян рати ушла на запад воевать с королем, а большая часть разъехалась по своим вотчинам. Причина – голод, царивший в Москве зимой 1612/13 г. Известны случаи даже смерти от голода дворян-ополченцев. Зато в Москве и окрестностях остались толпы казаков: по разным сведениям, их было от десяти до сорока тысяч. В Москве за Яузой возник целый казацкий город – Казачья слобода. Было и еще несколько казацких таборов под Москвой. Еще раз повторю: казаков не донских, не запорожских, а местных – московских, костромских, брянских и т.д. Это были бывшие простые крестьяне, холопы, посадские люди. Возвращаться к прежним занятиям они не желали.

В конце октября 1612 г. Пожарский и Трубецкой решили рассчитаться с казаками. В ходе «разбора» было отобрано одиннадцать тысяч «лучших и старших казаков», которым раздали захваченные в Москве вещи, оружие и деньги (по 8 рублей на человека). Нескольким тысячам воровских казаков, входящих в различные, никому не подчинявшиеся отряды, позволили строиться и заводить хозяйство в Москве и других городах, не платя два года налогов и долгов. Однако, как писал Авраамий Палицын, «Казацкого же чина воинство многочисленно тогда бысть, и в прелесть велику горше прежнего впадоша, вдавшися блуду, питею и зерни, и пропивши и проигравши все свои имения». То есть за несколько дней все было пропито, проиграно и прогуляно с девицами из Лоскутного ряда. Казаки опять остались без средств. За годы Смуты они отвыкли работать, а жили разбоем и пожалованиями самозванцев. Пожарского и его дворянскую рать

они люто ненавидели. Приход к власти Пожарского или даже шведского королевича для местных казаков был бы катастрофой. Например, донские казаки могли получить обильное царское жалованье и с песнями уйти в свои станицы. А местным воровским казакам куда идти? Да и наследили они изрядно – не было города или деревни, где бы воровские казаки не грабили, не насиловали, не убивали.

Могли ли воровские казаки остаться безучастными к избранию царя? С установлением сильной власти уже не удастся грабить, а придется отвечать за содеянное. Поэтому пропаганда сторонников Романовых была для казаков поистине благой вестью. Ведь это свои люди, с которыми подавляющее большинство казаков неоднократно общалось в Тушине. Как мог Михаил Романов укорять казаков за преступления на службе у Тушинского вора? Да вместе же служили вору и выполняли приказы твоего папаша, тушинского патриарха, и твоих родственников, тушинских бояр.

Не будем забывать, что в «период избирательной кампании» Романовы и их родня Салтыковы направо и налево раздавали казакам деньги и землю. Так, к примеру, атаман Филипп Максимов получил большую сумму денег и поместье перед самым избранием Михаила.

И вот пятьсот вооруженных казаков, сломав ворота, ворвались к крутицкому митрополиту Ионе, исполнявшего в то время обязанности местоблюстителя патриарха: «Дай нам, митрополит, царя, государя на Россию, кому нам поклониться и служить и у ково жалованья просити, до чего нам гладною смер-тию измирати!»

Дворец Пожарского и Трубецкого был окружен сотнями казаков. Фактически в феврале 1613 г. произошел государственный переворот – воровские казаки силой поставили царем Михаила Романова. Разумеется, в последующие 300 лет правления Романовых любые документы о «февральской революции 1613 года» тщательно изымались и уничтожались, а взамен придумывались сусальные сказочки типа приведенной выше сказочки С.М. Соловьева.

Русские самодержцы были вольны уничтожать свои архивы и насиловать своих историков. Но существуют и архивы других государств. Вот, к примеру, протоколы допроса стольника Ивана Чепчугова и дворян Н. Пушкина и Ф. Дурова, попавших в 1614 г. в плен к шведам. Пленников допрашивали в Новгороде каждого в отдельности, поочередно, и их рассказы о казацком перевороте совпали между собой во всех деталях. Они говорили, что во время заседания Земского собора казаки и чернь ворвались в Кремль, набросились с ругательствами на членов Боярской думы, обвинив их в том, что они выбирают царя, чтобы властвовать самим.

Казаки будто бы повторили боярам легенду о том, что царь Федор Иоаннович, умирая, завещал престол Федору Никитичу Романову. Многие бояре, в том числе и родственники Михаила Федоровича, ссылались на молодость казачьего кандидата и его отсутствие в Москве. Попытка бояр еще раз отложить выборы не удалась: «казаки и чернь не отходили от Кремля, пока дума и земские чины в тот же день не присягнули Михаилу Романову».

С показаниями Чепчугова, Дурова и Пушкина поразительно совпадает текст «Повести о Земском соборе 1613 г.»: бояре будто бы предложили выбрать царя из числа восьми «вельмож боярских», но пришедшие на собор казачьи атаманы обвинили их в самовластии и выдвинули кандидатуру Михаила Федоровича Романова, ссылаясь на то, что именно его отцу «благословил посох свой» царь Федор. Иван Никитич Романов возразил на это: «Тот князь, Михайло Федорович, еще млад и не в пол-

неем разуме». Но казаки этому не вняли: «Но ты, Иван Никитич, стар, в полнее разуме, а ему, государю, ты по плоти дядюшка прирожденный и ты ему крепкий потпор будеши», – и в тот же день заставили перепуганных бояр присягнуть Михаилу Федоровичу.

Подобное говорили и дворяне, попавшие в плен к полякам. Польский канцлер Лев Сапега прямо заявил пленному Филарету Романову: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки».

13 апреля 1613 г. шведский разведчик доносил из Москвы, что казаки избрали Михаила Романова против воли бояр, принудив Пожарского и Трубецкого дать согласие после осады их дворов. Французский капитан Жак Маржерет, служивший в России со времен Годунова, в 1613 г. в письме к английскому королю Якову I подчеркивал, что казаки выбрали «этого ребенка», чтобы манипулировать им.

Замечу, что версию о казачьем перевороте поддерживал не только Скрынников, но и известный специалист по истории России XVI—XVII веков А.Л. Станиславский. В его монографии «Гражданская война в России XVII в.» глава, посвященная избранию царя, называется «Михаил Романов – казачий ставленник».

Любопытно, что большинство отечественных историков, начиная с Иловайского, утверждают, что донские казаки присягали Лжедмитрию I, Тушинскому вору и королевичу Владиславу, а затем и Михаилу Романову. Ни донские, ни волжские казаки, я уж не говорю о запорожских, никому из перечисленных персонажей не присягали, поскольку это противоречило казачьему менталитету. Вопрос о присяге московским царям впервые был поднят в 1632 г., но тогда казаки категорически отказались принимать ее.

Глава 21

Золотая жила – миф об Иване Сусанине

О местопребывании инокини Марфы с сыном Михаилом и свитой в конце 1612 г. – начале 1613 г. историки спорят уже два века. То, что она поехала в район Костромы, вполне естественно: там были многочисленные вотчины Романовых и два надежных места, где можно было переждать лихолетье, – город Кострома и Ипатьевский монастырь. Город и монастырь находились примерно в двух верстах друг от друга, но их разделяла полноводная тогда река Кострома.

Костромская крепость представляла собой довольно мощное фортификационное сооружение. Она состояла из Старого и Нового кремля, разделенных крепостной стеной. Укрепления обоих кремлей – деревянные с четырьмя проездными и восемью глухими башнями. Высота башен от 5 до 7 саженей (11—15 м). Кремль расположен на возвышении и обнесен высоким валом, на котором находилась деревянная стена. Перед валом был ров с водой шириной до 8 саженей (17 м) и глубиной около сажени.

Согласно описанию Костромской крепости 1679 г., там находилось пищалей – 26, тюфяков (примитивных гаубиц) – 3, железных казнозарядных пищалей – 4. Итого 33 артиллерийских орудия.

Читатель вправе спросить, а какое отношение к событиям 1613 г. может иметь опись артиллерии 1679 г.? Дело в том, что документов 1613 г. нет, а в описи 1679 г. сказано: «...от многих лет и от пожарного времени... тот городской наряд не чищен и

в тех пищалах пыли и земли насорило». Никаких опасных событий в районе Костромы после Смуты не происходило, и можно с уверенностью на 99,9 процента утверждать, что часть «городового наряда», бывшего там к 1613 г., могла быть вывезена, но ни одной новой пушки туда так и не доставили. А вскоре по приказу Петра I Костромская крепость вообще была упразднена за ненадобностью.

Ипатьевский же монастырь был укреплен еще лучше, чем город Кострома. Еще в 1568 г. монастырь был обнесен каменной крепостной стеной. Протяженность стен составляла 243 сажени (518 м). Восточная стена примыкала к реке Костроме. Стены стоят на мощном фундаменте, уходящем на несколько метров в глубь земли. Фундамент построен из валунов, скрепленных известковым раствором. Высота стен в то время

составляла около 6 м, а толщина 2,1 м. Они были выложены из двух рядов кирпичной кладки, пространство между которыми заполнено бутом. Стены делились на два яруса. В верхнем ярусе находилась галерея боевого хода, вдоль которой равномерно располагались щелевидные бойницы и смотровые окна. В нижнем ярусе, в арочных углублениях, находились бойницы подошвенного боя, позволявшие максимально сократить «мертвую зону». Между ярусами бойниц находились варовые щели, позволявшие защитникам монастыря лить на противника горячий «вар», то есть смолу или кипятки непосредственно с галереи боевого хода.

С четырех сторон крепостная стена фланкировалась круглыми башнями. Каждая башня имела три уровня боя. Самый верхний имел, помимо щелевидных бойниц, еще и широкие круглые отверстия для установки пушек. Он также был снабжен машикулями (навесными бойницами), предназначенными для сокращения «мертвой зоны» у стен башни. Бойницы среднего яруса позволяли вести огонь по противнику как из небольших артиллерийских орудий, так и из ручного огнестрельного и метательного оружия (луков и арбалетов). Подобно стенам, башни имели бойницы подошвенного боя.

Чтобы взять такие твердыни, как Кострома и Ипатьевский монастырь, нужны были достаточно большой отряд осаждающих (не менее трех тысяч человек) с осадной артиллерией и как минимум несколько недель осады. Мне могут возразить и привести примеры, когда мощные крепости в 1605—1611 гг. сдавались небольшим конным отрядам. Да, действительно, такие случаи имели место, но только когда гарнизон или горожане решали поменять царя, например, Шуйского на Дмитрия или наоборот.

Еще до начала Смуты Шестовы и Романовы имели в Костромской крепости «осадные дома», то есть собственные дома, где можно было отсидеться в случае нападения противника. Так что жить или защищаться в Домнине или в ином месте в своих вотчинах оба семейства не собирались еще до Смуты. Марфа с сыном могла проинспектировать свои вотчины, но жить там было опасно. Ряд историков считают, что Михаил и Марфа жили в костромской крепости на своем осадном дворе и прибыли в Ипатьевский монастырь лишь для встречи «великого посольства» из Москвы. Другие утверждают, что жить в монастырь Романовы переехали лишь с началом Великого поста (февраль – начало марта 1613 г.), «дабы провести эти дни в уединении и молитве», тем более что сама Марфа была монахиней. Наконец, третья группа историков считает, что Романовы жили только в монастыре, а в Костроме если и бывали, то наездами. При этом документальных свидетельств о местопребывании Марфы и Михаила нет

ни у кого.

Лично я присоединяюсь к третьей точке зрения. Дело в том, что жители Костромы вдоволь натерпелись лиха от тушинцев и люто их ненавидели. Соответственно, приезд в город жены и сына тушинского патриарха мог вызвать эксцессы. И наоборот, игумен и монахи Ипатьевского монастыря были верными тушинцами.

Любопытно, что на сторону Тушинского вора архимандрит Феодосий с братией перешли не по идеологическим причинам, а из-за «бабок». Царю Василию требовались деньги для войны с Болотниковым и Тушинским вором, и он имел неосторожность попросить их у Ипатьевского монастыря. Результат не заставил себя ждать, и в конце октября 1608 г. архимандрит Ипатьевского монастыря Феодосий и игумен соседнего костромского Богоявленского монастыря Арсений отправились в Тушино, где и принесли присягу Лжедмитрию II.

Понятно, что теперь монастырь оказался в полном подчинении у тушинского патриарха. Следует заметить, что Филарет и Феодосий отлично ладили, и монастырь стал надежным оплотом тушинцев в Костромском крае.

Кострома поначалу была захвачена отрядом Лжедмитрия II. Но в начале декабря 1608 г. горожане подняли восстание. Местные тушинцы были перебиты, а их воеводу Дмитрия Мо-сальского-Городетского долго пытали, а затем, отрубив руки и ноги, утопили в Волге. (Марфе эта история была хорошо известна.)

Тушинский царь отправил в Кострому карателей во главе с Эразмом Стравинским и Александром Лисовским. Поляки предали Кострому огню и мечу. Видимо, какая-то часть костромичей пыталась укрыться за стенами Богоявленского монастыря и там оказать сопротивление тушинцам. 30 декабря 1608 г. Богоявленский монастырь был захвачен и разорен отрядом Лисовского. При штурме погибли три иеромонаха, один иеродиакон и семь монахов. В это же время был разорен и разграблен Кресто-воздвиженский монастырь в Костромском кремле, при этом погибли его архимандрит Геннадий и десять человек братии.

В конце февраля 1609 г. костромичи вновь восстали, однако на сей раз тушинскому воеводе Никите Вельяминову удалось унести ноги в Ипатьевский монастырь. Но не менее около двухсот тушинцев костромичи «посадили в воду», то есть попросту утопили в Волге.

В начале марта 1609 г. Никита Вельяминов написал в Тушино пану Сапеге следующее письмо о помощи: «... в Ипацком монастыре людей немного, да и те иные побиты и поранены, и лошади у них побиты ж».

В конце апреля 1609 г. к монастырю подошло войско Василия Шуйского во главе с воеводой Давыдом Жеребцовым и приступило к осадным работам. В начале мая 1609 г. Вельяминов писал Сапеге, что к монастырю подошли на судах «воры Государевы изменники, многие люди, и дети боярские, костромичи и галиченя и нижегородские стрельцы, и с Вологды сибирьские стрельцы ж, и казаки, и галиченя и унженя и кологривцы и парфеньевцы и судайцы, многие мужики, а у них... воевода Давыд Жеребцов; и я на них, из Ипацкого монастыря, с дворяны и с детьми боярскими, с костромичи и галичаны, выходил и с ними бились, с первого часу дни да до вечера: и Божию, господине, милостию и Пресистые Богородицы и великих Чудотворцев молитвами, и Государевым счастьем, на том деле воров государевых изменников многих побили, и языки у них знамяна их воровские поимели... »

Битва закончилась ночью. Несмотря на упорное сопротивление, ратникам Жеребцова удалось закрепиться на правом берегу реки Костромы и начать осаду монастыря. «Интересно, что в это время переписку между Вельяминовым и Сапегой помогали поддерживать ипатьевские монахи. Нам, например, известны имена иноков Макария и Леонтия, доставлявших отписки костромского воеводы в стан Я. Сапеги под Троице-Сергиевым монастырем»².

После сражения царские войска выкопали вокруг осажденного монастыря ров, поставили острог и укрылись за ним. Ров окружал монастырские стены «от реки от Костромы да до реки Костромы же». Все это время тушинцы предпринимали попытки вырваться из окружения.

Лжедмитрий II придавал важное значение Ипатьевскому монастырю. В мае 1609 г. он послал войско под командованием Александра Лисовского для деблокирования обители. Но Лисовскому не было суждено дойти до Ипатьевского монастыря из-за сопротивления местных жителей и отсутствия лодок для переправы через Волгу.

В августе, а по другим источникам, в сентябре 1609 г. монастырь сдался и был занят людьми Жеребцова.

Как тут не поразиться избирательности московских дьяков и летописцев! Осада Троице-Сергиевой лавры тушинцами в сентябре 1608 г. – январе 1610 г. известна чуть ли не по дням. А вот осада Ипатьевского монастыря, где монахи защищали «воров и литовских людей», практически неизвестна.

Зададим себе риторический вопрос: мог ли тушинский патриарх игнорировать осаду Ипатьевского монастыря, не посылать туда грамот с призывами к сопротивлению и т.д.? Явно нет. Так куда же их подевали

жулье – московские дьяки?

Но вернемся к бедной инокине Марфе. От дважды восставших против тушинцев костромичей ничего хорошего ждать не приходилось, зато в Ипатьевском монастыре среди братии, насмерть стоявшей за «царя Димитрия» и патриарха Филарета, опасаться было нечего.

Возможно, не стоило уделять столько внимания местопребыванию Марфы и Михаила в ноябре 1612 г. – начале 1613 г., если бы не возникновение в начале XIX века целой мифологии о подвиге крестьянина Ивана Сусанина.

О событиях Смутного времени к началу XIX века накрепко забыли. Вспомнить о них царя Александра I заставило поражение под Аустерлицем в декабре 1805 г. Павел, а затем и его сын легкомысленно ввязались в войну против революционной Франции.

Под Аустерлицем царь был лично оскорблен, поскольку он трусливо бежал с поля боя в самом начале сражения, а главное, он осознал, что собой представляют Наполеон и его армия. Срочно потребовался созыв всенародного ополчения и т.д. В качестве хорошего примера подходил созыв ополчения Минина и Пожарского. В войне 1812 г. мифы Смутного времени стали хорошим идеологическим оружием царизма.

Тут следует отметить, что и либерально настроенные дворяне пытались использовать события Смуты для обоснования своих идей. Речь шла об участии простых людей в решении судеб государства, например, того же «гражданина Минина».

Кстати оказался и «крестьянин» Иван Сусанин, который-де спас царя весной 1613 г. Дело началось с оды «Иван Сусанин», написанной декабристом Кондратием Рылеевым.

Через несколько лет композитор Михаил Иванович Глинка пишет оперу «Иван Сусанин». Николаю I опера понравилась, однако он велел переменить название на «Жизнь за царя». Либретто к опере написал придворный Г.Ф. Розен. Немец плохо знал русский язык, зато был личным секретарем цесаревича Александра.

Опера идеально подходила к теории графа Уварова – «православие, самодержавие и народность».

С 1918 по 1938 г. опера в России не исполнялась. Во-первых, ее считали ультрамонархической, а во-вторых, не желали дразнить поляков.

В конце 1938 г. Сталин предложил восстановить оперу и написать для нее «советское либретто». Сергей Городецкий быстро написал оное либретто, и 2 апреля 1939 г. в Большом театре состоялась премьера обновленной оперы «Иван Сусанин».

Тут Сусанин спасал уже не Мишу Романова, а отряд ополченцев во главе с Мининым. Сталин лично изменил ряд эпизодов в опере. Так, комиссия во главе с Иваном Большаковым предложила снять финальную сцену «Славься...», поскольку там было много «патриархальщины и церковности». Сталин же заметил: «Давайте сделаем наоборот – сцену оставим, а снимем Большакова». Именно Сталин настоял на появлении в финале Минина и Пожарского верхом на конях.

Сразу после постановки в Большом театре «Ивана Сусанина» поставили в Ленинграде и ряде других городов.

Во время встречи министров иностранных дел держав антигитлеровской коалиции, которая проходила в октябре 1943 г. в Москве, гостей пригласили в Большой театр на оперу «Иван Сусанин». Во втором действии, когда показывали бал во дворце польского короля, британский министр иностранных дел Антони Иден шепнул сидевшему рядом Молотову: «Посмотрите, какие милые люди эти поляки, дружить с ними – одно удовольствие». Английскому министру очень хотелось, чтобы Москва смягчила свое непримиримое отношение к польскому эмигрантскому правительству, обосновавшемуся в Лондоне. Но Вячеслав Михайлович не поддался. «В жизни все сложнее», – буркнул он.

Зато позднее, когда «милые поляки» стали убивать на сцене русского патриота Ивана Сусанина, Молотов оживился. «Вот видите, – наставительно сказал он Идену, – в истории наших отношений бывало всякое».

В соответствии с указаниями вождя Ивана Сусанина вернули в иконостас народных героев и на страницы школьных учебников. И, как всегда у нас бывает, очередная развесистая клюква советской пропаганды стала темой для многочисленных анекдотов. Иван Сусанин в них делил второе место с чукчей, уступая лишь незабвенному Василию Ивановичу.

Так что же было на самом деле? В 1619 г. крестьянин села Домнина Богдан Собинин подал челобитную о деяниях своего тестя Ивана Сусанина Богдашкова. Челобитная эта не сохранилась, и мы о ней знаем из царской грамоты от 30 ноября 1619 г. В грамоте говорилось о пожаловании Богдана Собинина на земли с освобождением от всех налогов, сборов и повинностей. Указывалась и причина: «За службу к нам и за терпение тестя его Ивана Сусанина. Как мы, великий государь, царь и Великий князь, Михаил Федорович всея России в прошлом 1613 году были на Костроме, и в те поры приходили в Костромской уезд польские и литовские люди и тестя его... изымали и его пытали великими, немерными пытками, а пытали у него: где в те поры Мы... были, и он Иван, ведая про нас,

Великого государя... где мы в те поры были не сказал, и польские и литовские люди замучили его до смерти»³.

Чудесная сказка Собинина понравилась царю и его матери. Зятюку дали денег и грамоту, подтверждавшую геройское поведение Ивана Сусанина Богдашкова. Естественно, что никто не проверял сообщения Богдана, да и проверить их было физически невозможно. А главное, зачем? Просил Богдан немного, а польза для династии Романовых была огромная.

Риторический вопрос: а почему Марфа и Михаил шесть лет не вспоминали об их спасителе Сусанине? Запомнили? Других дел хватало? Вряд ли. Своих людей Марфа не забывала. Помните «фельдсвязь», установленную с Филаретом, Пафну-тием и К^о в 1602 г.? Так Марфа уже 18 марта 1614 г. щедро наградила всех своих агентов: «Попу Ермолаю и сыну его Исааку, им и детям их и внукам, в их роде во веки неподвижно... была пожалована в вотчинное владение дворцовая волостка в Челмужском Петровском погосте, именно реки для рыбной ловли числом 12, около Челмужской губы и обширное пространство земли около Челмужи, равное ныне 10 144 десятинам... »

Крестьяне тоже получили вотчины, но в общей сложности в 12 раз меньшие, чем один отец Ермолай Герасимов с сыном Исааком. Гаврила и Клим Глездуновы были пожалованы деревней Июдинской из вотчинных владений Вяжицкого монастыря; Поздей Томило и Степан Тарутины сделались независимы от своего монастыря и получили деревни Тарутину и Гри-бановскую. Кижские крестьяне Сидоровы награждены были деревнями Климентьевской в Сенной Губе и Потаповской в Яндомозере с землями и угодьями.

Все вотчинники, кроме этого, жалованными грамотами объявлялись свободными от въездов бояр, воевод и приказных людей, а также от всяких пошлин тягла и податей и ограждались от обид «под страхом великой царя и государя опалы на тех, кто учнет делать через царские жалованные грамоты и крестьян избидит».

А после возвращения Филарета из Польши руководство агентуры получило новые награды. Отец Ермолай Герасимов с сыном Исааком, уже поставив себе новый двор в Челмужском погосте, были вызваны в Москву, и здесь отец Ермолай, служивший до сего времени простым погостным попом, был назначен ключарем кремлевского Архангельского собора, а сын его Исаак Герасимов Ключарев – подьячим Казанского дворца. В почетной должности архангельского ключаря отец Ермолай Герасимов состоял до самой своей смерти в 1627 г.

Сравните – люди, лишь сообщавшие Марфе «о здоровье» ее мужа,

получили столь щедрые награды, а человека, спасшего саму Марфу и ее сына от лютой смерти, забыли напрочь. И лишь после напоминания родственников убитого их кое-как наградили – освободили от налогов. Как-то несерьезно получается.

Сразу возникает вопрос, откуда в начале 1613 г. в районе села Домнино оказался отряд поляков? О действиях всех без исключения польских королевских отрядов, а также «частных армий» Сапеги, Лисовского и других хорошо известно в литературе, особенно в польской. Судьба не только их командиров, но и практически всех шляхтичей тоже известна.

За двести лет изысканий наши квасные патриоты не нашли ни одного шляхтича, который мог бы погибнуть в районе Дом-нина.

Миф о Сусанине был разоблачен еще в середине XIX века профессором Н.И. Костомаровым. По-видимому, крестьянин Иван Сусанин был схвачен небольшой шайкой «воров» (воровских казаков), которых немало бродило по Руси. За что же они стали его пытаться и замучили до смерти? Скорее всего «ворам» требовались деньги. Ни воровской шайке, ни даже большому польскому отряду ни Кострома, ни Ипатьевский монастырь были не по зубам. Они были обнесены мощными каменными стенами и имели десятки крепостных орудий.

Костомаров писал: «Сусанин на вопросы таких воров смело мог сказать, где находился царь, и воры остались бы в положении лисицы, поглядывающей на виноград. Но предположим, что Сусанин, по слепой преданности своему барину, не хотел ни в каком случае сказать о нем вора: кто видел, как его пытали и за что пытали? Если при этом были другие, то воры и тех бы начали тоже пытаться, и либо их, так же как Сусанина, замучили бы до смерти, либо добились бы от них, где находится царь. А если воры поймали его одного, тогда одному Богу оставалось известным, за что его замучили. Одним словом, здесь какая-то несообразность, что-то неясное, что-то неправдоподобное. Страдание Сусанина есть происшествие само по себе очень обыкновенное в то время. Тогда казаки таскались по деревням и жгли и мучили крестьян. Вероятно, разбойники, напавшие на Сусанина, были такого же рода воришки, и событие, громко прославленное впоследствии, было одним из многих в тот год. Через несколько времени зять Сусанина воспользовался им и выпросил себе обельную грамоту».

Участник русско-шведской войны Юхан Видекинд писал, что в конце 1612 г. польский король Сигизмунд III послал шесть тысяч запорожских казаков (черкасов) разорять Северный край⁴. Они разорили множество городов, монастырей и сел на Русском Севере, о чем сообщают

многочисленные грамоты монастырей и горожан, особенно из района Солигалича. Совсем недалеко от Солигаличского уезда находилось село Домнино.

Интересный нюанс: в большинстве грамот захватчики и грабители именуются «литовскими людьми». Это и понятно. Ведь формально малороссийские и запорожские казаки числились подданными Великого княжества Литовского, да и термин «запорожцы» был тогда еще неизвестен жителям северной Руси. А вот нынешние историки-образованцы термин «литовские люди» заменяют на «литовцев» и прибавляют к ним поляков. Замечу, что ни один польский пан, равно как и этнический литовец, в разгроме Солигаличского уезда иди других северных районов зимой 1612/1613 г. замечен не был.

Вот эти-то черкасы (запорожцы) и могли ограбить Домнино и в поисках «рухляди» запытать или посечь саблями богатого крестьянина Ивана Сусанина. Двигались запорожцы небольшими отрядами и никакой опасности ни для Костромы, ни для Ипатьевского монастыря не представляли.

Соответственно, этот отряд казаков не погиб в костромских лесах и не утонул в болотах. В конце марта – начале апреля 1613 г. в районе города Епифани к атаману Ивану Заруцкому прибыл отряд «из 400 украинских казаков. И с действиями этого отряда связан подвиг Ивана Сусанина»⁵. Это цитата из книги доктора исторических наук А.Л. Станиславского.

Дабы читатель не обвинил автора в буйной фантазии, приведу лишь материалы СМИ. В Костроме ждут не дождутся двух юбилеев – 400-летия Дома Романовых и подвига Ивана Сусанина. Администрация Костромской области создала два туристических проекта «Иван Сусанин» и «Кострома – им

Казалось бы, все ясно. Рухнул советский строй. Демократы занялись развенчиванием сталинских кумиров и всей советской мифологии. Но к великому удивлению, миф о Сусанине не только обрел второе дыхание, но и раздувается сейчас до необычайной величины – такие масштабы Иосифу Виссарионовичу даже не снились! перский регион». Сколько вложено в эти проекты казенных денег – это, разумеется, государственная тайна. В Костроме активно функционирует ООО «Романовы и Сусанин». С 2002 г. Костромская епархия РПЦ ведет борьбу за канонизацию Ивана Сусанина. Руководство РПЦ пока заняло выжидательную позицию. Но уверен, что к 2013 г. Ивана канонизируют. Не исключена канонизация и Михаила I, и кого-нибудь из его семейства.

«В нескольких километрах от Сусанино, в селе Домнине, действует

туристическая фирма „Романовы и Сусанин“. Водит приезжих путями Сусанина. Выглядит это так: впереди идет мужик, вполне оперный, в старинной крестьянской одежде, за ним – малый в польском кафтане при сабле, а дальше уже тянутся туристы в цивильном. По смыслу происходящего они тоже поляки. А кто же еще? Там других не было. То есть люди платят за то, чтобы поучаствовать в убийстве национального героя и тем самым приобщиться к отечественной истории. Вот его картинно зарубают, и, причастившись Ивановой крови, желающие идут подкрепиться в ресторан, имитирующий боярские покои начала XVII века. Он тоже принадлежит фирме „Романовы и Сусанин“.

Я побеседовал с убийцей Ивана. Человек глубоко вжился в роль. Поляков уважает: «Понимаете, это были не какие-нибудь бродяги, это был спецназ, элита польского войска. Они были посланы, чтобы нейтрализовать претендента на русский престол. Поляки хотели, чтобы русским царем был их королевич Владислав, но тут подвернулся Сусанин...» Какая трагическая случайность!»⁶

А вот еще подобное сообщение: «В Исупово работают археологи, ищут кости Ивана, и даже как будто что-то нашли. Церковь готовится канонизировать героя. Хочет оприходовать место силы и эксплуатировать культ, который на нем сложился. Культ налицо: деревья около памятных знаков, связанных с Иваном, обвешены тряпицами. На Пасху я видел там даже яйца. И стакан. Как будто люди выпивали с Сусаниным. А почему ине выпить, если он невзначай способен появиться у тебя на пути и завести разговор на житейскую тему?

В прошлом году в Домнине, фактически на месте усадьбы Романовых, я обнаружил некое ООО «Романовы и Сусанин». Люди зарабатывают, вода туристов на Чистое болото. Впереди идет ряженный мужик, изображающий Сусанина, за ним – человек в польском кафтане при сабле, следом – экскурсанты. По смыслу мизансцены они вроде тоже поляки. То есть, выходит, платят за то, чтобы ощутить себя убийцами героя. В финале «поляк» зарубает Ивана. Непредвзятый этнолог скажет: приносит Сусанина в жертву Романовым. Жизнь за царя!

Вроде и нашли останки героя – только череп без нижней челюсти. «По словам консультанта, главного археолога комитета по охране и использованию историко-культурного наследия администрации Костромской области Сергея Алексеева, «в течение двух лет мы проводили раскопки в Исуповском некрополе (на территории нынешнего Сусанинского района Костромской области) и вскрыли более 200 захоронений, а в четы

Как видно, ряженные экскурсоводы, не чая того, эксплуатируют идею строительной жертвы, которая (и идея, и жертва) была положена в основу домостроительства Дома Романовых. Жертва – это Сусанин (и шире – народ), который стал краеугольным камнем при строительстве новой династии (нет, не зря Романовых осудили за колдовство). А идея строительной жертвы легла в основание специфической ментальности царствующего дома. В частности, это просматривается в костромском памятнике Сусанину, который снесли большевики. Бесстыдный был памятник: хорошо эрегированный столб, на нем бюст Михаила Федоровича (буквально: залупленная головка), а у основания – коленопреклоненный мужик, которого при недостаточном освещении (если смотреть сзади и несколько сбоку) легко принять за яйца, оснащающие этот воистину монументальный член. Надо так понимать: половая энергия Романовых идет от народа, который помогает крутым самодержцам самого себя дрючить».

Грех из них нашли черепа со следами рубленых ран. Мы доказали, что Сусанин не заводил поляков в болото, а просто отвел их от места, где скрывался Михаил Романов». По словам господина Алексеева, от мифов и легенд о Сусанине ученые теперь намерены перейти к научному изучению его личности в российской истории.

Для этого в Кострому приехали ведущие российские специалисты по Смутному времени, археологии, антропологии и судебной экспертизе. Гвоздем программы стало выступление заведующего отделом идентификации личности Российского центра судмедэкспертизы (РЦСМЭ) Виктора Звягина с докладом «Идентификация захоронения Ивана Сусанина: судебно-медицинские аспекты».

Профессор Звягин объявил, что проведенное экспертами Российского центра судмедэкспертизы исследование не имеет аналогов в российской судмедпрактике. При исследовании костей использовался весь арсенал современных методов: спектральный, фенотипический, ДНК-анализы и многие другие. Хотя все доказательства носят лишь вероятностный характер, лично профессор Звягин убежден, что найденные останки принадлежат именно Ивану Сусанину. Но, судя по вопросам, части аудитории предъявленные доказательства показались не слишком убедительными. Так, многих смутило, что молекулярно-генетическая экспертиза не дала ни положительных, ни отрицательных результатов.

Скептически настроен и коллега профессора Звягина по РЦСМЭ, заведующий отделом генетических исследований центра профессор Павел Иванов. «Последние несколько месяцев по плану научно-

исследовательских работ нашего отдела мы действительно пытаемся выделить ДНК из семи позвонков и одного зуба восьми разных людей, мужчин и женщин, – сообщил господин Иванов. – Но пока нам не удастся найти достаточное количество ДНК для последующего анализа». Впрочем, по словам профессора Иванова, окончательно надежду выделить ДНК из костей четырехсотлетней давности он не теряет. «Ведь из мумий и мамонтов ее выделяют», – резонно заметил господин Иванов. Однако даже если ученые добьются успеха, то сразу станет вопрос: с чем сравнивать «сусанинскую» ДНК? «Придется искать прямых потомков Сусанина, – подчеркнул профессор Иванов. – А где их теперь найдешь?»⁸

Думаю, хватит цитат. Вся эта возня вокруг Сусанина напоминает скверный анекдот. Все сие было бы очень смешно, если бы не тратились деньги налогоплательщиков.

Неужели новые кремлевские правители не понимают, на какие грабли они наступают, создавая общегосударственный культ Сусанина?

Ведь у нас под боком по-прежнему существует враждебное государство, создающее у себя базы американских ракет, нацеленных на Россию. Главный аргумент польских властей в политических и экономических отношениях с Россией и Евросоюзом – история. Мол, раньше все обижали бедных поляков, и теперь гоните за это деньги и привилегии. Подавляющее большинство исторических аргументов Варшавы – дикое вранье. Но тут Кремль явно решил играть с ляхами в поддавки, подкидывая им крупный козырь – миф о Сусанине. В Варшаве давно спрашивают: какие конкретно поляки убили великого вашего народного героя? Так пусть в Кремле внятно ответят на этот вопрос или прекращают балаган.

Ну а наш народ с хрущевских и брежневских времен обеднел, но не поглупел и на новую «сусанинскую кампанию» ответит сотнями забавных анекдотов. На центральное телевидение их, естественно, не пустят, но останутся неподконтрольная пресса и Интернет.

«Сусанинщина» не только не сплотит народа России, но и внесет еще больший раздор. Между тем для властей есть отличный выход – вывести «сусанинщину» в ранг преданий. И пусть различные ООО вовсю эксплуатируют брэнд Ивана Сусанина в Костроме, как царевича Димитрия – в Угличе, Деда Мороза – в Великом Устюге и т.д. Причем ничего зазорного для Сусанина и его почитателей в этом нет. К примеру, смоляне чествуют Меркурия Смоленского, спасшего их город от татар, но лишь в качестве предания, не занося его в учебники истории.

Так пусть и Иван Сусанин будет красивым народным преданием.

Глава 22

Романов на троне

После победы сторонников Романовых возник весьма забавный вопрос: а где же сами Романовы? Иван Никитич торчал под боком и все время твердил, прозрачно намекая на себя, что Романовы знатны и в родстве с царями, но Михаил-де слишком молод и неопытен и т.д. и т.п. Но его, как уже говорилось, всерьез не приняли.

На поиски Михаила Романова и его матери была снаряжена большая экспедиция под руководством архиепископа рязанского Феодорита и родственника Михаила Федора Ивановича Шереметева. В наказе послам говорилось: «Ехать к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси в Ярославль или где он государь будет». Посланцы, уведомив новоизбранного царя и его мать об избрании, должны были сказать Михаилу: «Всяких чинов всякие люди бьют челом, чтоб тебе, великому государю, умилишься над остатком рода христианского... и пожаловать бы тебе, великому государю, ехать на свой царский престол в Москву... » В заключение наказа говорилось: «Если государь не пожелает, станет отказываться или начнет размышлять, то бить челом и умолять его всякими обычаями, чтоб милость показал, был государем царем и ехал в Москву вскоре: такое великое божие дело сделалось не от людей и не его государским хотеньем, по избранью Бог учинил его государем. А если государь станет рассуждать об отце своем митрополите Филарете, что он теперь в Литве и ему на Московском государстве быть нельзя для того, чтоб отцу его за то какого зла не сделали, то бить челом и говорить, чтоб он государь про то не размышлял: бояре и вся земля посылают к литовскому королю, за отца его дают на обмен литовских многих лучших людей».

Послы отправились из Москвы 2 марта 1613 г. А еще ранее, 25 февраля, по русским городам были разосланы грамоты с известием об избрании Михаила: «И вам бы, господа, за государево многолетие петь молебны и быть с нами под одним кровом и державою и под высокою рукою христианского государя, царя Михаила Федоровича. А мы, всякие люди Московского государства от мала до велика и из городов выборные и невыборные люди, все обрадовались сердечною радостью, что у всех людей одна мысль в сердце вместилась – быть государем царем блаженной памяти великого государя Федора Ивановича племяннику, Михаилу

Федоровичу. Бог его, государя, на такой великий царский престол избрал не по чьему-либо заводу, избрал его мимо всех людей, по своей неизреченной милости. Всем людям о его избрании Бог в сердце вложил одну мысль и утверждение».

Как видим, не прошло и двух недель после переворота, как началась мифологизация «февральской революции». Михаил чудесным образом стал племянником царя Федора, а Бог лично «помимо всех людей» выдвинул кандидатуру племянника в цари.

Присяга в большинстве областей России последовала быстро и без осложнений. Первыми присягнули 4 марта жители Переяславля-Рязанского.

Наконец пришло в Москву сообщение от посольства, посланного на поиски Михаила. Михаила с матерью обнаружили в Костроме в Ипатьевском монастыре.

Из предыдущей главы мы уже знаем, какими мотивами руководствовалась жена тушинского патриарха, выбирая в качестве убежища Ипатьевский монастырь.

Московское посольство прибыло в Кострому 13 марта 1613 г. Михаил приказал им явиться в Ипатьевский монастырь на следующий день, о чем послы оповестили весь город. Наутро послы, костромской воевода, местное духовенство с крестами и иконами, а также толпа зевак двинулись к Ипатьевскому монастырю, расположенному в двух-трех верстах от города. Михаил с матерью встретили процессию у входа в монастырь. Послы объявили Михаилу о цели своего визита, и он «с великим гневом и плачем» ответил, что не хочет быть государем, а мать его добавила, что не благословляет сына на царство. Послы с трудом уговорили их вслед за крестным ходом войти в соборную церковь. В церкви послы передали Михаилу с матерью грамоты от собора и снова просили Михаила на царство, но получили прежний ответ. Марфа сказала, что «у сына ее и в мыслях нет на таких великих преславных государствах быть государем, он не в совершенных летах, а Московского государства всяких чинов люди по грехам измалодушествовались, дав свои души прежним государям, не прямо служили». Марфа припомнила измены Годунову, убийство Лжедмитрия I, свержение с престола и выдачу полякам Василия Шуйского и продолжала: «Видя такие прежним государям крестопреступления, позор, убийства и поругания, как быть на Московском государстве и прирожденному государю государем? Да и потому еще нельзя: Московское государство от польских и литовских людей и непостоянством русских людей разорилось до конца, прежние сокровища царские, из давних лет

собранные, литовские люди вывезли; дворцовые села, черные волости, пригородки и посады розданы в поместья дворянам и детям боярским и всяким служилым людям и запустошены, а служилые люди бедны, и кому повелит Бог быть царем, то чем ему служилых людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и против своих недругов стоять?»

Марфа напомнила, что митрополит Филарет находится в польском плену «в большом утесненье», и как узнает король, что на московский престол вступил его сын, тотчас же сделает Филарету какое-нибудь зло, а ему, Михаилу, без благословения отца на Московском государстве никак быть нельзя. Послы со слезами молили и уговаривали Михаила, говорили, что выбрали его по изволению божию, а не по его желанию, «положил Бог единомышленно в сердца всех православных христиан от мала и до велика на Москве и во всех городах». Далее послы стали доказывать, что все вышеупомянутые правители московские незаконно сели на престол, а вот Михаил один законный.

Представление длилось свыше шести часов. Наконец Михаил и Марфа сказали, что они во всем положились на провидение и непостижимые судьбы божии. Марфа благословила сына. Михаил принял посох у архиепископа, допустил всех к руке и сказал, что скоро поедет в Москву.

Казалось бы, комедия сыграна, теперь пора начинать царствовать. Государство по-прежнему находилось в критическом состоянии. Садись в сани, и через три дня государь будет в Москве. Санний путь 14 марта (по старому стилю) почти идеален, а через две недели начнется распутица, и уже не будет санного пути, но не будет еще и водного. Но Михаил выехал лишь 19 марта, а 21 марта прибыл в Ярославль.

Оттуда царь, а точнее, его мамочка затеяла хозяйственную переписку с московскими властями: «К царскому приезду есть ли на Москве во дворце запасы и послано ли собирать запасы по городам, и откуда надеются их получить? Кому дворцовые села розданы, чем царским обиходам впредь полниться и сколько царского жалованья давать ружникам и оброчникам?» Москва отвечает: «Для сбора запасов послано и к сборщикам писано, чтоб они наскоро ехали в Москву с запасами, а теперь в государевых житницах запасов немного». 8 апреля Михаил (Марфа) пишет: «Писали вы к нам с князем Иваном Троекуровым, чтоб нам походом своим не замедлить, и прислали с князем Иваном роспись, сколько у вас в Москве во дворце всяких запасов. По этой росписи хлебных и всяких запасов мало для обихода нашего, того не будет и на приезд наш».

Соловьев писал: «Наконец 18 апреля царь уведомил духовенство и бояр, что поход его к Москве замедлился за дурною дорогою, зимний путь

испортился, а как большой лед прошел и воды сбыло, то он выехал из Ярославля 16 апреля». И кто бы мог подумать, что в апреле наступит оттепель?! Нашим правителям уже 500 лет мешает погода.

25 апреля Михаил (Марфа) пишет боярам, чтобы они велели приготовить для царя Золотую палату царицы Ирины, а для

Марфы – деревянные хоромы жены царя Василия Шуйского. Бояре ответили, что приготовили для Михаила покои царя Ивана и Грановитую палату, а для матери его – хоромы в Вознесенском монастыре, где жила царица Марфа. Те же хоромы, о которых приказал государь, надо отстраивать заново – кровли там нет, лавок, окошек, дверей нет, и денег также нет, плотников нет, материалов нет.

29 апреля Михаил отписал боярам: «По прежнему и по этому нашему указу велите устроить на Золотую палату царицы Ирины, а матери нашей хоромы царицы Марьи, если лесу нет, то велите строить из брусяных хором царя Василья. Вы писали нам, что для матери нашей изготовили хоромы в Вознесенском монастыре, но в этих хоромах матери нашей жить не годится».

Почти два месяца вояжировал Михаил из Костромы в Москву. Из его переписки с московскими властями можно составить пухлый том, но, увы, писалось там только о государевом быте да о разбойниках – не шалят ли по дороге, не обидят ли царя-батюшку? И ни одного военного, административного или иного государственного распоряжения!

2 мая 1613 г. царь Михаил торжественно въехал в Москву. Михаил с матерью отстояли молебен в Успенском соборе, после чего Михаил допустил всех к своей руке.

Венчание Михаила на царство состоялось 11 июля 1613 г. Накануне торжественного дня, с вечера, в Успенском и других соборах, а также во всех столичных монастырях и церквях были отправлены всенощные бдения. На рассвете 11 июля начался звон кремлевских колоколов, который не прекращался до самого прибытия царя в Успенский собор.

Перед венчанием Михаил пожаловал в бояре стольников князей Пожарского и Черкасского. Во время коронации боярин князь Мстиславский осыпал Михаила золотыми монетами, боярин Иван Никитич Романов держал шапку Мономаха, боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой – скипетр, боярин князь Пожарский – державу. Венчал Михаила за неимением патриарха казанский митрополит Ефрем.

12 июля, то есть уже после царского венчания, Михаил пожаловал Кузьму Минина в думные дворяне. Казалось бы, справедливость восторжествовала, спасители отечества были достойно награждены. Увы,

Минин и Пожарский оказались в большой толпе хорошо награжденных тушинцев.

Уже в апреле 1613 г. в челобитных царю Михаилу Пожарский подписывается «холоп твой Митька». Можно ли, находясь в здравом уме, предположить, что князь Рюрикович Д.М. Пожарково-Стародубский добровольно захочет ни за что, ни про что сделаться «холопом Митькой»?

В конце 1613 г. царь Михаил, а точнее, его мать пожаловала боярство Борису Михайловичу Салтыкову. Салтыковы запятнали себя изменой в 1610—1612 гг., но зато они приходились родственниками инокине Марфе. Вдобавок то ли бойкая монашка, то ли бояре надоумили Мишу заставить именно Пожарского публично объявить Салтыкову о производстве его в чин («у списка велел стоять»). Как уже говорилось, Салтыковы были беспородны. Их предок якобы объявился «из Прус» в Новгороде. Дмитрий Михайлович стал доказывать, что он Салтыкову «боярство сказывать и меньше его быть не может». Дьяки принесли разрядные книги, и в присутствии царя началось разбирательство.

Михаил потребовал, чтобы он «сказал боярство» Салтыкову, меньше которого ему быть можно. Но Пожарский не послушался, уехал домой и сказался больным. В итоге Салтыкову о производстве его в бояре объявил думный дьяк, а в разряде записали, что Пожарский. Салтыкова же это не устроило, он бил челом государю о бесчестии, и Михаил удовлетворил его просьбу. Пожарский был вынужден поехать в дом к Салтыковым и просить прощения у Бориса.

История царствования Михаила Федоровича – тема отдельного большого исследования. Я лишь остановлюсь на нескольких аспектах, связанных с историей Смутного времени.

Михаил, вернувшись в Москву в мае 1613 г., нашел уже нормально функционирующий государственный аппарат. Основные приказы (министерства) были воссозданы Мининым и Пожарским еще летом 1612 г. в Ярославле. Зимой 1612/13 г.

аппарат был существенно усилен чиновниками, съехавшимися в Москву.

Боярскую думу по-прежнему возглавлял князь Федор Иванович Мстиславский. Он был именован представителем боярства, ибо по-прежнему писалось: «Бояре – князь Ф.И. Мстиславский с товарищи». Важную роль играл в думе и князь Иван Михайлович Воротынский. Но, увы, оба были абсолютно тупы в военном деле и весьма посредственными администраторами. Оба были в солидном возрасте и слабы здоровьем. Мстиславский умер в 1622 г., а Воротынский – в 1617-м.

Мстиславский и Воротынский удержались у власти исключительно в силу слабости царя, который принципиально был против выдвижения умных и энергичных государственных деятелей. Царя Михаила монархические историки называют Кротким. Естественно, что наименование дано на эзоповом языке, поскольку назвать кротким человека, отправившего на виселицу четырехлетнего ребенка, довольно сложно. «Кротость» на эзоповом языке означала «слабость ума». Семнадцать лет, проведенные за бабскими юбками, и не могли дать другого результата. За царя фактически правили его мать, инокиня Марфа, и его родня – Салтыковы. Замечу, что дядя царя, Иван Никитич Романов, занимал третье место после Мстиславского и Воротынского, но Марфа относилась к нему весьма настороженно, и его роль в управлении государством была крайне мала.

Управление государством инокиней резко нарушало писанные и неписанные светские и церковные законы. Но возражать этому никто не смел, поскольку Смута надоела всем классам населения России, за исключением разве что «воровских» казаков. Здоровый организм выздоравливает сам по себе, без врача, или при враче, который не особенно вредит пациенту. Приблизительно такая ситуация сложилась и в России в 1613– 1620 гг. И если бы «кроткого» Михаила заменили матерчатой куклой, в истории России мало что изменилось бы.

Через несколько дней после возвращения в Москву Филарета собор русского духовенства предложил ему сан патриарха, и 24 июня 1619 г. Филарет был посвящен. С саном патриарха Филарет совместил сан великого государя, чем поднял до высшей степени государственное значение патриархата. В качестве правителя патриарх показал себя крутым, властолюбивым и «опальчивым». Он быстро обуздал своеволие людей, приблизившихся в его отсутствие к трону его сына, подверг опале Салтыковых, самовольно отдаливших от царя его невесту Хлопovu, Грамотина и др.

На соборе 1619 г. Филарет выдвинул вопрос о составлении новых писцовых и дозорных книг и о вызове в Москву выборных людей от духовенства, дворянства и посадских людей для подачи заявлений о местных нуждах населения.

Находясь в плену, Филарет озлобился на польских панов и свою ненависть перенес на всю европейскую культуру. События Смуты показали, что без изучения европейской техники, искусства и культуры Россия обречена на изоляцию и прозябание. Чтобы выжить, Россия должна брать все ценное как на Западе, так и на Востоке и обращать эти ценности

на свое благо. Изоляционисты наподобие Филарета, равно как и холопствующая перед Западом «рафинированная интеллигенция», ведут Россию к гибели.

При Филарете прекратилась начатая еще при Борисе Годунове практика посылки молодых людей за рубеж на обучение. Книги, прибывшие из Европы, публично сжигались.

До Филарета любой переходивший из католичества в православие принимался тремя способами («чинами»): «Первым ли: – через перекрещивание; вторым ли: – через миропомазание; или третьим: – через покаяние. Патриарх Филарет, страдавший от поляков и не имевший никакого богословского образования, склонен был занять самую крайнюю нетерпимую позицию... Филарет говорил: „латиняне – папешники суть сквернейшие и лютейшие из всех еретиков, ибо они приняли в свой закон проклятые ереси всех древних, еллинских, жидовских, агарянских и еретических вер, и со всеми погаными язычниками, со всеми проклятыми еретиками обще все мудрствуют и действуют““9.

Тут во многом патриарх прав, но зачем же отгораживаться от всей западной науки, техники и искусства?

Мало того, Филарет потребовал перекрещивания всех русских, приезжавших из Белой и Малой Руси, а вдруг те явные или тайные униаты. Не будем забывать, что в Западной Европе в XVII веке интенсивно шла научно-техническая революция, бурно развивались литература, живопись и т.д. Православные люди в Малой и Белой Руси получали все, как говорится, из первоисточников и начинали свысока смотреть на «невежественных московитов». А далее было два пути: или полонизация, или самостийность. По первому пути пошло практически все дворянство Малой и Белой Руси, а ко второму стала склоняться казацкая старшина в Малороссии.

Как дореволюционные, так и советские историки сломали много копий в спорах о том, кто из московских правителей окончательно закрепил в стране крепостное право – Иван Грозный или Борис Годунов. На самом деле крепостное право, каким оно было в XVIII и начале XIX века, было основано именно при царе Михаиле. И дело тут, разумеется, не в характере или убеждениях царя, просто без создания тотального помещного землевладения стало невозможно собирать подати и иметь класс служилых людей, то есть дворянства.

Все московские правители начиная с Ивана III пытались превратить феодальную монархию в чиновную. Однако добиться этого не удалось даже Ивану Грозному. Лишь при Михаиле Московское государство можно с

некоторой натяжкой назвать чиновной монархией. По этому поводу С.М. Соловьев писал, что при Михаиле «наследственной аристократии, высшего сословия не было, были чины: бояре, окольные, казначеи, думные дьяки, думные дворяне, стольники, стряпчие, дворяне, дети боярские. При отсутствии сословного интереса господствовал один интерес – родовой, который в соединении с чиновным началом породил местничество. Все внимание чиновного человека сосредоточено было на том, чтобы при чиновном распорядке не унижить своего рода. Но понятно, что при таком стремлении поддерживать только достоинство своего рода не могло быть места для общих сословных интересов, ибо местничество предполагало постоянную вражду, постоянную родовую усобицу между чиновными людьми: какая тут связь, какие общие интересы между людьми, которые при первом назначении к царскому столу или береговой службе перессоривались между собою за то, что один не хотел быть ниже другого, ибо какой-то его родич когда-то был выше какого-то родича его соперника? Мы видели, что князь Иван Михайлович Воротынский, высчитывая по наказу неправды короля Сигизмунда, должен был сказать, что король посажал на важные места в московском управлении людей недостойных, худородных и в числе последних упомянул двоих князей: так, князь нечиновный в глазах князя чиновного был человек худородный»*.

Если убрать монархические взгляды Сергея Михайловича и царскую цензуру, то вышесказанное можно сформулировать так: Россия окончательно ушла от монархий Запада и приняла турецкую (восточную) форму правления.

Глава 23

Война всех против всех (1613—1618 гг.)

Название главы, видимо, вызвало недоумение у значительной части читателей – ведь сейчас и СМИ, и маститые историки единогласно утверждают, что, избрав Михаила Романова, русские люди объединились и Смута прекратилась. Увы, в последующие шесть лет после захвата власти в Москве тушинскими сторонниками Романовых война в Московском государстве запылала с новой силой. Потери русского народа в ходе Смуты никто не считал, но можно смело утверждать, что с 1 января 1613 г. по 1 декабря 1618 г. на Руси погибло не меньше людей, чем в первые восемь лет Смуты.

Нравится нам или не нравится, но сына тушинского патриарха, поставленного у власти тушинскими казаками, всерьез не воспринимали ни казачество в целом, ни определенная часть дворянства, ни соседние государства.

Так, литовский канцлер Лев Сапега публично сказал находившемуся в Польше Филарету: «Посадили сына твоего на Московское государство государем одни казаки-донцы». Тушинских казаков канцлер назвал донцами из политкорректности, благо он сам и его родня покровительствовали тушинцам. Уже в 1613—1615 гг. польский король Сигизмунд III был лишен возможности направить сколько-нибудь серьезные силы на Москву. Сейм не давал денег на войну. Бунтовали магнаты, нападали крымские татары, грозили войной турки. Тем не менее и без ляхов по всей России шла ожесточенная война.

На юге в Мещерском крае, у Рязани и Епифани действовали казацкие войска Ивана Заруцкого. Марина Мнишек и ее сын Иван находились в ставке Заруцкого.

Весной 1613 г. из Москвы против Заруцкого была направлена хорошо вооруженная рать под началом князя Ивана Никитича Одоевского. 20 или 21 апреля воинство Заруцкого вышло из крепости Крапивны и двинулось на юг, где не было московских войск. Неделью Заруцкий провел в местечке Черни.

В мае 1613 г. Заруцкий дважды пытался штурмовать город Ливны, но оба раза был отбит. От Ливн Заруцкий повернул на северо-восток и в начале июня занял местечко Лебедянь. Оттуда атаман отступил к

Воронежу. По пути к нему пристало несколько сотен донских казаков.

29—30 июня 1613 г. в четырех верстах от Воронежа произошло сражение казаков Заруцкого и войска князя Одоевского. Заруцкий понес большие потери, но не был разбит. 1 июля ему даже удалось сжечь Воронеж. Тем не менее Заруцкому пришлось опять идти на юг.

В августе 1613 г. Заруцкий занимает Астрахань. Ему покоряются ногайцы. В Астрахани Заруцкий от имени царя Дмитрия, царицы Марины и царевича Ивана вступил в переговоры с персидским шахом Аббасом и пытался склонить его к наступательному союзу против Москвы. Шах поначалу пообещал Заруцкому дать войско и помочь деньгами и продовольствием. Но до прихода персидского войска в Астрахань дело не дошло. В 1617 г. шах Аббас извинился перед московскими послами Тихоновым и Бухаровым за обещание помочь Заруцкому. Шах уверял, что казаки ввели его в заблуждение, утверждая, что при них находился царь московский Иван Дмитриевич, а Москва занята литовцами, от которых они хотят ее очищать. А как только шах узнал о «воровстве» Марины и Заруцкого, то не дал им никакой помощи.

Весной 1614 г. после окончания ледохода Заруцкий с казаками собрался идти на стругах на Самару и Казань, а берегом Волги должна была идти ногайская орда. Однако Заруцкому так и не пришлось стать Стенькой Разиным. В марте 1614 г. воевода Петр Головин уговорил гарнизон Терского городка отложиться от «воров» и поцеловать крест царю Михаилу. Затем воевода Головин составил отряд из семисот ратных людей под началом стрелецкого головы Василия Хохлова и приказал им идти на Астрахань. По прибытии в Астрахань Хохлов привел к присяге ногайских татар.

Еще до подхода отряда Хохлова в Астрахани началось восстание против Заруцкого. Город оказался во власти восставших, а казаки с Заруцким и Мариной заперлись в кремле. Узнав о подходе Хохлова, в ночь на 12 мая «царское семейство» с верными казаками бежало на стругах вверх по Волге.

Хохлов со стрельцами на стругах и лодках немедленно бросился в погоню. Он нагнал казаков Заруцкого и наголову их разбил. Среди пленных оказалась и фрейлина Марины, полячка Варвара Казановская. Самому же Заруцкому с Мариной и «воренком» удалось уйти на трех стругах, затерявшись в волжских протоках и островах.

Заруцкий с Мариной бежал на реку Яик. Однако местный атаман Ус выдал беглецов московским войскам. Осенью 1614 г. Марина с сыном и Заруцкий были доставлены в Москву. По польским данным, Марина

Мнишек была утоплена, по русским официальным данным, Марина умерла с горя в монастырской тюрьме, а по неофициальной версии ее удавили двумя подушками.

Заруцкий был посажен на кол, а четырехлетнего «царевича» Ивана отняли у матери в одной рубашонке. Поскольку было холодно, палач нес его на казнь, завернув в собственную шубу. Ивана публично повесили на той самой виселице, где кончил свою жизнь Федька Андронов. По свидетельствам очевидцев, ребенок был столь легок, что петля не затянулась, и он погиб лишь через несколько часов от холода.

Не хочу спорить о том, была ли эта казнь «государственной необходимостью»¹⁰. Но вот что противно – уже три века историки, писатели, журналисты и святоши пролили море слез по «невинно убиенным царевичам» Димитрию Углицкому и Алексею Николаевичу. Но вот кто-нибудь из этих шулеров от истории вспомнил бы о шестнадцатилетнем венчанном великом князе всея Руси Дмитрие Ивановиче, замученном в московском застенке 14 февраля 1509 г., или о повешенном «воренке» – царевиче Иване Димитриевиче. Они не нужны для политических дразг, вот о них-то и забыли.

А пока шла война с Заруцким, весь Русский Север от реки Нарвы на западе до реки Печоры на востоке и от Кемь и Соловецкого монастыря на севере до Пскова, Новгорода, Устюжны и Соль-Галицкой на юге был охвачен войной. Воевали все против всех – поляки, шведы, воровские казаки и московские воеводы. Казачьи струги и шведские шнеки сражались на Ладожском озере. Воровские казаки и запорожцы по несколько раз переходили со службы шведам к полякам или московским воеводам, а затем проделывали обратные движения.

В 1614 г. сам шведский король возглавил свои войска в Московии и осенью после двух приступов овладел крепостью Гдов.

Вот выдержка из хроники войны 1614 г. 14 июля 1614 г. войско Трубецкого было выбито шведами из Бронниц и в беспорядке бежало к Старой Руссе и далее к Москве.

По шведским данным, в июле 1614 г. из Сум и Соловков в Финляндию вторгся отряд из 400 русских стрельцов и 200 казаков. Навстречу им двинулся шведский воевода Ханс Мунк. Бой произошел у деревни Уганьской. Не выдержав натиска, стрельцы и казаки побежали вниз к реке. Пока они, толкаясь, усаживались в ладьи, три ладьи затонуло. Многие сами бросились в реку и утонули, 30 человек убитых осталось на берегу, а 15 человек шведы взяли в плен. Трофеями шведов стали и два знамени.

Успевшие сесть в ладьи и отчалить стрельцы и казаки с реки увидели,

что силы Мунка невелики, и решили высадиться вновь, но Мунк, двигаясь вдоль берега, воспрепятствовал этому. Но вскоре ладьи вышли в озеро, и там, вне досягаемости шведов, стрельцы и казаки сумели высадиться на берег и укрылись за кустами. Мунк ждал их в открытом поле, но так как русские не покидали своего укрытия, шведы напали на них прямо в кустах. В этой схватке Мунк получил тяжелую рану и был вынужден вернуться в деревню, а командование принял Ханс Йонссон.

От командующего шведскими войсками под Улеборгом Эрика Харе пришло известие, что казаки ворвались в страну, причинили много вреда, убили крестьян на границе, а у рыбаков на берегу отобрали неводы, рыбу и все, что только могли захватить с собой. Харе выслал против них своих солдат, которые отняли захваченное и освободили взятых в плен.

Из Ковакнуса пришли вести, что казаки побывали в Лапландии и вжимали там всяческие поборы, а если чего им не давали добровольно, то брали силой. Кроме того, отряд казаков собрался в Олонце, намереваясь отомстить Хансу Мунку за свое поражение.

Летом 1614 г. на Ладого была сформирована шведская эскадра для борьбы с русскими судами, действовавшими на озере. Командовать шведскими судами, то есть быть адмиралом, был назначен капитан Адриан Полидор. 19 мая одиннадцать шведских шнеков встретились с несколькими ладьями казаков. После перестрелки русские отступили и укрылись в устье небольшой реки. Шведы, судя по всему, не рискнули войти в эту реку и довольствовались тремя ладьями, брошенными на берегу казаками.

После этого шведы отправили из Новгорода большой конвой «людей в Ладугу, чтобы привезти оттуда порох и другие припасы. По дороге посланные были встречены казаками, которые напали на них, отбили четыре ладьи и заставили повернуть назад. Возвратившихся господин Якоб послал, однако, вторично, и, так как на этот раз дул сильный попутный ветер, то им удалось проскочить мимо казаков. Когда же они приняли в Ладого на борт десять бочонков пороху и другой груз, Розен-кранц послал с ними такой сильный конвой, что они сами напали на казаков, разбили и прогнали их, причем не только вернули свои четыре галеры, но и захватили все, какие были у казаков, и сверх того обезопасили путь.

Затем Розенкранц 10 июля отправил в Нотебург большие пушки, прибывшие из Новгорода в Ладугу. ^[45] Но едва только суда с ними вошли в устье реки, как ветер переменялся и погода испортилась. Тем временем неприятель, собравшись в количестве более 1500 человек, намеревался захватить пушки. Поэтому Розенкранц приказал доставить орудия обратно в Ладугу, но враг последовал за ними и показался в виду города. Поэтому

из города была сделана вылазка и в течение четырех часов продолжалась перестрелка. Но неприятель, имея перевес в силе, высадился на обоих берегах, открыл оттуда огонь, и шведы были вынуждены отступить. Розенкранц просил поэтому его величество прислать на помощь 800 человек, чтобы прогнать врага, спасти пушки и не дать неприятелю сжечь созревший на полях хлеб.

Летом 1614 г. казаки активно действовали и в тылу русских войск. Они успешно грабили Белозерский, Пошехонский, Вологодский, Каргопольский, Костромской, Ярославский, Романовский, Угличский и Кашинский уезды. До 30 марта четыре тысячи казаков появились в Каргопольском уезде, где грабили купцов, ехавших в Каргополь, и «заложили» дороги на Вологду и Белозерск. Для защиты от казаков в апреле 1614 г. в Кар

Для этого в Ладогу были направлены рейтары из Новгорода. Тем временем противник тоже увеличивал свои силы. Прибыло еще тридцать неприятельских ладей, так что всего там насчитывалось теперь не менее 2 тысяч человек. К Розенкранцу же прибыли на выручку десять ладей из Нотебурга. Только в августе войска Розенкранца напали на неприятеля и обратили его в бегство, после чего пушки были совершенно безопасно доставлены в Нотебург, а оттуда впоследствии Ивар Нильссон переслал их в Швецию. В то же время Розенкранц направил 350 человек с рейтарами к укреплению, возведенному неприятелем под Rosowa (Посово). Посланные храбро напали на врага и заставили его отступить. Часть солдат неприятеля спаслись на ладьях, часть в лесу, предварительно запалив укрепление. Но ускользнуло всего четыре ладьи; тридцать три было захвачено. Из людей, убежавших в лес, часть тоже была перебита»¹¹.

гополе в дополнение к 150 имевшимся там стрельцам решили набрать еще 50 человек помимо 30 «вольных» людей, нанятых на службу «миром».

23 апреля 1614 г. угличский воевода И. Головин на реке Мологе разгромил отряд малороссийских казаков. Захваченные в плен казаки показали, что они шли из Заонежских погостов вместе с русскими казаками. В Вологодском уезде отряд разделился, и малороссийские казаки пошли на Мологу, а русские – в Пошехонье, «а говорили-де... меж себя, что им идти к Заруцкому».

1 мая того же года в Вологодский уезд, проломив засеки, вошел другой отряд казаков и черкес. Шел он «из-за Шексны-реки, из-за Череповца». Казаки разграбили Павлов, Конильев и Никольский (на Комельском озере) монастыри и «наборзе Любим-городок разорили». В итоге «мая до 12-го числа на Вологде было осадное время» – кто-то из местных жителей

укрылся в городе, а другие попрятались от казаков в лесах.

Часть воровских казаков во главе с костромичом атаманом Прохором Кориным в мае 1614 г. перешли из Вологодского уезда в Ярославский и Романовский, а затем двинулись в Поше-хонье, однако на Вологодчине от этого не стало спокойнее. Так, 12 июня казаки увели 13 лошадей из архиепископской вотчины в Лежаском волоке, а князь Ф. Дябринский с 26 мая по 24 июня не мог выехать из Вологды в Москву, поскольку «в Вологодском уезде и по Московской дороге воры были». Сын боярский Третьяк Жданов попал в плен к казакам, а вологодские крестьяне опять бежали от казаков по лесам.

Боевые действия со шведами закончились в 1615 г. 30 июля 1615 г. Густав-Адольф осадил Псков, где воеводами были боярин Василий Петрович Морозов и Федор Бутурлин. У короля было 16-тысячное войско, в котором находились и русские казаки. Первая стычка с осажденными кончилась для шведов большой неудачей – они потеряли Еверта Горна в числе убитых. 15 августа шведы подошли к Варламским воротам и, совершив богослужение, начали копать рвы, ставить туры, плетни, дворы и малые городки, а подальше устроили большой деревянный город, где находилась ставка самого короля. Всегородков шведы построили более десяти и навели два моста через Великую реку.

Три дня с трех сторон шведы бомбардировали город. Только каленых ядер они пустили 700 штук, а простых чугунных – числа нет, но Псков не сдавался. 9 октября шведы пошли на приступ, но он не удался.

Шведы вынуждены были пойти на переговоры. Русские также были слишком слабы, чтобы вести наступательные действия. Переговоры затянулись – за годы Смутного времени накопилось много проблем и вопросов. Перемирие было подписано 6 декабря 1615 г., а мирный договор – лишь 27 февраля 1617 г. в селе Столбово на реке Сясь, на 54-м километре от ее впадения в Ладожское озеро.

А пока шла война с Заруцким, и на Севере, и в Центральной России хозяйничали казаки атамана Баловня и «лисовчи-ки» (польско-казачье войско пана Александра Лисовского).

В 1613 г. городской воронежский казак¹² Иван Баловень собрал большой отряд казаков и начал «добывать зипуны». В следующем 1614 г. Баловень отправился к Москве. О действиях Баловня и его товарищей воеводы доносили: «Там и там стояли казаки, пошли туда-то, села и деревни разорили и повоевали до основания, крестьян жженных видели мы больше семидесяти человек, да мертвых больше сорока человек, мужиков и женок, которые померли от мученья и пыток, кроме замерзших»¹³. В

войске Баловня, по данным Станиславского, было не менее тридцати станиц.

Историки оценивают воинство Баловня, двигавшееся к Москве, в 15—20 тысяч казаков. На мой взгляд, эта цифра явно преувеличена. Казаков было 5—7 тысяч. Вначале их лагерь разместился в районе села Ростокино на реке Яузе, к которому казаки подошли по Троицкой дороге. Туда же сразу потянулись московские посадские люди со своими товарами и открыли там торговлю. Вскоре в Ростокино явились и представители правительства – дворяне И.В. Урусов и Ф.И. Челюсткин, а также дьяк Иван Шевырев, возглавлявший приказ Сбора казачьих «кормов», и дьяк Иван Федоров, ранее собиравший пятинные деньги в районах, занятых казаками. В их обязанности входило «переписать и разобрать» казаков, «сколько их пришло под Москву». Но приезд их вызвал новую волну возмущений казаков: «...атаманы и казаки к дворяном и к дьяком к смотру не шли долгое время и переписывать себя одва дали, а говорили: то они, атаманы, ведают сами, сколько у кого в станицах казаков». То есть казаки по-прежнему настаивали, что состав станиц – это их внутреннее дело, как и у донских казаков.

Между 10 и 14 июля вышел царский указ о запрещении посадским людям ездить в Ростокино с товарами, что еще больше разозлило казаков. Тогда 14 июля в Москву приехал атаман Г. Обухов с семьей казаками и привез челобитную от войска. Из записи в расходной книге Разрядного приказа видно, что казаков приняли хорошо и выдали 11 алтын на корм их лошадям. Казаки добились своего – запрет на торговлю с ними был снят.

Казаки шантажировали московских бояр – если их государь не пожалует, то они пойдут к пану Лисовскому в Северную страну.

Из Ярославля было вызвано войско князя Бориса Лыкова. Кроме того, прибыл отряд окольного Артемия Измайлова. Узнав о подходе царских войск, казаки перешли по требованию бояр в район Донского монастыря.

23 июля 1615 г. отряд окольного А.В. Измайлова прошел от Рогожской слободы к Симонову монастырю и остановился напротив казачьего табора на другом берегу Москвы-реки. Пока посланцы Измайлова уговаривали казаков оставаться на месте, сам окольный во главе своего отряда двинулся к казачьему лагерю. «Они ж, казаки, а тут не узнашася, начаша бити-ся», – сообщает летописец. Царские воеводы побили «воров».

Любопытно, что среди казаков Баловня оказалось 11,7 процента... дворян. Само собой разумеется, что многие дворяне и дети боярские на расспросах в Москве плакались, мол, насильно казаки их к Москве повели.

Другие жаловались на бедность.

Так, каширский дворянин С.Д. Минохов мотивировал уход в казаки «бедностью безпоместной», новгородец С.Д. Обентов – «бедностью и разорением». По царскому указу у всех дворян, пойманных с Баловнем, были отняты поместья.

И все это, повторяю, происходило летом 1615 г. «Воровские казаки» осадили Москву. А где же сплочение и единение русского народа вокруг любимого царя Михаила?

Подлинным бедствием для Московского государства стали походы польско-казацкого отряда Александра Лисовского. Шляхтич Лисовский был отпетым бандитом и за «подвиги» в Польше во время рокоша был приговорен к смертной казни заочно. Кстати, позже король Сигизмунд III простил пана за аналогичные «подвиги», но уже на Руси.

Отряд Лисовского был поначалу невелик – около 600 человек, но после взятия Карачева он удвоился за счет подхода поляков и малороссийских казаков. Любопытно, что казаки называли Лисовского «батькой». Точное число казаков, служивших у Лисовского, и сколько из них было донцов, запорожцев и других – неизвестно. Есть лишь отрывочные данные, как, например, то, что 60 волжских казаков к нему провел атаман Ляд, как минимум одну станицу привел атаман Яков Шишов и т.д.

Главным преимуществом Лисовского была мобильность. Весь его отряд был конным, да и к тому же многие «лисовчи-ки» имели запасных лошадей. В 1615 г. Лисовский совершил рейд вокруг Москвы радиусом 200—300 км.

Хитроумные советники предложили инокине Марфе послать ловить «лисовчиков»... Дмитрия Пожарского. С Лисовским, безусловно, надо было кончать, но был ли смысл давать такое поручение Пожарскому? Князь был многократно ранен, что не давало ему возможности, подобно Лисовскому, сутки и более непрерывно скакать, меняя лошадей. А как без этого словить «лисовчиков»? Тут нужен был не стратег, а лихой гусар типа Дениса Давыдова.

Царь Михаил и его окружение были заинтересованы в том, чтобы знаменитый воевода осрамился и не поймал Лисовского, а в случае удачи тоже невелика заслуга – поймать грабителя.

29 июня 1615 г. Пожарский с отрядом из 690 дворян, конных стрельцов и иноземных наемников, а также не менее 1260 казаков двинулся из Москвы на ловлю «лисовчиков». Среди наемников был и шотландский капитан Яков Шав, которого Пожарский отказался принять на службу в

1612 г. Однако теперь Шав служил примерно, чем завоевал доверие воеводы.

Когда Пожарский миновал Калугу, из его войска сбежали 15 казаков из разных станиц, а возглавил беглецов некий Афанасий Кума, которого казаки избрали своим атаманом. Позже Кума на допросе покажет, что до «казачьяны» он был крестьянином дворцового села Михайловского, а брат его Трофим служил в том же селе попом. А казаком Афанасий стал после «разорения» Звенигородского уезда пришедшими из Тушина «литовскими людьми».

После ухода от Пожарского численность отряда Кумы стала быстро расти. Так, в октябре 1615 г. в нем было уже около пятисот казаков. Пожарский говорил о Куме, что «он такова вора не видел», настолько возмутительны были его разбои. Казаки Афанасия убили верейского воеводу В.А. Загряжского, штурмовали острог в Рузе, разграбили Верейский, Рузский, Звенигородский, Боровский, Можайский и Медынский уезды, города Кременск и Вышгород. Помимо разбоев и грабежа «вор Офонька и иные казаки хотели своровать, государю изменить, отъехать к Лисовскому». В ноябре 1615 г. Куму удалось поймать. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Лисовский на какое-то время засел в городе Карачеве. Узнав о быстром продвижении отряда Пожарского через Белев и Болхов, Лисовский испугался, сжег Карачев и отправился «верхней дорогой» к Орлу. Разведчики донесли об этом воеводе, и тот двинулся наперерез Лисовскому. По пути к Пожарскому присоединился отряд казаков, а в Болхове – две тысячи конных татар.

Рано утром на Орловской дороге «лисовчики» внезапно встретились с головным отрядом Пожарского, которым командовал Иван Пушкин. Отряд Пушкина не выдержал скоротечного встречного боя и отступил. Отошел и другой русский отряд под началом воеводы Степана Исленьева. На поле битвы остался лишь сам Пожарский с шестьюстами ратниками. Пожарский долго отбивал атаки более чем трех тысяч поляков, а потом приказал установить укрепление из сцепленных обозных телег и засел там.

Пожарский тяжело заболел. Он передал командование вторым воеводам, а сам на телеге был отвезен в Калугу.

Без Пожарского войско потеряло боеспособность. Отряд казанцев самовольно ушел в Казань, а воеводы с оставшимися ратниками побоялись продолжать преследование «лисовчи-ков». И Лисовский свободно прошел под Ржев Володимиров, который с трудом удержал воевода боярин Федор Иванович Шереметев, шедший на помощь Пскову. Отступив от Ржева,

Лисовский пытался занять Кашин и Углич, но и там воеводам удалось удержать свои города.

После этого Лисовский не нападал уже на города, а пробирался как тень между ними, опустошая все на своем пути: прошел между Ярославлем и Костромой к Суздальскому уезду, потом между Владимиром и Муромом, между Коломной и Переяславлем-Рязанским, между Тулой и Серпуховом до Алексина. Несколько воевод отправились в погоню за Лисовским, но они лишь бесплодно кружили между городами, не находя «лисовчиков». Только в Алексинском уезде князь Куракин один раз сошелся с Лисовским, но тот без существенных потерь ушел. Так Лисовскому удалось уйти в Литву после своего поразительного в военной истории и надолго запомнившегося в Московском государстве круга.

Замечу, что молниеносные рейды, требовавшие от Лисовского и его сподвижников чрезвычайных физических усилий, не прошли даром. В октябре 1616 г. в походе Лисовский внезапно упал с коня мертвым. Был ли это обширный инфаркт или инсульт, установить тогда не могли.

Лишь в июле 1616 г. радные паны определили отправить королевича Владислава с войском на Москву. Интересно, что радные паны, с одной стороны, были уверены в успехе, а с другой – не доверяли королевичу. Поэтому вместе с ним сеймом было послано восемь специальных комиссаров: епископ луц-кий Андрей Липский, каштелян бельский Станислав Журавинский, каштелян сохачевский Константин Плихта, канцлер литовский Лев Сапега, староста шремский Петр Опалинский, староста мозырский Балтазар Стравинский, сын люблинского воеводы Яков Собеский (отец Яна Собеского) и Андрей Менцинский.

Обязанностью комиссаров было следить, чтобы Владислав не противодействовал заключению «славного мира» с Москвой. После занятия Москвы комиссары должны были проследить, чтобы царь Владислав не отступал от выработанных сеймом условий. Главными условиями были: 1) соединить Московское государство с Польшей неразрывным союзом; 2) установить между ними свободную торговлю; 3) возвратить Польше и Литве страны, от них отторгнутые, преимущественно княжество Смоленское, а из Северского – города Брянск, Стародуб, Чернигов, Почеп, Новгород-Северский, Путивль, Рыльск и Курск, а также Невель, Себеж и Велиж; 4) отказаться от прав на Ливонию и Эстляндию.

Вторая половина 1616 г. и начало 1617 г. прошли в подготовке к походу. С огромным трудом удалось собрать 11 тысяч человек. Паны собирали деньги буквально по копейке. К примеру, Лев Сапега занял огромные суммы, а в Литве ввели специальную подать для оплаты

наемников.

Между тем в западной и юго-западной частях России продолжали бесчинствовать отряды воровских казаков, из которых настоящие донские и запорожские казаки не составляли и десятой доли. Многие из них обрадовались, узнав о походе Владислава. К королю прибыли атаман Борис Юмин и есаул Афанасий Гаврилов. 22 ноября 1616 г. Владислав принял их. Юмин и Гаврилов заявили, что хотят ему «правдою служить и прямить». Владислав 26 ноября отвечал им, чтоб «совершили, как начали».

В апреле 1617 г. Владислав торжественно двинулся в поход из Варшавы. Но уже в пути Владиславу пришлось отправить часть войска на юг к гетману Жолкевскому для отражения наступления турок. Посему королевич вернулся на несколько месяцев в Варшаву и лишь в августе прибыл в Смоленск.

В конце сентября войско Владислава подошло к Дорогобужу, который уже был оставлен отрядом Ходкевича. Узнав о прибытии королевича, дорогобужский воевода И.Г. Ададуров (бывший постельничий Василия Шуйского) открыл ворота ляхам и целовал крест Владиславу как русскому царю.

Владислав приказал не разорять город, а наоборот, он торжественно прикладывался к крестам и образам, которые ему подносило православное духовенство. Русский гарнизон был отпущен по домам. Воевода Ададуров с казаками и частью дворян присоединился к войску королевича.

Известие о взятии Дорогобужа вызвало панику в отстоявшей на 70 верст Вязьме. Местные воеводы князя Петр Пронский, Михаил Белосельский и Никита Гагарин бросили город и бежали в Москву, стрельцы и часть горожан последовали за ними. А казаки из гарнизона Вязьмы отправились разбойничать в Малороссию.

18 октября 1617 г. Владислав торжественно вступил в Вязьму. Поляки сочли за лучшее не вести боевых действий в заснеженных полях Руси и зазимовали в районе Вязьмы.

В мае закончилась распутица, и 5 июня 1618 г. польское войско вышло из Вязьмы. Накануне гетман Ходкевич предложил двинуться на Калугу в менее опустошенные войной края, но комиссары настояли на походе на Москву. Но на пути ляхов был Можайск, где засел с войском воевода Лыков. Взять Можайск приступом поляки не могли за неимением осадных орудий, а оставлять его в тылу было опасно. Тогда поляки атаковали небольшую крепость Борисово Городище, построенную в 1599 г. в качестве летней резиденции царя Бориса. Ходкевич надеялся таким путем выманить Лыкова из Можайска и разбить его «в поле». В Борисовом Городище было

всего несколько сотен защитников, но полякам так и не удалось его взять.

В конце июня начались бои за Можайск. Поляки стояли под городом, но полностью блокировать его не могли. Запасы продовольствия в Можайске быстро таяли. Поэтому по приказу из Москвы воеводы Лыков и Черкасский с основной частью войска покинули его в начале июля, оставив небольшой гарнизон с осадным воеводой Федором Волынским.

Борисово Городище было сожжено, а его гарнизон отступил к Москве.

Владислав с войском вновь начал наступление на Москву. А с юго-запада ему на помощь шел малороссийский гетман Петр Конашевич Сагайдачный.

Польское войско Владислава шло на Москву по «парадному» ходу: Смоленск – Вязьма – Можайск. А вот Сагайдачный двинулся с юга почти по пути Лжедмитрия I.

Чтобы избежать обвинений в предвзятости в описаниях «подвигов» казаков, процитирую Яворницкого: «Прежде всего он ^[46] взял и разорил города Путивль, Ливны и Елец, истребив в них много мужчин, женщин и детей...»¹⁴.

К сухому описанию Яворницкого добавлю несколько конкретных эпизодов. Так, в Путивле был разграблен Молганский монастырь, а все монахи убиты. То же повторилось в Рыльске со Свято-Никольским монастырем.

«В зависимости от Сагайдачного действовал Михайло Дорошенко с товарищами, который взял города Лебедян, Данков, Скопин и Рязкий, побив в них множество мужчин, женщин, детей „до сущих младенцев“; а потом, ворвавшись в рязанскую область, предал огню много посадов, побил несколько священников и приступил было к городу Переяславу, но был отбит и ушел к Ельцу. Сам Сагайдачный, взяв Ливны и Елец, направился в Шацкий и Данков и отсюда отправил впереди себя полковника Милостивого с 1000 человек казаков под город Михайлов (Рязанской губернии), приказав ему ворваться ночью в город и взять его. Однако мужественный гарнизон Михайлова отбил все атаки малороссийских и запорожских казаков».

Оставив Михайлов, Сагайдачный двинулся на соединение с Владиславом, который к этому времени занял оставленный русскими Можайск и двигался к Звенигороду. Московские бояре выслали против Сагайдачного семитысячный отряд во главе с князем Пожарским. Дмитрий Михайлович должен был воспрепятствовать форсированию казаками Оки. Однако в Серпухове Пожарский тяжело заболел и был увезен в Москву, акомандование принял второй воевода – окольничий Г.К. Волконский. В

конце августа он перешел с войском из Серпухова в Коломну, в направлении которой двигался Сагайдачный. Однако большинство дворян за воеводой не последовали и предпочли остаться в Серпухове. К 25 августа в распоряжении Волконского осталось всего 275 дворян и детей боярских. Подавляющую часть войска Волконского составляли казаки, которые не рвались драться с войском Сагайдачного.

6 сентября запорожцы (по сведениям Волконского, 7000 «старых» казаков и 3000 слуг) начали переправляться через Оку не в районе Каширы, а под Коломной, у устья реки Осетр. Русский воевода спешно двинулся к переправе. Бой на Оке продолжался два дня.

Поначалу запорожцы были отброшены на правый берег, но на следующий день Сагайдачному удалось форсировать Оку. А 8 сентября воинство князя Волконского попросту разбежалось. Большая часть его казаков отправилась во Владимирский уезд, где начала грабить вотчину князя Мстиславского, а сам воевода драпанул в Москву с отрядом из 300 всадников, в основном из дворян. Это позволило Сагайдачному беспрепятственно сжечь Каширу и перебить почти всех ее обывателей. В связи с этим в следующем 1619 г. было решено город не восстанавливать, а построить новый, и уже не на левом, а на правом берегу Оки.

13 сентября Владислав взял Звенигород, а через 5 дней Сагайдачный вошел в Бронницы. 20 сентября войска королевича и гетмана соединились под Москвой у Донского монастыря.

В ночь на 1 октября поляки и запорожцы¹⁵ двинулись на штурм Москвы. Между Арбатскими и Никитскими воротами атакующим удалось ворваться в Земляной город, но стены Белого города остались неприступными.

Понеся большие потери, ляхи и запорожцы отступили. 20 октября начались переговоры на реке Пресне, недалеко от современного Белого дома. Послы обеих сторон спорили, сидя на лошадях. Пять дней прошло в бестолковой перебранке. А тут заявился Дедушка Мороз, и 27 октября Владислав бросил свой стан в Тушине и двинулся на север на Переяславскую дорогу.

Подойдя к Троицкому монастырю, поляки попытались взять его штурмом, но были встречены интенсивным артиллерийским огнем. Владислав приказал отступить на 12 верст от монастыря и разбить лагерь у села Рогачева. Королевич отправил отряды поляков грабить галицкие, костромские, ярославские, пошехонские и белозерские места, но в Белозерском уезде поляки были настигнуты воеводой князем Григорием Тюфякиным и побиты.

Сагайдачный пошел на юг по Калужской дороге. Казаки страшно опустошили Серпуховской уезд, сожгли посад самого Серпухова, но взять кремль не смогли. То же самое повторилось и в Калуге – посад разграбили, но кремля не взяли. Под Калугой Сагайдачный простоял до Деулинского перемирия.

1 декабря 1618 г. в селе Деулине было подписано перемирие сроком на 14 лет и 6 месяцев, то есть до 3 января 1632 г. По условиям перемирия полякам отдавались уже захваченные ими города Смоленск, Белый, Рославль, Дорогобуж, Серпейск, Трубчевск, Новгород-Северский с округами по обе стороны Десны, а также Чернигов с областью. Мало того, им отдавался и ряд городов, контролируемых русскими войсками, среди которых были Стародуб, Перемышль, Почеп, Невель, Себеж, Красный, Торопец, Велиж с их округами и уездами. Причем крепости отдавались вместе с пушками и «пушечными запасами». Эти территории отдавались врагу вместе с населением. Право уехать в Россию получали дворяне со служилыми людьми, духовенство и купцы. Крестьяне и горожане должны были принудительно оставаться на своих местах.

Царь Михаил отказывался от титула «князя Ливонского, Смоленского и Черниговского» и предоставлял эти титулы королю Польши.

В свою очередь, поляки обещали вернуть захваченных русских послов во главе с Филаретом. Польский король Сигизмунд отказывался от титула «царя Руси» («великого князя Русского»). России возвращалась икона Святого Николая Можайского, захваченная поляками и вывезенная ими в 1611 г. в Польшу.

Заключить такой позорный мир в то время, когда у поляков не было ни одного шанса взять Москву и были все шансы потерять армию от голода и холода (вспомним 1812 год!), мог только сумасшедший или преступник. Но Мишенька Романов так давно не видел папочку!

А между тем имелся еще и внешнеполитический фактор, складывавшийся явно не в пользу поляков. Московский посольский приказ не мог не знать о кризисе отношений Речи Посполитой с Турцией и Швецией. В 1618 г. на турецкий престол вступил Осман II. Молодой султан немедленно начал подготовку к походу на Польшу. В 1621 г. большая армия перешла Днестр.

В том же 1621 г. шведский флот вошел в устье Западной Двины и высадил двадцатитысячный десант, предводительствуемый королем Густавом II Адольфом. Война со шведами длилась восемь лет. 16 сентября 1629 г. было подписано перемирие, по которому Сигизмунд III наконец-то отказался от шведской короны. Ему пришлось признать Густава II не

только королем Швеции, но и правителем Лифляндии, Эльбинга, Мемеля, Пиллау и Браунсберга.

В 1618 г. началась знаменитая Тридцатилетняя война, в которую немедленно вмешался король Сигизмунд III. Риторический вопрос: что произошло бы, если бы Владислав с коронным войском увяз в русских лесах?..

14 июня 1619 г. под Москвой у речки Пресни состоялась встреча царя Михаила и Филарета. Отец и сын поклонились друг другу в ноги и долго стояли в этом положении. Затем Филарет сел в карету, а царь Михаил пошел пешком впереди кареты.

По случаю возвращения Филарета в Москву пригласили иерусалимского патриарха Феофана, пообещав богатые подарки. Тот охотно согласился. Вместе с русскими владыками Феофан предложил патриарший престол Филарету, «ибо знали, что он достоин такого сана, особенно же потому, что он был царский отец по плоти, да будет царствию помощатель и строитель, сирым защитник и обидимым предстатель». Филарет традиционно вначале отказывался, а потом согласился. Посвящение его в сан состоялось 24 июня 1619 г.

С возвращением Филарета в стране началось двоевластие. Филарет официально получил титул Великого государя. И титул этот был не формальным. Все государственные дела докладывались обоим государям, решались обоими, иностранные послы представлялись также обоим государям, подавали двойные грамоты и подносили двойные дары.

Один из современников описывал Филарета в 20-х годах XVII века: «Был ростом и полноты средних, божественное писание разумел отчасти, нравом был опальчив и мнителен, а такой владетельный, что и сам царь его боялся. Бояр и всякого чина людей из царского сиклита томил заточениями необратными и другими наказаниями. К духовному сану был милостив и не сребролюбив, всеми царскими делами и ратными владел». Двоевластие продолжалось до самой смерти Филарета в 1631 г.

Отметим интересный момент – ни Михаил, ни Филарет, ни их окружение даже не попытались разобраться в истории Смуты. Хотя это имело не только историческое, но и большое политическое значение. Были живы и находились в юрисдикции московских властей родственники Григория Отрепьева, Марины Мнишек, чудовские монахи, монах Варлаам, бежавший с Отрепьевым в Литву, и, наконец, Иван Никитич Романов и многочисленные родственники Романовых по женской линии, которые видели Юшку Отрепьева на романовском подворье и затем на московском престоле.

Но именно этого и боялся новый царь. Посему было сделано все, чтобы скрыть правду о событиях Смутного времени. Вместо этого началась тотальная мифологизация русской истории.

Повторенные тысячу раз переплетения мифов стали у нас «исторической правдой». Миф о невинном отроке царевице Димитрии перекликается с мифом о злодее царе Борисе. С ним связан миф о безвинных мучениях в ссылке семейства Романовых и т.д. Самое забавное, что большая часть этих мифов оказалась в школьных учебниках по истории издания 2008 года.

Заключение

История прихода к власти клана Романовых сейчас приобретает все большую актуальность. И дело тут не только в политических технологиях создания исторической мифологии. Они, безусловно, интересны и сейчас. Важнее же всего то, что часть нашей правящей элиты желает создать на базе мифологии Смутного времени основу государственной идеологии: рыночная экономика – православие – народность. Почти по графу Уварову.

Одним из способов поддержки деградирующих режимов служит всенародное празднование исторических юбилеев. Вспомним, как Николай II накануне гибели империи пышно праздновал юбилеи: 1912 год – 100 лет Бородинской битвы, 1913 год – 300 лет династии Романовых. Во времена брежневского «застоя» мы тоже чуть ли не ежегодно отмечали юбилеи: 20, 25, 30 лет Победы, 100 лет со дня рождения Ленина и т.п. Народ отвечал на это тысячами анекдотов. Вот типичный анекдот того времени. У сумасшедшего врачи спрашивают его имя, место рождения и т.п. В ответ пациент лишь невнятно мычит. Но на вопрос, а какой сейчас год, следует немедленный ответ: «Ю-ю-юбилейный!»

Русский язык обогатился новым остроумным глаголом – «остоюбилеело». Кагэбэшники сажали анекдотчиков, но это еще более популяризировало народный юмор.

И вот сейчас наши власти крайне озабочены проведением грандиозного юбилея – 400-летия Дома Романовых. Похоже, у наших властей нет иных забот, как перезахоранивать покойников с места на место да миловаться с претендентами на российский престол.

Список использованной литературы

Балязин В.Н. Самодержцы. Любовные истории царского дома. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.

Бер М. Летопись Московии с 1584 по 1612 г. СПб, 1859.

Буганов В.И. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.: Наука, 1976.

Валишевский К. Смутное время. М.: Квадрат, 1993.

Величко С. Летопись событий в юго-западной России в XVII веке. В 4-х томах. Киев, 1848—1864.

Видекинд Ю. История шведско-московской войны XVII века. М.: Памятники исторической мысли, 2000.

Грабеньский Вл. История польского народа. Минск: МФЦП, 2006.

Демидова Н., Морозова Л., Преображенский А. Первые Романовы на российском престоле. М., 1996.

Евдокимов Д. Воевода. М.: Армада, 1996.

Жизнеописания, факты и гипотезы, портреты и документы в книгах. Российские судьбы. Кузьма Минин. Дмитрий Пожарский / Издатель К. Кренов. М.: Новатор, 1997.

Заичкин И.А., Почкарев И.Н. Русская история. Популярный очерк. М.: Мысль, 1992.

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988.

Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времен Ивана Грозного. М., 1982.

Известия изучения Олонецкой губернии. Благовещенский И.И. «Память о предках царствующего Дома Романовых в Заонежье». 1913. № 1. Вып. 2.

Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1988.

Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М.: Наука, 1991.

Краеведческие записки: Сборник / Костромской объединенный историко-архитектурный музей-заповедник. Кострома: Костромские ведомости. Вып. V, 1993.

Лаврентьев А.В. Царевич – царь – кесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604—1606 гг. СПб: Дмитрий Буланин, 2001.

Лавров Д. Святой страстотерпец, благоверный князь угличский царевич Димитрий, московский и всея России чудотворец. Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1912.

Летопись о многих мятежах и разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев по преставлении царя Иоанна Васильевича. М., 1788.

Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937.

Некрасов С.М. Предки царя Михаила Федоровича Романова. Тверь, 1913.

Низовский А. Русские самозванцы. М.: Прибой, 2000.

Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб: Наука, 1992.

Панова Т.Д. Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М.: Индрик, 2003.

Пасхалова Т., Станюкович А. Усыпальница прародителей царского Дома Романовых в московском ставропигиальном Новоспасском монастыре. М.: Новоспасский монастырь, 1997.

Петров П.Н. История родов русского дворянства. СПб: Книгоиздательство Герман Гоппе, 1886.

Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М.: Памятники исторической мысли, 1995.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах: Вып. II. Войны и мирные договоры. Книга 3-я: Европа в 1-й половине XX в. Справочник. М.: Международные отношения, 1999.

Прокофьев С. Тайна царевича Дмитрия. М.: Eu1c1ep1^, 2001.

Пятницкий П. Сказание о венчании на царство русских царей и императоров. М.: 1896.

Рогов И.В., Уткин С.А. Ипатьевский монастырь. Исторический очерк. М.: Северный паломник, 2003.

Савелов Л.М. Лекции по генеалогии. М.: Археографический центр, 1994.

Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича. СПб, 1901.

Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М.: Наука, 1978.

Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск: Русич, 1998.

Скрынников Р.Г. Лихолетье. М.: Московский рабочий, 1988.

- Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. М.: Молодая гвардия, 1981.
- Скрынников Р.Г. На страже московских рубежей. М.: Московский рабочий, 1986.
- Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л-д: Издательство Ленинградского государственного университета, 1969.
- Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1990.
- Скрынников Р.Г. Святители и власти. Л-д: Лениздат, 1990.
- Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л-д: Лениздат, 1985.
- Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606—1607. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951.
- Соболева Т.А. Тайнопись в истории России. М.: Международные отношения, 1994.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-политической литературы, 1960.
- Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. М.: Мысль, 1990.
- Тихомиров М.Н. Российское государство XV—XVII веков. М.: Наука, 1973.
- Тушинский вор. Личность, окружение, время. Документы и материалы / Сост. В.И. Кузнецов, И.П. Кулакова. М.: Издательство Московского университета, 2001.
- Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.
- Широкоград А.Б. Дмитрий Пожарский против Михаила Романова. Загадка 4 ноября. М.: Вече, 2005.
- Широкоград А.Б. Казачество в Великой Смуте. От Гришки Отрепьева до Михаила Романова. М.: Яуза; Эксмо, 2007.
- Широкоград А.Б. Наша великая мифология. Четыре гражданские войны с XI по XX век. М.: АСТ; Хранитель, 2008.
- Широкоград А.Б. Путь к трону. М.: АСТ; Астрель, 2002.
- Щербачев Ю.Н. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Чтения ОИДР, 1916.
- Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1990.
-

notes

Примечания

Савелов Л.М. Лекции по генеалогии. М.: Археографический центр, 1994. С. 35.

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988.

На Руси фамилия (прозвище) шло не по отцу, а по деду. Так, Захарьиными считались внуки Захария Ивановича Кошки, а Романовыми – внуки Романа Юрьевича Захарьина.

В книге Некрасова С.М. «Предки царя Михаила Федоровича Романова» (Тверь, 1913) утверждается, что Михаил Юрьевич умер 1 марта 1567 г., но это явная ошибка. Некрасов спутал Михаила Юрьевича с его братом Григорием.

По другим данным – Ульяна Ивановна.

Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времен Ивана Грозного. М.: 1982. С. 9—12.

Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: 1988. Кн. II. Т. VIII. С. 57—58. Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: 1988. Кн. II. Т. VIII. С. 57—58.

Детьми боярскими в XV—XVII веках назывались не дети бояр, а определенная категория служилых дворян.

Сводня Аграфена была женой его двоюродного брата.

Город Старица, современный районный центр Тверской области, в 77 км от Твери.

Панова Т.Д. Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М.: Индрик, 2003. С. 150.

Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 423.

Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л-д: Издательство Ленинградского государственного университета, 1969. С. 133.

Магнус (1540—1583) – датский принц, участник Ливонской войны 1558—1583 гг. В 1570 г. в Москве провозглашен королем Ливонии под верховной властью русского царя. В 1578 г. перешел на службу к польскому королю Стефану Баторию.

Балязин В.Н. Самодержцы. Любовные истории царского дома. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.

Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск: Русич, 1998; Корецкий В. Смерть грозного царя. Вопросы истории, № 9/1979.

10 часов утра по современному времени, а по-тогдашнему – в четвертом часу дня.

Каменный собор постройки 1485 г. Позже был разломан, и рядом был возведен новый собор.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-политической литературы, 1960. Кн. IV. С. 316—317.

Здесь и далее речь идет только о наследниках по мужской линии, поскольку наследования по женской линии на Руси просто не было до петровских времен.

Буссов К. Хроника Московии. 1594—1612 гг.

Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М.: Наука, 1978. С. 107.

Новодевичий монастырь тогда был вне черты города.

Здесь и далее дается наиболее достоверная, по мнению автора, информация. В литературе приводятся и другие сроки начала собора, самый поздний из которых – начало марта 1598 года.

Густав – сын Эрика IV и Екатерины Мансдоттер. В Швеции Густава считали незаконным сыном.

Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб: Наука, 1992. С. 67.

Там же. С. 66.

царь Борис

К величайшему сожалению, следы этого портрета затерялись. О нем не знают ни в Государственном историческом музее, ни в других музеях.

Известия изучения Олонецкой губернии. Благовещенский И.И. Память о предках царствующего дома Романовых в Заонежье. 1913. № 1. Вып. 2. С. 25.

доблестную

отца

Лжедмитрий

Димитрия. – А.Ш.

1608 г.

Кремль

химически

после прихода *Ляпунова*

т.е. польские приставы. – А.Ш.

то есть Псковскому вору. – А.Ш.

1612 г. – А.Ш.

то есть дворяне Пожарского. – А.Ш.

Речь идет о старинных русских медных пушках, захваченных шведами в Новгороде. – А.Ш.

Сагайдачный